

РАБИНДРАНАТ

И(ИИИ)

Т-13

ТАГОР

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ
ТОМАХ

РАБИНДРАНАТ

ТАГОР

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ
ТОМАХ

Москва

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1982

РАЗИНДРАНАТ

ТАГОР

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ТОМ
ТРЕТИЙ

ПЕСЧИНКА

Роман

КРУШЕНИЕ

Роман

Перевод с бенгальского

07

БНБЕ ЛИОТЕКА НГГМ

ИНБ. № 262931

Москва

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1982

И (Инд)

Т 13

Примечания
В. НОВИКОВОЙ

Оформление художника
С. ДАНИЛОВА

Тигер Рабиндранат

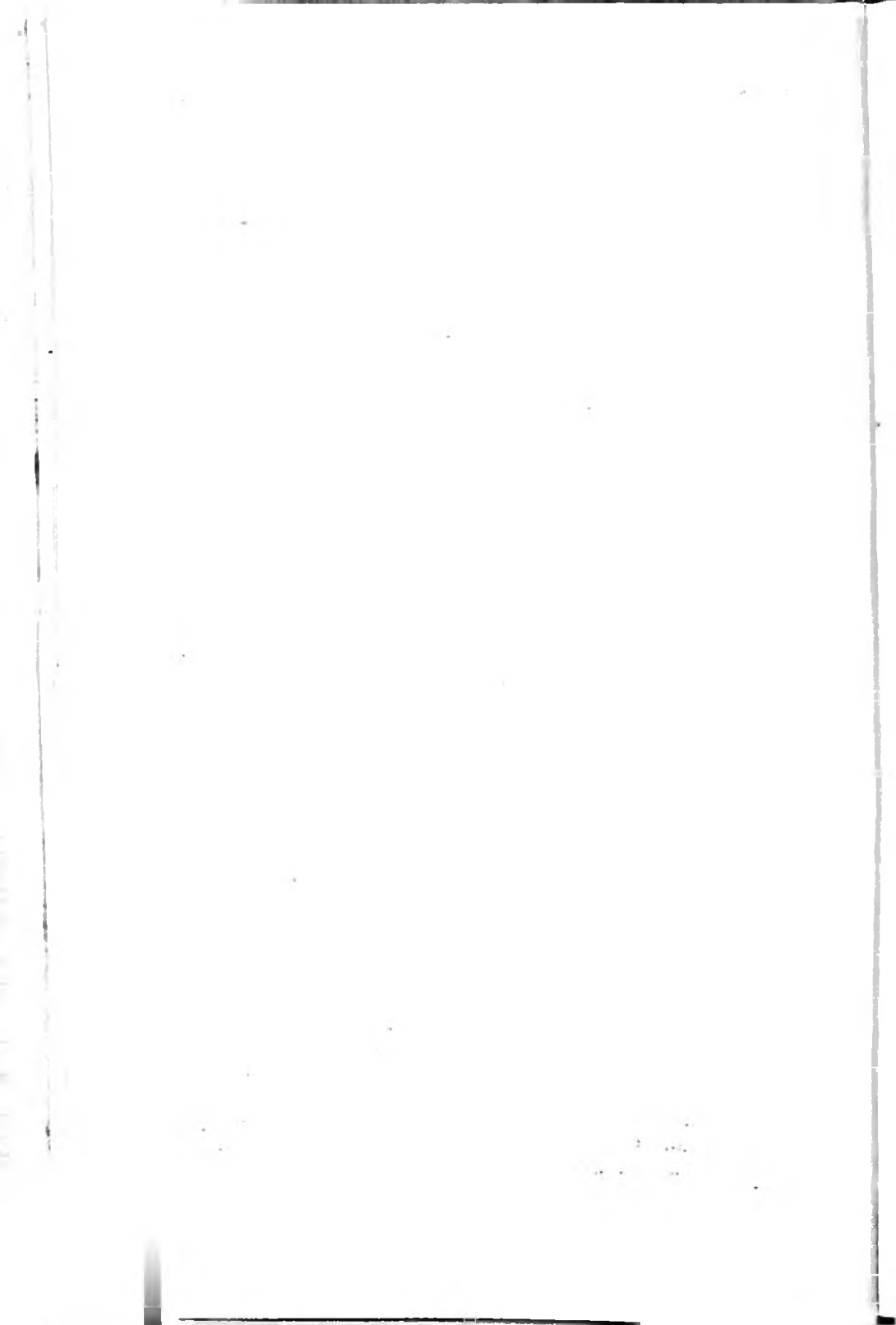
Т 13 Собрание сочинений. В 4-х т. — М.: Худож.
лит., 1981 — 1982.

Т. 3. Песчинка: Роман; Крушение: Роман. Пер.
с бенг. /Прямеч. В. Новиковой. 1982.— 448 с.

Т $\frac{4703000000-051}{028(01)-82}$ подписное

И (Инд)

ПЕЧНИКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Хоримоти, мать Бпподипп, поделилась своей заботой с Раджлокхп. Обе они были из одной деревни и в детстве часто играли вместе.

Раджлокхп припаялась уговаривать сына.

— Мохин,— сказала она,— пужно выручить бедную девочку. Я слыхала, она настоящая красавица, да к тому же образованная. Теперешним молодым людям именно такие и нравятся.

— Молодых людей и без меня хватает,— отозвался Мохендро.

— Беда с тобой, Мохин. Ну почему ты так упорно не хочешь говорить о жепитьбе?

— Какая же в этом беда? Есть многое другое, о чем стоит поговорить. Совсем не обязательно говорить о жепитьбе.

Мохендро рано потерял отца. Возможно, поэтому отношения его с матерью сложились несколько иначе, нежели у других юношей его возраста. Двадцатидвухлетний Мохин уже окончил колледж и приступил к занятиям медициной, а с матерью капризничал, как малый ребенок. Он напоминал детеныша кенгуру, которого и после рождения мать продолжает носить с собой. Без матери Мохендро не мог ни поесть, ни отдохнуть. И теперь, когда Раджлокхп стала уговаривать его жениться, он в конце концов уступил:

— Хорошо, я найду взглянуть на невесту.

Но в назначенный день он заявил:

— Зачем мне на нее смотреть? Я ведь жепюсь ради тебя,— не все ли равно, красавица она или урод.

В его голосе слышалось легкое раздражение. Но Раджлокхп была уверена, что в момент благоприятного взгляда Мохендро останется доволен и вполне одобрит выбор своей матери. Поэтому она с легким сердцем назначила день свадьбы. Однако Мохендро день ото дня делался все

мрачнее и беспокойнее. Наконец, уже незадолго до свадьбы, он заявил, что не намерен жениться.

С детства судьба и люди баловали Мохендро, и поток его желаний не встречал препятствий на своем пути. Мохендро не выносил давления чужой воли. Теперь же, связанный собственным словом, он испытывал беспричинное отвращение к предстоящей жепитьбе. Это чувство все нарастало, пока не настал день, когда он наотрез отказался выполнить свое обещание.

У Мохендро был близкий друг Бихари. Он называл Мохендро старшим братом, а Раджлокхи — матерью. Раджлокхи по-своему любила Бихари, хотя считала его чем-то вроде неуклюжего баркаса, следующего за пароходом — Мохендро. К нему-то и обратилась Раджлокхи, когда Мохендро отказался жениться.

— Сынок, — сказала она, — придется теперь тебе жепиться, иначе бедная девушка...

— Нет, ма, этого я не могу сделать, — запротестовал Бихари, умоляюще сложив руки. — Я мог съедать сладости, которые ему не нравились, но ведь сейчас речь идет о девушке... Нет, это невозможно.

«Где уж бедному Бихари жениться! — с возросшей симпатией подумала Раджлокхи о юноше. — Он все время с Мохиниом, ему и в голову не придет обзаводиться семьей».

Отец Бинодини не был особенно богат, но для своей единственной дочери он пригласил «мэм» из миссноперок и очень заботился о том, чтобы девочка научилась грамоте и рукоделию. Шли годы, девушка стала невестой, но отец как бы не замечал этого. Когда он умер, овдовевшая мать оказалась в весьма затруднительном положении с выбором жениха — и денег нет, и дочка совсем взрослая.

После того как Мохендро, а за ним и Бихари отказались жениться, Раджлокхи удалось устроить свадьбу Бинодини с сыном своего дальнего родственника из деревни Барашат. Вскоре Бинодини овдовела. Мохендро, смеясь, сказал тогда: «Хорошо, что я не женился на ней. Если бы моя жена стала вдовой, где бы я был теперь?»

Прошло года три, и однажды между матерью и сыном произошел следующий разговор:

— Люди осуждают меня, сынок.

— За что? Что ты им сделала?

— Болтают, будто я нарочно по ищу тебе невесту из страха, как бы ты не разлюбил меня, когда жепишься.

— Что же, — ответил Мохендро, — может, они и правы.

Будь я на месте матери, ни за что не позволил бы своему сыну жениться!.. Пусть себе люди болтают, что хотят.

— Нет, вы только послушайте, что он говорит, этот мальчик! — рассмеялась Раджлукхи.

— Жена войдет в дом — сразу мужа приберет к рукам, — продолжал Мохендро. — О своей матери, такой заботливой, такой любящей, он и не вспомнит! Может быть, тебе это и правится, но мне нет!

Раджлукхи в душе ликовала.

— Послушай, медж-боу, — окликнула она свою родственницу, тоже вдову, которая в это время вошла в комнату. — нет, ты только послушай, что говорит мой Мохин: он не хочет жениться, не хочет, чтобы жена стала между ним и матерью. Слыхала ты что-нибудь подобное?

— Это уж чересчур, сыпок, все хорошо в свое время, — отвечала тетюшка Аннапурна. — Хватит Мохину держаться за материнский подол, пора ему жениться, зажить своим домом. По-моему, стыдно, что он ведет себя, как маленький ребенок.

Этот ответ не поправился Раджлукхи, и она ответила довольно прозрачным и колким намеком:

— Чего ж тут стыдиться, если сын любит меня сильнее, чем другие сыновья своих матерей? Конечно, если б у тебя был сын, ты поняла бы это.

Раджлукхи была уверена, что в Аннапурне говорит зависть бездетной женщины к счастливой матери.

— Я не стала бы вмешиваться, ты ведь сама завела этот разговор, — только и могла сказать Аннапурна.

— И вообще, почему тебя так беспокоит, что Мохин не желает жениться? Если я одна сумела вырастить сына, в люди его вывести, то и впредь смогу сама о нем позаботиться — без советчиков обойдусь.

Со слезами на глазах Аннапурна молча вышла из комнаты. Мохендро был расстроен этим разговором; вернувшись с запятий пораньше, он сразу же зашел к тетке. Юноша прекрасно знал, что Аннапурна сказала так, желая ему добра. Знал он и то, что у его тетюшки была сирота-племянница. Одинокая женщина втайне мечтала выдать девушку за него, чтобы постоянно жить рядом с племянницей. И хотя Мохендро был против женитьбы, заветное желание тетки казалось ему понятным и трогательным.

Когда он зашел к Аннапурне, было еще не поздно. Тетюшка сидела в своей комнате у окна, положив голову на подоконник. Лицо ее было бледно и печально. В соседней

компате се ждал рпс, прпкрытый тарелкой, но она не прп-трагивалась к еде. Немного пужно было, чтобы растрогать Мохендро. Вот и теперь, стоило ему взглянуть на тетку, как его глаза наполнились слезами. Подойдя ближе, он ласково окликнул ее:

— Тетушка!

— Иди сюда, Мохин, садись,— проговорила она, заставив себя улыбнуться.

— Я очень проголодался, окажи мне честь и дай отве-дать рпс пз твоих рук.

Поняв хитрость Мохендро, Аннапурна сама с трудом удержала слезы. Она поела и накормила Мохендро.

Сердце Мохендро совсем растаяло от жалости. Поддавшпсь минутному порыву, он вдруг сказал:

— Тетя, познакомь меня как-пбудь со своей племян-ницей.

Не успел он пропзнести эти слова, как сразу же испугался.

Аннапурна улыбнулась.

— Ты что, Мохин, опять захотел жениться?

— Нет, нет,— поспешил объяснить Мохендро.— Я не для себя стараюсь, для Бихарп. Назначь день смотрип.

— Да разве может выпасть па се долю подобное счастье! — вздохнула Аннапурна.— Такие, как Бихари, не про нее.

Выходя от тетки, Мохендро у самых дверей столкнулся с матерью.

— О чем это вы так долго совещались, Мохендро? — спросила она.

— Ни о чем. Просто я заходил, чтобы взять пап.

— Пап для тебя приготовлен в моей комнате.

Мохендро ничево не ответил.

Раджлокхи заглянула к Аннапурне и, увидев ее опух-шие от слез глаза, вообразила невесть что.

— Так, так, дорогая, теперь к моему сыну приста-нешь? — пропшпела она и, не слушая оправданий Анна-пурны, пошла прочь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мохендро очень скоро забыл о своем разговоре с Ан-напурной, но Аннапурна помнила о нем. Она отправила письмо в Шембаджар, к брату, у которого воспитывалась ее племянница, и в письме назначила день смотрип.

Услыхав об этом, Мохендро забеспокоился:

— Зачем ты так поторопилась, тетя. Ведь Бихари до сих пор ничего не знает.

— Как «не знает»? — встревожилась Аннапурна. — Что подумают опекуны девочек, если вы не придете? Пришлось Мохендро обо всем рассказать Бихари.

— Ну, посмотреть-то ты можешь, — уговаривал он Бихари, — не поправится, никто неволить не станет.

— Что ты! Разве смогу я отказаться! — воскликнул Бихари. — Да у меня язык не повернется сказать «не правится» про племянницу тети Аннапурны.

— Ну вот и хорошо!

— Ты нечестно поступаешь, Мохен. Сам остаешься свободным, а па меня взваливаешь такую тяжесть. Конечно, мне очень не хочется огорчать тетю Аннапурну. — Бихари относился к Аннапурне с большим уважением.

Слегка смутившись, Мохендро раздраженно спросил:

— Что же ты собираешься делать?

— Придется жепиться, раз уж ты от моего имени обнадеежил тетю. Только торжественные смотрины устраивать ни к чему.

Аннапурна сама пригласила к себе Бихари.

— Что ж это такое, сынок! — воскликнула она. — Разве можно жепиться, не взглянув на невесту. Я всегда считала, что нельзя соглашаться на жепитьбу, если невеста по правится.

В назначенный день Мохендро, придя с запятым, попросил мать достать ему шелковую рубашку и дхоти из дакского муслина.

— Зачем? — спросила Раджлукхи. Идешь куда-нибудь?

— Так ужно, мама, я потом тебе все объясню. Доставай скорее, — торопил Мохендро. Хотя юноша и шел на чужие смотрины, он все же пригладил волосы и падушил одежду. Таков уж закон молодости!

Накопец друзья отправились.

Дядя невесты, Опукул-бабу, нажил большое состояние, и его трехэтажный дом, окруженный садом, возвышался над всем кварталом. После смерти своего обедневшего брата он взял спроту-племянницу к себе в дом. Аннапурна очень просила отдать девочку ей на воспитание. Но хотя это предложение казалось Опукулу-бабу вполне приемлемым в матерпальном отношении, оно могло повредить его доброму имени. Поэтому он не только паотрез отказался отдать племянницу, но никогда не отпускал ее к тетке

даже погостить. Вот насколько бережно относился Опукул-бабу к своей чести!

Настало время позаботиться о замужестве девушки. Но в пынешнее время слова «по заботам и воздастся» не подходят к такому делу, как свадьба: ведь заботы о свадьбе неизбежно влекут за собой расходы. Как только заходил разговор о приданом, Опукул говорил: «У меня самого дочери растут, откуда же я возьму столько денег?» Так шло время, пока наконец на горизонте не появился благоухающий духами, разодетый Мохендро и с ним Бихари.

Был месяц чойтро. День клонился к вечеру. На южной веранде гостей ждало серебряное блюдо с фруктами и сладостями и покрытые сетью-капелек серебряные стаканы с ледяной водой. Мохендро и Бихари перешительно принялись за угощение. Внизу садовник поливал кусты и деревья; теплый весенний ветер, напоенный ароматом влажной земли, слегка шевелил падушенный конец белоснежного чадора Мохендро. Через неплотно прикрытые двери и окна из соседней комнаты доносился приглушенный смех, шепот, перезвон украшений. Угостив молодых людей, Опукул-бабу обернулся к двери и крикнул:

— Чуни, припеси-ка пан!

Через некоторое время одна из дверей потихоньку открылась, и на веранду с пленительной застенчивостью вошла девушка. Она остановилась перед Опукулом-бабу, держа в руках коробочку с бетелем.

— Не смущайся, дочелька, — сказал Опукул-бабу, — передай бетель гостям.

Девушка наклонилась и дрожащей рукой поставила коробочку перед Мохендро и Бихари. Луч заходящего солнца упал на ее смущенное личико и позволил Мохендро как следует разглядеть девушку.

Она хотела уйти, но Опукул-бабу остановил ее:

— Подожди, Чуни! Господин Бихари, это дочь моего младшего брата, Опурбы. Он умер. Теперь, кроме меня, у бедной девочки никого не осталось! — Опукул-бабу глубоко вздохнул.

Сердце у Мохендро сжалось. Он еще раз взглянул на сироту. Трудно было сказать, сколько ей лет. Родные говорили, что тринадцать, но девушке можно было дать и все пятнадцать. Воспитанная в строгих правилах, она робко тайла в своем сердце пробуждающуюся юность.

Растроганный Мохендро спросил:

— Как тебя зовут?

— Скажи свое имя, не стесняйся! — подбодрил ее Опукул-бабу.

Девушка потупилась и покорно ответила:

— Ашалота.

«Аша. Какое нежное имя! И голос какой приятный, — подумал Мохендро. — Сиротка Аша!»

Отпустив извозчика, друзья пошли домой пешком.

— Бихари, — начал Мохендро, — не отказывайся от этой девушки.

Бихари уклонился от прямого ответа:

— Она похожа чем-то на тетю Аннапурну: наверное, станет такой же Лакшми.

— Видно, «бремя», которое я взвалил на твои плечи, теперь уже не кажется тебе таким тяжелым, — заметил Мохендро.

— Да, — согласился Бихари, — я думаю, что смогу его вынести.

— Нет, зачем же! Если тебе тяжело, я могу припятать эту пошу на себя. Что ты на это скажешь?

Бихари пристально посмотрел на Мохендро и спросил:

— Ты это серьезно, Мохин? Отвечай честно. Если же-пишься ты, а не я, тетя еще больше обрадуется, — ведь тогда она все время будет жить рядом со своей племянницей.

— Ты с ума сошел! Если бы она действительно хотела, это могло бы произойти давно...

Бихари не стал больше спорить и простился. Мохендро пошел окольной дорогой и домой вернулся поздно. Мать была запята приготовленным лучи. Тетка еще не вернулась от Онукула-бабу. Мохендро поднялся на крышу и лег на циновку. Над крышами и куполами Калькутты кудесничал топкий месяц. Мать позвала Мохендро ужинать.

— Мне не хочется уходить отсюда, — лежив отозвался Мохендро.

— Может, принести наверх? — спросила Раджлокхи.

— Не надо. Я уже ел.

— Где же ты был?

— Это долгая история, потом расскажу.

Обиженная странным поведением сына, Раджлокхи хотела уйти, но Мохендро опомнился и торопливо сказал:

— Принеси мне поесть сюда, мама.

— Зачем же? Если тебе не хочется...

После недолгого препирательства Мохендро пришлось еще раз поужинать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мохендро провел беспокойную ночь и, едва рассвело, помчался к Бихари.

— Знаешь, друг, — сказал он, — я думаю, что раз этого так хочет тетя Анпаурна, я жеюсь на ее племяннице.

— Тут и раздумывать не стоило. Она ведь много раз давала понять, что хочет этого.

— Вот-вот! Мне кажется, если я не жеюсь на Аше, тетя огорчится!

— Возможно.

— Нехорошо, если я расстрою ее, — продолжал Мохендро.

— Правильно! — с несколько преувеличенной горячностью подхватил Бихари. — Ты это верно сказал! Дело только за тобой. Правда, было бы лучше, если бы тебе пришлось это в голову вчера.

— Днем раньше, днем позже — какое это имеет значение! — воскликнул Мохендро.

Мысль о женитьбе, казалось, совершенно лишила его рассудка. Терпеливо ждать Мохендро был уже не в состоянии. Он думал только о том, как бы без лишних проволочек поскорее все устроить.

— Ма, — заявил он Раджлокхи, — я решил исполнить твоё желание и согласен жениться.

«Теперь понятно, зачем Анпаурна ездила к своей племяннице и Мохендро так вырядился! — возмущилась про себя Раджлокхи. — И что за порядки на свете! Пропски тетки оказались успешнее, чем непрестанные просьбы матери!» Вслух же она сказала:

— Хорошо, я подыщу тебе подходящую невесту.

— Невеста уже есть, — ответил Мохендро, — ее зовут Аша.

— А я говорю, она не пара тебе! — воскликнула Раджлокхи.

— Почему же? Девушка она неплохая, — сдержанно возразил Мохендро.

— Она круглая спрота. Такая женитьба оскорбит моих родственников.

— Меня не особенно беспокоят огорчения родственников, а девушка мне очень нравится!

Упрямство сына еще больше ожесточило Раджлокхи. Она пошла к Анпаурне.

— Так это ты хочешь женить моего единственного

сына на какой-то безродной девчонке? — закричала она. — Хочешь отнять его у меня? Какая подлость!

Аннапурна расплакалась.

— Не было и речи о том, чтобы женить Мохина, — сказала она, — он сам что-то выдумал! Я тут ни при чем!

Раджлокхи не поверила ей. Тогда Аннапурна позвала Бихари.

— Ведь мы как будто решили этот вопрос, зачем же ты опять все запутал?! — воскликнула она со слезами на глазах. — Скажи же, что ты согласен жениться. Иначе я буду опозорена. Девушка она хорошая и тебе ровня!

— Ты могла бы и не говорить мне этого, тетя, — ответил Бихари, — речь ведь идет о твоей племяннице, и ни о каком отказе разговора быть не может. Но Мохендро...

— Нет, нет, сынок, — прервала его Аннапурна, — ей никак нельзя выходить за Мохендро! Правду тебе говорю, больше всего я бы хотела видеть Ашу твоей женой. За Мохендро я ее не отдам!

— Если так, тетя, то все улажено. Ма, — обратился он к Раджлокхи, — моя свадьба с Ашей дело решенное! Женищино-родственников у меня нет, поэтому мне приходится заботиться о приличии и самому сообщить вам об этом.

— Ну что же, Бихари, — сказала Раджлокхи, — я очень рада. Девушка — настоящая Лакшми, она достойна тебя. Только смотри больше не отказывайся от нее!

— Зачем же? Мохин сам нашел мне невесту.

Препятствия на пути к задуманной женитьбе лишь подзадорили Мохендро. Рассердившись и на мать и на тетку, он ушел в студентское общежитие.

Раджлокхи с плачем прибежала к Аннапурне.

— Сестра, сестра, — говорила она, — Мохендро обиделся и ушел из дома, — верни мне его!

— Потерпи, диди, — успокаивала ее Аннапурна. — Пройдет несколько дней, и от его обиды следа не останется, сам вернется.

— Ты не знаешь Мохина, — причитала Раджлокхи. — Он не успокоится, пока не получит то, чего хочет. Ничего, видно, не поделаешь. Придется твою племянницу...

— Это невозможно, диди, — прервала ее Аннапурна, — уже все решено. Она будет женой Бихари.

— Еще можно все изменить, позови Бихари.

— Сынок, — сказала она, когда Бихари пришел, — я сама найду тебе хорошую невесту, а эту девушку ты оставь: она не для тебя.

— Нет, ма, все решено окончательно,— проговорил юпоша.

Тогда Раджлокхи снова обратилась к Анпапурне:

— Припадаю к твоим стопам, уговори Бихари. Ты одна можешь это сделать.

— У меня язык не поворачивается просить тебя, Бихари,— проговорила Анпапурна.— Но что поделаешь! Я была бы очень счастлива, если бы именно ты женился на Аше, но видишь сам...

— Я все понял, тетя. Будет так, как ты скажешь. Но впредь никогда больше не уговаривай меня жениться.— С этими словами Бихари вышел.

Глаза Анпапурны наполнились слезами, она поспешно смахнула их, боясь, что это навлечет беду на Мохендро, снова и снова бедная женщина твердила себе: «Что ни делается, все к лучшему».

Так, в мелких тайных схватках между Раджлокхи, Анпапурной и Мохендро, незаметно подошел день свадьбы. В доме зажгли яркие лампы, нежно запели флейты. Угощения было вдоволь.

Аша, стройная и нарядная, с личиком стыдливым и восхищенным, вступила в свою новую семью. Не предчувствовало ее заморившее от счастья юное сердце, что в этом гнездышке могут быть шипы. Наоборот, радостная уверенность в том, что теперь она будет всегда рядом с заменившей ей мать Анпапурной, отогнала прочь все опасения и страхи.

После свадьбы Раджлокхи позвала к себе Мохендро.

— Я думаю,— сказала она,— твоей жене пока лучше пожить у дяди.

— Почему? — спросил Мохендро.

— Скоро экзамены, а ты будешь отвлекаться.

— Я не ребенок, ма. И сам знаю, что лучше для меня, а что хуже.

— Так ведь это ненадолго, сынок, всего на год.

— Был бы у нее родители, тогда другое дело, но я не могу оставлять Ашу в доме дяди.

— Горе мне! Но что поделаешь! — воскликнула Раджлокхи, словно обращаясь к самой себе.— Он ведь теперь хозяин, а я только свекровь, я — никто! Вчера женился, и уже такая любовь! В свое время мы тоже выходили замуж, но наши мужья вели себя скромнее.

— Не беспокойся, ма, на экзаменах это не отразится,— уверенно сказал Мохендро.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Раджлокхи с усердием принялась учить невестку хозяйничать. Дни Аши протекали в кладовых, на кухне, в молельне. На ночь Раджлокхи брала ее к себе, чтобы девушка не чувствовала себя одинокой вдали от родных.

После долгих размышлений Аннапурна решила ни во что не вмешиваться.

Как невыносимо обидно бывает мальчику, когда старший отбирает у него сахарный тростник, не дав насладиться его соком! Точно так же чувствовал теперь себя Мохендро. Разве мог он равнодушно относиться к тому, что его молодая жена растрчивает себя на заботы по дому.

Придя как-то к Аннапурне, он сказал:

— Тетя, я не могу видеть, как мать изводит Ашу!

Аннапурна знала, что Раджлокхи совсем замучила Ашу, но все же попыталась успокоить Мохендро.

— Что ты, Мохин! — возразила она. — Научиться вести хозяйство необходимо. А то теперешние девушки только и знают, что романы читать да коврики вышивать. Настоящие белоручки. Разве это хорошо?

— Плохо это или хорошо, я не знаю, но современная девушка должна быть современной, — с жаром возразил Мохендро. — И я не вижу ничего смешного и обидного в том, что моя жена получит от чтения такое же удовольствие, как и я.

Услыхав голос сына в комнате Аннапурны, Раджлокхи бросила все дела, вошла к ним и ехидно спросила:

— Что случилось? О чем это вы все совещаетесь?

— Ни о чем, мама, — взволнованно ответил Мохендро. — Просто я не могу позволить, чтобы ты превращала Ашу в служанку.

Раджлокхи, подавив закипавшую ярость, проговорила медленно и язвительно:

— Так что же прикажешь с ней делать?

— Я сам займусь ею, буду обучать ее грамоте.

Ничего не ответив, Раджлокхи быстро вышла и через минуту вернулась, ведя за руку Ашу. Она поставила девушку перед Мохендро и сказала:

— Вот тебе твоя жена, можешь учить ее, чему хочешь.

Затем она повернулась к Аннапурне и, сложив руки, с преувеличенным смиренным проговорила:

— Уж ты прости меня! Позабыла о знатности твоей племянницы: запачкала ее нежные ручки кухонной посу-

дой. Уж пожалуйста, отмой ее, приподень и вручи Мохену. Пусть она усядется за книгу, а служанкой в доме буду я.

С этими словами Раджлохки ушла в свою комнату, хлопнув дверью. Аппапура в отчаянии опустилась на пол.

Аша, не понимая причины этой внезапной домашней бури, побледнела от стыда и страха.

«Довольно! — сказал себе раздраженный Мохендро. — Пора мне самому позаботиться о жене».

Когда желание совпадает с чувством долга, результат получается тот же, что от встречи ветра с огнем. Занятия, экзамены, друзья больше не интересовали Мохендро. Он занялся образованием жены и забыл обо всем на свете.

Оскорбленная Раджлохки говорила себе: «Если Мохендро раскается и с женой придет ко мне, я и не взгляну на них! Посмотрим, как он обойдется без матери!»

Но шли дни, а у ее дверей все не раздавались шаги раскаявшихся. Раджлохки была уже готова простить их, если они придут. Но они не шли. Тогда Раджлохки решила сама пойти к молодым. Какая мать может долго сердиться на сына!

На крыше третьего этажа, в углу, была небольшая комната, где Мохендро спал и занимался. Последнее несколько дней Раджлохки не чистила ему одежду, не убирала кровать, не вытирала пыль. И оттого, что она пренебрегла привычными материнскими заботами, сердце ее болело, на душе лежал камень. Как-то после полудня она подумала: «Пока Мохендро на занятиях, пойду-ка уберу его комнату. Вернется — сразу узнает руку матери». Она поднялась по лестнице. Дверь в комнату Мохендро была приоткрыта. Раджлохки вздрогнула и остановилась, будто ее укололи. На постели лежал Мохендро, спиной к двери сидела Аша и тихо-по тихо гладила погн спящего мужа.

Увидев в ярком свете полуденного солнца эту картину супружеского счастья, Раджлохки вся сжалась от стыда и горькой обиды и неслышно сошла вниз.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В засуху пива сохнет и желтеет, но прольется дождь — она не медлит ни секунды, поднимается, забыв долгий голод, отбрасывает уныние, беззаботно и бесстрашно заявляет свои права на все огромное пространство поля. Так случилось и с Ашей. От тех, с кем ее связывали узы род-

ства, она никогда не смела ждать родственной любви. Теперь же, когда, попав в чужую семью, она вдруг стала любимой и обрела неоспоримые права, когда муж сам увенчал ее, бездомную сироту, короной Лакшми, Аша не замедлила принять как должное свое высокое положение. Отбросив подобающую молодой жене скромность, она сразу заняла место рядом с мужем, сняя гордостью любимой жены. Раджлукхи видела, что чужая девушка сидит около ее Мохипа с таким независимым видом, словно была здесь всегда. С невыносимой обидой ушла Раджлукхи и, не помня себя от возмущения, бросилась в комнату Аннапурны.

— Иди взгляни, какие манеры принесла твоя госпожа из своего благородного дома! — крикнула она. — Если бы наши мужья были живы...

— Диди, сама учи свою невестку, — горестно возразила Аннапурна, — сама ее наказывай. К чему ты мне рассказываешь об этом?

Голос Раджлукхи звелел, как натянутая и готовая лопнуть струна:

— Вот как! Моя невестка?! Имея такую советницу, как ты, она разве станет меня слушаться!

Тогда Аннапурна, нарочно громко ступая, чтобы разбудить молодых, подпнулась в комнату Мохендро.

— Что же ты меня позоришь, негодница? — крикнула она Аше. — Ни стыда, ни совести нет! О времени позабыла, все хозяйство на старуху свекровь извалила, а сама здесь отдыхаешь? Несчастливая, зачем только я тебя в этот дом привела! — Слезы бежали из глаз Аннапурны. Девушка молча стояла перед пей, опустив голову, и теребила край сари. Не выдержав, она тоже заплакала.

— Ты яря бранишь ее, тетя, — вступился Мохендро. — Ведь это я удерживаю здесь Ашу.

— А ты разве хорошо поступаешь? Она девочка, сирота, матерю по привелось воспитать ее, откуда ей знать, что можно, чего нельзя. Чему же ты ее учишь?!

— Вот посмотри, я купил ей грифельную доску, тетради, книги. Я буду заниматься ее образованием, как бы меня ни осуждали за это и чужие, и свои.

— Не целый день же ей учиться. Достаточно, если вы будете заниматься по полчаса каждый вечер.

— Это не так просто, тетя. На учебу пужно много времени.

Расстроенная Аннапурна направилась к себе. Аша хотела было последовать за пей. Но Мохип встал и загоро-

дл дверь, не обращая внимания на робкую мольбу в нежных, влажных от слез глазах жены.

— Мы проспали, любимая моя, — сказал он, — теперь надо наверстать упущенное время.

Какой-нибудь серьезный, не слишком догадливый читатель может принять слова Мохендро на веру. К его сведению, дело обстояло не совсем так: ни один школьный инспектор не одобрил бы систему, по которой Мохендро занимался с Ашей.

Аша всецело доверилась мужу. Учение давалось ей нелегко. Но раз муж приказывает, значит, нужно. Поэтому Аша сосредоточивалась, затем с серьезным видом усаживалась на край тахты и, уткнувшись с головой в учебник, принималась что-то заучивать.

В другом конце комнатки, разложив на маленьком столе книги по медицине, сидел в кресле сам «господин учитель». Он то и дело поглядывал на «ученицу», чтобы проверить ее внимательность. Проходило немного времени, и Мохендро неожиданно захлопывал книгу:

— Чун, пойдн сюда.

Испуганная Аша поднимала голову.

— Принеси-ка мне книгу, — говорил он, — посмотрим, сколько ты прочла.

Аша пугалась, думая, что Мохендро сейчас начнет ее спрашивать, а она еще совсем не была готова держать подобный экзамен. Ее рассеянный ум никак не желал поддаваться очарованию «Чаруматха». И как ни старалась она пополнить свои знания, касающиеся построек термитов, буквы расплзались у нее перед глазами, как цепочки черных муравьев.

Услышав, что «учитель» зовет ее, Аша робко брала книги и с виноватым видом подходила к его креслу.

Мохендро одной рукой обнимал ее за талию, другой брал книгу и говорил:

— Сейчас посмотрим, сколько ты прочла.

Аша указывала строчку, на которой остановилась.

— Ого! Так много? — удивленно говорил Мохендро. — А я — только вот это. — И он показывал на заголовок какой-нибудь главы в учебнике.

— Что же ты делал все это время? — спрашивала Аша, широко раскрыв глаза от удивления.

— Думал об одном человеке, — отвечал Мохендро, беря Ашу за подбородок, — а этот самый человек забыл обо всем на свете, читая увлекательный рассказ о термитах.

Аша могла бы достойно ответить на такое необоснованное обвинение, но, увы, стыд мешал ей, и она молча должна была мириться с несправедливым поражением в поединке любви. Теперь вы можете себе представить, насколько методы преподавания Мохендро были чужды как государственному, так и частным школам.

Случалось иногда, что Мохендро не бывало дома. Пользуясь этим, Аша пыталась настроиться на серьезный лад. Но тут откуда ни возьмись являлся муж и, прикрыв ей глаза руками, отбирал книгу.

— Жестокая, — говорил он, — стоит мне уйти, как ты тотчас же забываешь обо мне.

— Неужели ты хочешь, чтобы я осталась неучебой? — как-то сказала ему Аша.

— Но ведь и мои занятия из-за тебя почти совсем не продвигаются, — заметил Мохендро.

Эти слова неожиданно больно заделли Ашу.

— Разве я мешаю тебе? — огорчилась она и хотела уйти. Но Мохендро схватил ее за руку.

— Что ты понимаешь! — воскликнул он. — Тебе легче заниматься, когда меня нет, а мне — наоборот, без тебя еще труднее.

Серьезное обвинение! Естественно, что вслед за этим следовали обильные, словно осенний ливень, слезы, но через мгновение они высыхали под лучами любви, оставляя лишь влажный блеск в глазах. Как могла неопытная ученица пробираться по дебрям знаний, когда главным препятствием к занятиям был сам учитель? Иногда Аше вспоминались гневные упреки тетки, и ей становилось не по себе; она ведь понимала, что учение — всего лишь предлог. При виде свекрови Аша каждый раз готова была умереть от стыда. Но Раджлукхи ей ничего не поручала, ни о чем не просила. А когда Аша все же являлась помогать и не знала, за что взяться, Раджлукхи говорила ей:

— Тебе печего здесь делать! Иди к себе, а то твоя наука пострадает!

Наконец и Аннапурна сказала Аше:

— Теперь я вижу, как ты учишься, но неужели ты и Мохину не дашь заниматься?

И тогда Аша приняла решение.

— Ты совсем не готовишься к экзаменам, — сказала она мужу, — поэтому я сегодня же перехожу в комнату к тете.

Легко ли в таком возрасте дать столь суровый обет?!

...комнату!

и ут Аши сорвалось это суровое обещание, к
в уголках ее глаз заблестели слезинки, нижняя губа за
дрожала и голос дрогнул.

— Хорошо, ступай туда, — улыбнулся Мохендро, — но тогда тете Аннапурне придется перейти в нашу комнату.

Услышав шутку в ответ на свое серьезное и такое великодушное предложение, Аша рассердилась. Мохендро предложил другой выход:

— Будет гораздо лучше, если ты сама станешь следить за мной днем и ночью, увидишь, как я все вызубрю.

Так и решили. Я думаю, излишне подробно рассказывать о том, как проходили эти занятия. Достаточно сказать, что в тот год Мохендро провалился на экзаменах, а Аша, несмотря на обстоятельные разъяснения «Чарупатха», оставалась в полном неведении относительно простейших геометрических фигур.

Правда, этот своеобразный процесс обучения не обошелся без осложнений. Время от времени являлся Бихари и поднимал страшный шум. Своими криками «Мохип! Мохип!» он будоражил весь квартал. Каждый раз он пытался вытащить Мохендро из спальни, без устали отчитывал друга за то, что тот запустил занятия.

— Ботхан, — говорил он Аше, — нельзя глотать пищу, не разжевывая, живот заболит. Потом будете искать лекарство.

— Не слушай его, Чунп, — смеялся Мохендро, — он просто завидует нашему счастью.

— А ты умеешь наслаждаться своим счастьем так, чтобы не раздражать других, — замечал Бихари.

— Люблю, когда мне завидуют, — не упирался Мохендро, — а ведь еще темного, Чунп, и я, осел, отдал бы тебя Бихари!

— Замолчи! — смущался Бихари.

Аша испытывала к юноше неприязнь, может, отчасти потому, что когда-то ее прочили за него. Бихари чувствовал это, а Мохендро лишь посмеивался.

Раджлукхи часто жаловалась Бихари на сына.

— Пока гусеница в коконе, за нее можно не беспокоиться, ма, — говорил он обычно в таких случаях, — но когда она становится бабочкой и, разорвав кокон, взлетает в воздух, трудно удержать ее. Кто знал, что Мохип так быстро вырвется из-под вашей опеки!

м

Р:

зал

бок

так

тому
дала

Когда стало известно, что Мохендро провалился на замену, Раджлокхи разразилась гневом, вспыхнув внезапный летний пожар. И от пламени ее гнева бо всех пострадала Аннапурна. Бедная женщина лиши сна и аппетита.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Однажды в свежий, шелестящий дождем вечер Мохендро радостный, в новом, надушенном чадоре, с гирлядой жасмина на шее вошел в спальню. Он хотел напугать Ашу своим неожиданным появлением и старался ступать бесшумно. Но, заглянув в комнату, он увидел, что окно распахнуто, сильный ветер с брызгами дождя, ворвавшись внутрь, погасил лампу, а жена лежит на тахте и плачет.

— Что случилось? — воскликнул Мохендро, бросаясь к Аше.

Аша зарыдала еще сильнее. Он не сразу добился от нее, в чем дело. Оказывается, Аннапурна не вытерпела и уехала к своему двоюродному брату. «Уехала — с досадой подумал Мохендро. — Такой хороший вечер испортила».

Весь его гнев обратился на мать. Она одна — причина всех неурядиц!

— Где тетя, там будем и мы! Посмотрим, с кем тогда она станет ссориться! — сказал он Аше и стал с шумом складывать вещи и звать носильщиков.

Раджлокхи все поняла. Медленно подойдя к сыну, она спокойно спросила:

— Куда это ты собираешься?

— Сначала Мохендро ничего не ответил и только, когда повторила вопрос, сказал:

— Мы уезжаем к тете.

— Вам незачем ехать, — так же спокойно ответила Раджлокхи, — я сама съезжу к тетке и верну ее домой.

— А тут же отправилась к Аннапурне.

Сжалась надо мной, прости меня, сестрица, — сказала и умоляюще сложила руки.

Берянная Аннапурна склонилась перед ней в глубоком поклоне и горестно воскликнула:

— Чем ты обижаешь меня, диди! Как ты скажешь, сделаю!

— Мохендро с женой собираются покинуть меня, потому что ты уехала. — Раджлокхи не выдержала и разразилась гневом, унижения и обиды.

Женщины возвратились домой. Дождь все еще продолжался. К тому времени, когда Аннапурна вернулась, Аша уже перестала плакать, и Мохендро даже пытался разве-селить ее. У него появилась надежда, что вечер этот все же не будет испорчен до конца.

Вдруг в комнату вошла Аннапурна.

— Чунп, — обратилась она к Аше, — дома ты мне жить не даешь, хочу уехать — за мной тянешься. Скажи, неужели мне пигде так и не будет покоя?

Аша вздрогнула, как раненая лань.

— Послушай, тетя! — вспыхнул Мохендро. — Что тебе сделала Аша?

— Я уехала потому, что не могу больше видеть такую распушенную жену! Зачем ты довела до слез свою свекровь? Зачем заставила меня возвращаться в этот дом?

«Как парушают поэзию жизни все эти тетки и матери», — подумал Мохендро.

На следующий день Раджлокхи позвала Бихари и сказала:

— Сынок, уговорю Мохендро отпустить меня на родину, я так давно не была у себя в Баращате.

— Если долго не были, может, лучше совсем не ездить? — заметил Бихари. — Я передам Мохендро. Только едва ли он согласится отпустить вас.

Но Мохендро согласился.

— Интересно ведь взглянуть на места, в которых родился, — сказал он Бихари. — Только пусть долго не останется в деревне — сейчас сезон дождей и там, должно быть, прескверно.

Увидев, как легко Мохендро отпускает мать, Бихари рассердился.

— Твоя мать собирается ехать совсем одна! — воскликнул он. — Кто поможет ей, кто за ней присмотрит? Отпусти с ней жену.

Уязвленный этим скрытым упреком, Мохендро коротко ответил:

— Аша останется со мной.

На этом разговор окончился.

Так каждый раз Бихари невольно восстанавливал против себя Ашу. Но мысль, что она сердится на него, доставляла ему какую-то горькую радость.

Раджлокхи отнюдь не горела желанием посетить родные места. Но как лодочник, который то и дело бросает лот, когда мелеет река, выясняя, где глубже, так и Радж-

локхи, с тех пор как отношения в семье изменились, неустанно промеряла глубину сыновней привязанности. Она никак не ожидала, что сын так легко и быстро согласится на ее отъезд.

«Да, — думала Раджлокхи, — какая разница между отъездом Аннапурны и моим! Еще бы, Аннапурна — добрая волшебница, а я всего лишь мать. Да, лучше уж мне уехать». Аннапурна угадала горькие мысли Раджлокхи и заявила Мохендро, что тоже покидает этот дом.

— Послушай, ма, — сказал тогда Мохендро, — ты уезжаешь, тетя — тоже, кто же будет вести хозяйство?

На какое-то мгновение Раджлокхи перестала сдерживать себя:

— Как, ты собираешься уехать? — заметила она злобно. — Но это невозможно! Кто же будет следить за домом? Придется тебе остаться!

Раджлокхи не стала больше откладывать свой отъезд. На завтра в полдень она собралась в дорогу. Ни Бихари, ни кто другой не сомневался, что Мохендро сам проводит ее до деревни. Но вместо этого он приказал сопровождать ее двум слугам.

— Мохин, ты еще не готов? — окликнул его Бихари, когда подошло время отъезда.

— У меня дела, я должен заниматься, — смущенно пробормотал Мохендро.

— Хорошо, я сам провожу мать, — сказал Бихари.

Мохендро был очень раздосадован.

— Слишком уж много берет на себя Бихари, — сказал он вечером Аше. — Все хочет показать, что беспокоится о матери больше, чем я.

Аннапурне пришлось остаться, но от досады и стыда она окончательно замкнулась в себе. Заметив враждебность тетки, Мохендро рассердился. Обиделась и Аша.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Раджлокхи приехала в Барашат. Сначала думали, что Бихари проводит ее в деревню и сразу же вернется, но обстоятельства сложились так, что ему пришлось остаться. В доме Раджлокхи теперь жили только две дряхлые вдовы. Со всех сторон к дому подступали джунгли и заросли бамбука, пруд затянулся зеленой ряской. Среди бела дня совсем рядом раздавался вой шакалов, и сердце Раджлокхи сжималось от страха.

— Конечно,— говорил Бихари,— это твой родной край, но про него уж никак не скажешь «прекрасней рая». Возвратимся в Калькутту, ма, не могу я оставить тебя здесь одну!

Раджлокхи действительно было не по себе, но в это время пришла Бинодини и стала успокаивать ее.

Это была та самая Бинодини, которую собиравлись выдать замуж сначала за Мохендро, а потом за Бихари. Наконец по воле судьбы она была выдана замуж за человека из своей деревни. Единственной особенностью этого человека была его сильно увеличенная печень. Ее непомерной тяжести бедняга не вынес и вскоре скончался.

После смерти мужа Бинодини, словно одинокий выюнок среди джунглей, вела монотонную жизнь в унылой деревушке. И вот теперь она пришла к своей дальней родственнице, тетушке Раджлокхи. С глубоким почтением Бинодини склонилась перед ней. С этого дня она посвятила себя заботам о Раджлокхи.

И какими неустанными были эти заботы! Она не знала ни минуты покоя. А как превосходно Бинодини все делала, как замечательно готовила, умела занять разговором!

— Уже поздно, милая,— говорила Раджлокхи,— пойдешь хоть немного.

Где там! Бинодини и не думала уходить и обмахивала веером старую женщину до тех пор, пока та не засыпала.

— Так и заболеть недолго,— говорила ей Раджлокхи.

Но Бинодини не думала о себе.

— Такие, как мы, не болеют, тетя,— отвечала она.— А ты столько времени не была у себя на родине! Чем я порадую тебя, чем услужу, как не своим вниманием!

За два дня Бихари успел стать первым человеком в деревне. Кто приходил к нему за лекарством; кто посоветоваться о судебном деле; одни надоедали ему просьбами об устройстве сына в какую-нибудь коптору посolidнее; другие просили составить жалобу. Всегда веселый и сердечный, он с одинаковым удовольствием бывал и в кругу почтенных любителей карточных игр, и в шумной компании, где предпочитали пая и тарп. Бихари уважали и относились к нему, как к своему. Бинодини старалась, как могла, скрасить городскому юноше жизнь в непривычной для него обстановке. Возвращаясь с прогулки, Бихари всякий раз находил свою комнату чисто убранной: кто-то ставил цветы и листья в медный кувшин, а около постели оставлял стопку книг Бошкима и Динобондху Миттро. На

внутренней стороне обложки жепским четким почерком было написано имя Бинодини. Такое внимание отличалось от обычного деревенского гостеприимства.

— И такую девушку вы с Мохендро упустили, — говорила Раджлоххи Бихари, когда он хвалил Бинодини.

— Что ж, может, и напрасно мы отказались от нее, — усмехался Бихари, — но лучше отказаться от девушки до свадьбы. Как женишься, так уж никуда от нее не денешься.

А Раджлоххи все думала об одном и том же: «И такая девушка могла бы стать моей невесткой! Отчего этого не случилось!»

Стоило Раджлоххи заговорить о возвращении в Калькутту, как глаза Бинодини наполнялись слезами.

— Зачем ты приехала так ненадолго, тетя! — горевала она. — Пока я не знала тебя, то могла еще жить здесь, а теперь даже страшно подумать, как я без тебя останусь!

— Ах, почему ты не стала моей невесткой! — невольно восклицала Раджлоххи. — Тогда ты всегда была бы рядом со мной!

При этих словах Бинодини каждый раз смущалась и спешила выйти из комнаты.

Раджлоххи ждала из Калькутты покаянного письма от сына. Она еще никогда не оставляла Мохипа одного на такой срок. Конечно, он соскучится! И Раджлоххи с нетерпением ждала письма, полного сыновней любви и нежности.

Но письмо от Мохендро получил Бихари. Мохин писал, что мать, наверно, очень счастлива через столько лет снова вернуться в родные места.

«Ага, — подумала Раджлоххи, — Мохендро обиделся». Счастлива! Будто бедная мать могла быть где-нибудь счастлива без своего Мохендро!

— А ну-ка, Бихари, что еще пишет Мохип?

— Больше ничего, ма. — Бихари скомкал письмо, сушил его в какую-то книгу и, выйдя в другую комнату, с досадой швырнул книгу в угол.

Что оставалось думать Раджлоххи? Она решила, что Мохин написал что-нибудь очень обидное, поэтому Бихари и не стал читать письмо целиком.

Но когда телепок-сосунок ударит мать-корову копытцем, это вызывает у нее лишь прилив нежности и обилие молока; так и обидя Мохендро: она причинила Раджлоххи боль и вместе с тем всколыхнула в ее душе любовь к сыну. Раджлоххи все простила ему!

— Конечно,— говорил Бихарп,— это твой родной край, но про него уж никак не скажешь «прекрасней рая». Возвратимся в Калькутту, ма, не могу я оставить тебя здесь одну!

Раджлокхи действительно было не по себе, но в это время пришла Бинодини и стала успокаивать ее.

Это была та самая Бинодини, которую собиравлись выдать замуж сначала за Мохендро, а потом за Бихарп. Наконец по воле судьбы она была выдана замуж за человека из своей деревни. Единственной особенностью этого человека была его сильно увеличенная печень. Ее непомерной тяжести бедняга не вынес и вскоре скончался.

После смерти мужа Бинодини, словно одинокий выюнок среди джунглей, вела монотонную жизнь в унылой деревушке. И вот теперь она пришла к своей дальней родственнице, тетушке Раджлокхи. С глубоким почтением Бинодини склонилась перед ней. С этого дня она посвятила себя заботам о Раджлокхи.

И какими неустанными были эти заботы! Она не знала ни минуты покоя. А как превосходно Бинодини все делала, как замечательно готовила, умела запясть разговором!

— Уже поздно, милая,— говорила Раджлокхи,— пойди поешь хоть немного.

Где там! Бинодини и не думала уходить и обмахивала веером старую женщину до тех пор, пока та не засыпала.

— Так и заболеть недолго,— говорила ей Раджлокхи.

Но Бинодини не думала о себе.

— Такие, как мы, не болеют, тетя,— отвечала она.— А ты столько времени не была у себя на родине! Чем я порадую тебя, чем услужу, как по своим вниманием!

За два дня Бихарп успел стать первым человеком в деревне. Кто приходил к нему за лекарством; кто посоветоваться о судебном деле; одни надоедали ему просьбами об устройстве сына в какую-нибудь контору посольнее; другие просили составить жалобу. Всегда веселый и сердечный, он с одинаковым удовольствием бывал и в кругу почтенных любителей карточных игр, и в шумной компании, где предпочитали пан и тарп. Бихарп уважали и относились к нему, как к своему. Бинодини старалась, как могла, скрасить городскому юноше жизнь в непривычной для него обстановке. Возвращаясь с прогулки, Бихарп всякий раз находил свою комнату чисто убранной: кто-то ставил цветы и листья в медный кувшин, а около постели оставлял стопку книг Бошкима и Динобондху Миттро. На

внутренней стороне обложки жепским четким почерком было написано имя Биноднии. Такое внимание отличалось от обычного деревенского гостеприимства.

— И такую девушку вы с Мохендро упустили,— говорила Раджлокхи Бихари, когда он хвалил Биноднии.

— Что ж, может, и напрасно мы отказались от нее,— усмехался Бихари,— по лучше отказаться от девушки до свадьбы. Как женишься, так уж никуда от нее не денешься.

А Раджлокхи все думала об одном и том же: «И такая девушка могла бы стать моей невесткой! Отчего этого не случилось!»

Стоило Раджлокхи заговорить о возвращении в Калькутту, как глаза Биноднии наполнялись слезами.

— Зачем ты приехала так ненадолго, тетя! — горевала она. — Пока я не знала тебя, то могла еще жить здесь, а теперь даже страшно подумать, как я без тебя останусь!

— Ах, почему ты не стала моей невесткой! — невольпо восклицала Раджлокхи. — Тогда ты всегда была бы рядом со мной!

При этих словах Биноднии каждый раз смущалась и спешила выйти из комнаты.

Раджлокхи ждала из Калькутты покаянного письма от сына. Она еще никогда не оставляла Мохина одного на такой срок. Конечно, он соскучится! И Раджлокхи с нетерпением ждала письма, полного сыновней любви и нежности.

Но письмо от Мохендро получил Бихари. Мохин писал, что мать, наверно, очень счастлива через столько лет снова вернуться в родные места.

«Ага,— подумала Раджлокхи,— Мохендро обиделся». Счастлива! Будто бедная мать могла быть где-нибудь счастлива без своего Мохендро!

— А ну-ка, Бихари, что еще пишет Мохин?

— Больше ничего, ма.— Бихари скомкал письмо, сунул его в какую-то книгу и, выйдя в другую комнату, с досадой швырнул книгу в угол.

Что оставалось думать Раджлокхи? Она решила, что Мохин написал что-нибудь очень обидное, поэтому Бихари и не стал читать письмо целиком.

Но когда телепок-сосунок ударит мать-корову копытцем, это вызывает у нее лишь прилив нежности и обилие молока; так и обидя Мохендро: она причинила Раджлокхи боль и вместе с тем всколыхнула в ее душе любовь к сыну. Раджлокхи все простила ему!

«Ну что же,— думала она, вздыхая,— Мохни счастлива с женой — и хорошо! Никогда больше я не буду из-за нее ссориться с сыном. Ах, ведь прежде я не могла прожить без него и минуты, а теперь вдруг уехала. Конечно, Мохни имел право обидеться!»

Глаза Раджлокхи застилала слезы.

В тот день Раджлокхи как бы невзначай пескольо раз говорила Бихари:

— Сходи бы ты искупался, сынок! Ты здесь совсем отказался от своих привычек.

Но Бихари вовсе не хотелось купаться.

— Таким, как я, беспутным лучше вообще привычек не иметь...— смеялся он.

Но Раджлокхи взволнованно настанвала:

— Нет, нет, пожалуйста, иди выкупайся. Жарко ведь.

Наконец Бихари сдался. Едва он вышел, как Раджлокхи торопливо достала смятое письмо сына и позвала Бинодини:

— Прочти-ка мне, милая, что там пишет Мохни!

Бинодини стала читать. В самом начале письма было несколько строк о матери. Но это Бихари уже прочел Раджлокхи. Дальше Мохендро писал об Аше. Можно было подумать, что он обезумел от счастья. Бинодини прочла вслух несколько строк и в смущении замолчала.

— Будете слушать дальше, тетя?

Лицо Раджлокхи, растроганной первыми строками, мгновенно окаменело.

— Довольно,— сказала она после недолгого молчания и, не взяв письма, вышла. Бинодини успела письмо к себе в комнату, заперла дверь и, бросившись на постель, принялась перечитывать его. Какое удовольствие находила в этом Бинодини, знала только она сама. Но это не было простое любопытство. Временами глаза ее начинали сверкать, как песок на полуденном солнце, а дыхание становилось прерывистым и горячим, словно ветер пустыни. Она всеми силами старалась представить себе, какими должны быть Аша и Мохендро, как горячо они любят друг друга. Откинувшись к стене и вытянув ноги, она долго сидела так, положив листок на колени и глядя прямо перед собой.

Бихари так и не нашел письма Мохендро.

В полдень неожиданно приехала Аинапурна. Сердце Раджлокхи сжалось от недобрых предчувствий. Боясь спрашивать, белая как мел, она молча смотрела на Аинапурну.

— Дома все благополучно, диди,— поспешила та успокоить Раджлокхи.

— Тогда зачем же ты приехала?

— Придется тебе принять на себя бремя хозяйственных забот, диди,— отвечала Аннапурна,— мне опостылел мир. Я отправляюсь в паломничество, в Бенарес, и приехала поклониться тебе. Прости, если в чем нечаянно или нарочно провинилась перед тобой. А твоя невестка, твоя невестка...— Аннапурна заплакала.— Она совсем еще ребенок, выросла без матери... Плохая она или хорошая — ты ведь ей теперь не чужая...

Слезы мешали Аннапурне говорить.

Взволнованная Раджлокхи пошла приготовить ей воду для омовения и чего-нибудь поесть.

Узнав, что приехала Аннапурна, из храма Дурги прибежал Бихари. Он почтительно приветствовал ее и воскликнул:

— Что же это такое, тетя?! Неужели ты так рассердилась, что покидаешь нас?

— Не отговаривай меня, Бихари,— сдерживая слезы, ответила Аннапурна.— Будьте счастливы, а меня ничто уже не держит в мире.

— Я знаю, ты уезжаешь из-за Мохендро. Он еще покалечит об этом!

— Что ты, что ты, Бихари! Не говори так! — испуганно воскликнула Аннапурна.— Я совсем не сержусь на Мохина, но, пока я не уеду, покоя в семье все равно не будет.

Бихари растерянно молчал. Аннапурна развязала конец сари, достала два массивных золотых браслета и протянула их Бихари.

— Храни эти браслеты, сынок,— сказала она.— А когда будешь жениться, передай их невесте вместе с моим благословением.

Бихари с благоговением приложил браслеты ко лбу и, едва сдерживая слезы, вышел в соседнюю комнату.

Когда пришло время прощаться, Аннапурна сказала Бихари:

— Не забывай о Мохине и Аше, сынок.

Затем она передала Раджлокхи какую-то бумагу:

— По этой дарственной свою долю в наследстве свекра я передаю Мохину. Мне хватит и пятнадцати рупий в месяц.

Она почтительно коснулась ног Раджлокхи и, распрощавшись со всеми, отправилась к святым местам.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Что же это получается? Свекровь уехала, тетя — тоже. Любовь молодых словно разогнала всех. Беспричинный страх охватил Ашу: может, теперь пришла ее очередь покинуть этот дом? Их любовные забавы в опустевших комнатах стали казаться ей почему-то неуместными.

Любовь как цветок: она не может жить только своим сокам; когда ее отрывают от стебля сложных домашних обязанностей, она начинает сохнуть и постепенно увядает. Аша стала ощущать в их постоянных встречах некое пресыщение и охлаждение. Отношения утратили свою прежнюю остроту и непосредственность, не было прочной и дружной семьи, которая бы сохранила их. Если любовь не связана с повседневным трудом, с жизнью, то счастье не может быть полным и долгим.

Мохендро, подняв бунт против семьи, зажег сразу все лампы на празднике любви. В упылой обстановке пустого дома он попытался придать их свиданиям особую, радостную приподнятость.

— Чуни, — сказал он ей однажды, — объясни, что с тобой происходит? Стоит ли из-за отъезда тети Аннапурны напускать на себя такую мрачность? Разве наша любовь не заменяет все другие привязанности?

Эти слова отозвались болью в сердце Аши, и она грустно подумала: «Нашей любви все же не хватает чего-то. Как часто я теперь думаю о тете. Свекровь уехала, и мне отчего-то страшно». И Аша старалась изо всех сил исправить ошибки, причиной которых была любовь.

Но хозяйство шло плохо; слуги совсем отбились от рук. Однажды не явилась служанка, сказавшись больной. Повар папился и пропал.

— Вот интересно! — заметил Мохендро, узнав об этом. — Сегодня будем готовить сами!

Он отправился на рынок в экипаже. Мохендро, разумеется, совершенно не знал, что покупать и в каком количестве. С тяжелой пошей он торжественно вернулся домой. Но Аша тоже очень смутно представляла себе, что можно из всего этого приготовить. Однако, когда через несколько часов Мохендро отведал довольно странные кушанья, приготовленные Ашей, он остался очень доволен. Аша не разделяла его восторгов, наоборот, ей было очень стыдно за свое невежество в кулинарии.

Вещи в комнатах валялись в таком беспорядке, что трудно было отыскать сразу что-нибудь нужное. Хирургические инструменты Мохендро употреблялись теперь для резки овощей, пока не исчезли неизвестно куда; его тетрадь для записей, побывав в роли веера, отдыхала в кухонном мусоре.

Мохендро веселился всюду среди этого беспорядка, но Аша постоянно мучилась. Ей казалось чудовищным плыть вот так, по течению, беззаботно улыбаясь, в то время как хозяйство гибло.

Однажды в сумерках они вдвоем сидели на крытой веранде. Только что прошел дождь. Уходящая вдаль панорама крыш и куполов Калькутты была залита лунным светом. Аша плела гирлянду из влажных цветов жасмина, принесенных из сада. Мохендро поминутно дергал цветы, мешал ей, затеяв возню. Она хотела было шутя отругать мужа, но он быстро зажал ей рот рукой.

Вдруг со стороны соседнего дома допесся крик кукушки. Мохендро и Аша невольно взглянули на клетку, качавшуюся над их головами. Их кукушка никогда не оставляла без ответа зов своей подруги. Но сейчас она почему-то молчала.

— Что это сегодня с птицей? — с беспокойством спросила Аша.

— После твоего нежного голоса ей стыдно своего крика, — засмеялся Мохендро.

— Брось шутить, — Аша умоляюще посмотрела на него, — посмотри лучше, что с пей.

Мохендро спустил клетку. Он снял покрывавшую ее ткань и увидел, что птица мертва. После отъезда Аппапуры слуга надолго отлучился и за птицей смотреть было некому.

Аша мгновенно побледнела. Пальцы ее разжались, и цветы упали на колени. На Мохендро смерть птицы тоже произвела неприятное впечатление, но, чтобы вечер не был испорчен, он попробовал превратить все в шутку.

— Вот и хорошо, — сказал он. — А то пока я буду ходить по больным, она тебя с ума сведет своим криком. — И, схватив Ашу за руки, Мохендро хотел притянуть ее к себе.

Аша медленно высвободилась из его объятий. Она сбросила цветы на пол и сказала:

— Перестань. Зачем это? Лучше съезди в деревню, пусть мать скорее возвращается.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В это время спиву у наружной двери кто-то закричал:

— Мохин! Мохин!

— Кто там? Войдите! — откликнулся Мохендро.

Услышав в ответ голос Бихари, Мохендро обрадовался. Сразу после свадьбы Бихари своим приходом часто мешал их счастью. Сегодня же Мохендро вдруг почувствовал, как не хватало ему Бихари последнее время.

Аша тоже была рада. Она встала и прикрыла лицо краем сари, собираясь выйти, но Мохендро остановил ее:

— Ты куда? Это ведь Бихари.

— Я приготовлю что-нибудь, надо угостить его, — ответила Аша.

Мысль, что у нее пашлось наконец какое-то дело в доме, припесла ей облегчение. Но она не ушла сразу, а держалась, чтобы узнать новости о свекрови, — ведь сама она еще ни разу не разговаривала с юношей и не осмелилась бы его расспрашивать.

Бихари, едва переступив порог, воскликнул:

— Боже мой, какой разгром! Можно подумать, что здесь живут поэты! Не беспокойтесь, сидите, ботхан, я сейчас же уйду!

Аша взглянула на Мохендро, тот понял и спросил:

— Как поживает ма, Бихари?

— К чему говорить сейчас о матерях и тетках! — воскликнул Бихари. — На это еще будет время. «Такая ночь не создана для сна, не создана для матерей и теток!» — продекламировал он зачем-то по-английски и собрался было уходить, но Мохендро усадил его.

— Заметьте, Аша, — сказал Бихари, — я тут ни при чем, меня удержали насильно! Ты согрешил, брат Мохин, и да не коснется меня проклятие, которое падет на тебя за этот грех!

Аша не пашлась что ответить и поэтому рассердилась. А Бихари словно нарочно злил ее.

— Ну и порядок у вас в доме! — как бы не замечая ее досады, продолжал он. — Не пора ли привезти мать домой?

— Конечно, пора, — отозвался Мохендро. — Мы давно уже ждем ее.

— У тебя заняло бы всего несколько минут написать ей об этом, зато как была бы она счастлива! Прошу вас, ботхан, — обратился Бихари к Аше, — освободите его на несколько минут, пусть напишет матери!

Аша обиделась и со слезами па глазах вышла.

— Видно, не в добрый час вы встретились,— воскликнул Мохендро,— никакого согласия, только и знаете, что поддевать друг друга!

— Мать тебя испортила, жена продолжает портить. Не могу я видеть этого равнодушно, поэтому нет-нет да и вмешаюсь!

— А что толку!

— Тебе от этого действительно толку никакого,— вздохнул Бихари.— Мне — другое дело.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Бихари сел рядом с Мохендро и заставил его написать матери. На следующий день он уехал в Барашат. Раджлокхи поняла, что письмо было написано под влиянием Бихари, но оставаться в деревне больше не могла. Вместе с ней в Калькутту поехала и Биподипи.

Когда Раджлокхи увидела, как запущено хозяйство — кругом пыль, грязь, беспорядок,— ее неприязнь к невестке возросла.

Но что случилось с Ашей? Ее словно подменили. Она ходила за Раджлокхи, как тень, старалась во всем помочь свекрови, хотя никто ее об этом не просил. Раджлокхи это даже злило.

— Оставь, оставь,— говорила она раздраженно,— ты все испортишь. Зачем браться, раз не умеешь!

Раджлокхи решила, что это отъезд Аннапурны так подействовал на невестку. «Теперь Мохендро будет думать,— рассуждала она,— что при тетке он спокойно наслаждался счастьем, а стоило приехать матери, как началась возня с хозяйством». Опять получалось, что Аннапурна хорошая, а мать — причина всех бед. Что делать!

Однажды среди дня Мохендро позвал Ашу к себе. Та колебалась, но тут Раджлокхи сердито сказала:

— Мохендро зовет, а она будто не слышит! Чересчур сильная любовь всегда так кончается! Иди, нечего тут тебе с овощами возиться!

Опять началась фальшивая игра с букварем, грифельной доской и карандашами; нелепые взаимные обвинения в нелюбви; бессмысленные шумные споры о том, кто сильнее любит; превращение дождливых дней в ночи и лунных ночей — в дни; с трудом подавляемые утомление и вялость. Аша и Мохин так привыкли друг к другу, что

даже близость не приносила радости их охладевшим сердцам. Но разомкнуть объятия им было страшно. Жар их любви постепенно покрывался пеплом, однако они не смели даже подумать об этом. В том и состоит страшное проклятие для тех, кто тешится любовью, что дни счастья коротки, а узы брака неразрывны.

Однажды к Аше пришла Бинодини и, обняв ее, сказала:

— Пусть счастье твое будет вечно, сестра, но неужели оттого, что жизнь моя сложилась так несчастливо, ты даже взглянуть не хочешь на меня?

Аша росла в доме родственников, как чужая, и к незнакомым людям всегда относилась настороженно: боялась, как бы ее не оскорбили пренебрежением. Поэтому, когда ослепительно красивая Бинодини появилась у них в доме, Аша не решилась сама предложить ей дружбу.

От пронизательного взгляда Бинодини ничто не ускользало. Она ничуть не боялась Раджлоххи. Раджлоххи же всячески старалась показать Аше, с каким уважением относится к Бинодини; к месту и не к месту рассыпалась в похвалах молодой женщине. Аша видела, как опытна Бинодини в хозяйственных делах. Управление домом давалось ей без труда. Поручать слугам работу, распекать их, отдавать приказания — все это было для нее делом привычным. Наблюдая за нею, Аша думала о том, как ничтожна она по сравнению с Бинодини. Когда же эта надеющаяся всеми добродетелями Бинодини сама явилась искать ее дружбы, радость робкой Аши была безмерна. Семя их дружбы, словно зерно волшебного дерева, в один день дало побеги, выросло и пышно расцвело.

— Давай придумаем имена друг для друга, — предложила Аша.

Бинодини рассмеялась:

— Какие же?

Аша предложила Капельку, Жасмин и еще много красивых имен.

— Все эти имена устарели, — прервала ее Бинодини, — и ничего особенного в них нет!

— А как бы тебе хотелось, чтобы я тебя звала?

— Чокербали! — рассмеялась Бинодини. — Чокербали!

Аше хотелось придумать для подруги что-нибудь более звучное, но раз Бинодини так хочет...

— Чокербали! Песчинка! Соринка в глазу! — повторила Аша и, обняв Бинодини, весело рассмеялась. — Тогда и меня зови так!

ГЛАВА ОДНИНАДЦАТАЯ

Аше была необходима подруга. Даже праздник любви перестает быть праздником, если влюбленные все время вдвоем. Надо же с кем-нибудь поделиться своим счастьем. Что же касается Бинодини, то душа ее истосковалась по сердечному теплу, и она жадно слушала рассказы молодой женщины о любви. Они туманили ей голову, горячили кровь.

Однажды в тихий полдень, когда Раджлоххи прилегла отдохнуть, слуги были внизу и Мохендро, уступив просьбам Бихари, ненадолго отправился на запятия, когда из далекой голубизны неба временами доносился слабый крик коршуна, Аша расположилась в спальне на тахте и распустила свои длинные волосы. Рядом, облокотившись на подушку, устроилась Бинодини. Забыв обо всем на свете, она слушала журчащую, словно ручей, речь Аши; лицо ее пылало, грудь высоко вздымалась.

Она расспрашивала Ашу, выпытывая мельчайшие подробности, снова и снова выслушивала одно и то же, а порой принималась мечтать о том, что было бы, если бы все сложилось не так, а иначе. Аше тоже нравилось говорить о своей любви, блуждая по тропинкам воображаемых ситуаций. Бинодини начинала:

— А что, если бы ты стала женой Бихари?

— Что ты! Как можно говорить об этом! Мне даже слушать стыдно! Вот если бы ты вышла за него замуж! А ведь когда-то собирались устроить вашу свадьбу!

— Мало ли кто думал жениться на мне! Не вышло — ну и ладно, мне и так хорошо...

Аша возражала. Да и как могла она согласиться, что Бинодини живет лучше, чем ей, Аше!

— Послушай, — говорила она, — а что, если бы ты стала женой моего мужа, ведь могло же так случиться!

Да, это действительно могло случиться. Эта постель, эта тахта, где сейчас сидит Аша, когда-то ждали ее, Бинодини. Бинодини смотрела на нарядную спальню и не могла не думать о том, что все могло быть иначе. Но сейчас она всего лишь гостья в этом доме — сегодня ее терпят, а завтра, может быть, придется уезжать...

К вечеру Бинодини тщательно и искусно причесала Ашу и отправила к мужу. А сама мысленно последовала

за парядной женщиной в тихую комнату, где ее ждал влюбленный Мохендро.

Иногда Бинодини подолгу не отпускала от себя Ашу.

— Ну посиди еще немного, — говорила она. — Никуда твой муж не денется. Он ведь ручной олень, а не заколдованная антилопа из сказки. — Различными хитростями Бинодини старалась задержать Ашу около себя как можно дольше.

— Что-то твоя подруга и не вспоминает про отъезд, — сердился Мохендро. — Скорее бы уезжала.

— Не смей сердиться на мою Песчинку, — напускалась на него Аша. — Ты не знаешь, как она любит слушать, когда я рассказываю про тебя, как старательно одевает меня и причесывает, прежде чем отослать к тебе.

Раджлоххи не хотела, чтобы Аша хозяйничала. Бинодини же, наоборот, старалась занять Ашу домашними делами. Она сама хлопотала по хозяйству без отдыха почти целый день и Аше тоже не давала сидеть сложа руки. Бинодини так повела дело, что у Аши не было ни минуты свободной. Представляя себе, как муж Аши рвет и мечет, сидя один в пустой комнате наверху, Бинодини горько и зло усмехалась про себя.

— Теперь я пойду, милая Песчинка, а то он опять будет сердиться, — волнуясь, говорила ей Аша.

— Мы сейчас все кончим, дорогая, — отвечала Бинодини, — и ты сразу же пойдешь...

Немного погодя Аша опять жалобно просила:

— Отпусти меня, а то он действительно рассердится!

— Пусть посердится немного! Любовь без ревности пресна, как овощи без перца!

Бинодини прекрасно знала, что за вкус у этого перца, только у нее не было овощей! Ее словно жгло огнем. Куда ни взглянет, в глазах вспыхивает целый сноп искр. «Такое хозяйство! Такой нежный муж! — думала она. — И этим хозяйством я могла бы управлять! Этого мужа я могла бы обратить в своего раба! Разве тогда хозяйство было бы в таком состоянии? Разве таким был бы этот мужчина? А на моем месте этот несмышлениш, эта кукла!» И, обнимая Ашу, она говорила:

— Ну, дорогая моя, расскажи-ка мне, о чем вы вчера говорили? Сказала ли ты ему все, как я тебя учила? Ты же знаешь, рассказами о вашей любви я утоляю жажду своего сердца.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Однажды Мохендро, потеряв терпение, позвал к себе мать и сказал:

— Разве это дело — вводить в семью совершенно постороннюю молодую женщину, да еще вдову? Совсем не обязательно брать на себя такую ответственность. Я против этого. Кто знает, к чему это может привести!

— Она жена нашего Бипина, — возразила Раджлокхи, — я не считаю ее чужой.

— Нет, ма, ни к чему все это. По-моему, ее не следует держать у нас.

Раджлокхи знала, что переспорить Мохендро нелегко. Поэтому она призвала на помощь Бихари и попросила его убедить сына.

— Только благодаря ей я хоть немного отдыхаю на старости лет, — говорила она, — пускай Бинодини и чужая, но от своих я никогда не дождусь такого внимания.

— Ты думал о Бинодини, Мохни? — спросил Бихари.

— Как же, почей не сплю, только о ней и думаю! — невесело рассмеялся Мохендро. — Пусть тебе лучше моя жена скажет. Ведь теперь как Бинодини пожелает, так все и делается в этом доме.

Аша с молчаливым упреком взглянула на мужа.

— Неужели? — удивился Бихари. — У вас, я смотрю, все как в романе «Ядовитое дерево».

— Совершенно верно. Вот почему Чуни так жаждет избавиться от нее.

Из-под покрывала снова сердито блеснули на Мохендро глаза Аши.

— Ну хорошо, ты ее отправишь обратно, а она захочет и вернется, — заметил Бихари. — Лучше выдай ее замуж, вот сразу и вырвешь ядовитый зуб.

— Кундо тоже была выдана замуж, — проворчал Мохендро.

— Ладно, хватит проводить параллели. Я часто думаю о Бинодини. Оставаться с вами всегда она, разумеется, не может. Но отправить ее в эту глушь было бы очень жестоко.

Мохендро до сих пор не видел Бинодини, зато Бихари видел ее и хорошо понимал, что обречь такую женщину на жизнь где-то в джунглях несправедливо. Понимал он также, что пламя светильника, которое освещает дом, может обратить дом в пепел, и смутно опасался этого.

Мохендро посмеялся над участием Бихари, Бихари тоже посмеялся, но в глубине души он хорошо понимал, что с этой женщиной играть опасно, а пренебречь ею просто невозможно.

Раджлокхи решила предостеречь Бинодини.

— Смотри, доченька, — сказала она, — держись подальше от моей невестки. Ты выросла в деревне, здешних нравов не знаешь. Но ты умница, подумай хорошенько — и сама поймешь, к чему я это говорю.

После этого разговора Бинодини стала сторониться Аши.

— Кто я здесь? — говорила она Аше. — Никто. И неизвестно еще, что могло бы случиться, забудь я на минуту, как мне надо себя держать в моем положении.

Аша упраскивала ее, плакала, но Бинодини оставалась непреклонной.

Тем временем объятия Мохендро стали слабее, его влюбленный взгляд словно затуманился усталостью. Беспорядок во всем, который раньше казался таким забавным, начинал раздражать его. Неопытность Аши в житейских делах порою становилась невыносимой. Однако он молчал. Несмотря на молчание, Аша чувствовала, что свет их любви меркнет. В нежности Мохендро проскальзывала фальшь, — он был преувеличенно внимателен, он обманывал самого себя. В таких случаях нет иного спасения, кроме бегства, нет иного лекарства, кроме разлуки. Повинуясь своему женскому инстинкту, Аша старалась избегать Мохендро. Но, избегая его, к кому могла она идти, кроме Бинодини?

Когда Мохендро вдруг очнулся после сна любви, в нем постепенно стал пробуждаться интерес ко всему происходящему за стенами его комнаты, интерес к запятым. Разыскав учебники по медицине в самых невероятных местах, Мохендро принялся стряхивать с книг пыль. Затем он достал свою куртку и брюки, в которых ходил в колледж, и вывесил их на солнце.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Бинодини продолжала сторониться Аши, и бедняжка решила пойти на хитрость.

— Милая Песчишка, — сказала она как-то, — почему ты не хочешь познакомиться с моим мужем? Зачем избегаешь его?

— Ну как же тебе не стыдно! — воскликнула Биподини.

— Почему? — продолжала настаивать Аша. — Ты ведь не чужая нам, свекровь сама так говорит.

— В семье не может быть чужих, — серьезно ответила Биподини. — В семье все свои. А чужие всегда чужие, даже если они родственники!

Аше нечего было возразить. Ее муж действительно несправедлив к Биподини, он действительно считает ее чужой и без причины сердится на нее.

В тот вечер Аша капризно заявила Мохендро:

— Ты должен поговорить с моей Песчинкой, я так хочу!

— Однако ты смела! — рассмеялся Мохендро.

— Чего же мне бояться?

— Судя по тому, как ты мне расписываешь свою подругу, она далеко не безопасна!

— Оставь свои шутки и скажи прямо: встретишься ты с ней или нет?

Нельзя сказать, чтобы Мохендро вовсе не хотел знакомиться с Биподини. Напротив, теперь он нередко думал о том, что неплохо бы взглянуть на нее. Однако этот интерес самому ему казался чем-то недостойным. Мохендро придерживался весьма строгих взглядов на верность. Если прежде он слушать не желал о женитьбе, боясь хоть в чем-то ущемить мать, то теперь он решил навсегда сохранить любовь к Аше и забыть о существовании всех других женщин. Мохендро даже несколько бравировал этой своей щепетильностью и непреклонностью в делах любви и дружбы. Например, кроме Бихарп, он никого больше не желал называть своим другом. Если кто-нибудь стремился сблизиться с Мохендро, он недвусмысленно показывал ему свое презрение, а придя к Бихари, зло высмеивал беднягу. Когда же Бихари возражал ему, Мохендро обижался.

— Это ты так можешь, — говорил он, — куда ни пойдешь — везде у тебя друзья. А я не желаю заводить дружбу с каждым встречным.

Однако теперь мысли Мохендро с жадным любопытством постоянно устремлялись к этой незнакомой ему молодой женщине. Его принципы, которыми он так гордился, начинали мешать ему, стесняли его. Тогда, досадуя на самого себя, Мохендро припался надоедать матери, чтобы она отослала Биподини обратно в Барашат.

— Перестань, Чунн, — ответил Мохендро Аше, когда

она снова завела разговор о Бинодини. — Нет у меня времени болтать с твоей Песчинкой. Весь мой день поделен между занятиями и тобой, где же мне взять еще время для твоей подружки?

— Я не покушаюсь на занятия. Но ты можешь отдать ей то время, которое тратишь на меня!

— Могу, но не хочу этого! — рассмеялся он. Мохендро часто упрекал Ашу в том, что ее горячая привязанность к Бинодини свидетельствует о недостаточной любви к мужу, и постоянно повторял, что его любовь гораздо сильнее и крепче ее чувства. Аша спорила, плакала, но не могла одержать победы.

Мохендро очень гордился, что так и не уступил Аше и не пожелал знакомиться с Бинодини. Это возмутило Ашу, но на сей раз она только сказала:

— Ну хорошо, не ради пес, ради меня, пожалуйста, познакомься с Бинодини.

Доказав чистоту и прочность своей любви, Мохендро великодушно согласился на встречу, но просил не надоедать ему впредь.

— Что за чудо, — заметила Бинодини, когда Аша пришла к ней на следующий день рано утром, — сегодня чакора предпочитает облако луне?

— Я ничего не смыслю во всех этих поэтических сравнениях, — отвечала Аша, — ты бы лучше обратилась к тому, кто сумеет их по достоинству оценить!

— Кто же этот великий ценитель?

— Твой свояк и мой муж. Нет, серьезно, сестричка, ему очень хочется поболтать с тобой.

«Ах, со мною хотят встретиться по постоянню жены! — подумала Бинодини. — Так нет же, я ускользну! Он меня не увидит».

И Бинодини наотрез отказалась. Аше пришлось вернуться к мужу ни с чем.

В глубине души Мохендро был раздосадован. Не хочет даже выйти к нему?! Неужели она считает, что он такой же, как все мужчины? Другой бы на его месте давно нашел предлог познакомиться с ней. Будто Бинодини не видит, что он совершенно не шьет с ней встреч! Если бы она знала его хоть немного, то поняла бы разницу между ним, Мохендро, и всеми другими мужчинами.

Бинодини тоже затаила обиду на Мохендро. «Столько времени я здесь, а Мохендро ни разу даже не попытался увидеть меня! — думала она. — Что ему стоило войти под ка-

ким-нибудь предложом в комнату матери, когда я бываю у нее! Отчего такое равнодушие? Разве я не человек, не женщина? Стоило бы ему увидеть меня, и с ' сразу бы почувствовал разницу между мною и своей ненаглядной Чуши».

— Я скажу, что ты ушел на занятия, и приведу Песчинку к себе, — предложила Аша мужу. — А потом ты как будто случайно войдешь — так опа и попадется!

— За что же ее так жестоко наказывать?

— Я очень сердита на нее! Подумать только, опа не хочет с тобой видаться! Хоть обманом, но я добьюсь своего!

— Да не умру же я, если и вовсе не встречу с твоей драгоценной подругой! Против ее воли я не хочу этого делать!

Аша схватила Мохендро за руки и умоляюще сказала:

— Ну, пожалуйста, сделай это для меня! Надо же как-то сломить ее гордость.

Мохендро молчал.

— Ну, дорогой, ну, пожалуйста, выполни мою просьбу!

Говоря откровенно, Мохендро очень хотелось познакомиться с Бинодини, поэтому, сделав вид, что ему это совершенно безразлично, он согласился поступить так, как предлагала Аша.

В полдень, прозрачный и неподвижный, Бинодини сидела с Ашей в комнате Мохендро и учила ее вязать туфли. Аша была рассеянна, она то и дело поглядывала на плотно закрытую дверь, нуталась, считая петли, и обнаружила явную неспособность к этому занятию.

В конце концов Бинодини сердито вырвала из рук Аши туфлю и воскликнула:

— Ничего у тебя не выйдет! Я лучше пойду. У меня и без того дел много!

— Ну посиди еще немножко! Не уходи! — стала упрашивать ее Аша. — Вот увидишь, я не ошибусь больше. — И она прилежно взялась за работу.

В это время Мохендро неслышно открыл дверь, которая находилась позади Бинодини, и остановился на пороге. Аша увидела его и, не поднимая головы от рукоделия, вдруг заулыбалась.

— Вспомнила что-нибудь смешное? — спросила Бинодини.

Аша не могла больше сдерживаться. Звонко рассмеявшись, она кинула шитьем в Бинодини и, воскликнув: «Ты была права, ничего у меня не получится!» — бросилась на шею подружке и расхохоталась еще звонче.

Бинодини сразу все поняла. Недаром Аша так веселилась и гримасничала. Она хорошо слышала, как Мохендро вошел и остановился позади нее. Но, продолжая притворяться, она стала разыгрывать панвную тихопю и дала Аше поймать себя в эту нехитрую ловушку.

— Отчего мне, несчастному, не дано разделять вашего веселья? — раздался вдруг голос Мохендро.

Бинодини вскочила и, накинув на голову покрывало, хотела выйти, но Аша удержала ее.

— Как вам угодно, — усмехнулся Мохендро. — Хотите, я уйду, а вы оставайтесь, а можем все остаться.

Бинодини не стала поднимать шум и разыгрывать смущение, как сделала бы другая на ее месте. Она просто сказала:

— Хорошо, я останусь, если я не лишняя. Только не проклинайте меня в душе.

— Я проклянущ вас, но так, чтобы вы надолго остались здесь с нами.

— Ну, этого проклятия я не боюсь: ведь ваше «надолго» недолго продлится! Его время, кажется, уже истекло! — С этими словами Бинодини сделала вид, что хочет уйти. Но Аша, схватив ее за руку, упростила посидеть еще немного.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— Скажи по совести, поправилась тебе моя Песчинка? — спрашивала Мохендро Аша.

— Не знаю, — отвечал Мохендро.

— Никто тебе не правится!

— За исключением одного человека...

— Если бы ты поговорил с ней еще немного, то наверняка понял бы, правится она тебе или нет.

— Опять! Теперь этому конца не будет!

— Нужно же поговорить с человеком хотя бы из вежливости. Что она подумает, если ты, после того как познакомился с ней, даже не захочешь ее видеть? Все ты делаешь по-своему, не так, как другие! Ипой на твоём месте сам искал бы случая поболтать с такой женщиной. А для тебя это несчастье!

Мохендро очень поправилось упоминание о разнице между ним и остальными.

— Ну ладно, — согласился он, — так и быть! Бежать же все равно некуда, да и твоя подруга, я вижу, не из

жемапных. Живя в одном доме, мы с ней так или иначе увидимся. И правила вежливости в этих случаях будут соблюдены, уж этому твой муж немного обучен!

Мохендро думал, что Бинодини под разными предложениями сама будет искать встречи с ним. Но он ошибся. Бинодини не подходила к нему и не понадавалась на глаза.

Чтобы не выдать себя, Мохендро не заговаривал с Ашей о Бинодини. И оттого что он часто подавлял и скрывал довольно естественное желание встретиться Бинодини, нетерпение его становилось все сильнее. К тому же равнодушие Бинодини задело его.

На следующий день после встречи с ней Мохендро, как бы невзначай, шутливо спросил Ашу:

— Ну как, поправился Песчинке твой недостойный супруг?

Мохендро давно ждал восторженного и подробного ответа, но Аша ничего не говорила ему, тогда он решил сам спросить.

Аша оказалась в затруднении. Бинодини ничего не говорила ей, и теперь Аша досадовала из-за этого на свою подругу.

— Но, дорогой мой, — ответила она мужу, — слишком быстро ты хочешь услышать ее мнение. К тому же и виделась-то вы совсем немного, едва перемолвились друг с другом.

Мохендро испытал горькое разочарование, и ему стало еще труднее прикидываться безразличным.

Во время этого разговора пришел Бихари.

— В чем дело, Мохин? О чем вы спорите?

— Видишь ли, Бихари, моей жене избрело в голову подружиться с какой-то там Кумудини или Промодини, и они придумали себе ласкательное имя — что-то вроде Лепточки или Рыбьей Косточки. Видно, и мне придется выдумывать для себя и для этой госпожи какое-нибудь прозвище, ну, Пенел Сигары или Спички или что-нибудь еще в этом роде, а то житья не будет.

Аша была полна молчаливого негодования. Некоторое время Бихари молча смотрел на Мохендро.

— Невестка, — улыбнулся он, — имейте в виду, это плохой признак. Мохендро говорит так, чтобы сбить всех с толку. Я видел вашу Песчинку. И могу поклясться, что ничего страшного со мной не случится, если я взгляну на нее еще раз. Но если Мохин так противится, дело становится подозрительным!

Так Аша еще раз убедилась в том, насколько Мохендро отличается от Бихари — в лучшую сторону, разумеется.

Неожиданно для всех Мохендро стал увлекаться фотографией. Как-то он уже начинал заниматься этим, но вскоре бросил. Теперь он снова привел в порядок фотоаппарат, купил пленку и начал фотографировать. Вскоре он переснимал всех, вплоть до слуг. Аша стала просить, чтобы он непременно сфотографировал Песчинку, Мохендро коротко сказал: «Хорошо». Бинодини так же коротко ответила: «Нет». Аше опять пришлось прибегнуть к хитрости, но и эту хитрость Бинодини разгадала.

Было условлено, что в полдень Аша как-нибудь уговорит подружку отдохнуть у себя в комнате. Когда она уснет, Мохендро сфотографирует ее и, таким образом, поймает упрямую Песчинку. Удивительное дело: обычно Бинодини никогда не спала днем, но на этот раз, когда она вошла в комнату к Аше, у нее уже слипались глаза. Набросив шаль, она повернулась лицом к раскрытому окну и, подложив под голову руки, заснула в такой красивой позе, что Мохендро, войдя, подумал: «А она будто и вправду приготовилась сниматься».

Он вошел на цыпочках и стал устанавливать фотоаппарат. Ему нужно было долго и пристально рассматривать Бинодини, чтобы решить, с какой стороны лучше ее снимать; пришлось идти на все ради искусства и осторожно раскинуть по подушке ее распущенные волосы — получилось некрасиво, и нужно было снова подобрать их.

— Подвинь немного влево шаль у ног, — шепнул он Аше.

— Я не сумею, — так же тихо ответила Аша. — Боюсь разбудить, поправь сам.

Наконец в тот момент, когда он вставил кассету, Бинодини пошевелилась и, глубоко вздохнув, немного приподнялась. Аша громко расхохоталась. Бинодини же приняла рассерженный вид и, метнув в Мохендро огненную стрелу из своих лучистых глаз, воскликнула:

— Это нечестно!

— Конечно, нечестно, — согласился Мохендро. — Но если я и украл, то не успел унести украденное. Разрешите уж мне сначала совершить нечестный поступок, а потом наказывайте!

Аша тоже стала упрашивать Бинодини. Снимок был сделан, но оказался неудачным. Поэтому Мохендро не успокоился, пока на следующий день не сделал еще одно-

го снимка. Потом он предложил сфотографировать обеих подруг вместе «на вечную память о дружбе». Не могла же Бинодини отказаться!

— Но это последний! — заявила она.

Приняв ее слова к сведению, Мохендро испортил снимок. Так благодаря зазнятиям фотографией знакомство их продолжалось.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Стоит пошевелить угли, и пламя костра вспыхивает с новой силой. Любовь молодой четы, уже пачавшая гаснуть, опять разгорелась от вмешательства третьего человека.

Аша не умела поддерживать шутивого разговора, Бинодини могла вести его до бесконечности. Поэтому в Бинодини Аша нашла бесценного помощника. Теперь ей не нужно было прилагать мучительные усилия, чтобы постоянно поддерживать веселое настроение Мохендро. В течение того короткого времени, которое успело пройти со дня свадьбы, Мохендро и Аша вели себя так, словно задались целью истратить сразу то, что отпущено на всю жизнь. Их любовная песня началась с самой высокой ноты. Они как будто торопились израсходовать весь свой запас чувств, пока не пропала любовь. Как могли они вместить это безумное половодье чувств в спокойные берега будничной семейной жизни? После опьянения мужчина обычно чувствует себя разбитым и требует еще вина. Но откуда было взять его Аше? В этот момент Бинодини, наполнив новый кубок, вручила его своей подруге. И Чунн снова почувствовала себя счастливой, видя, что муж доволен. Ей самой не приходилось теперь прилагать ни малейших усилий: Мохендро и Бинодини перебрасывались шутками, а она только беззаботно вторила их смеху. Когда во время игры в карты Мохендро плутовал, Аша, избирая Бинодини судьей, требовала справедливости. Когда же муж подшучивал над Ашей или делал ей обидное замечание, она знала, что Бинодини должным образом ответит за нее. Так втроем они коротали время.

Между тем Бинодини не забросила хозяйственных дел. Она по-прежнему присматривала за домом и стряпней, ухаживала за Раджлукхи и, только закончив все дела, принимала участие в развлечениях. Мохендро ворчал:

— Я вижу, вы места себе не находите, пока не задаете работы слугам.

— Это все же лучше, чем предаваться безделью и стать пичтожеством! — отвечала Бинодини. — Идите, вам пора на занятия.

— Ох, сегодня такой приятный пасмурный день!

— Ничего! Экипаж уже подан, отправляйтесь!

— Я же отослал экипаж!

— А я велела ему подождать, — спокойно говорила Бинодини и приписала ему одежду для колледжа.

— Вам следовало родиться среди воинственных раджапутов, тогда бы вы снаряжали своих близких на битву.

Отлынивание от дел ради развлечений и пропуски занятий Бинодини не одобряла. При ее суровом правлении всякие развлечения в течение дня прекратились вовсе. Поэтому вечерние часы стали для Мохендро самым прекрасным и желанным временем. Уже с утра он с нетерпением ждал вечера.

Прежде Мохендро часто пользовался тем, что завтрак не бывал готов вовремя, и с радостью пропускал занятия. Теперь же Бинодини заботилась обо всем, и, когда кончался завтрак, экипаж уже ждал. Раньше будничное платье Мохендро далеко не всегда бывало приведено в порядок. То оказывалось, что его не принесли от прачки, то оно пропадало где-то в неизвестных уголках шкафа, и без длительных розысков его невозможно было обнаружить.

Сначала Бинодини шутливо бранила Ашу за этот беспорядок, и Мохендро вместе с нею весело смеялся над пересторопностью жены. В конце концов из дружеского участия Бинодини взяла на себя заботу о том, чтобы Мохендро всегда был вовремя накормлен и прилично одет. В комнате был наконец водворен порядок.

Оторвется ли пуговица от куртки Мохендро и Аша сразу не сообразит, как помочь этому горю, — появляется Бинодини и, отобрав у растерянной Аши куртку, ловко пришивает пуговицу. Однажды кошка отвела блюдо, приготовленное для Мохендро. Аша растерялась. Бинодини сейчас же побежала на кухню и принесла другую еду.

Постепенно Мохендро во всем стал ощущать заботливую руку Бинодини. Сделанные ею шерстяные туфли, связанный Бинодини шарф ласкали его, как нежное прикосновение. И когда, умытая и благоухающая, Аша, припарженная подругой, появлялась перед Мохендро, в ней было что-то от Бинодини. Теперь обе женщины в сознании Мохендро сливались в одно очаровательное создание, как воды Гауги и Джамуны.

Бихари был в немшлости — его не звали. Однажды он написал Мохендро, что на следующий день, в воскресенье, придет обедать к Раджлокхи. Мохендро решил, что тогда воскресенье будет испорчено, и поспешил послать ему записку, сообщая, что в воскресенье его не будет дома — он должен отлучиться по важному делу.

В воскресенье, во второй половине дня, Бихари все же зашел, чтобы выяснить, куда отправился Мохендро. Но привратник сказал ему, что Мохендро дома. Бихари взбежал по лестнице и вошел в комнату друга. Мохендро, захваченный врасплох, простопал: «Ох, как у меня разболелась голова!» — и откинулся на подушки. Услышав это и увидев выражение лица Мохина, Аша испуганно вскочила и, не зная, что делать, вопросительно взглянула на Биподини. Биподини понимала, что с Мохиним ничего серьезного не случилось, по тем не менее с тревогой сказала:

— Вы очень много занимались сегодня, отдохните. Сейчас я принесу одеколоп.

— Зачем? Не надо, — запротестовал было Мохендро, но Биподини не слушала его. Она мгновенно вернулась, неся одеколоп, смешанный с холодной водой, намочила платок и отдала его Аше, чтобы та сделала компресс.

Мохендро время от времени повторял «не надо», а Биподини, сдерживая улыбку, молча наблюдала за этим представлением.

«Пусть видит Бихари, как меня любят», — самодовольно думал Мохендро.

У Аши в присутствии Бихари от смущения дрожали руки, и несколько капель одеколопа попали Мохендро в глаз, когда она пыталась сделать компресс. Тогда Биподини взяла из рук Аши платок, положила его на лоб Мохендро и стала осторожно смачивать одеколоном.

Аша, закутавшись в покрывало, принялась обмахивать мужа веером.

— Ну как, Мохендро-бабу, лучше вам? — спросила Биподини. Она говорила нарочито встревоженно, но, кивнув быстрым взглядом на Бихари, встретила с его смеющимися глазами. Бихари отлично видел, что все происходящее — комедия. И Биподини поняла, что этого человека нелегко провести, от него ничто не скроется.

— Знаете, Биподи-ботхан, от такого внимательного ухода болезнь не пройдет, а скорее, наоборот, усилится! — смеясь, воскликнул Бихари.

— Нам, глупым деревенским женщинам, это неизвест-

по. А что, разве в ваших медицинских книгах об этом паппсапо?

— Конечно. Вот я, например, увидел, как вы ухаживаете за этим больным, и у меня тоже разболелась голова. Но мне, бедному, придется поправляться без лекарства. Мохипу повезло.

Бинодини отложила компресс.

— Друга должен лечить друг, — заметила она.

Все происходящее возмутило Бихари. Последние дни он был очень занят и не подозревал, что за это время между Мохендро, Бинодини и Ашей завязалась такая тесная дружба. Он пристально посмотрел на Бинодини. Молодая женщина спокойно встретила его взгляд.

Бихари резко сказал:

— Правильно! Только так — друга должен лечить друг. Я принес сюда головную боль, я же ее и упесу. Так что не расходуйте зря одеколоны. А вообще, — продолжал он, глядя на Ашу, — чем лечить, лучше не доводить дело до болезни.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

«Нельзя, чтобы это зашло далеко, — думал Бихари. — Я не должен оставлять Мохендро. Правда, никто из них не желает меня видеть, но я обязан вмешаться».

И Бихари стал без приглашения появляться в доме Мохендро.

— Этого юнца, — говорил он Бинодини, — баловала мать, портил друг, а теперь его портит жена. Умоляю вас, Биноди-ботхан, портите лучше кого-нибудь другого!

— Кого же? — смеялся Мохендро.

— Да хотя бы такого, как я. На меня еще никому не удавалось влиять...

— Такого, как ты! — проворчал Мохендро. — Эх, Бихари, не так-то легко быть достойным того, чтобы тебя портили! Попросить — мало!

— Чтобы испортиться, надо еще обладать особым талантом, Бихари-бабу! — подхватила Бинодини.

— Но если я лишен такого таланта, мне должно помочь ваше искусство. Попробуйте побаловать меня немного!

— Если вы будете готовиться заранее, ничего не получится! — возразила Бинодини. — Нужно быть совершенно неподготовленным. Но как ты думаешь, дорогая Аша, может быть, лучше тебе взяться за Бихари?

Аша легонько толкнула Бинодини. Бихари тоже не поддержал шутки. Бинодини поняла, что Бихари не потерпит насмешек над Ашей. Это больно кольнуло ее самолюбие. Вот как! Значит, Ашу Бихари уважает, а ее, Бинодини, он не принимает всерьез?!

— Хотя этот попрошайка Бихари и обратился ко мне, — снова повернулась она к Аше, — по милостыню он жаждет получить именно от тебя. Удели ему что-нибудь, дорогая...

Аша окончательно рассердилась. Бихари вспыхнул, но через мгновение сказал, смеясь:

— Почему же вы предпочитаете Мохендро, а меня не порекомендуете кому-то другому? Но ладно, торговаться из-за этого с Мохиним я не стану.

От Бинодини не укрылось стремление Бихари разрушать все ее планы, и она сказала себе, что с ним нужно быть осторожной. От хорошего настроения Мохендро не осталось и следа. Ему казалось, что своей болтовней Бихари испортил все поэтическое очарование вечера.

— Твой Мохин тоже не собирается торговаться, Бихари, — недовольно сказал Мохендро. — Он вполне доволен тем, что имеет.

— Он-то, возможно, и не собирается, — ответил Бихари, — но это может произойти помимо его желания, раз ему так суждено...

— Вам ли говорить о торговле, Бихари-бабу, ведь в ваших руках ничего нет! — вмешалась Бинодини. И с резким смехом она грубо ущипнула Ашу за щеку. Рассерженная Аша вышла из комнаты. Бихари, разбитый наголову, сердито молчал.

Он уже собрался уходить, когда Бинодини вдруг сказала:

— Не падайте духом, Бихари-бабу. Сейчас я пришлю Ашу.

Бинодини вышла. Мохендро был раздосадован, что из-за Бихари их компания расстроилась. При виде его недовольного лица Бихари не выдержал.

— Ты погубишь себя, Мохин! — воскликнул он. — С собой делай что хочешь, только не губи ни в чем не повиную женщину, которая доверилась тебе всем сердцем! Я еще раз тебе говорю: не губи ее! — От волнения у Бихари прервался голос.

Сдерживая раздражение, Мохендро ответил:

— Я не понимаю тебя, Бихари. Не говори загадками, скажи прямо!

— И скажу! — Бихари не заметил, как повысил голос. — Бинодини нарочно сбивает тебя с пути, а ты ничего не понимаешь и, как глупый осел, идешь вперед, не разбирая дороги!

— Неправда! — загремел Мохендро. — Если ты будешь несправедливо подозревать уважаемую жепщину, лучше тебе совсем не появляться в оптохпуре!

В ксмпату вошла улыбающаяся Бинодини с подносом сладостей и поставила его перед Бихари.

— Это еще зачем? — воскликнул Бихари. — Я не голоден.

— Ну как же так?! Неужели вы уйдете, ничего не попробовав?

Бихари рассмеялся:

— Понимаю, моя просьба принята! Теперь меня будут портить, началось ухаживание!

Бинодини лукаво улыбнулась.

— Вы же названный брат Мохендро. И поэтому можете пользоваться всеми родственными привилегиями. Зачем просить там, где можно требовать? Вы сами можете взять нашу любовь и внимание. Правда, Мохендро-бабу?

Мохендро от возмущения лишился дара речи.

— Бихари-бабу, — продолжала Бинодини, — вы что же это, стесняетесь есть или, может, сердитесь? Позвать вам кого-нибудь сюда?

— Никого и ничего мне не пужно. С меня довольно...

— Вы шутите? С вами просто невозможно справиться. Даже сладостями вас не подкупить!

Ночью Аша призналась мужу, что терпеть не может Бихари, но Мохендро, вопреки обыкновению, не стал высмеивать жену.

Утром он отправился к другу.

— Знаешь, Бихари, — сказал он, — Бинодини у нас все же чужая, и ей неприятно, что ты приходишь на женскую половину дома.

— Неужели?! — удивился Бихари. — Ах, как плохо получилось! Что ж, если она против, я больше не покажусь ей на глаза.

Мохендро успокоился. Он не ожидал, что это неприятное дело так просто уладится. По правде говоря, он побаивался Бихари.

Но в тот же день Бихари явился на женскую половину дома.

— Биноди-ботхан, — сказал он, — простите меня!

— За что, Бихари-бабу?

— Я слышал от Мохендро, будто вы сердитесь за то, что я прихожу сюда. Скажите, что вы прощаете меня, и я сейчас же уйду.

— Что вы говорите, Бихари-бабу?! Я ведь здесь только гостя, зачем же вам уходить из-за меня! Знала бы я, что доставлю кому-то столько неприятностей, ни за что не приезжала бы.— Бинодини изобразила на лице глубокое страдание и, будто с трудом удерживая слезы, быстро вышла.

У Бихари мелькнула мысль, что, может, он напрасно так плохо думает об этой женщине.

В тот же день к Мохендро пришла взволнованная Раджлукхи.

— Мохин, Бинодини просит отпустить ее домой,— сказала она.

— Почему, ма, разве ей плохо здесь?

— Нет, конечно. Но Бинодини говорит, что люди могут осудить ее за то, что она, молодая вдова, так долго живет в чужом доме.

— Значит, этот дом уже стал ей чужим! — обиженно заметил Мохендро.

Бихари сидел тут же, и Мохендро сердито взглянул на него. Бихари с раскаянием подумал о том, что вчера своими словами, очевидно, причинил боль Бинодини.

Аша и Мохендро разыскали Бинодини и принялись дружески упрекать ее.

— Как ты можешь считать нас чужими, сестра,— говорила Аша.

— Столько времени жили как свои, и вдруг мы оказались чужими для тебя! — вторил ей Мохендро.

— Но вы не можете держать меня здесь вечно...

— Мы не посмели бы...

— Зачем только мы так привязались к тебе! — воскликнула Аша.

— Все равно через несколько дней я уеду, так стоит ли обманивать себя,— сказала Бинодини, при этом смущенно взглянув на Мохендро.

В тот день так ничего и не решили.

— Биноди-ботхан! Зачем вы говорите об отъезде? — сказал ей Бихари на следующий день.— Я виноват перед вами. Но не надо так наказывать меня!

— Вы ни в чем не виноваты,— отвернувшись, проговорила Бинодини.— Во всем виновата моя судьба.

— Если вы уедете, я буду думать, что вы сделали это из-за меня.

В вежливых глазах Бинодини появилось умоляющее выражение.

— Ну, скажите сами, разве должна я остаться?

Бихари растерялся. Как мог он сказать, что она должна остаться?

— Разумеется, когда-нибудь вам нужно будет уехать, но ничего страшного не случится, если вы еще немного задержитесь, — сказал он наконец.

Бинодини опустила глаза.

— Вы все так уговариваете меня, что мне трудно послушаться. Но это очень жестоко с вашей стороны.

Крупные слезы задрожали на ее густых, длинных ресницах.

Бихари совсем растерялся.

— За это короткое время вы всех успели покорить своими редкими достоинствами, — заговорил он, — поэтому никто не желает расставаться с вами. Не подумайте ничего плохого, Биноди-ботхан, но кому захочется добровольно отпустить такую Лакшми!

Закутанная в покрывало Аша, которая сидела тут же, принялась поспешно вытирать глаза краем своего сари.

После этого разговора Бинодини больше не заводила речи об отъезде.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Для того чтобы окончательно забыть о размолвке, Мошедро предложил в воскресенье устроить прогулку за город. Аша пришла в восторг от этой затеи, но Бинодини ни за что не соглашалась принять участие в прогулке. Аша и Мохин приуныли. Они недоумевали, почему Бинодини стала сторониться их.

Вечером, когда пришел Бихари, Бинодини сразу же сказала ему:

— Бихари-бабу, Мохин предлагает устроить пикник в Домдомá, а я не соглашаюсь ехать с ними. И вот из-за этого они оба сердятся на меня с самого утра.

— И правильно делают, что сердятся, — ответил Бихари, — без вас из их прогулки такое получится, что и врагу не пожелаешь.

— Поедьте с нами, Бихари-бабу, — вдруг оживилась Бинодини. — Тогда я тоже поеду.

— Предложение заманчивое! Но ведь это затея Мохендро, а еще неизвестно, что он скажет!

И муж и жена были очень недовольны непонятым единодушием Бихари и Бинодини. У Мохендро моментально испарился весь его энтузиазм. Ему так хотелось, чтобы Бихари раз и навсегда понял, как неприятен он Бинодини. Но вслух Мохендро сказал:

— Что ж, хорошо, очень хорошо. Но послушай, Бихари, ни одна твоя поездка еще не обходилась без происшествий. Неизвестно, что взбредет тебе на ум. Ты можешь притащить к нам в компанию какого-нибудь местного князька или затеять ссору с европейцем!

Заметив недовольство Мохендро, Бихари усмехнулся про себя.

— Ну, это все невинные шутки — с кем такого не бывает, — сказал он. — Конечно, трудно знать заранее, какая может случиться неприятность. Биноди-ботхан, выезжать надо на рассвете, я приду точно в назначенный час.

Когда в воскресенье рано утром Бихари явился с огромной тяжелой корзиной, двуколка для слуг и вещей и экипаж для хозяев уже стояли у ворот.

— Что это ты притащил? — проворчал Мохендро. — В двуколке нет места.

— Не волнуйся, дада, я все устрою, — отозвался Бихари.

Бинодини и Аша сразу сели в экипаж, а Мохендро все медлил, не зная, куда усадить Бихари. Тем временем Бихари укрепил корзину наверху экипажа, а сам уселся на козлы. Мохендро облегченно вздохнул: «Хорошо, что он не сел в экипаж, а то выкинул бы еще какую-нибудь штуку».

— Вы не свалитесь оттуда, Бихари-бабу? — забеспокоилась Бинодини.

— Не волнуйтесь, падения и обмороки не в моих привычках!

Едва экипаж тронулся, как Мохендро сказал:

— Лучше я пересяду наверх, а Бихари пусть идет сюда.

Аша испуганно ухватилась за чадор мужа:

— Нет, нет! Не надо!

— Зачем вам это? — поддержала ее Бинодини. — Вы ведь не привыкли ездить на козлах, еще упадете!

— Упаду? — вспыхнул Мохендро. — Никогда!

— Вы обвиняли Бихари, но теперь я вижу, что любите происшествия не меньше его!

Мохендро обиделся.

— Ладно, — сказал он, — не будем спорить. Пусть Би-хари идет сюда, а я возьму себе другой экипаж.

— Тогда и я с тобой! — заявила Аша.

— А мне что прикажете, прыгнуть на ходу? — спросила Бинодини.

На этом разговор прекратился. Всю дорогу Мохендро сидел мрачный. Наконец экипаж прибыл в Домдома. Двуколка с вещами и слугами еще не появилась, хотя ее отправили гораздо раньше.

Стояло ясное осеннее утро. Солнце уже поднялось, и роса на траве высохла, но влажная листва деревьев еще блестела в солнечных лучах. Вдоль ограды тянулись ряды высоких деревьев, под ними расстился ковер душистых цветов.

Вырвавшись на простор из каменных оков Калькутты, Аша резвилась, как лань. Вместе с Бинодини они собирали цветы, рвали плоды и ели их, сидя под деревом. И мягкий солнечный свет, и тень деревьев, и цветущие кустарники — все вокруг, казалось, радостно встрепенулось от безудержной веселости двух молодых женщин. Подруги вернулись с купанья, а двуколка со слугами все еще не было. Мохендро сидел в кресле на веранде бунгало и с упрямым видом читал объявления какой-то иностранной фирмы.

— А где же Бихари-бабу? — спросила Бинодини.

— Не знаю! — буркнул Мохендро.

— Пойдемте поищем его.

— Никто его не похитит, будьте спокойны! Сам найдется.

— А может, он разыскивает вас, боится, как бы не пропало такое сокровище. Надо пойти успокоить его.

Они пошли Бихари под огромным бабьяном, который рос у самого пруда. Под ним Бихари распаковал свою корзину, вынул оттуда таганок и вскипятил воду. Когда все подошло, он гостеприимно усадил их на плетеную скамью, подал чай и сладости на небольшом подносе.

Бинодини то и дело повторяла:

— Какое счастье, что Бихари-бабу обо всем позаботились. Что случилось бы с Мохендро-бабу без чая!

Мохендро с удовольствиемпил чай, однако не преминул сказать:

— Вечно этот Бихари хочет отличиться. Мне хотелось устроить настоящий пикник, а у него, оказывается, уже готов завтрак, как в городе. Никакого удовольствия!

— Тогда давай сюда свою чашку, Мохин,— откликнулся Бихари,— развлекайся голодный, мы не будем тебе мешать.

Время шло, а слуг все не было. Из корзины Бихари стали появляться на свет различные припасы. Извлекли рис, горох, овощи и разные приправы в маленьких бутылочках. Биноддини удивилась:

— Бихари-бабу, вы и нас, хозяек, превзошли. У вас ведь нет жещини в доме — где вы научились всему этому?

— Жизнь научила,— ответил Бихари.— Приходится самому о себе заботиться, больше некому.

Бихари сказал это шутя, но Биноддини вдруг загрустила и кинула на него взгляд, полный сочувствия.

Бихари и Биноддини занялись стряпней. Когда Аша делала робкие попытки помочь, Бихари отстранял ее. Ничего не смысливший в хозяйстве Мохендро даже не пытался помогать. Он прислонился к дереву и, закинув ногу на ногу, следил за пляской солпечных зайчиков на трепетавшей листве баньяна.

Когда стряпня подходила к концу, Биноддини сказала:

— Мохендро-бабу, все равно вам не сосчитать всех листьев на дереве, идите искупайтесь.

В это время прибыли наконец слуги с провизией. Оказывается, по дороге у двуколки сломалось колесо.

Наступил полдень.

После обеда решили расположиться под деревом и сыграть в карты. Но Мохендро наотрез отказался, сел в тени задремал. Аша ушла отдохнуть в бунгало.

— Что ж, я, пожалуй, тоже пойду,— натягивая на голову край сари, сказала Биноддини.

— Не уходите, поболтаем немного,— предложил Бихари.

— Расскажите мне о ваших родных местах.

Жаркий полуденный ветер шелестел в ветвях деревьев, временами доносился крик кукушки. Биноддини стала рассказывать о своем детстве, о родителях, о подругах детства. Пока она говорила, край сари соскользнул с ее плеч. Тень светлых воспоминаний детства легла на ее щеки, сделала черты его мягче, чуть притушила огонь молодости, сверкавший в ее глазах. Насмешливые и провинные, эти глаза всегда вызвали у Бихари смутное беспокойство. Но сейчас, когда их темное пламя померкло, они обратились в спокойное сияние, ему показалось, что перед ним другой человек. Под этой ослепительно сверкающей улыбкой билось нежное, чувствительное сердце; не-

удержимое желание нравиться не иссушило душу этой жепципы.

Раньше Бихари не мог представить себе Бинодини в роли скромной, преданной жены или добродетельной матери, держащей на коленях ребенка. Но сейчас перед ним на мгновение словно раздвинулся занавес, и он увидел непривычное зрелище: счастливый домашний очаг. «Бинодини кажется легкомысленной, но в сердце ее живет суровая отшельница, — подумал Бихари и с глубоким вздохом сказал себе: «Ни один человек по-настоящему не знает самого себя. Лишь создателю это доступно. Для окружающих же человек таков, каким проявляет себя в решающие моменты своей жизни».

Бихари не прерывал рассказа Бинодини, — наоборот, он задавал ей вопросы, стараясь продлить беседу. Никогда еще Бинодини не встречала человека, который умел бы слушать, как Бихари. И конечно, ни одному мужчине не рассказывала она обо всем так просто и легко. Они разговаривали вполголоса, и Бинодини всем существом своим чувствовала, что после этой откровенной беседы стала чище — словно омылась в прозрачном потоке.

Мохендро не привык вставать рано и проспал до пяти часов.

— Пора возвращаться! — раздраженно сказал он, проснувшись.

— Поедем попозже, — заметила было Бинодини.

— Вам, видимо, хочется попасть в руки пьяных европейцев?

Пока собирались, совсем стемнело. Наконец появился слуга и сообщил, что экипаж, на котором они приехали, исчез и его нигде не могут отыскать. Оказалось, экипаж ожидал их у входа в парк, но двое белых зажали его и заставили кучера везти их к станции.

Пришлось послать слугу за другим экипажем. Мохендро еще больше нахмурился и все твердил про себя, что день испорчен окончательно. Он был настолько раздражен, что даже не скрывал своей досады.

Тем временем полная луна выбралась из паутины ветвей и засияла в ночном небе. Застывший в безмолвии сад преобразился, весь в бликах света. В этом заколдованном мире Бинодини испытала странное чувство. И когда в тенистой аллее она обняла Ашу, в ее ласке не было обычной фальши. Аша заметила слезы на глазах подруги и с бесновойством спросила:

... — Что с тобой, милая моя Песчипка, почему ты плачешь?

— Ничего, Аша, все хорошо. Просто мне очень поправился сегодняшний день.

— Чем же?

— Знаешь, мне сейчас кажется, что я умерла и попала в совершенно иной мир.

— Что ты! Что ты! Не смей так говорить.

Накопец разыскали экипаж. Бихари снова взобрался на козлы. Бинодипи молча смотрела в окно. Залитые лунным светом деревья густым черным потоком бежали перед ее глазами. Всю дорогу Мохендро сидел мрачный и злой.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

После пикника Мохендро захотелось вернуть потерянное расположение Бинодипи. Но на следующий день у Раджлокхи началась инфлюэнца — болезнь не серьезная, но вызывавшая слабость и недомогание. Бинодипи ни днем ни ночью не отходила от ее постели.

— Так вы и сами скоро сляжете, — заметил ей Мохендро. — Я найму человека для ухода за матерью.

— Не вмешивайся, Мохин, — уговаривал его Бихари, — она хочет заботиться о больной, пусть заботится. Разве сможет кто-нибудь другой так ухаживать за Раджлокхи?

Мохендро стал часто заглядывать к больной матери. Трудолюбивая Бинодипи терпеть не могла, когда человек сам ничего не делал и другим мешал. Не раз в сердцах она говорила Мохендро:

— Все равно здесь от вас никакой пользы нет. Шли бы лучше на занятия, зачем напрасно время терять!

Бинодипи было приятно, что Мохендро ходит за ней по пятам, но она презирала его за то, что даже у постели больной матери он мог думать только о своем увлечении. Когда Бинодипи должна была выполнить какое-нибудь дело, она забывала обо всем остальном. Касалось ли это стряпни, ухода за больными или хозяйства — никто не мог бы упрекнуть Бинодипи в невнимательности.

За работой она никогда не думала ни о чем постороннем.

Часто заходил Бихари справиться о здоровье Раджлокхи. Едва войдя в комнату, он сразу замечал, что нужно сделать, чего не хватает, и, быстро сделав то, что следо-

вало, уходил. Бинодини видела, с каким уважением относится он к ее заботам о Раджлоххи, поэтому приходы Бхарри стали для нее своего рода наградой.

Мохендро теперь регулярно посещал запяття, но делал это с каким-то ожесточением. У него постоянно было плохое настроение, которое усугублялось беспорядком в доме. С тех пор как Бинодини полностью посвятила себя уходу за больной, еда подавалась не вовремя, кучер куда-то исчезал, на посках появились дырки; но теперь это не казалось Мохендро забавным, как прежде. Он понял, как удобно, когда все необходимое под рукой и каждая вещь в порядке. Его больше не забавляли нерасторопность и неумение Аши.

— Чуни, сколько раз я говорил тебе, чтобы моя одежда, когда я иду купаться, была приготовлена и запонки пристегнуты, но, видно, толку от тебя не добьешься! После купанья я трачу целых два часа на то, чтобы разыскать все необходимое.

Бледнея от стыда, Аша виновато проговорила:

— Я сказала слуге.

— Могла и сама позаботиться. Ах, если бы ты хоть что-нибудь умела!

На Ашу эти слова подействовали как гром среди ясного неба. Никогда еще Мохендро не отчитывал ее так. Она могла сказать ему, что он сам мешал ей учиться хозяйничать, что для всего нужны навыки и опыт, но ей и в голову не пришло оправдываться. Она сама считала себя неспособной, даже тупой, не годной ни на какое дело. И когда Мохендро, рассердившись, поставил ей в пример Бинодини, она приняла это покорно и без ревности.

Аша слонялась возле комнаты больной свекрови, иногда подходила к двери и в нерешительности останавливалась у порога. Ей так хотелось стать полезной, сделать что-нибудь, но никто не пуждался в ее помощи. Аша не знала, за что взяться, как найти свое место в доме. Смущенная собственной беспомощностью, она оставалась в стороне от семьи. С каждым днем терзания бедной женщины становились все невыносимее. Она не отдавала себе ясного отчета в своих страхах, смутных опасениях. Чувствовала, что собственными руками губит свое счастье, но как это случилось, почему все вокруг рушится, этого она не знала. Бывали минуты, когда ей хотелось закричать в исступлении: «Ну да, я недостойная, неспособная — другой такой тунци нет на свете!»

Раньше Аша и Мохендро любили уединяться в каком-нибудь укромном уголке дома. Иногда они разговаривали, иногда молчали, но всегда бывали счастливы. Теперь же, когда не было Бинодини и Мохендро приходилось оставаться с глазу на глаз с Ашей, он не знал, о чем говорить с ней. Наступало тягостное молчание.

— Кому это письмо? — спросил однажды Мохендро привратника, увидев в его руке конверт.

— Бихари-бабу.

— Кто передал?

— Госпожа Бинодини.

— Дай-ка сюда.

Мохендро взял письмо. Как ему хотелось вскрыть его! Но, повертев конверт в руках, он небрежно вернул его привратнику. Если бы он открыл письмо, то прочел бы там: *«Тетя не хочет есть ни ячменя, ни саго. Можно ли дать ей гороховый суп?»* Бинодини никогда не обращалась к Мохендро с такого рода вопросами, она полагалась только на Бихари.

Некоторое время Мохендро беспокойно ходил взад и вперед по веранде. Потом пошел в комнату и тут заметил, что у одной из картин почти перетерлась веревка и картина висит криво.

— Ничего ты не видишь! — резко бросил он Аше. — Так все в доме скоро пойдет прахом.

Букет, который Бинодини поставила в бронзовую вазу после пикника, давно уже завял, но никто его не выбрасывал. В другое время Мохендро не заметил бы этого, но только не сегодня!

— Бинодини не выбросила, значит, больше некому! — крикнул он и, схватив вазу с цветами, швырнул ее за дверь. Было слышно, как она со звоном покатилась по ступеням.

«Почему Аша не такая, какой я бы желал ее видеть? Почему она все делает не так, как я хочу? Почему она бесхарактерна и не может взять верх в супружеской жизни, а всегда во всем лишь потакает мне?» Так думал Мохендро в ту минуту. Аша побелела, губы ее задрожали, и она с плачем выбежала из комнаты.

Мохендро медленно вышел, поднял вазу и поставил ее на место. Потом он сел в кресло у стола и долго сидел так, опустив голову на руки.

Спустились сумерки, в комнату внесли лампу. Аша все не приходила. Мохендро поднялся на крышу и стал там

нетерпеливо расхаживать. Пробило девять, в полупустом доме стало тихо, как ночью. Аша все не шла. Наконец Мохендро послал за ней. Послышались нерешительные шаги, и, войдя, Аша остановилась у двери. Мохендро подошел и привлек ее к себе, Аша судорожно разрыдалась на груди мужа. Она не могла остановиться, слезам, казалось, не будет конца, плач переходил в громкие рыдания, Аша и не пыталась удержать их. Прижав жену к груди, Мохендро целовал ее волосы...

С темного неба на них смотрели притихшие звезды.

Ночью Мохендро сказал ей:

— У нас начинаются почные дежурства, поэтому на некоторое время мне придется поселиться недалеко от колледжа.

«Все еще сердится,— подумала Аша.— Неужели он уходит оттого, что рассердился на меня? Это я своей глупостью выживаю мужа из дома! Лучше бы мне умереть!»

Но по тому, как Мохендро держался, не было заметно, чтобы он продолжал сердиться на нее. Долго, не говоря ни слова, он прижимал к груди жену, распустил ее косы и перебирал пряди волос. Раньше, в те счастливые далекие дни, Мохендро часто, вот так же, как теперь, распускал ей волосы, хотя она и противилась этому. Сегодня Аша не сопротивлялась. Она замерла от счастья. Вдруг ей на лоб упала слеза, и она услышала прерывающийся от нежности голос Мохендро:

— Чуни!

Аша молча обвила руками его шею.

— Я виноват перед тобой, прости меня.

Прикрыв рот мужа своей гибкой и нежной, как цветок куsuma, рукой, Аша сказала:

— Нет, нет, не говори так! Ты не виноват. Я сама причина всех бед. Накажи меня, как свою служанку,— только позволь мне остаться у ног твоих.

На заре, перед тем как уйти, Мохендро сказал:

— Чуни, сокровище мое, ты одна будешь царить в моем сердце, никому я не позволю вытеснить тебя оттуда.

Тогда Аша, решившись мужественно перенести разлуку с мужем, предъявила ему свое скромное требование.

— Пиши мне каждый день по коротенькому письму, хорошо?

— А ты будешь отвечать?

— Разве я сумею!

Мохендро ласково потянул ее за прядь волос.

— Лучше, чем сам Окхойкумар Дотто, автор «Чарупатха». Это будет для меня поистине «приятное чтение».

— Перестань, не смейся надо мной,— воскликнула Аша.

Перед тем как проводить Мохендро, Аша, как умела, принялась укладывать его вещи. С теплыми вещами пришлось намучиться, в чемодан они вообще не влезали. С грехом пополам вдвоем они кое-как управились. Однако то, что поместилось бы в одном чемодане, заняло два. Оставшиеся вещи они увязали отдельными свертками. Аше было стыдно своего неумения, но эти шумные сборы и шуточные пререкания, казалось, перенесли их к счастливым дням прошлого. Она позабыла даже, что это — приготовления к отъезду. Кучер уже раз десять напоминал Мохендро, что экипаж подан, но тот пропускал его слова мимо ушей. В конце концов Мохендро приказал ему распрячь лошадей.

Утро сменилось днем, день — вечером. Только тогда, после взаимных паставлений беречь здоровье и обещаний непременно писать друг другу, супруги нежно распрощались.

Еще накануне Раджлокхи поднялась с постели. Сегодня, завернувшись в теплую шаль, она играла в карты с Бинодхини и выглядела совсем здоровой. Мохендро вошел в комнату и, даже не взглянув на Бинодхини, сказал:

— Ма, у нас начинаются ночные дежурства, и я временно поселяюсь недалеко от колледжа. Сегодня я переезжаю.

— Поезжай,— обиженно отвечала Раджлокхи,— раз это нужно для занятий. Зачем тебе оставаться дома?

Узнав, что Мохендро усзикает, Раджлокхи снова почувствовала себя больной и слабой.

— Передай мне подушку, дочка,— обратилась она к Бинодхини.

Раджлокхи прилегла, и Бинодхини стала растирать ей ноги.

Мохендро хотел проверить пульс, но мать отстранила его:

— Пульс очень слабый, ты не пайдешь его. Но я здорова, не беспокойся.

В изнеможении она откинулась на подушки.

Мохендро низко склонился перед Раджлокхи и ушел, так и не сказав Бинодхини ни слова на прощанье,

нетерпеливо расхаживать. Пробило девять, в полупустом доме стало тихо, как ночью. Аша все не шла. Наконец Мохендро послал за ней. Послышались нерешительные шаги, и, войдя, Аша остановилась у двери. Мохендро подошел и привлек ее к себе, Аша судорожно разрыдалась на груди мужа. Она не могла остановиться, слезам, казалось, не будет конца, плач переходил в громкие рыдания, Аша и не пыталась удержать их. Прижав жену к груди, Мохендро целовал ее волосы...

С темного неба на них смотрели притихшие звезды.

Ночью Мохендро сказал ей:

— У нас начинаются ночные дежурства, поэтому на некоторое время мне придется поселиться недалеко от колледжа.

«Все еще сердится,— подумала Аша.— Неужели он уходит оттого, что рассердился на меня? Это я своей глупостью выжила мужа из дома! Лучше бы мне умереть!»

Но по тому, как Мохендро держался, не было заметно, чтобы он продолжал сердиться на нее. Долго, не говоря ни слова, он прижимал к груди жену, распустил ее косы и перебирал пряди волос. Раньше, в те счастливые далекие дни, Мохендро часто, вот так же, как теперь, распускал ей волосы, хотя она и сопротивлялась этому. Сегодня Аша не сопротивлялась. Она замерла от счастья. Вдруг ей на лоб упала слеза, и она услышала прерывающийся от нежности голос Мохендро:

— Чунн!

Аша молча обвила руками его шею.

— Я виноват перед тобой, прости меня.

Прикрыв рот мужа своей гибкой и нежной, как цветок кусума, рукой, Аша сказала:

— Нет, нет, не говори так! Ты не виноват. Я сама причина всех бед. Накажи меня, как свою служанку,— только позволь мне остаться у ног твоих.

На заре, перед тем как уйти, Мохендро сказал:

— Чунн, сокровище мое, ты одна будешь царить в моем сердце, никому я не позволю вытеснить тебя оттуда.

Тогда Аша, решившись мужественно перенести разлуку с мужем, предъявила ему свое скромное требование.

— Пиши мне каждый день по коротенькому письму, хорошо?

— А ты будешь отвечать?

— Разве я сумею!

Мохендро ласково потянул ее за прядь волос.

— Лучше, чем сам Окхойкумар Дотто, автор «Чарупатха». Это будет для меня поистине «приятное чтение».

— Перестань, не смейся надо мной,— воскликнула Аша.

Перед тем как проводить Мохендро, Аша, как умела, принялась укладывать его вещи. С теплыми вещами пришлось намучиться, в чемодан они вообще не влезали. С грехом пополам вдвоем они кое-как управились. Однако то, что поместилось бы в одном чемодане, заняло два. Оставшиеся вещи они увязали отдельными свертками. Аше было стыдно своего неумения, по эти шумные сборы и шуточные пререкания, казалось, перенесли их к счастливым дням прошлого. Она позабыла даже, что это — приготовления к отъезду. Кучер уже раз десять напоминал Мохендро, что экипаж подан, но тот пропускал его слова мимо ушей. В конце концов Мохендро приказал ему распрячь лошадей.

Утро сменилось днем, день — вечером. Только тогда, после взаимных наставлений беречь здоровье и обещаний непременно писать друг другу, супруги нежно распрощались.

Еще накануне Раджлокхи поднялась с постели. Сегодня, завернувшись в теплую шаль, она играла в карты с Бинодinni и выглядела совсем здоровой. Мохендро вошел в комнату и, даже не взглянув на Бинодinni, сказал:

— Ма, у нас начинаются ночные дежурства, и я временно поселяюсь недалеко от колледжа. Сегодня я переезжаю.

— Поезжай,— обиженно отвечала Раджлокхи,— раз это нужно для занятий. Зачем тебе оставаться дома?

Узнав, что Мохендро уезжает, Раджлокхи снова почувствовала себя больной и слабой.

— Передай мне подушку, дочка,— обратилась она к Бинодinni.

Раджлокхи прилегла, и Бинодinni стала растирать ей ноги.

Мохендро хотел проверить пульс, но мать отстранила его:

— Пульс очень слабый, ты не найдешь его. Но я здорова, не беспокойся.

В изнеможении она откинулась на подушки.

Мохендро низко склонился перед Раджлокхи и ушел, так и не сказав Бинодinni ни слова на прощанье,

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Биподини педоумсвала. «Что это? Обида, досада или страх? — спрашивала она себя. — Хочет показать, что я ему безразлична? Уезжает. Что ж, посмотрим, сколько он выдержит!»

На душе у Биподини было неспокойно. Лишившись возможности поддразнивать Мохендро, она почувствовала растерянность. Домашние дела потеряли для нее всякую привлекательность. Аша тоже стала ей безразлична. Нежность Мохендро к Аше всегда больно ранила лишнюю радостей любви Биподини. Поэтому отъезд Мохендро вызвал в ней и досаду, и жгучую радость. Биподини не могла как следует разобраться, любит она или ненавидит Мохендро, ведь это из-за него она потеряла свое место в жизни. Ради глупенькой, пустой Аши Мохендро отверг такую женщину, как она. Биподини еще не знала, будет она жестоко мстить или отдаст ему свое сердце. Мохендро зажег в ее душе пламя, но она не могла понять, было то пламя ненависти или любви или и то и другое вместе.

«Из одной женщине, наверное, не случалось бывать в таком положении, — говорила она себе с горькой усмешкой. — Сама ведь не знаю, чего мне больше хочется: самой погибнуть или его погубить». Но в обоих случаях ей нужен был Мохендро. Ее огненная, паночная ядом стрела настигнет его повсюду. «Куда он уйдет? Он вернется! Он мой!» — повторяла Биподини, глубоко вздыхая.

Вечером под предлогом уборки Аша пробралась в комнату мужа. Она протерла кресло, спинка которого была вся в пятнах от напомаженной головы Мохендро, вытерла заваленный бумагами стол, книги, картины. Так, перебирая вещи Мохендро, перекладывая их с места на место, Аша коротала этот одинокий вечер. Биподини тихо вошла и стала рядом с ней. Аша немного смутилась, перестала убирать и сделала вид, будто что-то ищет.

— Что с тобой, дорогая? — с серьезным видом спросила Биподини.

— Ничего. — Аша скривила губы в улыбке.

Тогда Биподини обняла ее и спросила:

— Скажи мне, почему твой муж так внезапно уехал? Аша вздрогнула.

— Ты же знаешь. Уехал потому, что ему нужно быть в колледже...

Биподини взяла Ашу за подбородок и, как будто с

искренним сочувствием, долго и внимательно всматривалась в ее лицо. Потом глубоко вздохнула.

Сердце Аши сжалось. Она ведь считала себя глупой, а Бинодини — умницей! Когда Аша увидела выражение лица Бинодини, весь мир померк в ее глазах. Она не решалась ни о чем расспрашивать и молча опустилась на тахту. Бинодини села рядом, крепко обняла ее и прижала к своей груди. Тут Аша не выдержала и разрыдалась. Под окнами слепой нищий пел под аккомпанемент тамбурина:

О, благослови меня, Мать!
О, спаси, избавление дающая!

Пришел Бихари. Он хотел зайти в комнату Мохендро, но замер на пороге, увидев Ашу, плачущую в объятиях Бинодини, которая нежно утирала ей слезы. Бихари поспешил войти в соседнюю пустую комнату и там сел, обхватив голову руками. Он пытался догадаться, почему Аша плачет. Какое чудовище заставило плакать ее, эту девочку, которая никому не может причинить зла! Он видел, как утешала ее Бинодини, и еще раз поверил в то, что ошибся в этой жещине.

«Участлива, внимательна, бескорыстно верна подруге — настоящая богиня, сошедшая на землю», — подумал он.

Бихари долго сидел в темноте. Наконец, когда песня слепого за окном смолкла, он, покашливая, появился на пороге комнаты. Аша пакинула на голову покрывало и торопливо скрылась в оптохнуре.

Едва Бихари вошел, как Бинодини воскликнула:

— Что с вами, Бихари-бабу? Не больны ли вы?

— Нет.

— Почему же у вас красные глаза?

— Биноди-ботхад, куда делся Мохендро? — спросил Бихари, не отвечая на ее вопрос.

Бинодини сразу сделалась серьезной.

— Я слышала, у него много работы в больнице, поэтому он сейчас поселился недалеко от колледжа. Разрешите мне пройти, Бихари...

По рассеянности Бихари продолжал стоять на пороге, загораживая выход. Он очнулся от своих мыслей и поспешно отошел в сторону. Только сейчас ему вдруг пришло в голову, что разговаривать с Бинодини во внешней половине дома, в вечернее время, да еще наедине, просто неприлично. Что подумают люди? Бинодини уже собиралась выйти, когда Бихари торопливо сказал:

— Биноди-ботхан, берегите Ашу. Она так простосердечна, ей и в голову не придет обидеть кого-нибудь, она даже себя не умеет уберечь от ударов судьбы...

В темноте Бихари не видел, как молния ненависти скользнула по лицу Бинодини. Накопец-то она поняла, что Бихари сочувствует одной только Аше! Бинодини для него — ничто! Защищать Ашу, убирать тернии с пути Аши, заботиться о счастье Аши — этим он только и дышит! Уважаемый господин Мохендро женился на милой Аше, которая «так простосердечна», поэтому Бинодини должна дичать среди обезьян в джунглях Барашата! Уважаемый господин Бихари не может видеть слез на глазах цвинной Аши, поэтому Бинодини должна быть всегда готова утереть ей слезы! О, когда-нибудь она заставит и этого Мохендро, и этого Бихари ползти за ней в пыли вместе с ее тенью!

Аша — и Бинодини! Разве можно их сравнивать! Злая судьба не дала красоте Бинодини одержать полной победы ни над одним мужским сердцем, и раскаленные стрелы этой красоты сделались теперь смертельными.

— Будьте спокойны, Бихари-бабу, — ласково сказала Бинодини. — Я позабочусь о моей Аше.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Прошло несколько дней, и в студенческое общежитие, где поселился теперь Мохендро, на его имя пришло коротенькое письмо, написанное знакомым почерком. Он не стал читать его днем, среди шума и суеты, а спрятал в карман, ближе к сердцу. В течение дня, слушая лекции и делая обход по палатам, он все время помнил, что на его груди дремлет крылатая вестница любви. Стоит только разбудить ее — и она пропоет Мохендро свою прекрасную песню.

Вечером у себя в комнате Мохендро зажег лампу и с чувством облегчения опустился в кресло. Он вынул из кармана согретое теплом собственного тела письмо, какое-то время не открывал его, внимательно разглядывая надпись на конверте. Он знал заранее, что в письме нет ничего особенного. Аша не умела хорошо выражать то, что чувствовала. По неровным буковкам и кривым строчкам можно будет только догадаться о тех нежных словах, которые теснились в ее сердце. Читая свое имя, старательно выве-

денное неуверенной рукой, он словно слышал какую-то мелодию, — это была вечная песня женского сердца, песня любви, долетавшая, казалось, с заоблачных высот.

За несколько дней разлуки Мохендро совершенно забыл о мучительной натянутости последних встреч с Ашей, и счастливые воспоминания о ее бесхитростной нежности снова засияли перед ним. Забыл Мохендро и о беспорядке в домашних делах, который особенно раздражал его последнее время, и теперь перед его восторженным взором стоял образ Аши, озаренный чистым светом любви и радости.

Очень осторожно Мохендро разорвал конверт, вынул письмо и приложил его ко лбу. Как-то он подарил Аше духи, и сейчас их аромат, словно вздох любимой, донесся до него. Мохендро стал читать. Но что это? Почерк, конечно, скверный, зато как безупречен стиль! Буквы неровны — но слова?!

«Любимый,— писала Аша,— не знаю, зачем этим письмом я напоминаю тебе о той, из-за которой ты уехал, чтобы забыть ее. Лиана, которую ты оторвал от своей одежды и отшвырнул прочь, позабыв стыд, снова пытается уцепиться за тебя. О, зачем она не превратилась в пыль!

Если бы это случилось, о таком пустяке и горевать не стоило бы, господин мой! Но может, иногда ты хоть вспоминал бы о ней. Может, пожалел бы немного. Твое равнодушие ранит меня, как нож, вонзенный в сердце. Ночью ли, днем ли, за любым делом, среди любых забот я чувствую эту боль. Дай лекарство, которое помогло бы мне забыть так, как позабыл ты!

Господин мой, виновата ли я, что ты полюбил меня? Мне и во сне не снилось такое счастье. Да и кто я такая, откуда я взялась, чтобы осмелиться стать твоей женой?

Если бы ты не пожелал видеть меня, если бы пришлось мне, как рабыне, прислуживать тебе без надежды на награду, я и тогда не стала бы жаловаться. Какие несуществующие достоинства открыл ты во мне, дорогой мой, за что полюбил меня? А если уж суждено было в ясный день свергнуть молнии, то почему она лишь обожгла меня? Почему не обратила в пепел душу мою и тело?

За эти два дня я много выстрадала, много передумала, но одного так и не поняла: неужели ты не мог избавиться от меня, оставаясь дома? Совершенно незачем было уезжать куда-то. Разве я стесняю тебя? В самом дальнем углу

твоего дома скрылась бы я — и никогда не попалась бы тебе на глаза.

Зачем же, зачем ты ушел из дома? Лучше уйти мне, — из неизвестности я появилась, в неизвестности и скроюсь...»

Мохендро знал, кто автор этих строк. Ошеломленный, он застыл с письмом в руках. Мысли его неслись по строчкам, как поезд, отталкивались от них и спутывались в какой-то удивительно сложный невообразимый клубок. Долго сидел он в задумчивости, потом снова перечитал письмо. Зарницы, которые раньше вспыхивали где-то в дальнем уголке его сознания, сделались близкими и яркими. Огненный след кометы, тенью мелькнувшей в себе его жизни, теперь стал отчетливо виден.

Письмо принадлежало Бинодини. Наивная Аша думала, что пишет от себя. После того как она переписала сочиненное Бинодини письмо, новые и неожиданные мысли пустили глубокие корни в ее душе. Чужие слова Аша приняла за свои собственные. Никогда не удалось бы ей самой так красиво рассказать о своих переживаниях!

«Как правильно поняла Бинодини мои самые сокровенные мысли!» — думала Аша. И она стала еще больше нуждаться в любимой подруге, потому что все ее горести Бинодини умела выразить словами, без нее Аша чувствовала себя беспомощной.

Мохендро поднялся с кресла и нахмурил брови, пытаясь заставить себя рассердиться на Бинодини, но на самом деле он был зол на Ашу: «Подумать только, какая глупость! Тоже — вздумала влиять на мужа!» Он опустился в кресло и в третий раз стал перечитывать письмо. Окончив его, Мохендро почувствовал, как из глубины его сердца поднимается ликование. Напрасно он пытался убедить себя, что читает письмо от Аши, слог письма выдавал его тайну. Стоило Мохендро прочесть несколько строк, как наплывали пьяняще-радостные мечты и, словно вино, кружили голову. Свет любви — туманный и яркий, отталкивающий и манящий — сводил Мохендро с ума. Ему захотелось изрезать себя пожом или одурманить вином, чтобы только не думать об этом. Внезапно он вскочил с кресла и, ударив кулаком по столу, закричал:

— Прочь от меня! Прочь! Я сожгу его!

Он поднес письмо к огню... но не сжег, а перечитал еще раз.

На следующий день слуга долго смахивал со стола пепел от сожженных бумаг. Но это не было письмо Аши. Мохендро жег неудачные варианты ответного послания.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Скоро пришло еще одно письмо.

«Ты не ответил мне? — писала Аша. — Что ж, ты поступил правильно. Правду писать не обязательно. Я поняла, каков твой ответ. Когда верующий вопрошает бога, то разве бог отвечает словами?»

Послания несчастной уже лежат у ног владыки.

Пусть не гневается властелин моего сердца, если приношения его вечной рабы прервут его благочестивые размышления. Откликнешься ты или нет, захочешь открыть глаза и понять все или не захочешь — иного пути для того, чтобы понять друг друга, у нас нет. Поэтому и написала я тебе эти письма. Что ж, суровый мой владыка, оставайся непреклонным, если можешь».

Мохендро снова принялся составлять ответ. Письмо адресовал он Аше, но из-под пера сами собой выходили слова, обращенные к Бинодини. Скрыть же истинное назначение письма и схитрить он не мог. Просидев до глубокой ночи и изорвав кучу бумаги, он наконец написал несколько строк. Но когда Мохендро уже готов был надписать на конверте имя Аши, ему вдруг показалось, будто его ударили хлыстом и чей-то голос воскликнул: «Чудовище! Так обманывать ни в чем не повинную девочку!» Мохендро разорвал письмо на тысячи клочков и остаток ночи просидел за столом, закрыв лицо руками, словно пытаясь спрятаться от себя самого.

Через несколько дней пришло третье письмо.

«Кто не умеет быть гордым, тот, наверное, не достоин любви. Разве смею я предлагать тебе свою любовь, если не могу уберечь ее от презрения и унижений? Может, я стала так дерзка с тобой потому, что не совсем тебя понимаю. Поэтому, когда ты уехал, я первая послала письмо. Ты молчал, но я продолжала писать и высказала все, что было у меня на сердце. Если я ошиблась — разве одна я в этом виновата? Подумай сам. Неужели ты еще не понял того, что мне давно уже ясно?»

Как бы там ни было, права я была или нет, написанного не сотрешь. Сделанного не исправишь. А жаль! Так что, видишь, и женщины порой испытывают чувство сожаления. Не думай, что тот, кто любит, может без конца унижать свое чувство. Не желаешь моих писем — не надо! Если не ответишь — прощай!»

После этого письма Мохендро не мог не вернуться. «Хоть все это и возмутительно, — думал он, — мне следует съездить домой. Пусть Бинодипи не думает, что я бежал от нее! Надо же разуверить ее в столь дерзком предположении!»

Пришел Бихари. При виде его тайная радость Мохендро возросла. Последнее время он косо поглядывал на Бихари и в душе ревновал его. Они уже не были, как прежде, друзьями. Теперь же, после всех этих писем, Мохендро отбросил свои подозрения и радостно приветствовал друга. Он бросился ему навстречу, хлопнул его по плечу, взяв за руку, усадил в кресло.

Но лицо Бихари было пасмурно. «Бедвяга, — подумал Мохендро, — оп, наверное, часто бывал у нас в доме, встречался с Бинодипи и слышал от нее, конечно, одни колкости».

— Ты был у нас, Бихари? — спросил оп.

— Я только сейчас оттуда, — без улыбки ответил Бихари.

Представив себе страдания Бихари, Мохендро оживился. «Несчастный! — подумал он, — Женщины совсем лишили его своего расположения!» И Мохендро незаметно потрогал карман, где лежали письма.

— Ну как там все? — спросил оп.

— Зачем ты ушел из дому?

— Знаешь, ночные дежурства...

— Ночные дежурства случались и раньше, но я что-то не помню, чтобы ты уходил.

— У тебя, кажется, какие-то подозрения? — рассмеялся Мохендро.

— Я не шучу, тебе нужно сейчас же возвратиться домой.

Всего минутой назад Мохендро и сам так думал. Но после слов Бихари он вдруг решил убедить себя, что ему все не нужно возвращаться.

— Что ты, Бихари, — возразил он, — тогда у меня пропадет целый учебный год.

— Мохин! Я знаю тебя с детства, и не пытайся обманывать меня! Ты поступаешь нехорошо.

— А что я делаю, господин судья?

Бихари потерял терпение:

— Послушай, Мохин, ты всегда говоришь о своем сердце, о своих чувствах, но где сейчас оно, твое сердце?

— Сейчас оно здесь, в больнице.

— Перестань, Мохин, довольно! Ты со мной шутики шутишь, а там Аша места себе не может найти, все плачет.

Мохендро словно кто-то толкнул. Он не думал, что еще кто-то, кроме него, может страдать или радоваться. Опомившись, он спросил:

— Почему же Аша плачет?

— Ты не знаешь? По-твоему, я должен об этом знать? — сердито спросил Бихари.

— Тебе угодно сердиться на то, что твой Мохин не всеведущ, но в этом следовало бы винить не меня, а создателя.

Тогда Бихари рассказал ему о том, что видел. В памяти Бихари так ясно всплыло залитое слезами личико Аши, прильнувшей к груди Бинодини, что голос его дрогнул.

Заметив волнение Бихари, Мохендро изумился. Он всегда был уверен, что у Бихари не может быть никаких увлечений. Когда же это началось? Неужели с того дня, когда друзья приходили смотреть на Ашу в дом ее дяди? Бедняга Бихари! Но хотя Мохендро про себя и назвал Бихари «беднягой», жалости к нему он не испытывал, ему даже стало весело. Уж он-то знал, кому навсегда отдано сердце Аши. «Те, что для других желанны, но недоступны, сами льнут ко мне», — подумал Мохендро, и гордость наполнила его сердце.

— Что ж, тогда поедем, — наконец сказал он. — Пойди найми экипаж.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Стоило Аше увидеть Мохендро, и все ее страхи рассеялись как дым. Она вспоминала свои письма и от стыда не смела поднять глаз.

— Как ты могла писать мне такие обидные письма? — с укором сказал ей Мохендро и вытащил из кармана три читанные и перечитанные послания.

— О, пожалуйста, порви их! — взмолилась Аша. Она хотела вырвать листки из рук Мохендро, но он спрятал их в карман.

— Ведь я покинул дом ради занятий,— сказал он,— а ты этого не поняла! Как ты могла усомниться во мне?!

— Прости.— На глазах у Аши выступили слезы.— Это никогда больше не повторится!

— Никогда-никогда?

— Никогда.

Мохендро привлек ее к себе и поцеловал.

— Дай мне письма, я порву их,— попросила Аша.

— Нет, нет, ни за что!

Аша смиренно подумала, что письма он сохранил ей в наказание. Из-за всей этой истории Аша несколько охладела к Бинодини. Она не только не поспешила поделиться с подругой радостным известием о возвращении мужа, но стала избегать ее.

Бинодини заметила это и под тем предлогом, что у нее дела по хозяйству, не появлялась совсем.

«Странно! — размышлял Мохендро. — Я думал, что теперь буду особенно часто видеть Бинодини, а получилось наоборот. К чему же тогда были письма?» И он решил, что не станет пытаться проникнуть в тайну женского сердца. «Если даже Бинодини и будет стремиться к сближению, я навстречу ей шага не сделаю», — говорил он себе. Но потом ему стало казаться, что он поступает неправильно. «Можно подумать, что между нами действительно что-то есть, пожалуй, лучше восстановить прежние непринужденные отношения и положить конец этой натянутости».

— Что-то подруги твоей не видно,— сказал он как-то Аше.

— Не знаю, почему она не показывается... — равнодушно ответила Аша.

В это время вошла заплаканная Раджлокхи и сказала, что Бинодини просит непременно отпустить ее.

— Почему, ма? — спросил Мохендро, пытаясь скрыть тревогу.

— Откуда мне знать? Но только на этот раз она непреклонна. Ты не умеешь быть внимательным! — воскликнула она. — Как может уважаемая женщина оставаться в чужом доме, если ты не проявляешь по отношению к ней родственных чувств?

Бинодини сидела у себя в спальне и вышивала покрывало, когда вошел Мохендро.

— Песчинка! — окликнул он молодую женщину.

— Что угодно, господин Мохендро? — сухо отозвалась Бинодини.

— С каких это пор Мохендро стал «господином Мохендро»?

— Как же мне называть вас?

— Так же, как и свою подругу, — Песчинка.

Но Бинодини не откликнулась на шутку и продолжала молча шить.

— Мне кажется, это самое подходящее обращение? — вопросительно проговорил Мохендро.

Бинодини наклонилась и, спокойно откусив нитку, сказала:

— Не знаю, вам виднее. — Затем, словно стремясь поскорее закончить этот разговор, проговорила: — Так, значит, вы все-таки вернулись из колледжа!

— Сколько же можно резать мертвецов!

Бинодини снова откусила нитку и, не поднимая головы, проронила:

— А теперь вам, кажется, понадобились живые?

Мохендро подумал было, что сейчас самое время вставить какое-нибудь шутливое замечание. Но на него так подействовала серьезная невозмутимость Бинодини, что он не мог найти нужных слов. Мохендро понял, что Бинодини решила держать его на расстоянии, и это еще больше распалило его. Ему захотелось во что бы то ни стало разрушить возникшую между ними стену. Не ответив на последнюю колкость Бинодини, он сел рядом с ней и спросил:

— Почему вы хотите уехать от нас? В этом виноват я?

Бинодини слегка отодвинулась, подняла голову и, глядя прямо в лицо Мохендро своими огромными лучистыми глазами, сказала:

— У каждого есть свои обязанности. Никто не виноват, что вам пришлось уехать в колледж. Почему бы мне тоже не уехать? Разве у меня не может быть обязанностей?

Мохендро помолчал, не зная, что сказать.

— Что же это за обязанности, — спросил он наконец, — ради которых вы покидаете нас?

— Что за обязанности, это уже мое дело, — заметила Бинодини, осторожно вдевая нитку. — Я не должна давать вам отчет.

Мохендро не ответил и долго сидел в задумчивости, глядя в окно на верхушку пальмы. Бинодини молча шила. Было так тихо, что казалось, иголка упадет — будет слышно. После долгого молчания Мохендро вдруг заговорил снова:

— А если очень вас попросить, вы не уедете?

Бинодини вздрогнула от неожиданности и уколола пальец. Слизнув капельку крови, она сказала:

— Зачем просить? Уеду или останусь — не все ли вам равно!

В голосе ее звучала горечь. Низко склонив голову, Бинодини делала вид, что поглощена рукоделием. В уголках ее глаз блестели слезы. Насмурный день кончился, спускались сумерки. Мохендро вдруг схватил руку Бинодини и, сжав ее в своей, спросил прерывающимся голосом:

— А если мне не все равно, тогда ты останешься?

Бинодини торопливо вырвала руку и отодвинулась. Мохендро стало стыдно своего порыва. Последние слова будто в насмешку все звучали в его ушах. Он прикусил язык и умолк.

В комнате воцарилась тишина. Но когда неожиданно вошла Аша, Бинодини, словно продолжая ранее начавшийся разговор, со смехом обратилась к Мохендро:

— Ну, вы достаточно потешили мою гордость, и теперь мне придется выполнять каждое ваше желание. Пусть будет по-вашему, — я останусь в этом доме, пока вы меня сами не выгоните.

Обрадованная тем, что мужу удалось уговорить Бинодини, Аша обняла подругу и сказала:

— Значит, решено! Ну-ка повтори три раза: «Пока не выгонят, останусь, останусь, останусь!»

Бинодини повторила.

— Но если так, зачем ты просила тебя отпустить? — продолжала Аша. — Ведь все равно пришлось покориться моему мужу.

Тогда Бинодини, улыбаясь, проговорила:

— Ну, уважаемый родственник, как вы считаете, я покорилась или вас покорила?

Мохендро остолбенел. Ему показалось, что вся комната кричит о его вине, и стыд охватил его. Как он теперь сможет спокойно разговаривать с Ашей? Как обратить в шутку свою ужасную растерянность? Дьявольская сеть опутала его, он не знал, что сказать.

— Да, поражение потерпел я, — мрачно заметил наконец Мохендро и вышел из комнаты.

Через некоторое время он вернулся и сказал, обращаясь к Бинодини:

— Простите меня.

— Вы ни в чем не виноваты.

— Я не имел права пасивно удерживать вас здесь.

— Почему «насильно»? Разве вы применили силу? Я что-то не заметила, — рассмеялась Бинодини. — Вы так ласково, так вежливо упрасивали меня остаться. Разве вежливость и насилие одно и то же? — обратилась она к Аше.

— Конечно, нет, — ответила Аша, принимая ее сторону.

— Я исполняю ваше желание, Мохендро, — продолжала Бинодини. — Мое счастье, что вы не можете обойтись без меня! Таких чутких людей мало на свете! Если уж нашелся такой, который разделяет все мои радости и печали, то зачем же мне самой бежать от него?

Аша заметила, что Мохендро растерянно молчит, и ей стало отчего-то не по себе.

— Кто же переспорит тебя, диди? — сказала она. — Мой муж признал себя побежденным, теперь ты можешь успокоиться.

Мохендро опять поспешно вышел из комнаты. Как раз в это время Бихари после короткого разговора с Раджлокхи разыскивал Мохендро. Увидев его в дверях, Мохендро воскликнул:

— Бихари, если бы ты знал, какая я скотина!

Он говорил так громко, что его слова были услышаны в комнате. Оттуда точас же раздался голос Бинодини:

— Господин Бихари!

— Подождите минутку, Биноди-ботхан.

— Идите сюда сейчас же!

Войдя в комнату, Бихари прежде всего бросил быстрый взгляд на Ашу. Насколько позволяло видеть покрывало, которое она поспешно набросила, лицо ее не выражало ни злости, ни грусти. Аша хотела точас же уйти, но Бинодини держала ее.

— Вы с Ашей относитесь друг к другу, как жены-соросницы, — сказала она Бихари, — стоит ей вас увидеть, и она почему-то обращается в бегство.

Смущенная Аша сердито подтолкнула подругу.

— Это оттого, что всевышний не создал меня привлекательным, — смеясь, ответил Бихари.

— Слышишь, милая сестра? Господин Бихари, оказывая, очень находчив! Не осуждая твоего вкуса, он всю жизнь звал на всевышнего. Но твоя вина в том, что к прекрасному, как Лакшмаи, ты не научилась ласково относиться.

Ну, если вы жалеете меня, Биноди-ботхан, я очень не больше не о чем грустить.

— Увы! На свете существуют моря, но ведь птица ча—
така почему-то утоляет жажду только дождевой водой!

Аша, вырвавшись от Бинодини, вышла. Бихари тоже хотел уйти, но Бинодини неожиданно спросила:

— Господин Бихари, объясните мне, что творится с Мохендро?

Услыхав этот странный вопрос, Бихари обернулся.

— Я ничего не заметил. А разве что-нибудь случилось?

— Не знаю, но мне не нравится его состояние.

Бихари в волнении опустился на стул. Ожидая разъяснения, он с тревогой смотрел на Бинодини, но та сосредоточенно вышивала и не говорила ни слова.

— Вы заметили что-нибудь в поведении Мохендро? — спросил он наконец.

— Откуда мне знать, Бихари-бабу, но мне все это не нравится. Я беспокоюсь за Ашу. — Она тяжело вздохнула и отложила работу, словно собираясь встать.

Бихари взволнованно сказал:

— Не уходите, оставайтесь!

Бинодини открыла в комнате все окна и двери, зажгла лампу и села со своим вышиванием на тахту.

— Бихари-бабу, — сказала она, — долго я здесь не пробуду, когда уеду, присматривайте за Ашей. Только бы она была счастлива. — И Бинодини отвернулась, словно подавляя глубокий вздох. — Вы же знаете жизнь, Бихари-бабу. Как могу я остаться здесь навсегда? Что скажут люди?

— Люди? Да пусть говорят что угодно, не обращайтесь внимания. Вы — настоящая богиня, защитите беспомощную девочку от жестоких ударов жизни — дело достойное вас. Я вначале не понял вас, ботхат, простите меня. Как и прочие мелкие людишки, я плохо думал о вас. Иногда мне даже казалось, что вы завидуете счастью Аши, что вы... даже и сказать грешно. Но потом я узнал ваше доброе сердце. Велико мое уважение к вам, и я не был бы спокоен, если бы не повинился перед вами.

Бинодини почувствовала себя счастливой. Она обманывала всех, но, несмотря на это, уважение Бихари приняла как должное. Ни от кого еще не получала Бинодини такого ценного дара — уважения! На какое-то мгновение она в самом деле почувствовала себя честной, благородной женщиной, и искренняя жалость к Аше вызвала у нее слезы. Она не скрыла их от Бихари. Эти слезы уверили Бинодини, что она и вправду достойна уважения.

Увидев, что Бинодини плачет, Бихари вышел, чтобы

скрыть свое волнение. Он отправился к Мохендро, недоумевая, отчего тот вдруг назвал себя скотиной, но комната друга была пуста. Ему сказали, что Мохендро ушел гулять. Прежде Мохендро никогда не выходил из дома просто так. Казалось, его утомляло и раздражало все, что находилось вне дома, — незнакомые люди, непривычная обстановка.

В глубокой задумчивости Бихари медленно направлялся к своему дому.

Между тем Бинодини привела Ашу к себе в спальню и, обняв ее, со слезами на глазах воскликнула:

— О моя дорогая, до чего же я несчастна! Я приношу людям одно горе.

— Что ты, милая, зачем так говорить! — встревожилась Аша.

Бинодини, как обиженный ребенок, спрятала у нее на груди лицо и проговорила:

— Всюду я приношу одно несчастье. Отпусти меня, разреши мне вернуться в мои джунгли.

— Дорогая моя Лакшми! — воскликнула Аша, приподнимая за подбородок лицо Бинодини. — Не говори так! Я не могу жить без тебя! Скажи мне, что случилось?

Между тем, так и не дойдя до дома, Бихари решил под каким-нибудь предлогом вернуться, чтобы попросить Бинодини откровенно рассказать ему об опасениях насчет Мохендро и Аши. Решено! Он передаст через Бинодини, что придет утром завтракать к Мохендро. Но на пороге он вдруг остановился, увидев при свете лампы двух обнявшихся подруг. Аше неожиданно пришла в голову мысль, что Бихари, наверное, нагрубил Бинодини или как-то ее обидел и поэтому та заговорила об отъезде.

— Нехороший Бихари-бабу! — выпалила Аша. — У него только плохое на уме! — И, рассерженная, она вышла из комнаты.

Попрощавшись с Бинодини, Бихари ушел взволнованный и исполненный еще большего уважения к Бинодини. Вечером Мохендро сказал Аше:

— Чуни, завтра я уезжаю утренним пассажирским в шарес.

— Зачем? — Сердце Аши болезненно сжалось.

— Давно не видел тетю Анпапурну, нужно навестить ее.

Аше стало стыдно. Ей самой следовало бы подумать об этом. Из-за собственных переживаний она совсем

позабыла о своей дорогой тете. Теперь, когда Мохендро вспомнил о живущей на чужбине отшельнице, Аша стала укорять себя за черствость.

— Уходя от мира, тетя вверила мне свое единственное сокровище, — продолжал Мохендро, — и я не успокоюсь, пока не навещу ее.

Голос его неожиданно прервался. Мохендро медленно провел рукой по лбу Аши, словно хотел передать ей свое молчаливое благословение и пожелание счастья. Аша не поняла истинного смысла его волнения, по, тронутая до глубины души, расплакалась.

Неожиданно ей вспомнился порыв нежности Бинодини и ее слова. Аша была далека от мысли, что между этими двумя изъяснениями чувств существует какая-то связь.

Но почему-то ей казалось, что сегодняшний день положит начало чему-то новому в ее жизни — плохому ли, хорошему, — как знать?

Испуганная и взволнованная, Аша крепко обняла Мохендро. Он почувствовал смутный страх жены и постарался успокоить ее.

— Не бойся, Чуши. С тобой благословение тети. Ради твоего счастья она покинула мир, поэтому ничто не может грозить тебе!

Аша успокоилась и постаралась отогнать прочь свои страхи. Как могущественный талисман, приняла она благословение мужа. Мысленно она склонялась к стопам тети Аннапурны и горячо молила, чтобы ее Мохендро всегда был счастливым.

На следующий день Мохендро уехал, не попрощавшись с Бинодини. «Сам виноват, а на меня сердится! — говорила себе Бинодини. — Таких святош я еще не видела! Ну ничего, недолго он продержится!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Когда Аннапурна после длительной разлуки вновь увидела Мохендро, в первую минуту она почувствовала не только радость, но и страх. Ей показалось, что Мохендро опять поссорился с матерью из-за жены и приехал к ней на утешении. С детства Мохендро привык в самые трудные и горькие минуты обращаться к своей тете. Рассердится на кого-нибудь — Аннапурна смягчит его гнев, расстроит — она посоветует, как легче перенести горе. Но

после свадьбы Аннапурна уже ничем не могла помочь ему, даже успокоить его была не в силах. Ее вмешательство лишь разжигало возмущение Мохендро против семьи. Как только Аннапурна попила это, она сразу же уехала. Подобно тому как несчастная мать спешит выйти из комнаты, когда ребенок с плачем просит пить, а доктор запретил давать ему воду, так и Аннапурна заставила себя уехать в чужие края. За выполнением ставших привычными обрядов она начала забывать мир, который оставила навсегда. Мохендро же своим неожиданным приездом мог разбедить ее раны.

Однако Мохендро не стал жаловаться на то, как мать относится к Аше. Тогда опасения Аннапурны направились по иному руслу: почему Мохендро, который никогда раньше не оставлял Ашу, даже ради занятий в колледже, теперь решил отправиться к тетке в Бенарес? Может, ослабли узы, соединяющие его с Ашей?

— Мохин, дорогой, заклинаю тебя, скажи, как Чунн? — спросила она с беспокойством.

— Чунн? Прекрасно, тетя!

— Чем она теперь занимается, Мохин? Вы и сейчас все ребячитесь или за ум взялись?

— С ребячеством покончено. «Чарупатх» — причина всех ссор — дедался неизвестно куда. Теперь ты была бы очень довольна нами: если долг жены — пренебрегать науками, то Чунн выполняет этот долг очень старательно.

— А что поделявает Бихари?

— Занимается всеми делами, кроме своих собственных. Управляющий ведет его дела и следит за поместьем. Правда, чьи интересы он при этом соблюдает, не знаю. У Бихари всегда так получается. За его делами следят другие, а он сует свой нос в чужую жизнь.

— Уж не собирается ли Бихари жениться, Мохин?

— Что ты! По-моему, у него к этому нет ни малейшей охоты! — усмехнулся Мохендро.

Эти слова больно отозвались в сердце Аннапурны. Она то прекрасно знала, как хотел Бихари жениться на ее племяннице, но это желание было безысходно растоптано. В ее ушах до сих пор звучали горькие слова Бихари: «Только уж, пожалуйста, больше никогда не просите меня жениться, тетя». Она была безутешна, сознавая, какой удар нанесла своему дорогому Бихари. «Неужели он все еще думает об Аше?» — с испугом подумала Аннапурна, бледнея.

Между тем Мохендро полусерьезно переда-

вал тетке новости их домашней жизни. О Бинодини он не обмолвился ни словом.

В колледже возобновились занятия, и Мохендро не мог долго задерживаться в Бенаресе. С Аннапурной он чувствовал себя легко и спокойно, как чувствует себя человек, вышедший на свежий воздух после тяжелой болезни. Поэтому он со дня на день откладывал свой отъезд. Недовольство собой, которое последнее время так угнетало его, прошло без следа. Всего несколько дней провел он рядом с приветливой и благочестивой тетей Аннапурной, и исполнение семейного долга начало казаться ему настолько легким и приятным, что прежние опасения стали попросту смешны. Бинодини перестала для него существовать. Он даже не мог ясно представить себе ее лицо.

«Пусть в моем сердце будет всегда только Аша, больше я ничего знать не желаю», — решил в конце концов Мохендро.

— Тетушка, — сказал он Аннапурне, — в колледже уже начались занятия, я должен ехать. Хотя ты и окончательно отошла от всего, что связано с мирской жизнью, разреши мне все же иногда навещать тебя.

Когда, вернувшись домой, Мохендро передал Аше подарок от тети — коробочку с синдуром и кувшин из белого камня с инкрустацией, — Аша расплакалась.

Ей вспомнилась терпеливая, нежная и любящая Аннапурна, обиды, которые приходилось свосить ей от самой Аши и от Раджлокхи, и у нее стало тяжело на сердце.

— Мне так хочется съездить к тете, получить ее прощенье! — сказала она Мохендро.

Мохендро понимал состояние Аши и согласился отпустить ее на несколько дней в Бенарес. Но снова пропустить занятия, чтобы проводить Ашу, ему не хотелось. Тогда Аша сказала, что может отправиться с другой своей теткой, которая собиралась в Бенарес.

Когда Мохендро сказал Раджлокхи о намерении Аши, та с проницей заметила:

— Конечно, раз твоей жене угодно, пусть едет. И ты поезжай с ней! — Ей очень не нравилось, что сын навещал Аннапурну. Узнав, что и Аша едет туда, Раджлокхи совсем рассердилась.

— У меня занятия, я не смогу проводить Ашу, — ответил Мохендро. — Она отправится с семьей своей старшей тетки.

— Прекрасно! Какая великая честь выпала на ее до-

лю! Ведь наши родственники такие важные, что и знать нас не желают.

Насмешливый тон матери рассердил и обидел Мохендро. Он ушел, ничего не ответив, и твердо решил отправить Ашу в Бенарес.

Пришел Бихари.

— Слышал новость, Бихари? Наша невестка хочет ехать в Бенарес!

— Что ты говоришь, ма! Неужели Мохину снова придется пропускать занятия?

— Нет-нет. Зачем ему провожать жену? Это было бы старомодно. Мохин останется, а невестка отправится с семьей своей благородной тетушки. Теперь все воображают себя важными особами!

Бихари встревожился, но вовсе не потому, что Аша собиралась ехать с тетушкой. «В чем дело? — спрашивал он себя. — То Мохендро уехал один в Бенарес, теперь Аша собирается ехать. Неужели между ними разлад? Долго ли это будет продолжаться? И мы, их друзья, ничем не можем помочь? Остаемся в стороне?»

Раздраженный разговором с матерью, Мохендро сидел в спальне. Бинодипи теперь его избегала. Напрасно уговаривала Аша подругу поговорить с Мохендро.

— Аша-ботхан едет в Бенарес? — спросил Бихари, входя в спальню.

— А почему бы ей не поехать?

— Что это вдруг вам пришло в голову?

— Видишь ли, — съязвил Мохендро, — у людей еще иногда возникают такие чувства, как тревога за родственников, живущих на чужбине, или просто желание повидать их.

— Ты проводишь Ашу?

Мохендро решил, что Бихари тоже не одобряет поездку Аши с теткой. Но, не желая показать Бихари свое раздражение, он не стал ничего объяснять, лишь сказал, что Аша едет без него.

Бихари хорошо знал Мохендро и сразу понял, что тот злится. А уж если Мохендро заупрямится, его не переспоришь, — это тоже было известно Бихари. Поэтому он не стал уговаривать Мохендро сопровождать жену. Но подумал, что было бы лучше, если бы рядом с Ашей была Бинодипи, а не тетка. Она сумела бы ободрить и утешить Ашу.

— Разве нельзя отправить с ней Биноди-ботхан? — осторожно спросил Бихари.

Мохендро не выдержал.

— Говори прямо, что ты пмеешь в виду! — загремел он. — Нечего хитрить! Знаю, ты подозреваешь, что я влюблен в Бинодипи! Ложь! Она мне ничуть не нравится! И нечего оберегать меня. Лучше о себе позаботься! Если ты и в самом деле такой бескорыстный друг, то надо было давно мне все высказать, а самому держаться подальше от оптохпура своего друга. Скажу тебе прямо: ты любишь Ашу, в этом все дело!

Как раненый, несмотря на страшную боль, стремительно бросается вперед, чтобы нанести врагу ответный удар, так и смертельно бледный, утративший дар речи Бихари вскочил со стула и хотел кинуться на Мохендро. Но внезапно он остановился и, с трудом овладев собой, произнес:

— Да простит тебя бог. Я ухожу. — И он вышел не твердым шагом.

Из соседней комнаты навстречу ему выбежала Бинодипи.

— Бихари-бабу!

Бихари прислонился к стене и, пытаясь улыбнуться, спросил:

— Что случилось, Биноди-ботхан?

— Я поеду в Бенарес с Ашей.

— Нет, нет! — воскликнул Бихари. — Это невозможно! Не надо этого делать! Прошу вас, не придавайте значения моим словам. Я здесь посторонний и не желаю ни во что вмешиваться — из этого ничего хорошего не выйдет. Вы добры, Биноди-ботхан, словно сама богиня; поступайте, как подскажет вам сердце. — И Бихари, почтительно поклонившись ей, направился к выходу.

— Послушайте, Бихари, я совсем не богиня! — крикнула ему вслед Бинодипи. — Я не знаю, что будет, если вы уйдете! Не вивите меня потом.

Но Бихари ушел. Мохендро продолжал сидеть неподвижно. Бинодипи бросила на него горящий негодованием взгляд и скрылась в соседней комнате. Там ожидала ее Аша. После того как Мохендро заявил, будто Бихари влюблен в нее, она не могла поднять голову от стыда. Но Бинодипи не чувствовала ни малейшей жалости к ней в ту минуту. Если бы Аша посмотрела на нее, она испугалась бы, встретив полный слепой ярости взгляд Бинодипи.

Мохендро сказал, что это неправда! Значит, она, Бинодипи, никому не нужна. Все влюблены в эту скромницу, в эту смазливую куклу!

Как-то, поддавшись минутному порыву, Мохендро в разговоре с Бихари назвал себя скотиной. С тех пор он стал опасаться, что Бихари обо всем догадался. Но ведь Бинодини несколько ему не нравится, а Бихари, видимо, уверен, что он, Мохендро, влюблен в нее!

Мохендро чувствовал, как растет его раздражение против Бихари. После того случая ему стало казаться, что Бихари каждый раз ищет в его словах какой-то скрытый смысл. Раздражение все накапливалось, пока наконец от легкого толчка не вырвалось наружу.

Волнение Бинодини, когда она кипулась вслед за Бихари, пытаясь его удержать, ее умоляющий голос, ее готовность последовать совету Бихари и сопроводить Ашу в Бепарес — все это явилось для Мохендро совершенной неожиданностью и остро ранило его самолюбие.

Но ведь он сам заявил, что не влюблен в Бинодини, что она не нравится ему, почему же все случившееся лишило его покоя? «Зачем я сказал, что не люблю ее, — твердил про себя Мохендро. — О, как жаль, что она слышала это!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«Конечно, было жестоко с моей стороны говорить, что мне ничуть не нравится Бинодини, — размышлял Мохендро. — Я не влюблен в нее, разумеется, но прямо заявить об этом было просто грубо. Какую женщину это не задело бы? Теперь, пожалуй, не оправдаюсь перед ней. То, что я чувствую, — не совсем любовь. Однако надо как-нибудь загладить свою грубость! Нехорошо, если у Бинодини останется горький осадок после того разговора».

Мохендро достал из ящика стола письма, которые прислала ему Аша, и снова перечитал их. «Несомненно, Бинодини любит меня. Но зачем тогда она так держала себя с Бихари? Наверное, я виноват в этом. Я сказал, что не люблю ее, поэтому и она решила показать свое презрение ко мне! Теперь она с досады способна полюбить и Бихари!» — размышлял он.

Мохендро сам был смущен и напуган тем, что так близко принял к сердцу все происшедшее. Допустим, Бинодини слышала, как он сказал Бихари, что не любит ее. Допустим, она действительно оскорбилась и постарается забыть его — какое ему до этого дело?

Как якорная цепь во время шторма дергает якорь, будто проверяя его прочность, так и у Мохендро в минуту душевного смятения появилось желание испытать прочность уз, которые связывали его с Ашей. Ночью, прижав ее голову к своей груди, он спросил:

— Скажи правду, Чуни, ты сильно любишь меня?

«Какой странный вопрос? — подумала Аша. — Неужели если Бихари пришла в голову постыдная мысль, то и на нее, Ашу, упало подозрение?»

Сгорая со стыда, она ответила:

— Как ты можешь спрашивать меня об этом? Разве у тебя была причина сомневаться?

Тогда Мохендро, желая измерить глубину ее любви и насколько не заботясь о том, что заставляет Ашу страдать, спросил:

— Почему же ты хочешь ехать в Бенарес?

— Не хочу я ехать в Бенарес! Никуда я не поеду!

— Но хотела же...

— Ты ведь знаешь, почему я хотела ехать! — воскликнула Аша, вконец измученная этим разговором.

— Тебе, наверное, лучше с тетей, чем со мной, — продолжал Мохендро.

— Нет, конечно, нет! И не ради удовольствия я хотела туда ехать!

— По правде говоря, Чуни, ты была бы гораздо счастливее, если бы вышла замуж за кого-нибудь другого.

Услышав эти слова, Аша выскользнула из объятий Мохина, спрятала лицо в подушку и замерла. Через мгновение послышались ее рыдания. Мохендро попытался обнять жену и успокоить, но Аша была холодна и неподвижна. Видя, как оскорбили Ашу его слова, и убедившись в силе ее любви, Мохендро почувствовал, что сердце его забилося от гордости и счастья.

То, о чем раньше не смели даже думать, Мохендро произнес вслух, — и это вызвало целую бурю в умах всех домашних. Бинодини досадовала, что Бихари сразу не отверг нелепого обвинения Мохендро. Даже если бы оно оказалось верным, но Бихари все отрицал, она осталась бы довольна. В конце концов она решила, что Мохендро правильно поступил, когда сказал все Бихари. «Зачем Бихари, такой умный, влюбился в эту девочку? Хорошо, что Мохендро одним ударом отшвырнул его далеко от Аши». Так думала Бинодини, успокаивая себя.

Смертельно бледное лицо Бихари все время преследо-

вало ее. При воспоминании об этом измученном лице в Бинодипи страдала любящая женщина. Как мать нянчит больного ребенка, так Бинодипи вынашивала в своем сердце этот скорбный образ. В душе ее поднялось непреодолимое желание вернуть Бихари к жизни, снова увидеть на его лице румянец, живое сочувствие, проблеск улыбки. Несколько дней провела Бинодипи, волнуемая этими мыслями, равнодушная ко всем домашним делам, и наконец не выдержала — написала Бихари письмо: *«Господин мой, с тех пор как я увидела ваше лицо, окаменевшее от обиды, я всем сердцем желаю, чтобы вы успокоились и стали таким, как прежде. Когда я снова увижу вашу простую улыбку, услышу ваш добрый голос?»*

Известите меня запиской, как себя чувствуете. Ваша Биноди-ботхан.

Бинодипи отослала письмо с прихватчиком.

Бихари и в голову не приходило, что Мохендро способен так открыто, так грубо сказать о его, Бихари, чувствах к Аше. Ведь сам Бихари никогда не признавался себе в том, что любит ее. Вначале слова Мохендро словно громом поразили его; потом, задыхаясь от гнева и презрения, он мог лишь повторять: «Какое несправедливое, какое гнусное обвинение!» Но сказанного не воротить. Крохотное семя правды, которое было в обвинении Мохендро, проросло и стало бурно развиваться. Снова и снова вспоминалось Бихари освещенное заходящим солнцем личико стыдливой девочки. Ведь было время, когда Бихари со сладким волнением в душе называл Ашу своей. Воспоминание о восторженном взгляде, каким он смотрел тогда на Ашу, до сих пор преследовало его, и временами он впадал в тяжелое отчаяние, от которого становилось трудно дышать. Все, что было туманным, непонятным для него в те долгие ночные часы, когда он лежал без сна на крыше или беспокойно шагал перед домом, вдруг приобрело отчетливые очертания. Долго сдерживаемое чувство вырвалось из глубины его сердца. То, во что он сам прежде не верил, теперь, после слов Мохендро, возникло перед ним с неумолимой очевидностью.

И тогда Бихари обвинил во всем себя. «Не возмущаться мне надо было, — думал Бихари, — а вымолить у Мохендро прощение и уйти. В тот день я вел себя так, будто Мохендро — преступник, а я — обвинитель. Надо пойти и признаться, что я был не прав!»

Бихари думал, что Аша уехала в Бепарес. Поэтому однажды вечером он нерешительно подошел к дверям дома Мохендро, где встретил Шадхучорона, дальнего родственника Раджлокхи.

— Шадху-да, я несколько дней не был здесь. Как у вас, все здоровы?

— Да, слава богу.

— Когда уехала Аша-ботхан? — спросил Бихари.

— Она не уезжала и, кажется, не собирается.

Услышав это, Бихари забыл обо всем. Ему захотелось снова оказаться на женской половине дома. Как просто и легко поднимался он прежде по знакомой лестнице, входил в комнаты, весело шутил со всеми! От сознания, что теперь он уже не может так себя вести, у Бихари мутился рассудок. О, если бы еще хоть раз, последний раз войти сюда, как прежде, по-сыновнему поболтать с Раджлокхи, назвать закутанную в покрывало Ашу «ботхан», сказать ей несколько ничего не значащих слов! Сейчас это казалось ему таким счастьем.

— Что же ты стоишь в темноте? — сказал Шадхучорон. — Входи в дом.

Бихари сделал было несколько шагов к дверям, но тут же повернул обратно.

— Нет, нет, я пойду, у меня дела, — пробормотал он и торопливо удалился.

В ту же ночь Бихари уехал в Западные провинции.

Привратник, который послал ему письмо Бинодини, вернулся домой. Мохендро в это время прогуливался в садике перед домом. Заметив конверт в руке привратника, он спросил:

— Кому письмо?

Привратник ответил. Тогда Мохендро взял у него конверт. Он решил, что сам отдаст его Бинодини, посмотрит, как она смутится, но не скажет ей ни слова. В том, что Бинодини смутится, он не сомневался. Мохендро вспомнил, что до этого было еще одно письмо на имя Бихари. Он места себе не находил, сгорая от любопытства, старался убедить себя, что несет ответственность за судьбу Бинодини, раз она находится на его попечении. И наконец решил, что вскрыть это подозрительное письмо — его прямая обязанность. Нельзя же допускать, чтобы Бинодини сбилась с пути! Мохендро распечатал конверт. Письмо было написано просто, в нем чувствовалось неподдельное участие к Бихари. Мохендро, несколько раз прочитав

письмо, долго раздумывал над ним, но так и не смог разобраться в истинных чувствах Бинодини. Может быть, оскорбленная его равнодушием, Бинодини пытается теперь обратить на себя внимание другого? Ведь от досады она даже Ашу совсем забыла. Придя к такому выводу, Мохендро решил действовать немедленно. Он возмущался при одной мысли, что ту самую Бинодини, которая, казалось, уже отдала ему свое сердце, из-за какой-то минутной глупости он может потерять. «Если Бинодини тайно влюблена в меня, то ей это принесет только пользу, — рассуждал про себя Мохендро, — привяжет ее к нашему дому. Я знаю, что никогда не поступлю с ней бесчестно. Я могу лишь позволить ей любить меня, но сам всегда буду верен Аше. Если же Бинодини вдруг полюбит кого-либо другого, тогда бог знает что может случиться!» И Мохендро решил при первом же удобном случае вернуть привязанность Бинодини. Сам же он, разумеется, не даст себя увлечь.

Мохендро вошел на женскую половину дома и сразу же увидел Бинодини; она быстро обернулась, словно с нетерпением ожидая кого-то. В сердце Мохендро вспыхнула ревность.

— Напрасно ждете, — сказал он. — Ваше письмо вернулось обратно. — И он швырнул ей конверт.

— Но оно распечатано?!

Мохендро вышел, ничего не ответив.

Бинодини решила, что Бихари, прочтя письмо, отослал его обратно. Кровь сотнями молоточков застучала у нее в висках. Бинодини послала за привратником, который отнес письмо, но его не оказалось на месте. Как от зажженного светильника разлетаются брызги шипящего масла, так и из пылающих негодованием глаз Бинодини вдруг брызнули горькие слезы. Она изорвала на мелкие клочки свое письмо, но это не принесло ей успокоения. О, если бы можно было вычеркнуть эти несколько строк, эти несколько букв из прошлого, из настоящего, чтобы их совсем не было.

Будто разозленная оса, которая жалит каждого, кто ей попадется, Бинодини готова была погубить весь мир. Он вздумал оттолкнуть ее, Бинодини?! Ни в чем ей нет удачи! Пусть счастье не для нее, но теперь она не успокоится, пока не повергнет в прах всех, кто помешал ее счастью, кто разбил ее надежды, кто лишил ее самого драгоценного в жизни!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Как-то в один из теплых вечеров месяца фальгун Аша, расстелив циновки, отдыхала на крыше, с увлечением читая при меркнувшем свете дня журнал. После долгой разлуки герой рассказа возвращался домой на праздник Пуджи и вдруг попал в руки разбойников. Сердце Аши учащенно билось. Бедная героиня в этот самый момент увидела дурной сон и с плачем проснулась. Аша тоже не смогла удержаться от слез. Она была горячей поклонницей бенгальских рассказов, и все в них казалось ей замечательным.

— Песчипика, милая, — бывало, говорила она Бинодини, — обязательно прочти этот рассказ. Он такой трогательный! Я все время плакала, пока читала его.

Случалось, что Бинодини вдруг принималась критиковать рассказ, тогда наивные восторги Аши подвергались довольно чувствительному удару.

Окончив чтение, Аша закрыла журнал и решила отнести его Мохендро, чтобы и он прочел рассказ, но Мохендро в это время сам поднялся к ней.

При виде мужа смутная тревога сжала сердце Аши.

— Ну, какой счастливеец занимает твои мысли, пока ты сидишь тут одна? — обратился Мохендро к жене, пытаясь казаться жизнерадостным и беззаботным.

Но Аша уже позабыла обо всех злоключениях героев и героинь.

— Уж не заболел ли ты? — спросила она.

— Нет, я здоров.

— Похоже, тебя беспокоит что-то, скажи мне, что случилось?

Мохендро взял пап из коробочки, положил его в рот и сказал:

— Я сейчас думал о бедной тете Аннапурне, она давно не видела тебя. Как бы она обрадовалась твоему приезду!

Не отвечая, Аша молча смотрела на Мохендро. Она не могла понять, с чего он снова заговорил об этом.

— Разве тебе не хочется ехать?

Аше было нелегко ответить на этот вопрос. Ей хотелось повидать тетю, но оставить Мохендро она не могла.

— Поедем, когда у тебя будут каникулы... — сказала она.

— Я и в каникулы не смогу. Нужно будет готовиться к экзаменам.

— Тогда нечего говорить об этом. Ведь не обязательно же мне ехать.

— Но почему же? Почему не поехать, если хочется?

— Мне не хочется.

— Раньше так просила, а теперь вдруг расхотелось!

Аша сидела опустив глаза и молчала. Если бы Аша уехала, Мохендро легче было бы помириться с Бинодией. Однако Аша молчала, и он вдруг почувствовал беспричинное раздражение против жены.

— Может быть, ты меня подозреваешь в чем-нибудь? — неожиданно обратился он к Аше. — Поэтому намерена следить за мной днем и ночью?

Обычная мягкость, покорность и терпение Аши вдруг показались ему невыносимыми. «Хочет ехать, так и сказала бы: поеду! Отправляй меня как знаешь! Так нет же: то «да», то «нет», а то сидит и молчит. Что же это такое, в самом деле!»

Аша заметила раздражение Мохендро и перепугалась. Она стала лихорадочно думать, что бы ответить ему, но не находила слов. Аша не понимала, почему Мохендро бывает теперь с ней то очень нежен, то неожиданно груб. Но чем непонятнее становились для нее поступки Мохендро, тем сильнее тянулось к нему ее трепетное сердце.

Она, Аша, подозревает Мохендро, выслеживает его?! Что это — злая насмешка или несправедливое подозрение? Клясться, что это не так, или обратить все в шутку?

Аша продолжала молчать. Мохендро, потеряв терпение, резко повернулся и вышел.

Последние отблески солнечных лучей исчезли, наступили сумерки, теплый весенний ветер сменился вечерней прохладой, а бедная Аша все еще лежала впчком на циновке.

Когда глубокой ночью она заглянула в спальню, то увидела, что Мохендро лег без нее. Аша подумала, что Мохендро стал презирать ее за равнодушие к тете Аннапурне.

Аша присела на постель, обняла его ноги и замерла. Тогда Мохендро, сжавившись, попытался обнять ее, но Аша не поднималась.

— Прости, если я в чем-нибудь виновата, — шепнула она мужу.

— Ты ни в чем не виновата, Чунни, — растроганно ответил Мохендро. — Я просто скотина, что мучаю тебя напрасно.

Слезы брызнули из глаз Аши, орошая ноги Мохендро. Он встал и, взяв жену за руки, уложил рядом с собой. Аша немного успокоилась и снова заговорила:

— Неужели ты думаешь, что мне не хочется повидать тетю?! Но сердце мне подсказывает не оставлять тебя одного. Поэтому я и не посхала. Не сердись на меня, пожалуйста!

Нежно вытирая ее влажный лоб, Мохендро сказал:

— На что же мне сердиться, Чунн! На то, что ты не хочешь ехать без меня? Никуда тебе не нужно ездить!

— Нет, я все-таки поеду.

— Почему?

— Как ты мог подумать, что я подозреваю тебя! Но раз уж у тебя вырвались такие слова, я обязательно уеду хоть на несколько дней.

— Я виноват, а испустить вину должна ты?

— Может, я сама виновата в чем-то, иначе тебе и в голову не пришли бы такие страшные мысли. Мне никогда и во сне не снилось, что я могу услышать от тебя что-нибудь подобное.

— А спилось тебе, какой я дурной человек?

— Опять! — жалобно воскликнула Аша. — Не говори о себе так! Все равно я поеду в Бенарес.

Мохендро рассмеялся.

— Ну хорошо, поезжай. А что, если я испорчусь тут без тебя, что тогда будет?

— Не пугай меня напрасно, а то я раздумаю и останусь.

— А подумать стоит. Такому мужу, как я, только дай волю! Кого потом будешь винить?

— Успокойся, не тебя!

— Может, себя?

— Сто раз!

— Ну хорошо, завтра я переговорю с твоим дядюшкой насчет поездки. — Заметив, что уже поздно, Мохендро повернулся было на другой бок, собираясь уснуть, но через минуту обернулся вдруг к Аше и сказал: — А может, тебе все-таки не стоит ехать, Чунн?

— Зачем ты споришь со мной? — умоляюще проговорила Аша. — Если я не уеду, твой упрек будет всегда преследовать меня. Кроме того, я ведь уезжаю всего на несколько дней.

Накануне отъезда Аша объяла Биводини и сказала:

— Милая Песчинка, обещай исполнить мою просьбу.

— Говори, дорогая, — ответила Бинодини, ласково уцепив Ашу за щеку. — Разве могу я отказать тебе?

— Не знаю. В последнее время ты очень изменилась. Мужа моего даже видеть не желаешь.

— Почему не желаю? Ты сама знаешь, в чем дело. Разве ты не слышала, что Мохендро сказал Бихари-бабу? Ну а если вообще пошли такие разговоры, я думаю, мне не следует появляться на вашей половине. Разве я не права?

Аша чувствовала, что Бинодини права. Не укрылся от нее и постыдный смысл слов Бинодини. И все же Аша сказала:

— Мало ли глупостей говорят! Чего стоит наша любовь, если мы будем обращать на все внимание! Ты должна об этом забыть.

— Хорошо, забуду.

— Завтра я уезжаю, присмотри за моим мужем. И не избегай его, как ты делала до сих пор.

Бинодини долго молчала. Тогда Аша, схватив ее за руку, стала просить:

— Умоляю тебя, выполни, пожалуйста, мою просьбу.

— Хорошо, — сказала наконец Бинодини.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Когда на одном краю неба заходит луна, на другом встает солнце. Но Аша уехала, а Бинодини все еще не появлялась на горизонте Мохендро. Он бродил по дому, то и дело под разными предлогами заглядывал в комнату матери, но Бинодини по-прежнему ускользала от него.

Раджлокхи заметила, что Мохендро ходит с каким-то отсутствующим видом, ничем не может заняться. И решила, что сын потерял покой из-за отъезда жены. Ей было больно думать, что теперь мать, видно, совсем уже не нужна ему. Потерянный и унылый вид сына встревожил Раджлокхи, и она позвала Бинодини.

— Я стала сильно задыхаться после болезни, — сказала она. — Сегодня шла по лестнице, думала — не поднимусь. Тебе, доченька, самой придется присматривать за Мохинном. Он ведь привык, чтобы о нем всегда кто-нибудь заботился. Посмотри, что с ним стало после отъезда жены. Да и жепя тоже хороша! Зачем только она уехала?

Бинодини слушала молча, чуть отвернувшись, пальцы ее нервно теребили бахромку покрывала на постели.

— Ну что ты об этом думаешь? — продолжала Раджлокхи. — Да тут и думать нечего, умница моя. Что ни говори, ты нам не чужая!

— Пожалуйста, не уговаривайте меня, ма.

— Ах так? Ну что ж, хорошо! Я сама буду делать что могу. — И Раджлокхи встала, собираясь идти на третий этаж убирать комнату Мохендро.

Но Биподини остановила ее:

— Вы же больны, тетя, не ходите туда, — с тревогой сказала она. — Я сделаю все, как вы велите. Простите меня!

Раджлокхи давно привыкла не обращать внимания на то, что говорят окружающие. После смерти мужа она не признавала в этом мире никого, кроме Мохендро.

Одна мысль, что люди могут сплетничать о ее сыне и Биподини, приводила ее в негодование. Она привыкла считать, что лучше ее сына нет никого на свете. И люди посмели осуждать его?! Да чтоб язык отсох у того, кто занимается этими сплетнями! Раджлокхи была упряма в своих вкусах и суждениях и поэтому всегда пренебрегала мнением окружающих.

Когда в тот день Мохендро, возвратившись из колледжа, вошел в свою комнату, он был поражен. Комната благоухала сандалом и душистыми смолами; к сетке от москитов был прикреплен шнур из розового шелка; на низкой тахте сверкало белозной покрывало, а вместо старых валиков лежали четырехугольные европейские подушечки, расшитые шелком и шерстью. Это рукоделие было плодом долгого труда Биподини. Аша частенько допытывалась у нее, для кого она вышивает эти подушки. «Для своего смертного ложа, — со смехом отвечала Биподини. — Ведь у меня не может быть другого жениха, кроме Ямы».

В рамке на стене висела фотография Мохендро. В каждом углу рамки было красиво завязан бант из цветных лент. Под фотографией на треножнике, словно приношение неизвестного почитателя изображению Мохендро, с обеих сторон стояли вазы с цветами. Аккуратно прибранная комната припала совсем иной вид. Постель была немного отодвинута, комната делилась на две части: высокие вешалки с развешанной на них одеждой, стоявшие перед широкой тахтой, служили своего рода ширмой. Благодаря им тахта и постель оказались совершенно отделенными друг от друга. На дверце шкафчика, в котором обычно лежали любимые безделушки и китайские куклы Аши, была сделана драпировка из красной шали. Самых безделушек

в шкафчике уже не было. Все, что в этой комнате хоть сколько-нибудь напоминало о прошлом, исчезло благодаря перестановке, сделанной руками другой женщины.

Усталый Мохендро опустился на чистую постель, но едва он коснулся головой подушки, как сразу почувствовал нежный аромат — в подушку были положены душистые травы. Мохендро закрыл глаза, и ему стало казаться, что до него доносится аромат нежных, как лепестки чампака, пальцев той, которая касалась этой подушки.

Вошла служанка с подносом, на котором были фрукты, сладости и стакан холодного анапасного шербета. Все не походило теперь на то, что было прежде, во всем были видны забота и аккуратность.

Вид комнаты, аромат цветов, вкусная еда и повизна всей обстановки обострили чувства Мохендро. Когда он кончил есть, в комнату неторопливо вошла Бинодини, неся ему серебряную коробочку с бетелем и пряностями; она сказала, улыбаясь:

— Простите меня, господин, эти несколько дней я не могла присутствовать при вашей трапезе. Только прошу вас, не жалуйтесь моей Аше, что за вами плохо ухаживали. Я делаю, что могу, для вас... Но ведь на моих плечах все хозяйство.— И Бинодини протянула Мохендро коробочку с бетелем. Даже у бетеля был сегодня какой-то особый аромат.

— Я хотел бы, чтобы в ваших заботах обо мне всегда были какие-нибудь упущения, тогда бы вы оставались в долгу передо мной.

— Зачем это вам?

— О, я бы требовал проценты.

— И много их уже набралось, этих процентов, господин ростовщик?

— Во-первых, вас не было во время обеда — это следует возместить, и еще мне кое-что причитается.

— Вы все учитываете, как пастоящий ростовщик! Попадешь к вам в руки, потом не вырвешься,— со смехом проговорила Бинодини.

— Что толку вас ловить? Что с вас возьмешь?

— Верно, взять с меня нечего, и все же вы держите меня в заключении...

Внезапно погрузнев, Бинодини тихонько вздохнула.

— Разве этот дом — тюрьма для вас? — серьезно спросил Мохендро.

Слуга внес лампу, поставил ее на треножник и ушел.

Прикрыв глаза ладонью от яркого света, Бинодини от-
ветила, потупившись:

— Тюрьма?.. Не знаю... Мне трудно с вами спорить.
Ну, я пойду, у меня дела...

Вдруг Мохендро схватил ее руку и, крепко сжав, сказал:

— Но если вы смирились с оковами, зачем бежать?

— Пустите меня, как вам не стыдно! К чему удержи-
вать того, кому все равно бежать некуда? — Бинодини ре-
шительно вырвалась от Мохендро и быстро вышла.

Мохендро откинулся на благоухающую подушку.
Сердце его учащенно билось. Это безмолвие сумерек, пу-
стая комната, ласковый весенний ветер... и сердце Бино-
дини, которое, кажется, бьется здесь, рядом с ним! Мо-
хендро совсем потерял голову... Он погасил свет, запер
дверь, опустил жалюзи и сразу же лег.

Постель тоже словно подменили, матрац стал гораздо
мягче. И снова этот аромат — то ли сандаловое дерево, то
ли еще что-то, — не разобрать. Мохендро ворочался с боку
на бок, тщетно призывая и стараясь удержать в памяти
прежние образы.

Часов около девяти вечера в запертую дверь постучали.

— Откройте, — услышал он голос Бинодини. — Вам
принесли поесть.

Мохендро вскочил и кинулся было к двери. Он уже
положил руку на засов, но... не открыл его.

Без сил опустился он на циновку.

— Нет, нет, я не голоден, я не хочу есть... — тихо ска-
зал он.

— Может, вам нездоровится? — слышался снаружи
встревоженный голос. — Хотите, я принесу воды или еще
чего-нибудь?

— Нет, мне ничего не нужно.

— Не обманывайте меня, вы больны. Откройте!

— Нет, нет, — воскликнул Мохендро. — Ни за что!
Уходите.

Он снова лег. В темноте он пытался отыскать на опу-
стившем ложе и в своем измученном сердце хотя бы па-
мять об отсутствовавшей Аше. Когда Мохендро наконец
убедился, что ему не уснуть, он зажег лампу и сел за
письмо к жене.

*«Аша, возвращайся скорее, не оставляй меня одного, —
писал он. — Ты Лакими моя. Когда тебя нет, мои желания
сбрасывают оковы и влекут меня куда-то. Мне нужно ви-*

деть, что впереди, а там — темнота. Мне нужен свет твоих любящих, доверчивых глаз. Приезжай скорее, моя вера, мое счастье, моя единственная! Успокой меня, защити, наполни мое сердце! Спаси меня от греха, от страшного кошмара забвения...»

Так изливался Мохендро перед Ашей. Много еще написал он ей за долгую ночь. Издалека чуть слышно донесся бой храмовых часов. Пробило три. Улицы притихли. Не стало слышно шума экипажей. Даже голос певицы, доносившийся из верхнего этажа соседнего дома, потонул в объявшем землю сне и покое. Воспоминания об Аше и письмо, в котором он излил волновавшие его чувства, успокоили Мохендро. Он лег и тотчас же заснул.

Когда Мохендро проснулся, был уже день и в комнату заглядывало солнце. Он торопливо сел на постели. Теперь почему-то все события прошедшего вечера не казались ему такими серьезными. Мохендро встал, и вдруг ему попало на глаза письмо, лежавшее на столике под чернильницей.

«Чего только я тут не написал! — думал он, перечитывая письмо. — Прямо как в романе! Хорошо, не отослал! Что подумала бы Аша, если бы прочла все это! Скорее всего, она мало бы что поняла из написанного». Мохендро стало стыдно, что из-за пустяка он поддался слабости. Он порвал письмо на мелкие клочки и написал Аше спокойную коротенькую записку: *«Долго ли ты еще пробудешь в Бенаресе? Если дядя пока не собирается возвращаться, напиши — я приеду за тобой. Без тебя скучно».*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Аннапурна встревожилась, когда через несколько дней после отъезда Мохендро к ней явилась Аша, и поэтому принялась подробно расспрашивать племянницу.

— Ты так расхваливаешь свою подругу, Чупи, что можно подумать, будто лучше ее на свете нет, — сказала она.

— Это правда, тетя, я не преувеличиваю. Она умная, красивая, а как хозяйничает!

— Ну конечно, она твоя подруга, поэтому ты и видишь в ней одни достоинства. А что говорят о ней другие?

— Ма сю не нахвалится. Стоит лишь заикнуться, что Биподини когда-нибудь уедет к себе в деревню, как ей плохо делается. Одна Биподини умеет угодить Раджлок-

хи. Заболеет кто-нибудь из прислуги, Бинодини и за ним ухаживает, будто сестра или мать.

— Что думает о ней Мохендро?

— Ну, ты же его знаешь, он чувствует себя хорошо только в кругу самых близких. Все любят Песчинку, только Мохендро с ней до сих пор не в ладах.

— Что же это он?

— Если бы я сама не устраивала им встреч, он бы, пожалуй, совсем перестал с ней разговаривать. Ты же знаешь, какой он молчун. Люди думают, что он гордый. Но ведь это не так, тетя, просто он с очень немногими чувствует себя свободно.

Едва Аша сказала это, как ей сразу же стало стыдно своих слов, и щеки ее вспыхнули. Обрадованная Аннапурна усмехнулась про себя.

— А ведь верно,— сказала она,— когда Мохендро был здесь, он ни словом не обмолвился о твоей Песчинке.

— Вот нехороший,— обиженно сказала Аша.— Уж кого он невалюбит, тот для него — пустое место. Держит себя так, будто никогда его и в глаза не видел.

— Зато если Мохин кого полюбил, то кажется, во всех рождениях только его одного и знал. Правда, Чуни? — с улыбкой заметила Аннапурна.

Аша молча опустила глаза и улыбнулась.

— Ну, Чуни, а что нового у Бихари? Он так и не собирается жениться?

Веселость Аши мгновенно пропала. Она не знала, что ответить. Встревоженная ее молчанием, Аннапурна воскликнула:

— Говори правду, Чуни! Бихари здоров?

У Аннапурны не было детей, и она любила Бихари, как сына. Здесь, на чужбине, ее постоянно угнетала мысль, что она не сможет навещать Бихари, когда тот обзаведется семьей. В ее тесном мирке жизнь текла размеренно и палаженно, но стоило ей вспомнить, как одинок Бихари, и она начинала раскисать в том, что ушла от мира.

— Не спрашивай, пожалуйста, меня о господине Бихари, тетя,— сказала наконец Аша.

— Почему?!

— Я не могу сказать,— проговорила Аша и вышла из комнаты.

«Неужели Бихари, мой ненаглядный мальчик, за это короткое время так изменился, что Аша даже имени его слышать не может? Чего не делает судьба! — размышляла

Аннапурна.— Зачем только сватали за него Чунн! Как жаль, что Мохендро отнял Чунн у него!»

Думая об этом, она не могла сдерживать слез. «Если даже мой Бихари и совершил что-нибудь недостойное,— говорила себе Аннапурна,— то нелегко это далось ему. Сам, наверное, пережил немало». Она представила себе горе Бихари, и сердце ее больно сжалось.

Вечером, когда Аннапурна молилась, около дома остановился экипаж. Кучер стал стучать в дверь.

— Ах, Чунн, я совсем забыла! Сегодня ко мне должна приехать из Аллахабада свекровь с двумя племянницами,— крикнула Аннапурна из молельни.— Это, наверное, они! Возьми лампу, отопри им!

Аша открыла дверь. На пороге стоял Бихари.

— Как же это, ботхан? — растерянно воскликнул он.— Я слышал, вы решили не ехать в Бенарес?

Лампа выпала из рук Аши. словно увидев привидение, она одним духом взбежала на второй этаж и оттуда жалобно крикнула:

— Тетя, припадаю к твоим ногам. Вели ему сейчас же уйти!

— Кому, Чунн, кому? — удивилась Аннапурна, поспешно вставая.

— Господин Бихари сюда явился! — Аша бросилась в комнату и заперлась там.

Бихари все слышал. Ему сразу же захотелось убежать куда-нибудь, но когда Аннапурна спустилась вниз, то увидела, что Бихари сидит на ступеньках тут же, у двери. У него не хватало сил уйти. Аннапурна не принесла с собой лампы и в темноте по видела выражения лица Бихари, он тоже почти не видел ее.

— Бихари! — сказала Аннапурна. Увы, куда делся ее ласковый, согретый любовью голос! Сейчас в нем звучало только суровое осуждение.

О мать Аннапурна, пад кем запесла ты свой карающий меч! Ведь несчастный Бихари шел сегодня к тебе во мраке ночи только затем, чтобы пайти утешение у твоих ног!

Бихари вздрогнул, пораженный, словно молнией, укоризненным топом Аннапурны.

— Не пужно, тетя, не говори мне больше ничего,— поспешно сказал он.— Я ухожу.

Он поклонился ей до земли, даже не посмев коснуться ее ног. И как мать приносит в жертву Ганге свое дитя, Аннапурна оставила Бихари в ночной темноте. Она даже

не окликнула юношу, когда он ушел. Экипаж Бихари скрылся во мраке.

Этой же ночью Аша написала письмо Мохендро: *«Сегодня вечером господин Бихари неожиданно приехал сюда. Когда дядя вернется в Калькутту, неизвестно, поэтому приезжай и поскорее заberi меня отсюда».*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Наутро, после сильных волнений минувшего вечера, Мохендро чувствовал какую-то вялость. Была середина месяца пхальгун, близилось жаркое время года. Обычно по утрам Мохендро занимался, но сегодня он, откинувшись на подушки, остался лежать на тахте. Время шло, а он и не думал вставать и идти купаться. По улице, громко зазывая покупателей, проходили торговцы; шум экипажей под окнами не смолкал ни на минуту. Рядом, за оградой, только на днях построили новый дом. Жена соседа и ее дочери, напевая, дружно утрамбовывали крышу. Теплый южный ветер ласкал Мохендро, который чувствовал себя совсем разбитым, и, казалось, восстанавливал его силы. Клятвы, зарок, отчаянные усилия, вражда — все это стало вдруг таким далеким в это томительное, расслабляющее все тело весеннее утро.

— Что с вами сегодня, господин мой? — воскликнула Бинодини, входя в комнату. — Вы не пошли купаться? А завтрак уже готов. О, да он все еще лежит! Плохо себя чувствуете? Голова разболелась? — И, подойдя к тахте, Бинодини положила руку ему на лоб.

Мохендро, полузакрыв глаза, едва слышно произнес:

— Мне нездоровится. Я не пойду купаться...

— Тогда поспите хоть немного, — сказала Бинодини с трогательной заботливостью.

После завтрака Мохендро снова лег, а Бинодини, присев у его изголовья, принялась осторожно массировать ему голову.

— Милая Песчинка, — не открывая глаз, сказал Мохендро, — ты еще не завтракала, пойдн поешь.

Но Бинодини не ушла. Жаркое дыхание полдня колебалось занавес у окна, и в комнату долетал неясный шепот трепетавшей у ограды листвы пальмы.

Сердце Мохендро закружилось в быстром танце, ритм его становился все стремительнее. И словно в такт ему,

от горячего дыхания Бинодини слегка зашевелились волосы на голове Мохендро. Оба молчали. Мохендро стало казаться, что он плывет по бесконечному потоку в беспредельной вселенной. Вот его лодка приближается к берегу — может, кто и войдет в нее, но надолго ли?..

Сидя у изголовья и медленно проводя рукой по лбу Мохендро, Бинодини все ниже и ниже склопала голову, пока наконец прядь ее волос не коснулась лба Мохендро. От этого нежного прикосновения у Мохендро перехватило дыхание и дрожь пробежала по всему телу. Он порывисто сел на постели и со словами: «Довольно. Мне нужно идти на занятия» — встал, избегая взгляда Бинодини.

— Не беспокойтесь, я сейчас принесу вашу одежду, — сказала она.

Мохендро отправился в колледж, по и там никак не мог успокоиться. После бесплодных попыток сосредоточиться он вернулся с занятий раньше обычного. Войдя в комнату, он сразу же увидел Бинодини, которая, лежа на тахте, читала какую-то книгу. Ее густые черные волосы были распущены. Казалось, она не слышала шагов Мохендро. Он подошел на цыпочках и остановился. Увлеченная чтением, Бинодини тяжело вздохнула.

— О красавица, — окликнул ее Мохендро, — не трать жар своего сердца на выдуманных героев. Что ты читаешь?

Бинодини вскочила и торопливо спрятала книгу в складках сари. Мохендро стал отнимать книгу. После долгой борьбы Бинодини наконец уступила. Она сидела отвернувшись, тяжело дыша и сердито молчала. Мохендро прочел название. Это был роман «Ядовитое дерево».

Сердце Мохендро громко стучало. Наконец он через силу улыбнулся.

— Ну и одурачила же ты меня! — сказал он. — Я-то думал, тут какая-нибудь тайна, а это, оказывается, всего лишь «Ядовитое дерево»!

— Какие же, по-вашему, у меня могут быть тайны?

— Ну, скажем, письмо от Бихари?

Молния сверкнула в глазах Бинодини. Только что тут развился бог любви, и теперь его вновь обратили в пепел.

Бинодини стремительно поднялась, — словно пламя взметнулось ввысь. Мохендро схватил ее за руку.

— Прости меня, я пошутил! Прости, пожалуйста! — воскликнул он.

— Пошутили? Над кем? — возмутилась Бинодини и гневно вырвала руку. — Если бы вы хоть были достойны

его дружбы, я простила бы вашу шутку. Но вы, ничтожный человек, па дружбу не способны — только и умеете, что пасмехаться.

Опа повернулась, чтобы уйти, но Мохендро обнял ее попи.

Вдруг па них упала чья-то тень. Мохендро, вздрогнув, разжал руки, поднял голову и увидел перед собой Бихари.

Юноша упичтожающе посмотрел на обонх и сказал очень спокойно и холодно:

— Вижу, что явился не вовремя, но я сейчас уйду. Мне пужно сказать тебе два слова. Я не знал, что твоя жена в Бенаресе, и поехал туда. Невольно я оказался виноватым перед пей. Но просить прощения у нее самой я не мог, поэтому и пришел к тебе. Если когда-нибудь вольно или невольно я и поддался нехорошим мыслям, то, очень прошу тебя, пусть это не станет причиппой неприятностей для нее.

Появление Бихари взорвало Мохендро. Нашел время выказывать свое благородство!

— Ты, я вижу, разыгрываешь простофилю из сказки: признаться — боишься, а не признаться — не можешь, — насмешливо сказал он. — Зачем же тогда просить прощения и изображать из себя святого?

Бихари словно оцепенел. Потом он сделал над собой усилие, губы его зашевелились.

— Бихари-тхакур, умоляю вас, не отвечайте! — воскликнула Бинодини. — Не говорите ничего. Слова этого человека опорочили его, вас эта грязь не коснулась!

Трудно было понять, слышал Бихари то, что сказала Бинодини, или не слышал. Как во сне, вышел он из комнаты и стал спускаться по лестнице. Бинодини бросилась за ним.

— Бихари-тхакур! — окликнула опа юношу. — Неужели вам нечего сказать мне? Ну, отругайте меня, если хотите!

Бихари, ничего не отвечая, продолжал идти. Тогда опа забежала вперед и схватила его за руку. С невыразимым презрением Бихари оттолкнул ее и вышел из дома. Он даже не видел, что Бинодини упала, когда он ее толкнул. На шум прибежал Мохендро. Падая, Бинодини в кровь разбила локоть.

— О, у тебя крови! — воскликнул Мохендро и, оторвав кусок от своей тонкой рубашки, хотел перевязать ей руку.

— Нет, нет! — воскликнула Бинодини. — Не нужно, ничего, пусть течет! Пусть!

— Я перевяжу и смажу мазью.

Бинодини снова отстранилась.

— Не нужно! Эта боль моя, и я не хочу избавляться от нее!

— Прости меня! Я не сдержался и поставил тебя в пеловкое положение...

— За что мне тебя прощать? Ты правильно поступил. Мне все равно, что скажут люди. Неужели мне будет дорог тот, кто оттолкнул меня, а не тот, кто хочет меня удержать?

Опьяненный ее словами, Мохендро воскликнул дрогнувшим голосом:

— Значит, ты не оттолкнешь мою любовь, Бинодини?

— Я буду хранить ее в сердце. Не так много любви доставалось мне в жизни, чтобы отвергнуть ее.

Мохендро схватил Бинодини за руки.

— Тогда пойдем ко мне, — быстро проговорил он, — мы причинили друг другу много огорчений, и теперь я не успокоюсь, пока не исцелю тебя.

— Не сегодня. Пустите меня. Простите, если обидела.

— И ты меня прости, иначе я не буду спать всю ночь.

— Я уже простила.

Мохендро потерял голову. Он тут же захотел получить от Бинодини доказательство ее прощения и любви, но выражение ее лица удержало его. Бинодини ушла. Мохендро медленно поднялся на крышу.

Он был счастлив, что освободился от угнетавшей его тайны. Теперь Бихари знает о его любви! Мохендро казалось, что раз все стало известно, то его тайная игра перестала быть позорной. «Я не желаю больше ничего скрывать. Я таился перед самим собой, чтобы не упасть в собственных глазах, — говорил он себе. — Но ведь я люблю ее, люблю, — и это не обман!» Мохендро был так горд своей любовью, что чувствовал даже какую-то радость, ощущая себя грешным человеком. В этот тихий вечер он презрительно бросал вызов небу, повторяя: «Пусть я негодяй, но я люблю!» Образ Бинодини заслонил от него и небо, и землю, и все мирские заботы. Бихари своим приходом словно открыл и опрокинул запечатанную чернильницу его тайных мыслей, и в один миг чернила волос и глаз Бинодини залили все чистые листы и все записи прошлого.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

На следующий день, проснувшись, Мохендро почувствовал, что волна нежности захлестнула его сердце. Солнечные лучи, казалось, окрасили в золотистый цвет все его мысли и желания. Как прекрасен мир, какое восхитительное небо! Мохендро чудилось, будто душа его плывет по воздуху, словно цветочная пыльца, подгоняемая ветром.

Нищий-вишнуит, аккомпанируя себе на барабане и цимбалах, затянул под окнами песню. Привратник хотел прогнать его, но Мохендро отругал привратника и бросил певцу рупию.

Слуга, вынося из комнаты керосиновую лампу, уронил ее и разбил. Замирая от страха, он смотрел на молодого хозяина, но тот не стал бранить его, а лишь мягко заметил:

— Подмети и тщательно убери осколки, а то кто-нибудь ногу поранит.

Сегодня ничто не могло огорчить Мохендро.

Запавес поднялся. Любовь, так долго прятаясь за кулисами, вышла на сцену. Глазам Мохендро открылся новый мир, исчезли будни с их мелочными заботами. Деревья, звери, птицы, толпы людей на дорогах, шум города — все было исполнено очарования. Где же до сих пор таился этот новый мир?

Мохендро казалось, что сегодня его встреча с Бинодини не будет такой прозаичной, как прежде. Сегодня они должны говорить друг с другом стихами, а чувства свои выражать в песне.

Молодому человеку хотелось, чтобы этот день был столь же прекрасным и удивительным, как чудесная, ничему не подвластная жизнь, о которой рассказывается в арабских сказках; чтобы он был похож и на явь и на сновидение и чтобы в этот единственный день ничто не напоминало о законах общества, долге, грубой действительности!

С самого утра Мохендро взволнованно расхаживал по дому. Он не мог заставить себя пойти в колледж, ведь ни в одном календаре не прочтешь, когда наступит благословенный момент для встречи!

То из кладовой, то из кухни до ушей Мохендро доносился голос Бинодини, хлопотавшей по хозяйству. Влюбленному юноше это было неприятно. В своих мечтах он поместил Бинодини далеко от всех будничных дел.

Время словно остановилось. Мохендро умылся, поел, полуденная тишина воцарилась в доме, а Бинодини все не

приходила. Нервы Мохендро были напряжены до предела, отчаяние смеяло радость, разочарование — надежду.

На постели лежал роман «Ядовитое дерево», который ему с таким трудом удалось вчера отнять у Бинодини. При воспоминании об этом Мохендро почувствовал волнение: он взял подушку, еще хранившую аромат волос Бинодини, положил ее под голову и раскрыл книгу. За чтением Мохендро не заметил, как пробило пять часов.

В комнату вошла Бинодини с мурдабадским подносом, уставленным тарелками с фруктами, сладостями и долька-ми замороженной ароматной дыни в сахарном сиропе.

— Чем вы заняты? — спросила она, ставя поднос перед Мохендро. — Что с вами? Уже пять часов, а вы еще не переоделись.

Ее слова укололи Мохендро. Разве нужно спрашивать, что с ним? Бинодини самой следовало бы это знать. Неужели нынешний день похож на всякий другой? Боясь, что надежды его разлетятся в прах, Мохендро не посмел заявить о правах, которые, как ему казалось, появились у него вчера, и стал есть.

Бинодини проворно сбегала на крышу, там на солнце сушили вещи Мохендро, припесла их и принялась лов-ко складывать в шкаф.

— Подожди, — заговорил наконец Мохендро. — Я поем и помогу тебе.

— Ради бога, не надо! — взмолилась Бинодини. — Де-лайте что хотите, только не помогайте мне.

— Ты считаешь меня ни на что не способным? — воз-мутился Мохендро. — Давай устроим мне экзамен! — И он принялся складывать вещи.

— Оставьте! — воскликнула Бинодини. — Не прибав-ляйте мне работы.

— Хорошо, укладывай сама. Я буду смотреть, как ты это делаешь, и учиться.

И Мохендро уселся рядом с молодой женщиной на полу.

Бинодини, будто для того чтобы выбить пыль, хлопала каждой вещью Мохендро по спине, а затем уже аккуратно укладывала ее в шкаф.

Такова была их первая встреча после памятного для Мохендро дня. В ней не было ничего от той необычности, о которой мечтал Мохендро. О такой встрече не сложишь ни поэмы, ни песни, не напишешь романа. Но удивительно, Мохендро не почувствовал разочарования, наоборот —

он даже испытал облегчение. Ведь он понятия не имел, как осуществить свои мечты, как уберечь необыкновенное от обыденности, не знал, как вести себя, что говорить, не представлял, что должен чувствовать.

И вот сейчас, среди шутливой возни, он освободился из-под власти той надуманной встречи, которую нарисовало его воображение.

В комнату вошла Раджлокхи.

— Мохин,— обратилась она к сыну,— Бинодини складывает вещи, а ты что здесь делаешь?

— Вы видите, тетя,— сказала Бинодини,— он только мешает мне!

— Какая неблагодарность! — запротестовал Мохендро.— Я же помогаю!

— О всевышней! — воскликнула старая женщина.— Оказывается, он помогает! Ты знаешь, милая, я и тетка так избаловали Мохина, что он совсем ничего не умеет.

Раджлокхи устремляла полный любви взгляд на своего незадачливого сына. Раджлокхи говорила с Бинодини только об одном — как окружить заботой Мохендро, этого взрослого, но совсем беспомощного баловня материнской любви. Старая женщина была безмерно счастлива, что Бинодини взяла на себя заботу о ее сыне. Радовало ее и то, что Мохендро наконец оценил по достоинству Бинодини и теперь всеми силами стремится удержать ее в доме.

— Дорогая,— сказала Раджлокхи,— теплые вещи Мохина просушены, завтра можешь заняться его новыми носовыми платками. Надо вышить на них метки. С тех пор как ты появилась в доме, дитя мое, я всю работу взвалила на тебя, вместо того чтобы за тобой ухаживать.

— Не говорите так, тетушка, а то я подумаю, что вы считаете меня чужой! — обиженно сказала Бинодини.

— Ну что ты, кто мне родней тебя! — ласково возразила Раджлокхи и, когда Бинодини убрала все вещи в шкаф, добавила: — Если тебе нечего делать, мы можем заняться приготовлением сладостей.

— Конечно, тетя,— с готовностью ответила молодая женщина.— Я свободна, пойдемте.

— Только что, ма, ты каялась, что заставляешь ее работать, и вот опять пошла для нее занятие,— вмешался Мохендро.

Раджлокхи нежно взяла Бинодини за подбородок.

— Наша девочка настоящая Лакшми — она любит трудиться.

— Сегодня у меня свободный вечер,— сказал Мохендро.— Я хотел почитать ей вслух.

— Тетя, а что, если мы вместе с вами придем послушать Мохендро? — предложила Бинодини.

«Бедному Мохину очень одипоко. Нужно развлечь его», — подумала Раджлокхи и сказала:

— Хорошо, мы приготовим еду для Мохендро, а потом придем послушать его чтение. Что ты на это скажешь, Мохин? — обратилась она к сыну.

Бинодини бросила быстрый взгляд на молодого человека.

Мохендро согласился без особого энтузиазма. И женщины покинули комнату.

«Сейчас же уйду из дома! — злился Мохендро.— Вернусь, когда все уже будут спать». Он оделся, но так нигде не ушел. Поднявшись на крышу, он стал нервно ходить взад и вперед, то и дело поглядывая на лестницу, потом вернулся в комнату.

«Не прикоснусь сегодня к сладостям,— негодовал Мохендро.— Пусть мать поймет, что и сироп, если его долго держать на огне, теряет свою сладость».

Когда настало время ужинать, Бинодини пришла вместе с Раджлокхи. Старая женщина страдала астмой и не хотела подниматься наверх, но Бинодини уговорила ее.

Мохендро сидел насупившись.

— Что с вами? — спросила Бинодини.— Почему вы не едите?

— Уж не заболел ли? — забеспокоилась Раджлокхи.

— Может, вы все-таки отведаете сладостей? Мы так старались,— сказала Бинодини.— Но если они не получились, не надо. Нельзя заставить человека есть, когда ему не нравится.

— Ну что вы делаете со мной! — взмолился Мохендро.— Мне очень хочется сладостей, и они мне нравятся, а вы говорите — «не надо»...

И Мохендро съел все до последней крошки. После ужина все трое прошли в его комнату. Но Мохендро словно и не собирался читать.

— Ты обещал почитать нам,— напомнила Раджлокхи.

— В книге, о которой я говорил, нет ничего о всевышнем, она не поправится тебе.

«Как же так — не понравится?» Раджлокхи готова была с наслаждением слушать любую книгу, какую бы сын ни читал, даже если бы он читал по-турецки.

«Бедный Мохин! — с нежностью подумала она. — Жена уехала, а он тут совсем один. Все, что приятно ему, не может не доставить удовольствия мне, матери!»

— Может, лучше вместо этого романа почитать сборник религиозных наставлений, который лежит в комнате тети? — предложила Бинодини. — Тете это будет приятно, и мы хорошо проведем вечер.

Мохендро жалобно посмотрел на молодую женщину.

В комнату вошла служанка и обратилась к Раджлоххи:

— Пришла госпожа Кхает.

Госпожа Кхает была близкой приятельницей Раджлоххи. Нелегко было старой женщине устоять перед искушением поболтать вечером с подругой. Тем не менее она сказала:

— Передай гостье, что я у сына и занята. Пусть она непременно зайдет завтра.

— Зачем же, ма? — поспешно вмешался в разговор Мохендро. — Почему бы тебе не поговорить с ней сегодня?

— Оставайтесь здесь, тетя, — предложила Бинодини, — а я пойду посижу с вашей гостьей.

— Не пужно, милая, — сдалась Раджлоххи. — Я сама пойду, выпровожу ее и вернусь. Вы не ждите меня, начинайте читать.

Как только мать удалилась, Мохендро обернулся к Бинодини, не в силах больше сдерживать себя.

— Неужели тебе доставляет удовольствие так мучить меня? — начал он.

— В чем дело? — с притворным удивлением спросила Бинодини. — Чем я тебя мучаю? Вероятно, моя вина в том, что я пришла сюда. Но я уйду, — печально проговорила молодая женщина, вставая.

— Нет, этой пытки на медленном огне я не выпесу.

— А я и не подозревала, что во мне столько огня, — усмехнулась Бинодини. — У тебя, видно, много терпения! Впрочем, судя по твоему виду, ты не очень страдаешь.

— Разве? — Мохендро с силой прижал руку Бинодини к своей груди.

Бинодини вскрикнула, и он поспешно выпустил руку.

— Я причинил тебе боль?

На руке Бинодини в том месте, где она ее ушибла накауне, показалась кровь.

— Я совсем забыл, что у тебя болит рука, — оправдывался Мохендро. — Прости, пожалуйста. Разреши, я смажу ранку лекарством и забинтую.

— Пустяки! Не падо! — возразила Бинодипи.

— Почему?

— Странный вопрос! Я просто не позволю тебе лезть ко мне!

Мохендро сразу стал серьезным.

«Совершенно невозможно попать жепици!» — подумал он.

Бинодипи поднялась. Оскорбленный Мохендро не стал удерживать ее и лишь спросил:

— Ты куда?

Бинодипи, сославшись на дела по хозяйству, медленно вышла.

Но уже через минуту Мохендро бросился следом за ней. Однако, дойдя до лестницы, он передумал и, вернувшись на крышу, принялся прогуливаться в полном одиночестве.

Бинодипи влекла его, ни на мгновение не давая приблизиться к себе. Мохендро всегда гордился тем, что он неуязвим, но сегодня он принес в жертву и это свое преимущество. Неужели он вынужден будет признать, что, несмотря на все усилия, не способен завоевать сердце жепицины? Мохендро потерпел полное поражение, никогда еще он не был так унижен! Сегодня вся его уверенность развеялась как дым. Он поступился чувством собственного достоинства и ничего не получил взамен. Слово жепици, перед которым захлопнули дверь, стоял он в сумерках с протянутой рукой на дороге.

Каждый год в месяце пхальгун или чойтро Бихари присылали из поместья горчичный мед. Этот мед он отправлял Раджлокхи. Так сделал он и в этом году.

— Бихари прислал мед, тетушка, — сообщила Бинодипи.

Раджлокхи велела отнести мед в кладовую.

— Бихари не забывает вас, — заметила Бинодипи, вернувшись из кладовой. — Вы ему все равно что мать родная. Ведь он — сирота.

Для Раджлокхи Бихари всегда был только тенью Мохендро, она видела в нем предка своего семейства, человека, о котором не нужно заботиться и чьи услуги можно принимать безвозмездно. Но слова Бинодипи неожиданно тронули сердце Раджлокхи. «А ведь правда, — подумала она, — Бихари относится ко мне, как к матери». Она вспомнила, что всегда, когда случалось кому-нибудь заболеть или когда их семью постигало горе, Бихари сам, не дожидаясь,

даясь приглашения, появлялся в доме и трогательно ухаживал за больным или помогал ей. Для Раджлокхи это стало таким же естественным и привычным, как то, что она дышит. Ей и в голову не приходило поблагодарить его. Когда он исчезал надолго, она не справлялась о нем. Если же это делала Аннапурна, Раджлокхи всегда казалось, что та проявляет притворное беспокойство о Бихари, чтобы удержать его под своим влиянием.

— Бихари действительно мне как сын, — вздохнула Раджлокхи. Она подумала, что Бихари делал для нее больше, чем Мохендро. Он всегда с великим почтением относился к их семье, ничего не получая взамен.

— Бихари так любит кушанья, приготовленные вами, — заметила Бинодини.

— Больше всего на свете он любит рыбный суп, сваренный мною, — с гордостью сказала Раджлокхи.

Разговор с Бинодини напомнил ей, что Бихари давно уже не навещал их.

— В чем дело, дорогая? Почему Бихари так давно не показывается у нас? — спросила Раджлокхи.

— Я и сама об этом думала, тетя. Но судите сами, с тех пор как ваш сын женился, он занят только женой. Его друзьям уже нечего делать в доме.

Это замечание показалось Раджлокхи не лишним смыслом. И правда, с тех пор как Мохендро женился, он отдалился от всех, кто любил его. Бихари мог обидеться и поэтому не приходит. Значит, Мохендро обидел не ее одну. Почувствовав еще большую симпатию к молодому человеку, Раджлокхи пустилась в воспоминания о том, как Бихари всегда, еще с детства, самоотверженно помогал Мохендро и сколько страдал по его вине! Говоря о Бихари, она изливала свою обиду на сына. Где же тогда справедливость на земле, если Мохендро ради жены, которую знает совсем недавно, смог забыть своего старого друга!

— Завтра воскресенье. Пригласите Бихари к обеду, — предложила Бинодини. — Он будет очень рад.

— Хорошая мысль, — подхватила Раджлокхи. — Надо позвать Мохендро. Пусть пошлет ему приглашение.

— Нет, тетя, — возразила молодая женщина, — лучше сами пригласите его.

— Я ведь не умею писать, не то что все вы...

— Я напишу за вас.

Бинодини от имени Раджлокхи написала Бихари приглашение.

Мохендро с нетерпением ждал воскресенья. После того уютного вечера его фантазия разыгралась, хотя до сих пор не случилось ничего, о чем он так мечтал. Воскресная показалась влюбленному Мохендро золотисто-медовой. Шум пробуждающегося города восхитительной песней звучал в его ушах. Но что случилось в доме? Может, мать дала какой-нибудь обет? Сегодня она не отдыхала, как в другие дни, перепоручив все заботы по хозяйству Бинодини. Сегодня она сама хлопотала по дому.

Пробило уже десять часов, а Мохендро так и не удалось, несмотря на все его усилия, хоть на минуту увидеться с Бинодини наедине. Он пытался читать, но чтение не шло ему на ум. Некоторое время он сидел с газетой в руках, уставившись на страницу с объявлениями, наконец не выдержал и спустился на веранду, где на маленькой плите стряпала Раджлокхи. Бинодини, обвязав вокруг талии свободный конец сари, помогала ей.

— Что случилось? — удивился Мохендро. — Почему такая суета?

— Разве Бинодини не сказала тебе? Я пригласила Бихари.

Бихари приглашен! Мохендро вспыхнул.

— Но меня не будет дома, ма! — выпалил он.

— Почему?

— Я должен уйти.

— Пообедаешь, а потом пойдешь. Это займет немного времени.

— Но я уже приглашен в другое место!

— Что же делать, тетя, раз он приглашен, пусть идет, — вмешалась Бинодини, мельком взглянув на Мохендро. — Бихари и без него пообедает.

Но Раджлокхи было трудно примириться с мыслью, что ее сын не отведаст блюд, которые она с таким усердием готовила. Однако чем больше она настаивала, тем упрямее становился Мохендро: у него очень важное свидание и он никак не может отменить его; нужно было посоветоваться с ним, прежде чем приглашать Бихари...

Рассерженный Мохендро таким образом мстил матери. Радостное оживление Раджлокхи угасло. Она готова была бросить все и уйти к себе.

— Тетя, не волнуйтесь, — вмешалась в разговор Бинодини, — Мохендро только пугает, он никуда не уйдет.

— Нет, дитя, — покачала головой Раджлокхи. — Ты не знаешь Мохина. Он поступит так, как решил.

Но, как выяснилось, Бинодини знала Мохендро лучше матери. Молодой человек догадался, что Бихари пригласили по настоящую Бинодини. Глухая ревность терзала его сердце, и у него не доставало сил уйти. Он не будет знать ни минуты покоя, если не увидит, как будут держать себя Бинодини и Бихари при встрече! И как ни мучительно видеть их вместе, он все равно останется.

Прошло много дней с тех пор, как Бихари последний раз был на женской половине дома. Он с детства хорошо знал эти комнаты; когда-то, еще совсем маленьким мальчиком, он бегал и шалил там; сегодня же он остановился перед знакомой дверью, не решаясь войти. Сердце его учащенно билось, из глаз, казалось, вот-вот брызнут слезы.

Чтобы скрыть волнение, Бихари вошел улыбаясь; он взял прах от ног только что совершившей омовение Раджлокхи, и она благословила его ласковым прикосновением руки. Прежде, когда Бихари бывал здесь часто, он не здоровался так торжественно. Но сегодня он будто возвратился с чужбины после долгой разлуки. Раджлокхи, исполненная глубокой симпатии к юноше, встретила его с большей любовью и сердечностью, чем в былые времена.

— Почему ты так долго не приходил, Бихари? — спросила она. — Я каждый день думала: «Сегодня он непременно придет», и все напрасно...

— Если бы я бывал у вас часто, — улыбнулся молодой человек, — вы едва ли каждый день ждали бы меня с нетерпением. А где же Мохин?

Раджлокхи помрачнела.

— Его куда-то пригласили.

Сердце Бихари болезненно сжалось. Неужели это конец их дружбы?

— А что вы сегодня приготовили, ма? — спросил Бихари со вздохом, пытаясь отогнать печальные мысли. Он стал перечислять свои самые любимые кушанья.

В дни, когда обед готовила Раджлокхи, Бихари всегда старался делать вид, что у него хороший аппетит, и это неизменно льстило материнскому сердцу хозяйки. Так и сегодня: стоило Бихари проявить интерес к приготовленным блюдам, как Раджлокхи добродушно рассмеялась, ободряя своего прожорливого гостя.

Неожиданно в комнату вошел Мохендро.

— А, Бихари. Как поживаешь? — сухо поздоровался он.

— Это ты, Мохин? — удивилась Раджлокхи. — Ты разве не в гостях?

— Мне удалось отказаться, — ответил Моҳендро, пытаясь скрыть замешательство.

Пришла с купанья Бинодини.

Бихари, смутившись, долго не мог вымолвить ни слова. В его памяти еще свежо было воспоминание о том, что произошло между Бинодини и Моҳендро.

— Не узнаете? — тихо спросила молодая женщина, подходя к Бихари.

— Нелегко каждого узнать! — многозначительно ответил Бихари.

— Надо быть пропипательнее, — тихо сказала Бинодини и объявила: — Тетя, обед готов.

Моҳендро и Бихари сели за стол, Бинодини прислуживала. А Раджлохки смотрела, как едят молодые люди.

Моҳендро ел с неохотой и все время следил за Бинодини. Ему казалось, что она с большим удовольствием угощает Бихари: она подкладывала ему лучшие куски под предлогом того, что Бихари гость. Моҳендро не мог высказать своего недовольства вслух, а поэтому все больше приходил в ярость.

Когда Бинодини хотела положить на тарелку Бихари редкую в это время года маангровую рыбу с икрой, Бихари запротестовал.

— Нет, нет! Мне не надо! — воскликнул он. — Эту рыбу очень любит Мохин.

— Я не хочу, — заявил оскорбленный Моҳендро.

Бинодини не стала его упрашивать и положила рыбу Бихари.

После обеда, когда оба друга собрались уходить, Бинодини быстро подошла к ним.

— Господин Бихари, не уходите, — попросила она. — Пойдемте наверх, посидим немного.

— А вы разве не будете обедать? — спросил молодой человек.

— Нет, ведь сегодня пост.

На губах Бихари заиграла усмешка, полная жестокой иронии, — неужели Бинодини так благочестива, что соблюдает пост?

Молодая женщина заметила эту усмешку, но снесла ее так же покорно, как рану на руке.

— Не уходите, посидите немного, — смиренно попросила она снова.

— Вам, женщинам, все равно! — неожиданно вспыхнул Моҳендро. — Есть у человека дело или нет, хочет он или

не хочет — сиди. Не понимаю, это у вас называется любовью?

Бинодини громко рассмеялась.

— Бихари, вы только послушайте, что говорит Мохендро-дада. Любовь есть любовь, словарь не дает иного значения этого слова. И уж кому-кому, а вам-то смысл его с детских лет хорошо знаком, — обернулась она к Мохендро.

— Мне нужно поговорить с тобой, Мохин, — вмешался Бихари и, не простившись с Бинодини, увлек Мохендро за собой.

Оставшись одна, Бинодини долго стояла у железных перил веранды, задумчиво глядя на опустевший сад.

— Неужели кончилась наша дружба? — спросил Бихари, когда друзья вышли на улицу.

В душе Мохендро бушевало пламя, насмешка Бинодини, словно молния, обожгла его.

— Тебе, конечно, было бы очень удобно, если бы мы помирились, но я не желаю этого. Я не хочу вводить в свою семью чужого человека. Женская половина дома должна оставаться женской половиной.

Бихари ничего не ответил, повернулся и пошел прочь.

«Больше никогда не увижусь с Бинодини», — поклялся мучимый ревностью Мохендро.

Однако вечером он долго нетерпеливо бродил по дому, втайне надеясь встретить ее.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

— Тетя, ты вспоминаешь своего мужа? — спросила однажды Аша.

— Мне было одиннадцать лет, когда я овдовела, — ответила Аннапурна. — Я смутно помню его.

— О ком же ты все время думаешь?

Аннапурна слегка улыбнулась.

— О всевышнем, мой муж слился с ним.

— Ты счастлива?

Аннапурна ласково погладила по голове племянницу.

— Разве ты сможешь повясть, дитя, что таю я в своем сердце? Это знает лишь оно само да тот, о ком все мои думы.

«А я? — думала Аша. — Знает ли тот, о ком я думаю день и ночь, что творится в моей душе? Я не умею интересно отвечать на его письма, не потому ли он перестал писать мне?»

Уже несколько дней Аша не получала писем от мужа. «Если бы Песчинка была здесь, со мной,— вздыхала она,— она смогла бы описать все, что я чувствую».

Аша не решалась писать сама. Она была уверена, что ее жалкие, неумелые письма не поправятся мужу. Чем больше она старалась, тем безобразнее выходили буквы! Чем лучше она пыталась рассказать в письме, что у нее на сердце, тем хуже у нее это получалось. Если бы можно было ограничиться одной фразой «припадаю к твоим лотосоподобным стопам» и подписаться, а Мохендро, словно всеведущий бог, понял бы все, что она хотела этим сказать! Почему всевышний наделил ее умением так сильно любить и лишил дара краспоречия!

Вернувшись домой после вечерней молитвы, Аша села у постели Аннапурны и принялась осторожно массировать ей ноги.

— Тетя, вот вы говорите,— нарушила она наконец продолжительное молчание,— что жена обязана почитать мужа, как бога. Но как должна поступать глупая, невежественная женщина, если она даже не знает, как это делать.

Аннапурна долго смотрела на Ашу, потом, вздохнув, сказала:

— Ведь я тоже не так уж умна, милая. Но все же я служу всевышнему.

— Всевышнему ведомо все, что сокрыто в твоей душе, и он доволен этим,— возразила племянница.— Но ведь мужу не всегда будет нравиться, как служит ему глупенькая жена.

— Не каждому дано угождать всем, дорогая. Если жепа с уважением и любовью ухаживает за мужем и заботится о семье, муж может и не замечать ее стараний, но всевышний всегда их отметит.

Аша промолчала. Она пыталась найти утешение в словах тетки, но не могла согласиться с тем, чтобы муж не замечал ее любви, даже если всевышний и будет благосклонен к ней. Низко опустив голову, она продолжала массировать ноги тетушки.

Аннапурна притянула Ашу к себе и, поцеловав в лоб, заговорила, едва сдерживая слезы:

— Одних поучений мало, Чуни, надо пройти через страдания и горе, тогда ты многое поймешь. И тетка твоя в былые годы вела свои счеты с миром. Тогда я, как и ты, считала, что тот, о ком я забочусь, кому поклоняюсь, должен чувствовать себя счастливым. Почему он не благо-

склонен ко мне? Почему не замечает моих стараний? Но постепенно я поняла, что напрасно жду этого. И пришел день, когда у меня не стало сил терпеть. Мне показалось, будто все, что я делаю, лишено смысла. В тот день я решила уйти от мира. Теперь же, оглядываясь назад, я вижу, что мои усилия не пропали даром. О дитя мое, тот, кто ведет счет нашей жизни, кто является единственным хозяином цеп на ее ярмарке, отняв у меня все, завладел моей душой и открыл мне истину. Знай я тогда, что, выполняя свой долг перед семьей, я служу всевышнему и что, посвящая себя ему, я тем самым отдаю свое сердце миру, никто не мог бы причинить мне горя!

Ночью, лежа в постели, Аша долго думала над словами тети. Она многого не поняла, но ее благоговение перед этой святой женщиной было безгранично. И она решила слепо следовать ее примеру. В темноте Аша, распростершись ниц, почтила того, кто вытеснил из сердца ее тети весь мир.

— Я еще молода и не знаю тебя, — молилась она, — я знаю только своего мужа! Поэтому не считай себя оскорбленным. О всевышний, вразуми его принять мое поклонение. Я не смогу жить, если он оттолкнет меня! Я не такая благочестивая, как тетя, и не смогу найти успокоения в лоне твоём.

И Аша еще и еще раз распростерлась ниц.

Близился день, когда дядя Аши должен был возвращаться в Калькутту.

Вечером накануне отъезда Аннапурия позвала племянницу.

— Чуни, девочка моя, — сказала она, — не в моих силах уберечь тебя от горя, несчастий и страданий, которыми полон мир. Но вот тебе мой совет. Какие бы испытания ни выпали на твою долю, держись веры и неуклонно выполняй свой долг.

— Благослови меня, тетя. Пусть так и будет. — И Аша поклонилась, беря прах от ног Аннапурии.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Когда Аша вернулась, Бинодини долго журила ее.

— Неужели за все это время ты не могла написать ни одного письма, дорогая?

— Но ты тоже не писала, Песчинка, — возразила Аша

— Почему я должна была писать первой? Это следовало сделать тебе.

И Аша, обняв подругу, признала себя виновной.

— Ты же знаешь, сестра, — созналась она, — я не умею хорошо писать. И мне было стыдно, ты ведь такая ученица...

Обиду быстро позабыли, и взаимная привязанность подруг стала еще крепче.

— Ты дни и ночи проводила с мужем, — сказала Бинюдини, — и вконец избаловала его. Он не любит, когда рядом с ним никого нет.

— Потому, уезжая, я и просила тебя заботиться о нем, — ответила Аша. — Ты ведь лучше меня знаешь, как ухаживать за ним.

— Днем, когда он уходил в колледж, я чувствовала себя относительно свободной, но по вечерам никакого спасения — то разговаривай с ним, то читай ему вслух, — конца нет его капризам.

— Еще бы! Раз пришлось человеку по душе, терпи!

— Остерегайся, милая, муж твой иногда заходит так далеко, что мне начинает казаться, будто я и вправду наделена даром очаровывать мужчин!

— Если ты не обладаешь этим даром, кто же тогда сможет очаровать его! — воскликнула Аша. — Если бы я смогла перенять от тебя хоть частицу твоего искусства, я была бы счастлива.

— Зачем? Кого ты хочешь околдовать? Не стремись к этому, не стоит.

— Глупости! — Аша была возмущена до глубины души.

Впервые встретив Ашу по ее приезде из Бенареса, Мохендро сказал:

— Ты прекрасно выглядишь. Приятно пополнела.

Аша смутилась. Этого еще не доставало! Все у глупой Аши не так, как нужно! Она пополнела именно тогда, когда у нее так беспокойно на сердце! Оказывается, она не только не умеет выразить словами муку, терзавшую ее душу, но даже ее внешность свидетельствует обратное.

— А ты как жил здесь без меня? — ласково спросила Аша.

Раньше Мохендро полусерьезно непременно ответил бы, что «умирал» без Аши, но теперь он не был расположен шутить, слова замерли на его устах.

— Да так, ничего. Спасибо, — только и сказал он.

Аша внимательно посмотрела на мужа. Он осунулся,

побледнел, в глазах лихорадочный блеск, словно какая-то тайная жажда сжигает его.

«Мой муж страдает, — с болью подумала молодая женщина, — а я покинула его и уехала в Бенарес. Мохендро похудел, а я прекрасно выгляжу». Аше стало стыдно.

— Как поживает тетя? — не зная, что сказать, спросил Мохендро после паузы.

Услышав, что тетя здорова, он не мог придумать, о чем еще говорить.

Рядом валялся обрывок старой газеты. Подняв его, Мохендро принялся рассеянно читать.

«Так долго не виделись, а он ласкового слова не сказал, — задумалась Аша, опустив голову. — Даже не смотрит на меня. Неужели он сердится на то, что я не писала ему? Или он не доволен, что я задержалась в Бенаресе, уступив просьбе тети!»

В крайнем смятении Аша пыталась найти за собой вину, которая вызвала недовольство мужа.

Когда Мохендро, вернувшись из колледжа, сел обедать, в комнате находились только Раджлокхи и Аша, которая, закрывшись покрывалом, стояла, прильнув к дверям.

— Ты болен, Мохин? — спросила обеспокоенная мать.

— Нет! — В голосе Мохендро звучало раздражение. — Чего это вдруг я стану болеть?

— Почему же ты ничего не ешь?

— Я достаточно съел! — с досадой воскликнул он.

Вечер выдался теплый, и Мохендро, набросив на плечи легкий чадор, вышел на крышу и, как всегда, стал расхаживать взад и вперед. Он надеялся, что Бинодини придет и что сегодня они, как обычно, будут читать вдвоем. Они уже почти кончили «Обитель радости», осталось всего две-три главы. Неужели Бинодини настолько жестока, что лишит его удовольствия услышать конец романа! Но время шло, сумерки сгущались, и Мохендро наконец, отчаявшись, отправился спать.

Когда приварившаяся, смущенная Аша тихо вошла в спальню, муж спал. Аша стояла в нерешительности, не зная, как подойти к нему. Так часто бывает после разлуки. Ашей вновь овладела стыдливость. Она ждала, что муж позовет ее туда, где они расстались. Разве могла она просто так приблизиться к доставившему ей столько радостей ложу? Она долго стояла в дверях, но Мохендр молчал, тогда молодая женщина осторожно направила к постели. Она готова была провалиться сквозь землю

Иногда, когда раздавался перезвон ее украшений; Аша слышала, что украшения смеются над ней. С замирающим сердцем она подошла к пологу, защищавшему постель от оскитов. Мохендро спал. Аша хотела вспышкой молнии исчезнуть из комнаты и спрятаться где-нибудь подальше.

Стараясь производить как можно меньше шума, она села на постель. Если бы Мохендро действительно спал, он бы непременно проснулся. Но Мохендро даже глаз не открыл, значит, он притворялся. Аша прилегла. Мохендро чувствовал, как вздрагивает жена от беззвучных рыданий, хотя лежал спиной к ней. Собственная жестокость железными тисками сдавила его сердце. Но он не знал, что сказать, как приласкать жену, и в душе проклинал, бранил себя.

«Завтра утром, — думал он, — будет уже невозможно притворяться спящим. Что скажу я Аше, как посмотрю ей в глаза?»

Но ему не пришлось придумывать выход из этого положения. На рассвете оскорбленная Аша сама покинула спальню, унеся с собой и одежду, и украшения. Она не нашла в себе сил встретиться взглядом с мужем, когда он проснется.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

«В чем дело? — терялась в догадках Аша. — Чем я провинилась?»

Но мысли ее были далеки от истинной причины всех ее печалей. Неискупенная Аша не могла представить себе, что Мохендро влюбился в Бинодини. Ей и в голову не приходило, что так скоро после свадьбы муж ее совершенно изменится, станет совсем не таким, каким был в первые дни их совместной жизни.

С утра Мохендро отправился в колледж. Раньше каждый раз, провожая его, Аша подходила к окну, а Мохендро, садясь в экипаж, прощался с ней взглядом. Это стало у них своего рода традицией. И сегодня, заслышав стук колес, Аша машинально подошла к окну. Мохендро тоже, как обычно, поднял голову и взглянул на окно. В тот же миг он заметил осунувшееся, еще не умытое после сна лицо жены, спутанные волосы, измятое сари и поспешно опустил глаза в книгу, лежавшую у него на коленях. Впервые супруги не обменялись безмолвным, но полным значения взглядом и улыбкой.

Экипаж отъехал. Аша бессильно опустилась на пол. Все на свете было ей немило. Пробило половина одиннадцатого. В деловой жизни Калькутты наступил час прилива — сновали экипажи, трамвай шел за трамваем. И грустная мелодия измученного, окаменевшего от страданий сердца молодой женщины звучала таким диссонансом немолчному шуму большого города.

Вдруг Аше показалось, что она поняла причину безразличия мужа. «Конечно, — размышляла она, — Мохендро узнал, что Бихари прискакал в Бенарес, и теперь сердится. Но ведь, кроме этого, ничего дурного не случилось! Да и в его приезде я не виновата».

Сердце у Аши неожиданно больно сжалось, — а вдруг Мохендро подозревает, что Бихари поехал в Бенарес ради нее? Может, он думает, что она сговорилась с Бихари? Какой стыд! Как он мог подумать такое! Достаточно и того, что ее имя связывают с именем Бихари. Но если Мохендро заподозрил ее в чем-нибудь, она не переживет. Если существует причина для подозрений, если она в чем-то провинилась, почему прямо не сказать об этом и, проверив, не наказать ее? Почему Мохендро не поговорит с ней обо всем откровенно? Почему избегает Ашу? Неужели в его душу закралось столь ужасное подозрение, что ему даже стыдно признаться ей. Как еще можно объяснить то виноватое выражение, которое последнее время не сходит с лица Мохендро? Однако разгневанный судья не испытывает чувства смущения.

Весь день Мохендро не мог забыть усталого и печального личика Аши. Во время лекций и в перерывах, разговаривая со студентами, он все время видел перед собой стоявшую в окне жену, ее полный страдания и тревоги взгляд, спутанные волосы, измятое сари.

После лекций Мохендро долго гулял по берегу Голдигхи. Уже стемнело, а он все ходил и не мог придумать, как ему держаться с Ашей. Что лучше — жестокая правда или приятный обман? Мохендро даже в голову не приходила мысль отказаться от Бинодини. Жалость к жене и любовь к Бинодини — как совместить эти чувства?

Мохендро пытался убедить себя, что немногих жен любят так, как он любит Ашу. Почему бы ей не быть довольной этим? Бинодини и Аша — в большом сердце Мохендро есть место для обеих! Та чистая любовь, которая связывает его и Бинодини, не может мешать его супружеской жизни с Ашей.

Словно камень свалился с души Мохендро. Бинодини и Аша — он не откажется ни от одной из них и будет словно планета, у которой две луны. Мохендро почувствовал на душе небывалую легкость. Аша не будет больше страдать, — сегодня ночью он будет ласков и нежен с ней. Придя к такому решению, Мохендро быстро зашагал к дому.

Аша не вышла к ужину. Уверенный в том, что жена придет к нему и в эту ночь, Мохендро отправился в спальню. Какие же воспоминания овладели им, пока он ждал ее в безмолвной комнате? Были то воспоминания о вихре страсти, который он пережил с Ашей после свадьбы? Нет! При восходе солнца свет луны тускнеет, — воспоминания о прошлом померкли и почти стерлись в памяти Мохендро: сияние другой прекрасной молодой женщины затмило и вытеснило из его сердца образ скромной, стыдливой Аши. Мохендро вспомнил, как отнимал у Бинодини «Ядовитое дерево». После захода солнца она приходила сюда читать вслух «Копалокундулу», и поздно, когда в доме все уже спали, в застывшей тишине пустынной комнаты продолжал звучать ее голос, исполненный глубокого и сильного чувства. Неожиданно усилением воли она брала себя в руки и бросала книгу. «Я провожу тебя вниз», — говорил Мохендро. Все это всплывало в памяти молодого человека, и дрожь пробегала по его телу. Наступила глубокая ночь, — теперь Мохендро боялся прихода Аши, но она не пришла.

«Я был готов исполнить свой долг. Но что я могу сделать, если она несправедливо сердится на меня?» — подумал Мохендро и снова погрузился в мечты о Бинодини.

Пробило час ночи. Мохендро не мог больше бороться с собой, он откинул москитную сетку, встал с постели и вышел на крышу.

Стояла восхитительная лунная ночь. Огромная, безмолвная Калькутта, погруженная в сон, чем-то напоминала океан, когда он спокоен. Над крышами пробежал легкий ветерок, убаюкивая огромный город.

Мохендро не в силах был больше подавлять желание, так давно владевшее всем его существом. С тех пор как вернулась Аша, он ни разу не видел Бинодини. Пьянящее безмолвие лунной ночи взволновало молодого человека, все его мысли устремились к Бинодини.

Он спустился на веранду, примыкавшую к комнате Бинодини, и, увидев, что дверь не заперта, вошел. Постель была пуста. Бинодини находилась в это время на южной веранде.

Услышав шаги в своей комнате, она крикнула:

— Кто там?

— Это я, Бинод! — ответил Мохендро очень тихо и прошел на веранду.

Теплыми почвами, постелив циновку на южной веранде, вместе с Бинодини обычно спала и Раджлоххи.

— Мохин! — послышался ее голос. — Ты почему здесь так поздно?

Глаза Бинодини метнули из-под черных густых бровей в его сторону взгляд, подобный молнии. Мохендро, ничего не говоря, быстро покинул комнату.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Утро следующего дня выдалось пасмурным. Небо, такое знойное накануне, сегодня затянули мягкие серые облака. Мохендро ушел в колледж раньше обычного. Его белье, нуждавшееся в стирке, лежало на полу. Аша по счету сдавала его прачке. Мохендро был очень рассеян и поэтому всегда просил жену перед стиркой проверять его карманы. Аша супула руку в карман рубашки и обнаружила там письмо. Лучше бы это письмо превратилось в ядовитую змею и укусило Ашу за руку — через пять секунд яд оказал бы свое действие, скоро все было бы кончено. Но яд, проникающий в душу, — страшнее: он причиняет смертельные страдания, но не припосит смерти. Аша взглянула на письмо и узнала почерк Бинодини. Она мгновенно побледнела, вышла в соседнюю комнату и стала читать его.

«Неужели тебе мало того, что ты натворил вчера ночью? Сегодня с Кхеми ты потихоньку передал мне записку. Как тебе не стыдно? Что она могла подумать? Ты, видно, хочешь опозорить меня перед всеми!»

Чего тебе нужно от меня? Любви? Но почему ты так унижаешься, вымаливая ее? Тебя с рождения окружали любовью, но жадности твоей нет предела. Я лишена в этом мире права любить и быть любимой и, быть может, поэтому удовлетворяла свою потребность в любви, играя в нее. Ты тоже принял участие в этой игре. Тебя призывает твой долг перед семьей, зачем же снова заглядывать в комнату для игр? Очистись от грязи и войди в свой дом. У меня нет семьи, и я одна буду вести любовную игру, тебя не позову больше.

Ты пишешь, что любишь меня. Во время игры я еще могла в это поверить, но сейчас ни за что! Было время, ты думал, что любишь Ашу. Потом тебе показалось, что ты любишь меня. Но ты любишь только себя одного. Жажда любви иссушила мое сердце, однако в одном я уверена: не в твоих силах утолить эту жажду. Прошу тебя: оставь, не преследуй меня, не позорь, позабыв стыд. Мне надоело играть в любовь. Ничто не откликается во мне на твои призывы. Ты называешь меня жестокой — возможно, ты и прав. Но зато во мне сохранилась капля великодушия, поэтому я и отказываюсь от тебя. Не вздумай отвечать на это письмо, иначе мне придется спастись бегством».

Аше казалось, что пол ускользает у нее из-под ног, тело ее обмякло, свет померк в глазах, она задыхалась. Хватаясь за стену, за шкаф, за стул, Аша медленно опустилась на пол. Через некоторое время она пришла в себя и снова попыталась прочесть письмо, но потрясенный ум отказывался понять его смысл — черные строчки плясали перед глазами. Что же это? Что случилось? Неужели все погибло?! Что делать, кого звать на помощь, куда бежать? Аше не хватало воздуха, словно рыбе, выброшенной на сушу. И, подобно утопающему, который тщетно простирает руки к небу, Аша стала искать опору у себя в душе.

Наконец из груди ее вырвался сдавленный стон:

— Тетя!

И тогда из глаз ее полились слезы.

Аша рыдала, сидя на полу.

«Что же мне делать с этим письмом?» — стала она думать, немного успокоившись. Если муж узнает, что письмо попало к ней, ему будет очень стыдно... Аше не хотелось унижать Мохендро, и она решила положить письмо в карман и не отдавать рубашку в стирку, а повесить ее на вешалку. С этим намерением она вернулась в спальню. Прачка между тем, опершись на узел с бельем, задремал. Аша уже собиралась положить письмо на прежнее место, но в этот момент ее оклинули:

— Дорогая!

Аша поспешно бросила рубашку и письмо на кровать и села на них.

— Прачка подмешивает крупные вещи, — сказала, входя, Биподппи. — Я возьму белье, на котором еще не сделаны метки.

Аша не в силах была взглянуть в глаза подруге. Она

боялась, что по ее лицу Бинодини обо всем догадается. Поэтому она отвернулась к окну и стала смотреть на небо, губы ее были плотно сжаты, глаза полны слез.

Бинодини удивленно посмотрела на Ашу, потом подумала: «Она знает, что произошло сегодня ночью, и теперь сердится на меня. Будто я виновата».

Бинодини и не пыталась поговорить с Ашей. Она собрала белье и быстро вышла из комнаты.

О, как больно и стыдно было Аше, что столько дней она считала Бинодини искренним другом. Как не похожа идеальная подруга, образ которой Аша хранила в душе, на ту, другую Бинодини, вставшую со страниц жестокого письма.

Аша снова развернула письмо, но в это время в комнату торопливо вошел Мохендро. Что-то заставило его уйти с лекции домой. Аша спрятала письмо в сари. Увидев жену, Мохендро остолбелел и стал беспокойно шарить глазами по комнате. Аша сразу догадалась, что он ищет. Ей хотелось незаметно положить письмо в карман рубашки и убежать из комнаты, но как это сделать?

Мохендро бросился к белью и стал судорожно перебирать его. Аша не выдержала. Она бросила письмо и рубашку на пол, прислонилась к столбику кровати и закрыла лицо рукой. Мохендро схватил письмо, постоял в нерешительности, глядя на жену, потом до слуха Аши допелся звук его шагов. Мохендро торопливо сбегал по лестнице.

— Госпожа,— услышала Аша голос прачки.— Сколько еще мне ждать? Уже поздно, а мне домой добираться.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В тот день Раджлокхи не позвала Бинодини к себе. Она даже не подняла глаз, когда Бинодини, как обычно, вошла в кладовую.

— Тетя,— заговорила Бинодини, заметив это,— вы, наверное, плохо себя чувствуете. И не удивительно. Вчера ночью Мохендро отличился! Ворвался словно безумный. Я потом совсем не могла уснуть.

Тень пробежала по лицу Раджлокхи, но она ничего не ответила.

— Кто знает,— продолжала Бинодини,— может быть, он повздорил с Ашей, хотел пожаловаться на нее или посоветоваться со мной, как ему быть, и не смог дожидаться утра. Не стоит, тетя, так сердиться! Ваш сын, возможно,

обладает тысячами достоинств, но ему не свойственно терпение. Из-за этого мы всегда и ссоримся с ним.

— Ты говоришь глупости,— нарушила наконец молчание Раджлокхи.— Но я не в настроении обсуждать это сегодня.

— Я тоже, тетя. Чтобы не огорчать вас, я солгала, пыталась скрыть вину вашего сына. Но, видно, напрасно.

— Я сама знаю достоинства и недостатки своего сына,— возразила старая женщина.— Но что в тебе столько коварства, никогда не предполагала.

Бинодини хотела что-то сказать, но сдержала себя и лишь ответила:

— Вы правы, тетя, люди не знают друг друга. Даже себя не каждый может понять до конца. Но разве вы сами, в душе презирая невестку, никогда не хотели, чтобы эта коварная женщина пленила вашего сына? Признайтесь...

— Негодяйка! — вспыхнула Раджлокхи.— Как смеешь ты оскорблять чувства матери! Как язык у тебя не отвалится!

— Мы, женщины,— порода лицемерная,— спокойно продолжала Бинодини.— Я и не подозревала, сколько во мне коварства, зато это очень хорошо известно вам! Если бы мы обе с вами не хитрили, ничего бы не случилось. Я расставила ловушку сознательно и в то же время невольно. Точно так поступаете и вы. Все мы коварны. Таковы женщины!

Задышавшись от гнева, Раджлокхи бросилась вон из кладовой. Бинодини осталась одна, глаза ее горели лихорадочным блеском.

Закончив утренние хлопоты по хозяйству, Раджлокхи послала за сыном. Мохендро догадался, что мать хочет поговорить с ним о том, что произошло. После письма Бинодини на душе у него было беспокойно. Его взволнованное сердце вопреки всему продолжало тянуться к ней. Поэтому Мохендро и не хотелось говорить с матерью. Он чувствовал, что не выдержит, если она начнет упрекать его, и выскажет все, что накопилось у него на сердце. А это, разумеется, к добру не приведет. Какое-то время ему надо было побыть одному и вне дома, чтобы все хорошенько продумать.

— Передай госпоже,— сказал он слуге, который пришел за ним,— что я очень занят и уйду сейчас в колледж. Как только вернусь, непременно зайду к ней.

И, словно спасающийся бегством напроказивший мальчишка, Мохендро торопливо оделся и выбежал из дому без завтрака, позабыв даже о злополучном письме Биподини, которое он перечитывал столько раз.

Ливень окончился, но небо оставалось пасмурным. Биподини сидела с чувством раздражения. Обычно, когда у нее бывало скверно на душе, она находила утешение в работе. Так и сегодня: собрав все новое белье, Биподини принялась делать на нем метки. В спальне, куда она пришла за бельем, она столкнулась с расстроенной Ашей, и настроение у нее окончательно испортилось. «Все равно все считают меня преступницей, — думала она, — зачем же мне винно страдать? Надо насладиться преступлением».

На улице опять заморосил дождь. Биподини сидела на полу перед грудой белья. Кхеми подавала ей вещь за вещью, а она чернилами ставила метку.

Неожиданно дверь распахнулась, и в комнату вошел Мохендро. Кхеми бросила работу и, потянув на голову покрывало, выбежала вон.

Биподини вскочила, уронив белье на пол.

— Уходи, уходи из моей комнаты!

— Почему? Что я сделал? — спросил Мохендро.

— Что сделал? Жалкий трус! Разве ты в состоянии что-нибудь сделать? Ты не умеешь ни любить, ни следовать своему долгу! Ты только позоришь меня!

— Ты хочешь сказать, что я не люблю тебя?

— Вот именно. Все ты делаешь украдкой, прячась, словно вор. Я не люблю тебя и презираю... Уходи...

— Ты презираешь меня, Бинод?! — воскликнул Мохендро в отчаянии.

— Да, презираю!

— Настало время искупления, Бинод! Говори — пойдешь ты со мной, если я брошу все и уйду из дома?

Мохендро с силой сжал руки молодой женщины и притянул ее к себе.

— Оставь, мне больно!

— Пусть! Отвечай: пойдешь?

— Нет, нет! Ни за что!

— Но ты сама привела меня к гибели и теперь не смеешь покинуть меня! Ты должна уйти со мной, — говорил Мохендро, прижимая к груди молодую женщину. — Даже презрением ты меня не оттолкнешь. Я тебя заставлю полюбить меня!

Биподини с трудом высвободилась из его объятий.

— Ты сама зажгла огонь,— продолжал Мохендро,— и теперь уже не можешь ни погасить его, ни скрыться! — Он говорил все громче и громче.— Ты говоришь, что это игра, пусть так. Но тебе из этой игры уже не выйти. Теперь у нас одна судьба!

— Мохин, что ты тут делаешь? — слышался голос Раджлокхи.

Мохендро перевел безумный взгляд на мать, появившуюся на пороге, затем снова обратился к Бинодху.

— Я брошу все! — воскликнул он.— Скажи, Бинод, ты уйдешь со мной?

Бинодху взглянула в разгневанное лицо Раджлокхи, затем взяла Мохендро за руку и спокойно сказала:

— Да!

— Потерпи еще день,— говорил Мохендро.— Завтра мы покинем этот дом, и никто нас не разлучит!

Он быстро вышел из комнаты.

— Госпожа,— заглянул в комнату прачка,— я не могу больше ждать. Если сегодня вам некогда, я приду за бельем завтра.

— Госпожа,— появилась в дверях Кхеми,— конюх говорит, что корм для лошадей кончился.

В обязанности Бинодху входило выдавать конюху на неделю корм для лошадей, и она всегда из окна наблюдала за тем, как их кормили.

— Госпожа, Джаду-носилищик поссорился с домоуправляющим Шадхучоропом,— сообщил слуга Гопал.— Он говорит, что оставит работу, как только ему оплатят счет за керосин и выдадут жалованье.

Жизнь в доме продолжала идти своим чередом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Накапуре выпускных экзаменов Бихари неожиданно бросил медицинский колледж, в котором учился.

— Прежде чем заботиться о здоровье других,— говорил он всем, кого удивлял его поступок,— надо подумать о своем.

Бихари был очень деятелен по своей натуре. Он не стремился ни к наживе, ни к славе, но жизнь ему тоже не нужно было зарабатывать, но сидеть сложа руки он не мог.

В Шибопуре Бихари изучал инженерное дело. После того как любопытство его было удовлетворено и он при-

обрел знания, которые считал нужными для себя, Бихари поступил в медицинский колледж.

Мохедро уже учился там и был на курс старше его. Своей дружбой они прославились среди бенгальских студентов, которые в шутку прозвали их спамскими близнецами. В прошлом году Мохедро провалился на экзаменах, и друзья оказались на одном курсе.

Когда они неожиданно поссорились, все, кому была известна их дружба, не знали, что и думать.

Бихари избегал появляться там, где можно было встретить Мохедро.

Приближались экзамены. Все были уверены, что Бихари их блестяще выдержит и получит звание и награду, но он неожиданно ушел из колледжа.

В хижине, рядом с его домом, жил бедный брахман Раджендро Чокроборти; он работал наборщиком и получал двенадцать рупий в месяц.

— Пусть твой сын живет у меня, — предложил ему Бихари, — я сам буду учить его.

Брахман очень обрадовался и с радостью доверил восьмилетнего Бошонто молодому человеку.

Бихари обучал мальчика по системе, которую сам придумал.

— До десяти лет я не буду заставлять его читать, — говорил он, — пусть все заучивает на слух.

Бихари играл с мальчиком, они вместе посещали музей, зоопарк в Алипуре, ботанический сад. Бихари обучал мальчика английскому, истории, проверял и развивал его сообразительность. На все это у Бихари уходило много времени, для себя у него не оставалось ни минуты свободной.

В тот день с самого утра начался ливень и нельзя было выйти на улицу. К полудню дождь прекратился, а затем полил с новой силой, Бихари зажег свет в большой комнате своего двухэтажного дома и занялся с Бошонто новой игрой.

— Бошонто, — говорил он, — скажи быстро, сколько ба-
лок на потолке, только не считай!

— Двадцать, — ответил мальчик.

— Неверно! Восемнадцать!

Указав на жалюзи, Бихари тут же поднимал их и спрашивал:

— Сколько дощечек?

— Шесть!

— Правильно!

— Какой длины эта скамейка? Сколько весит эта книга? — Подобными вопросами Бихари тренировал наблюдательность воспитанника.

— Господин, — доложил вошедший в комнату слуга, — там какая-то женщина... — Он не успел договорить, как в комнату вошла Бинодини.

— Что-нибудь случилось? — удивился Бихари.

— Есть у вас в доме кто-нибудь из родственников? — не отвечая на его вопрос, спросила Бинодини.

— Никого из женщин! У меня есть тетя, но она живет в нашем деревенском домике.

— Отвезите меня к ней.

— В качестве кого?

— Как служанку. Я буду вести там хозяйство.

— Тетя удивится, она не жаловалась мне на недостаток служанок. Но сначала я должен знать, почему вам в голову пришла такая фантазия. Иди спать, Бошонто.

— От меня вы узнаете лишь то, что произошло, — сказала Бинодини, когда мальчик вышел. — А внутренний смысл вам все равно не понять.

— Это уже моя забота.

— Хорошо, понимайте как знаете. Мохендро влюблен в меня.

— Это не новость и не такое уж радостное известие, чтобы я жаждал услышать его еще раз.

— Я согласна с вами. Поэтому и пришла искать у вас приюта.

— Согласны? А кто навлек беду? — воскликнул Бихари. — Разве не вы толкнули Мохендро на этот путь?

— Я! — ответила Бинодини. — Не буду скрывать от вас, я виновата во всем. Плохая я или хорошая, но хоть вы попытайтесь понять, что творится у меня в душе... Я подожгла дом Мохендро огнем, который пылал в моей груди. Какое-то время мне казалось, что я люблю его. Но это была ошибка.

— Разве, полюбив, обязательно устраивать пожар?

— Это, наверное, цитата из ваших шастр? — заметила Бинодини. — Но сейчас мне не до них. Оставьте свои книги и, как всевышний, загляните в мое сердце. Я не скрою от вас ничего.

— Я не зря руководствуюсь шастрами. Один лишь всевышний в силах понять до конца каждое движение человеческой души. Если же мы не будем следовать предписаниям шастр, то дойдем бог знает до чего...

— Послушайте, Бихари, признаюсь вам без смущения, что только вы могли бы остановить меня! Мохендро действительно влюблен, но он безнадежно слеп и не понимает меня. Однажды мне показалось, что вы можете понять меня и даже относиться ко мне с уважением. Ведь это было, не пытайтесь отрицать.

— Да, я уважал вас!

— И не зря, Бихари! Но почему вы не решились пойти дальше? Что мешало вам полюбить меня? — взволнованно продолжала Бинодини. — Забыв стыд, я пришла к вам и спрашиваю — почему вы не полюбили меня? Горькая моя доля! Неужели вы так любите Ашу? Нет, не сердитесь. Присядьте, пожалуйста. Я буду откровенна с вами. Я догадалась, что вы любите ее, еще тогда, когда вы сами не подозревали этого. Ума не приложу, что вы все нашли в ней. Ну скажите, что в этой женщине хорошего или хотя бы плохого? Почему всевышний дал мужчинам глаза, но лишил их провидительности? Как легко вас одурачить! Глупцы! Слепые!

— Я выслушаю вас до конца, — сказал Бихари, вставая. — Но об одном прошу — не говорите, чего не следует.

— Я знаю, это причиняет вам боль, — продолжала Бинодини. — Но ведь я пришла, поступившись стыдом и страхом, к тому, кто когда-то уважал меня и кто, полюбив, придал бы моей жизни смысл. Будьте же снисходительны, подумайте и о моих страданиях. Поверьте, если бы не ваша любовь к Аше, я не причиняла бы ей столько горя.

— Что с ней? — воскликнул, побледнев, Бихари. — Что еще вы сотворили?

— Мохендро решил уйти со мной.

— Невозможно! — крикнул Бихари.

— Невозможно? — повторила Бинодини. — Но кто в силах теперь удержать его!

— Вы!

Некоторое время Бинодини молчала.

— Для кого я стану это делать? — заговорила она наконец, устремив взгляд на Бихари. — Для вашей Аши? А что будет со мной? Неужели я должна отказаться от всего во имя вашей Аши, во имя благополучия самого Мохендро? Я не настолько добродетельна! И не начиталась до такой степени шастр.

Лицо Бихари все больше мрачнело.

— Вы старались быть со мной откровенны, — проговорил он. — Теперь моя очередь. Я отплатю вам тем же.

И скандал, устроенный вами в доме Мохендро, и все то, что вы говорили мне сейчас,— результат влияния пьес и романов, которых вы начитались.

— Пьес и романов?! — воскликнула Бинодипи.

— Да, пьес и романов. И к тому же дешевых. Вам кажется, что вы сами все придумали, но это не так. Все это влияние книг. Будь вы простой, невежественной девушкой, вы бы не были лишены любви в этом мире. Герония пьесы получает признание на сцене. Но никто не захочет держать ее у себя в доме.

Куда исчезли горячность и безмерная гордость Бинодипи? Опа, словно загнипотиized змея, застыв и наклонив голову, слушала Бихари.

— Скажите, что мне делать? — тихо спросила Бинодипи, не глядя в лицо Бихари.

— Не желайте ничего необычного! Поступите так, как поступила бы на вашем месте любая простая разумная женщина. Уезжайте в деревню.

— Как же я поеду?

— Я провожу вас и посажу в вагон!

— Но эту ночь я проведу у вас?

— Нет! — воскликнул Бихари. — Я не настолько доверяю себе!

Бинодипи опустилась на пол и, обхватив ноги Бихари, прижалась к ним.

— Ну хоть на несколько мгновений стань слабым, Бихари. Не будь непорочным, как каменное изваяние! Стань хоть чуточку хуже! Полюби грешницу! — Бинодипи покрывала поцелуями ноги Бихари.

Потрясенный неожиданным взрывом чувств Бинодипи, Бихари долго не мог прийти в себя. Он потерял над собой власть. Бинодипи это почувствовала, встала перед ним на колени и обняла его.

— Жизнь моя,— горячо говорила она. — Я знаю, ты не можешь принадлежать мне вечно. Но полюби меня хоть на миг! После этого я скроюсь в лесу и никого не буду видеть! Подари мне воспоминание, и я буду хранить его до конца своих дней.

Бинодипи закрыла глаза и приблизила свои губы к губам Бихари. На мгновение оба замерли. В комнате стало совсем тихо. Но через минуту Бихари, глубоко вздохнув, высвободился из объятий Бинодипи и пересел на другой стул.

— Поезд отходит в час ночи,— сказал он прерывающимся от волнения голосом.

Биподини словно окаменела.

— Я поеду, — едва слышно прошептала она.

Неожиданно в комнату вошел Бошонто, босиком и без рубашки. Встав рядом с Бихари, мальчик принялся с серьезным видом разглядывать незнакомку.

— Почему ты не спишь? — спросил Бихари.

Бошонто ничего не ответил, продолжая рассматривать Биподини.

Биподини протянула ему руки. После минутного колебания мальчик осторожно подошел к ней. Молодая женщина прижала его к груди и разрыдалась.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Если бы невозможное не становилось возможным, а переносимое — переносимым, никто в семье Мохендро не пережил бы ту ночь и тот день. Домой Мохендро не вернулся, накануне он написал Биподини письмо, в котором просил ее быть готовой к отъезду. Это письмо пришло с утренней почтой.

Аша была еще в постели, когда слуга принес ей письмо. Сердце ее учащенно забилося. В груди затеснились тысячи надежд и сомнений. Она быстро подняла голову и взглянула на конверт: на нем рукой Мохендро было написано имя Биподини. И снова голова Аши опустилась на подушку. Она молча вернула письмо слуге.

— Кому отдать письмо? — спросил оп.

— Не знаю.

Вечером, часов в восемь, Мохендро, как буря, появился у дверей Биподини. В комнате было темно. Мохендро зажег спичку и увидел, что там нет ни Биподини, ни ее вещей. На южной веранде ее тоже не было.

— Бипод! — позвал он.

Никакого ответа.

«Глупец! Дурак! — ругал он себя. — Нужно было тогда же увезти ее. Конечно, мать стала ее бранить, и она не смогла оставаться в доме».

Едва у Мохендро появились эти предположения, как он твердо поверил в них. Не владея собой, Мохендро бросился в комнату матери. Там тоже не зажигали лампы, но в сумерках он увидел Раджлукхи, лежавшую на кровати.

— Что вы тут наговорили Биподини? — гневно спросил он.

— Ничего.

— Почему же она исчезла?

— Не знаю!

— Не знаешь? — педоверчиво повторил Мохендро. — Ладно! Но я все равно отыщу ее, где бы она ни находилась! И Мохендро выбежал из комнаты.

Раджлокхи торопливо поднялась с постели и пошла за сыном.

— Мохин, не уходи! — кричала она. — Вернись, выслушай меня!

Мохендро, не оглядываясь, выбежал из дома, но тут же вернулся и спросил привратника:

— Куда ушла госпожа?

— Нам ничего не сказали, мы ничего не знаем, — испуганно ответил тот.

— Не знаешь! — зло крикнул Мохендро.

— Правда, господин, не знаю! — взмолился привратник.

«Всех их мать научила, — с горечью подумал Мохендро. — Ну что ж, пусть будет так».

На улицах большого города в сгущающихся сумерках при свете газовых фонарей сновали взад и вперед, наперебой предлагая свой товар, продавцы льда и мангровой рыбы. Шумная вечерняя толпа поглотила Мохендро.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

До сих пор Бихари не имел обыкновения сидеть по ночам и размышлять о своих чувствах, потому что не считал себя предметом, достойным размышления. У него всегда была работа, занятия, друзья, близкие. Отрадно было сознавать, что окружающий мир значит для него больше, чем он сам. Но вот от одного удара все исчезло, он оказался совсем один на поднявшейся к самому небу вершине страданий, объятый мраком гибели и отчаяния. Он стал бояться одиночества и, чтобы уйти от своих мыслей, работал, не зная отдыха.

Но сегодня ни работой, ни чем другим настоящий Бихари не в силах был изгнать из себя того, другого, который теперь жил в нем. С тех пор как он вчера проводил Бино-

дини в деревню, чем бы он ни занимался, с кем бы ни встречался, его тайно страждущее сердце сжималось от тоски и не давало ему забыться. Усталость и подавленность овладели Бихари.

Было около девяти часов вечера. Свежий восток, такой приятный в конце жаркого дня, дул на веранде, прилегающей к спальне Бихари. Безлунной темной ночью Бихари расположился там в кресле.

Сегодня он не стал заниматься с Бошопто и рано отпустил его. В этот вечер, как никогда раньше, Бихари нуждался в утешении, в дружбе, его охватила тоска по старой, привычной жизни; словно покинутый матерью ребенок, душа его искала кого-то во мраке, окутавшем мир. Куда исчезли его твердость и самообладание? Бихари всем сердцем тянулся к тем, о ком поклялся не думать. У него больше не было сил сопротивляться.

Воспоминания о днях, проведенных с Мохендро, пестрые и яркие, как страны, моря, реки и горы на географической карте, всплыли в памяти.

Бихари размышлял над тем, как столкновения с некогда далекими планетами поколебали тот маленький мир, с которым он связал свою жизнь. Какая же планета появилась первой? В темноте перед ним вставало освещенное пежно-алыми лучами заходящего солнца смущенное юное личико Аппи, в ушах победно звучали раковины, возвестившие о радостном событии. То Звезда, Дарующая Счастье, пришла из бескрайнего непостижимого леба судьбы и встала между друзьями. Она принесла разлуку и невыразимое страдание.

Но это страдание было озарено светом редкой любви и нежности.

Потом возшла звезда Сатурн; дружба, супружеская любовь, покой и неприкосновенность семейного очага — все обратилось в пепел. Бихари тщетно пытался невидеть Биподии, отогнать от себя воспоминания об этой загадочной, восхитительно прекрасной женщине, чей образ четко вырисовывался перед ним во мраке ночи. Из темноты на него пристально смотрели прекрасные, полные тайны черные глаза. Летний ветерок напоминал Бихари о ее прерывистом дыхании. Он видел, как постепенно теплел ее взгляд, глубокая нежность смягчила и наполнила слезами эти страстные, горящие глаза. Вот женщина упала к ногам Бихари и самозабвенно прижалась к его коленям, затем, как лиана, обвилась вокруг него и запечатлела на

его устах страстный, ароматный, словно распустившийся цветок, поцелуй.

Закрыв глаза, Бихари пытался вырваться из плена своих грез, освободиться от чар, но у него не хватало сил. Ощущение на губах легкого волнующего поцелуя вызвало трепет во всем теле.

Бихари не мог больше оставаться один во мраке и поспешно спустился в залитую светом комнату.

Там, в углу на столике, обернутая в шелк, лежала фотография. Бихари развернул ее, положил себе на колени и сел поближе к свету.

Перед ним была фотография Аши и Мохендро, сделанная вскоре после их свадьбы. На обратной стороне Мохендро и Аша написали свои имена. Снимок запечатлел счастье первых дней совместной жизни новобрачных. Мохендро сидел в кресле, по выражению его лица было видно, что он весь во власти нового для него чувства. Аша стояла рядом. Фотограф не дал ей накинуть на голову покрывало, но не смог стереть с лица ее смущение. А теперь? Теперь Мохендро далеко, сколько слез пролила из-за него Аша! Бихари снова взглянул на фотографию, Мохендро по-прежнему выглядел влюбленным. Этот глупый снимок казался сейчас Бихари насмешкой судьбы. Он держал его перед собой, напрасно пытаясь отогнать от себя мысли о Бинодини, и чувствовал, как ее юные, нежные руки обхватывают его колени.

«Ты погубила такую любовь!» — в тоске упрекал ее Бихари. Но трепетный, полный мольбы поцелуй как бы говорил: «Я люблю тебя! Ты единственный для меня во всем мире!»

Но разве это оправдание? Разве можно этими словами заглушить стоны разрушенного семейного очага? Злая колдунья! Колдунья! Бихари проклинал Бинодини и в то же время испытывал нежность к ней. Его лишили дружбы, которая значила для него больше жизни, и, как нищего, оставили одного на дороге, как же мог он отвергнуть неожиданный дар этой безграничной любви? До сих пор он выманивал лишь крохи из ее сокровищницы, принося всего себя в жертву. Разве знал он когда-нибудь что-либо подобное? Так неужели сейчас, когда щедрая богиня Любви прислала ему золотую чашу, полную яств, приготовленных ею самой, он, несчастный, оттолкнет ее?

Размышления Бихари прервал звук шагов. Он вздрогнул и, подняв глаза, увидел Мохендро. В смущении Биха-

ри вскочил, спимок упал на ковер, но он не обратил на это внимания.

— Где Бинодини? — не здороваясь, в упор спросил Мохендро.

— Мохин.— Бихари подошел и взял Мохендро за руку.— Присядь, друг, нам о многом следует поговорить.

— У меня нет времени для разговоров! Где Бинодини?

— Я не могу ответить так сразу. Тебе придется выслушать все спокойно.

— Будешь поучать? Но я наставлений наслушался еще в детстве.

— У меня нет права поучать тебя, да я и не умею.

— Значит, я должен выслушать твои упреки? Но мне самому известно, что я эгоист, подлец и все прочее. Говори, ты знаешь, где Бинодини?

— Знаю.

— Где она?

— Не скажу!

— Ты должен сказать! Ты похитил и спрятал ее! Она моя, верни мне ее!

— Нет, она не твоя! — твердым голосом возразил Бихари после минутного молчания.— И я не похищал ее, она сама ко мне пришла.

— Врешь! — загремел Мохендро и, бросившись к двери в соседнюю комнату, стал стучать в нее.

— Бинод! Бинод! — громко звал он.

Из комнаты донесся плач.

— Не пугайся, Бинод, это я, Мохендро! Я освобожу тебя, никто не смеет держать тебя под замком!

Мохендро ударил изо всех сил, и дверь распахнулась. Ворвавшись в комнату, он увидел в полумраке на постели сжавшегося от страха рыдающего мальчика. Бихари быстро вбежал вслед за Мохендро, взял мальчика на руки и принялся успокаивать его.

— Не бойся, Бошопто, не бойся! — говорил он.

Мохендро обошел весь дом. Когда он вернулся, мальчик все еще продолжал плакать. Бихари зажег свет, уложил его в постель и стал успокаивать.

— Где ты спрятал Бинодини?

— Не поднимай шума; Мохин. Ты и так напугал ребенка, как бы он не заболел. Я повторяю, тебе совсем не нужно знать, где Бинодини.

— Святоша! Великий духом аскет! — снова вспылал Мохендро.— Не цитируй мне шастры. Интересно, какие

молитвы ты бормочешь всю ночь и какому богу... с портретом моей жены на коленях! Хапжа! — Он ботинком разбил стекло фотографии, лежавшей на полу, изорвал ее на мелкие кусочки и швырнул в лицо Бихари.

Бошонто, напуганный безумной выходкой Мохендро, заплакал еще сильнее. Бихари от гнева почти лишился дара речи. Указав рукой на дверь, он только и мог произнести:

— Вон!

Мохендро бурей вылетел из комнаты.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Когда Биподини, устроившись в пустом вагоне, смотрела в окно на пронесившиеся мимо пашни и скрытые в тепистых рощах селения, ей хотелось зажить бесхитростной и спокойной сельской жизнью. Там, в тени рощ, казалось ей, в деревенском гнездышке, созданном ее воображением, в обществе любимых книг она успокоится и забудет все страдания, горе и унижения городской жизни. «Мне ничего не пужно больше,— думала Биподини, глядя, как садится солнце за поблекшими после уборки урожая простирающимися до самого горизонта полями.— Только бы найти забвение в этом неподвижном золотом мире тишины и после долгого плаванья по бурным волнам океана счастья и горя тихим вечером пристать к берегу и привязать ладью своей жизни у подножия молчаливого баньяна».

А поезд все мчался вперед. Время от времени до Биподини доносился аромат цветущего манго, и от этого ей еще больше хотелось очутиться в деревне, среди тишины и покоя.

«Так будет лучше,— думала молодая женщина.— Я надоела самой себе. Нужно все забыть, забыться... Я с радостью проведу остаток дней своих в деревне, займусь хозяйством, буду работать в поле».

Окрыленная надеждой, вошла Биподини к себе в хижину. Но что это? Где желанный покой? Кругом пустота и нищета, все вокруг ветхо, перяшливо, запущено, грязно. Дом долгое время оставался закрытым, в нем завелась сырость и стоял такой затхлый воздух, что трудно было дышать. Мебели в доме сохранилось немного, да и ту поел жучок, погрызли мыши, покрыла пыль. Погруженный во мрак, дом показался Биподини мрачным и безрадостным.

С трудом удалось Бинодини разжечь глиняный светильник с горчичным маслом. Но при его тусклом свете жилище выглядело еще более убогим. То, что раньше не имело для Бинодини никакого значения, теперь раздражало ее. Всем сердцем она восстала против такой жизни. Нет, она не останется здесь ни секунды! В запыленной нише лежало несколько книг и журналов, но Бинодини даже не прикоснулась к ним.

Было безветренно, из манговой рощи доносилось пение цикад, гудение комаров.

Старая опекуниша Бинодини уехала в этот день к зятю навестить свою дочь. Бинодини зашла к соседям. Ее нарядность поразила их.

— Какая она нарядная! Как похорошела, стала совсем похожа на мам-сахиб! — говорили соседки, перемигиваясь и шепча между собой, словно вид Бинодини подтверждал слухи, дошедшие до них.

Бинодини все больше и больше чувствовала, что она чужая в деревне. Собственный дом казался ей тюрьмой. Нигде она не находила ни минуты покоя.

Деревенского старика почтальона Бинодини знала с детства. На следующий день, когда она шла купаться на пруд, он попался ей навстречу. Со своей неизменной сумкой на боку, старик шагал по дороге. Бинодини не удержалась и, в волнении бросив полотенце, окликнула старика:

— Есть для меня что-нибудь, Панчу-дада?

— Нет.

— Не может быть! Я сама проверю.

Она перебрала все письма, но для нее ничего не было. Когда, опечаленная, она вернулась к берегу, одна из ее подруг, с любопытством поглядывая на нее, спросила:

— Ты с таким нетерпением ждешь письма, Бипод?

— Что ж! — бесцеремонно вмешалась в разговор другая. — Немногоим выпадает счастье получать письма! У нас мужья, братья, деверь хоть и работают далеко отсюда, а почтальоны писем не носят.

Так злословили деревенские кумушки, поглядывая с насмешкой на Бинодини. Уезжая, Бинодини просила Бихари если не каждый день, то два раза в неделю писать ей хотя бы две строчки. Конечно, было маловероятно, чтобы письмо от Бихари пришло именно сегодня: но Бинодини очень хотелось этого, потому в душе ее теплилась надежда, что почти невозможное сбудется. Ей казалось, что она уже давно покинула Калькутту.

Сплетни о Бинодини и Мохендро каким-то образом дошли до деревни, по милости друзей и недоброжелателей они стали навестны ей. И здесь нет покоя!

Бинодини начала избегать людей, по это еще больше раздражало их — они не хотели лишать себя удовольствия презирать сбившуюся с пути женщину и причинять ей боль.

Скрыться в маленькой деревушке от ее обитателей совершенно немислимо. Здесь невозможно найти укромного уголка и в одиночестве залечить сердечные раны. На каждом шагу их бередят злые, горящие любопытством взгляды. Душа Бинодини билась в судорогах, словно пойманная рыба! Здесь негде было даже выплакать свое горе.

Когда и на другой день не пришло письмо, Бинодини заперлась у себя в комнате и сама села писать Бихари.

«Брат мой,— начала она,— не пугайся, я не собираюсь писать тебе любовное послание. Ты мой судья, и я низко склонюсь перед тобой. Ты сурово наказал меня за мой грех, и я сама подвергла себя тому наказанию, которое ты назначил. Но, к несчастью, ты не можешь видеть, насколько оно жестоко. Знай ты, как я мучаюсь, ты не откал бы мне в своем великодушии. Вспоминая тебя и мысленно припадая к твоим стопам, я смогу вынести все это. Но разве заключенного лишают пиши, повелитель мой? Я не прошу изысканных яств — узники дают немного, ровно столько, чтобы он не умер. Твои коротенькие письма были бы моей пищей в этой темнице. Без них же я чувствую себя приговоренной не к ссылке, а к смертной казни. О судья, не подвергай меня столь жестокому наказанию. Не было предела тщеславию моей грешной души,— мне и во сне не снилось, что найдется человек, перед которым я так низко склоню голову. Ты победил, господин мой, я больше не буду бунтовать. Но сжался надо мною, спаси меня! Помоги мне жить в этой глуши, и никто не вырвет меня из-под твоей власти. Клянусь, я не стану докучать тебе своими страданиями, и верь, сдержу эту клятву. Твоя сестра Бинод».

Когда стало известно, что Бинодини бегала на почту отправлять письмо, вся деревня осудила ее. «Закрылась дома, пишет письма, все время к почтальону пристаёт — так недолго пробыла в Калькутте, а уже успела потерять и стыд и совесть!» — негодовали соседи.

Прошел еще день, от Бихари по-прежнему ничего не было. Бинодини словно окаменела, лицо ее помрачнело. Из темных глубин души ее поднимались и искали выхода жестокие разрушительные силы, вызванные толками и оскорблениями окружающих и ее собственными терзаниями. Бинодини стало страшно, когда чувство беспощадной мести охватило ее. Она заперлась у себя дома.

У Бинодини не было никакой вещицы, принадлежавшей Бихари, ни письма в несколько слов, ничего... Она искала опору в пустоте, объявшей ее. Бинодини страстно хотелось прижаться к груди хоть что-то, напоминающее о Бихари, заставить себя заплакать. Она стремилась слезами растопить просыпающуюся в ней жестокость, погасить пламя сопротивления, чтобы с покорностью и любовью в сердце подчиниться суровому приговору. Но сердце ее пламенело, словно безоблачное небо в знойный полдень, и она не в состоянии была исторгнуть из сердца и слезинку.

Бинодини слышала, что, если все время думать о каком-то человеке и мысленно призывать его, он непременно явится. И молодая женщина, сложив руки и закрыв глаза, припала призывать Бихари:

«Моя жизнь и сердце мое пусты, вокруг — тоже пустота! Явись хоть на мгновение! Ты должен прийти, я не успокоюсь, пока ты не придешь!»

Бинодини повторяла эти слова до тех пор, пока ей не начало казаться, что они обрели силу ее любви и что призыв ее будет услышан. Бессмысленно жить одними воспоминаниями, собственной кровью питать корни отчаяния в сердце — все это иссушает душу. Но если подчинить все мысли и душевные силы одному желанию, ставowiшь сильнее. Бинодини чудилось, будто ее страстное желание, сметая все на своем пути, с каждой минутой приближает осуществление мечты. Во власти дум о Бихари она не заметила, как сумерки прокрались в комнату. Казалось, исчез весь мир, не существовало больше ни людей, ни семьи, ни деревни. Неожиданно в дверь постучали. Бинодини бросилась открывать и воскликнула без тени сомнения:

— Ты пришел, повелитель!

Она твердо верила, что это Бихари и никто другой.

— Я пришел, Бинод! — отозвался Мохендро.

— Уходи! Уходи прочь отсюда! Сию же минуту уходи! — крикнула Бинодини. В голосе ее звучало безграничное презрение.

Мохендро застыл на месте.

— Послушай, Бипод,— раздался вдруг у двери голос пожилой соседки,— завтра приезжает твоя тетка...

Увидев Мохендро, она не договорила, нагнула па голову покрывало и обратилась в бегство.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Негодование охватило всю деревню.

— Стыд какой! — возмущались старики, сидя у храма.— Что там было у них в Калькутте, дело не наше. Но посылать письмо за письмом и вызвать своего дружка в деревню! Выгнать надо отсюда такую тварь.

Биподини в тот день была уверена, что получит накопец от Бихари письмо, но снова ошиблась.

«Какие права имеет на меня Бихари? — размышляла она.— Почему я должна его слушаться? Зачем уверяла его, что приму покорно все, что он мне прикажет? Ведь он возится со мной только потому, что хочет спасти свою любимую Ашу! Я ничего не требую от него, а он не может написать мне даже коротенького письма! Неужели я так ничтожна, что заслуживаю лишь презрения! — Яд ревности проник ей в душу.— Ради кого-нибудь другого я бы смогла спести столько горя, но только не ради Аши,— говорила себе Биподини.— Я должна мириться с ничтогой, изгнанием, упреками людей, деревенским невежеством, беспросветной жизнью... и все ради Аши! Я поклялась всех их погубить, почему же я нарушила свою клятву? Зачем полюбила Бихари!»

Биподини неподвижно, словно изваяние, сидела посреди комнаты, предаваясь горьким мыслям. В это время вернулась тетка.

— Несчастная! — воскликнула она.— Чего только я не наслушалась о тебе!

— И все это правда, тетя! — ответила Биподини.

— Зачем ты устроила скандал па всю деревню? Зачем приехала сюда?

Глубоко оскорбленная Биподини молчала.

— Тебе нельзя оставаться здесь,— продолжала тетка.— Злая судьба отняла у меня всех близких — я все вынесла, но позора я не переживу. Стыдись, ты запятнала паше доброе имя... Уходи сейчас же.

— И уйду...

В этот момент неожиданно появился Мохендро. Со вче-

рашнего дня он не ел, не умывался. От бессонной ночи глаза его покраснели, лицо осунулось, волосы были в беспорядке. Когда начало светать, он решил еще раз попытаться увезти Биподини. Но после той оскорбительной встречи, которую ему устроила Биподини, душу его терзали сомнения. Весь день и всю ночь Мохендро провел на станции. И все же перед самым приходом поезда на расвете решился. Он покинул стапцию, напаял извозчика и отправился к Биподини. Всякому отчаянному поступку сопутствует безрассудство... Мохендро стало вдруг необычайно весело — все его утомление и раздвоенность исчезло. Деревенские жители, с любопытством смотревшие на Мохендро, казались ему безжизненными глиняными куклами. Не раздумывая, Мохендро бросился к Биподини.

— Я не настолько труслив, Бинод, чтобы бросить тебя одну здесь, где тебя ждут только оскорбления, — сказал он. — Ты поедешь со мной, клянусь. Все будет так, как ты пожелаешь. Можешь оставить меня, если захочешь, я не стану удерживать. Сжалишься — буду счастлив, нет — уйду с твоего пути. Я подло обошелся с моей семьей, но ты можешь мне довериться. Мы стоим на краю гибели, и сейчас не время лгать.

— Увези меня! — просто и твердо сказала Биподини. — Экипаж с тобой?

— Да.

В это время из своей комнаты вышла тетка.

— Мохендро, ты не знаешь меня, но я тебе не чужая. Твоя мать, Раджлокхи, из нашей деревни, она часто называла меня тетей. Что ты делаешь, скажи мне? У тебя — жена, мать, а ты, видно, совсем потерял рассудок! Как можешь ты теперь показаться на глаза порядочным людям?

Мохендро, который до сих пор находился во власти чувств, испытал боль от слов старой женщины. Да, у него есть мать, есть жена, есть долг перед обществом. Все вдруг предстало перед Мохендро в ином свете. Мог ли он подумать, что когда-нибудь в далекой, глухой деревушке у дверей незнакомого дома ему придется выслушать подобные упреки. Среди бела дня он, сын почтенных родителей, увозит вдову! Да, это небывалая глава в его биографии!

Мохендро растерянно молчал.

— Сейчас же уходите отсюда! — возмущенно продолжала старуха. — Не смейте стоять у моего дома!

И она сердито хлопнула дверью. Не умывшись, не смыв сари, без вещей, Биподини молча села в экипаж.

— Нет, нет,— возразила она, когда Мохендро хотел было сесть рядом с ней.— Станция недалеко, ты можешь пойти пешком.

— Но ведь вся деревня будет глазеть на меня!

— Неужели тебя еще может смутить что-то? — Бинодини захлопнула дверцу экипажа и, обращаясь к извозчику, приказала: — На станцию!

— А господин не поедет? — изумился извозчик.

Мохендро стоял в нерешительности. Когда экипаж отъехал, он свернул в сторону и, опустив голову, пошел к станции полем.

Навстречу ему попало несколько пожилых женщин с полотенцами и горшочками масла в руках — они направлялись к уединенному берегу деревенского пруда, скрытого в тени цветущих манговых деревьев. В это время дня они обычно совершали омовение.

ГЛАВА Сороковая

Раджлокхи не знала, куда исчез сын, и от волнения лишилась сна и аппетита. Управляющий искал Мохендро по всей Калькутте. Между тем Мохендро вернулся в город, оставил Бинодини в панятой им квартире в Потолдапге и той же ночью явился домой.

Первым делом Мохендро пошел в комнату матери. Там царил полумрак, лишь слабо мерцал огонек затененной керосиновой лампы. Раджлокхи, больная, лежала на постели, возле нее сидела Аша и осторожно растирала ей ноги. Прежде Раджлокхи не разрешала ей этого делать.

Как только Мохендро показался на пороге, Аша быстро вышла.

— Мама,— сказал Мохендро, усилием воли собрав все свое мужество.— Я не могу заниматься дома и поэтому снял квартиру недалеко от колледжа.

— Посиди немного, Мохип.— Раджлокхи указала на край постели.

Молодой человек смущенно сел.

— Мохип,— снова заговорила Раджлокхи,— ты можешь жить там, где пожелаешь, но подумай о жене, не заставляй ее страдать.

Мохендро ничего не ответил.

— К несчастью,— продолжала старая женщина,— я не сразу поняла, что Аша — настоящая Лакшми.— В ее голосо

послышались слезы.— Но ты? Ты ведь лучше знаешь ее, ты так ее любил — и принес ей столько горя! — Раджлокхи не выдержала и зарыдала.

Мохендро охотно избегал бы этой сцены, но уйти, ничего не сказав, он не мог, поэтому продолжал молча сидеть.

— Эту ночь ты проведешь дома? — после паузы спросила Раджлокхи.

— Нет.

— Когда ты уходишь?

— Сейчас.

— Сейчас?! — Раджлокхи с трудом приподнялась на постели.— Неужели ты уйдешь, не повидавшись с женой? Мохендро молчал.

— Ты даже представить себе не можешь, в каком состоянии была она все эти дни! Ты потерял всякий стыд, жестокость твоя разрывает мне сердце.— И Раджлокхи, словно подрубленная ветвь, упала на постель.

Мохендро вышел из комнаты и, осторожно ступая, поднялся к себе в спальню. Ему не хотелось встречаться с женой. Но на крытой террасе перед спальней он все же увидел ее. Аша лежала на полу. Она не слыхала его шагов, и, неожиданно увидев мужа, быстро накинула на голову край сари и вскочила. Если бы в это мгновение Мохендро позвал свою Чунни, всю вину мужа она приняла бы на себя и, словно прощенная грешница, выплакала бы свое горе, припав к его ногам. Но Мохендро не назвал ее этим ласковым именем.

Ему самому хотелось нежно окликнуть жену, по чем сильнее становилось его стремление, тем мучительнее ему казалось сделать это. Мохендро никак не мог отделаться от мысли, что любое ласковое слово, сказанное им сейчас Аше, будет звучать как жестокая насмешка. Как может он утешить ее, когда сам отрезал себе все пути к отступлению, когда ему уже нельзя покинуть Бинодипи!

Аша оцепенела. Ей было стыдно оставаться, но она не могла заставить себя сдвинуться с места. Мохендро принялся молча расхаживать по террасе. Луна еще не взошла, небо было темным. В углу террасы в вазоне рос кустик туберозы, на нем распустились два цветка. В темной вышине сияли созвездия Большой Медведицы и Ориона,— молчаливые свидетели многих любовных свиданий Аши и Мохендро, они и сегодня безмолвно, как прежде, наблюдали за происходившим.

«Если бы этот темный небесный покров мог поглотить

все события последних дней, — думал Мохендро, — я занял бы привычное место на циновке рядом с Ашей. Никаких вопросов и объяснений, только доверчивая любовь и бесхитростное счастье...» Но, увы, пути назад не было. Мохендро потерял свое право быть рядом с Ашей. До сих пор взаимоотношения Мохендро и Бинодипи не налагали на них никаких обязательств. Мохендро испытал счастье, даруемое любовью, но не почувствовал ее оков. Теперь же Мохендро, хочет он того или не хочет, должен был заботиться о Бинодипи. Он сам оторвал ее от родной деревни и увез. Ей некуда деваться, нигде в мире ей не пайти защиты, Мохендро — ее единственная опора.

Сердце его заняло. Мир, царивший в комнатке на крыше, освященные законом супружеские почти казались ему теперь вершиной счастья. Все, что было когда-то ему доступно и принадлежало по праву, стало источником отчаяния. Теперь у него не будет ни минуты отдыха, всю жизнь ему придется тащить ношу, которую он сам взвалил на свои плечи.

Тяжело вздохнув, Мохендро взглянул на Ашу. Она сидела неподвижно, хотя беззвучные рыдания разрывали ей грудь. Ночной мрак, словно покрывало матери, скрыл ее смущение и скорбь.

Вдруг, будто желая что-то сказать, Мохендро остановился перед Ашей. Кровь прилила к ее лицу, зазвенела в ушах, она закрыла глаза. Но Мохендро молчал. Да и что мог он сказать ей? Но уйти просто так, не произнеся ни слова, было уже нельзя.

— Где ключи? — спросил Мохендро.

Она встала и прошла в комнату. Мохендро последовал за ней. Достав ключи из-под матраца, молодая женщина положила их на постель. Мохендро попытался открыть шкаф, где были его вещи.

— У меня нет ключа от этого шкафа, — не выдержав, тихо сказала Аша.

Она не сказала, у кого этот ключ, но Мохендро догадался. Аша выбежала из комнаты, боясь разрыдаться на глазах у мужа. Выйдя на террасу, она забилась в темный угол, отвернувшись к стене и дала волю слезам.

Но ей нельзя было даже выплакать свою обиду. Неожиданно она вспомнила, что Мохендро в этот час обычно ужинает. Она быстро сбежала вниз.

— Где Мохин, дорогая? — спросила невестку Радж-локхи.

— Наверху.
— Зачем же ты сошла вниз?
— Его ужин...— Аша потупилась.
— Я все приготовлю, невестушка, а ты пойди принарядись. побыстрее надень новое дакское сари и приходи ко мне, я причешу тебя.

Аша не могла перечить свекрови, хотя ей была противна даже сама мысль париться, она покорно позволила себя одеть, как того хотела Раджлокхи. Так, Бхишма, желая умереть, подставил себя когда-то под дождь стрел.

Припарядившись, Аша тихо и робко поднялась наверх. Она заглянула на террасу на крыше — Мохендро там не было. Аша медленно подошла к двери спальни — и там его тоже не было. К ужину он даже не прикоснулся.

Мохендро взломал замок шкафа, взял кое-какую ненужную ему одежду, учебники и ушел.

На следующий день был пост. Раджлокхи, ослабевшая и больная, лежала в постели. Небо заволочли тучи, предвещавшие бурю. Аша тихо вошла в комнату и присела в ногах больной.

— Я принесла молоко и фрукты,— сказала она, глядя поги свекрови.— Поешьте, мама.

Искренняя забота несчастной невестки тронула старую жепщину, глаза ее наполнились слезами. Приподнявшись, она привлекла к себе Ашу и поцеловала ее влажные от слез щеки.

— Что делает Мохип? — спросила она.

Аша смутилась.

— Он ушел,— прошептала она.

— Когда? — воскликнула Раджлокхи.

— Еще вчера.— Молодая жепщина потупилась.

Вся нежность Раджлокхи исчезла, ей уже не хотелось приласкать невестку. Аша почувствовала молчаливое неодобрение свекрови и, потупив взор, тихо выскользнула из комнаты.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Когда в первый вечер Мохендро оставил Бинодини одну на квартире в Потолданге и отправился домой за книгами и одеждой, молодая женщина, прислушиваясь к неумолчному городскому шуму, задумалась над своей судьбой. Ее жизнь всегда была ограничена тесными рамками, что прежде, когда затекал один бок, можно было повер-

путься па другой, теперь же она лишилась и этой возможности. Даже от легкого толчка ладья ее жизни может пойти ко дну. И чтобы этого не случилось, надо крепко держать руль; маленькое волноппе, какая-нибудь ничтожная ошибка — и все погибнет. У какой женщины не сжалось бы от страха сердце в таком положении? Чтобы тот, кто любит, не выходил из-под власти, нужно держать его па расстоянии и долго вести игру в любовь. Но как может она держать Мохендро па расстоянии? Возможно, всю жизнь ей придется провести с ним рядом! Однако положение у них неравное. Мохендро еще может выбраться па берег. Биподини надеяться не па что.

Молодая женщина ясно понимала всю безвыходность и сложность своего положения и старалась собраться с силами.

С того дня, как Бинодини призналась Бихари в любви, уверенность покинула ее. Воспоминание о поцелуе, который отверг Бихари, ни днем ни ночью не давало ей покоя. Этот поцелуй был даром, предназначенным лишь боже-ству. Никому на свете не отдала бы его Биподини. Бинодини никогда не бросала руля, не поддавалась отчаянию. Каждый день она уверяла себя: «Бихари должен принять мое поклонение».

Безграничная жажда любви и непреодолимое желание найти защиту слились в душе Бинодини воедино. Только Бихари, единственный во всем мире, мог защитить ее. Так казалось Бинодини. Она слишком хорошо знала Мохендро и понимала, что он не опора в жизни. Он будет в ее власти, пока она не снизойдет к нему, а потом начнет искать свободы. Настоящий защитник, в котором нуждается женщина,— это Бихари. Ему можно довериться. Она не успокоится, пока Бихари не будет с ней.

Покидая деревню, Бинодини велела Мохендру сказать па почте, чтобы все письма на ее имя пересылали на новый адрес. Она не могла поверить, что Бихари не ответит ей.

«Неделю подожду,— решила она,— а там видно будет».

Придя к такому решению, Биподини, не зажигая лампы, открыла окно и принялась рассеянно смотреть па освещенную газовым светом Калькутту. Бихари сейчас тоже в городе. Их разделяет всего несколько улиц. Стоит пройти немного, и окажешься у знакомых ворот, а там — маленький дворик с водяной колонкой, лестница и, наконец, уютная, светлая комната. Тишина. Бихари один сидит в

своем кресле, а может быть, рядом с ним тот красивый светлокожий и круглолицый мальчик-брахман с пытливым взглядом широко открытых глаз. Он внимательно рассматривает книжку с картинками. Сердце Бинодини затрепетало от любви. Ведь она может сейчас, сию минуту пойти к Бихари. Ратьше она, пожалуй, так и поступила бы, но сегодня надо было все взвесить и продумать, прежде чем решиться на что-нибудь. Отныне она не вправе потакать своим прихотям. Все должно быть подчинено одной цели.

«Вот дождусь письма,— думала молодая женщина,— тогда и решу, что делать!» Она боялась каким-нибудь необдуманным поступком рассердить Бихари.

Так, размышляя, Бинодини просидела до десяти часов вечера, до тех пор, пока не пришел Мохендро.

Последние несколько дней Мохендро провел в состоянии крайнего нервного напряжения, почти без сна, и теперь, когда он наконец благополучно перевез Бинодини в Калькутту, он чувствовал себя совершенно разбитым. У него больше не было сил вести борьбу с миром и с самим собой. Ответственность, которую он взял на себя, тяжелым бременем легла ему на плечи.

Мохендро стоял у дверей своего нового дома, не решаясь постучать. Куда исчезло чувство опьянения, которое заставило его ничего не замечать вокруг? Почему теперь его охватывает дрожь при взгляде какого-нибудь случайного прохожего?

Пришлось долго стучать, прежде чем слуга проснулся и открыл ему. У Мохендро болезненно сжалось сердце, когда он вошел в темную незнакомую квартиру. С детства избалованный матерью, он привык к роскоши, уюту, к запахам, к дорогой мебели. В полумраке бедно обставленная квартира казалась особенно неприглядной. Мохендро предстояло еще побеспокоиться о том, чтобы должным образом меблировать ее. Ему никогда еще не приходилось заботиться о своих удобствах и тем более об удобствах других. Но теперь придется вынужденно выискивать во все мелочи. На площадке перед квартирой коптит керосиновая лампа — нужно купить новую. На веранде сырость — течет водопроводная труба. Придется вызвать рабочих и отремонтировать ее, а потом потребовать от хозяйки, чтобы он освободил выходящие на улицу комнаты, которые занимает сейчас семья сапожника. И все это должен сделать он один, больше никому. От этих мыслей Мохендро почувствовал еще большую усталость.

Некоторое время Мохендро стоял на лестнице, стараясь взять себя в руки; любовь к Бинодини вспыхнула в нем с новой силой. Он убеждал себя, что сегодня свершилось наконец то, чего он желал больше всего на свете, теперь ничто не мешает его счастью. Сегодня самый счастливый день в его жизни. Но именно теперь, когда, казалось, рухнули все преграды, появилась еще одна, самая страшная, — она таилась в нем самом.

Бинодини заметила Мохендро, когда он подходил к дому. Очнувшись от своих дум, она зажгла свет и взяла шитье. Склонившись над ним, она словно обрела защиту.

— Бинод, тебе здесь очень неудобно? — спросил Мохендро, входя в комнату.

— Нисколько! — ответила молодая женщина, продолжая шить.

— Я привезу новую мебель, но несколько дней тебе придется потерпеть.

— Не падо! — воскликнула Бинодини. — Ничего не привози. Здесь есть все, что мне нужно, даже много лишнего.

— Вероятно, лишний — это я, несчастный? — заметил Мохендро.

— Нужно быть более скромным, — ответила Бинодини, — и не принимать каждое слово на свой счет.

Мохендро смотрел на спокойное, склоненное над шитьем лицо Бинодини и все больше поддавался ее очарованию.

Будь они дома, он непременно упал бы к ее ногам, но здесь он не мог поступить так. Здесь Бинодини была беззащитна, в его власти, и не будет большей подлости, если он не сумеет взять себя в руки.

— Зачем ты припес сюда свою одежду и книги? — спросила Бинодини.

— Я полагал, что они нужны мне. Надеюсь, ты не считаешь их лишними?

— Пусть так, но зачем они здесь?

— Ты права, — ответил Мохендро. — Обыкновенные вещи здесь неуместны. Можешь выбросить их на улицу, только меня не выбрасывай вместе с ними!

С этими словами Мохендро сложил связку книг и узел с одеждой у ее ног.

Бинодини продолжала шить.

— Ты не должен оставаться здесь, Мохендро, — серьезно сказала она наконец.

И это ответ на его чувства? Мохендро был ошеломлен.

— Почему, Бинод? — воскликнул он, задыхаясь от волнения. — Почему ты гонишь меня? Ради тебя я все принес в жертву. А что получил взамен?

— Я не позволю тебе принести все в жертву.

— Поздно! Теперь это уже не в твоих силах. Мой мир рухнул! У меня ничего не осталось, только ты, Бинод! О Бинод! — Мохендро, словно безумный, упал к ногам молодой женщины и, крепко обняв их, стал покрывать поцелуями. Бинодини высвободилась из его объятий и встала.

— Ты забыл свою клятву, Мохендро?

Усплнем воли Мохендро взял себя в руки.

— Нет, не забыл. Я поклялся делать лишь то, что ты пожелаешь, и никогда не нарушу своей клятвы. Говори, что я должен делать?

— Вернись домой.

— Неужели я так безразличен тебе, Бинод? Зачем же тогда ты завлекала меня? Зачем охотилась за дичью, которая тебе не нужна? Признайся, разве я один виноват в том, что случилось, разве ты не желала этого? Мои страдания тебе безразличны, я для тебя игрушка! Но все равно, я сдержу свою клятву. Я вернусь в дом, где по собственной вине лишился всего.

Бинодини продолжала молча шить. Мохендро некоторое время пристально смотрел ей в лицо, потом сказал:

— Ты безжалостна и жестока, Бинод! Какое несчастье, что я полюбил тебя!

Бинодини сделала неверный стежок и, подняв шитье к свету, стала пороть его. В эту минуту Мохендро готов был сжать в кулаке каменное сердце этой женщины и раздавить его. О, если бы можно было одним ударом разбить ее жестокость и спокойное презрение.

В отчаянии Мохендро выбежал из комнаты, но сейчас же вернулся.

— Кто защитит тебя, одинокую женщину, если меня не будет здесь?

— Об этом не беспокойся. Тетя уволила Кхемп, и с сегодняшнего дня она у меня в услужении. Мы запрем дверь, и нам никто не будет страшен.

Чем больше алился Мохендро на Бинодини, тем сильнее влекло его к ней. Ему хотелось с такой силой прижать к груди эту непокорную женщину, чтобы она вскрикнула от боли.

Боясь поддаться искушению, Мохендро поспешил уйти.

Он долго бродил по улицам и много раз давал себе клятву на препоbreжение Бинодини ответить тем же. Ведь он единственный человек в мире, который принимает в пей участие, и она с таким безразличием, решительно и без колебаний отвергла его, — никогда ни одного мужчине еще не оскорбляли так! Мохендро не собирался сдаваться, хотя самолюбие его было уязвлено.

«Неужели я такое ничтожество? — возмущался он. — Почему она так высокомерна со мной? Ведь, кроме меня, у нее теперь никого нет! — Мохендро задумался и неожиданно вспомнил о Бихари. Он похолодел. — Вот на кого падается Бинодини, я лужен ей лишь для того, чтобы стать ближе к Бихари, я лестница, которую Бинодини топчет, поднимаясь к нему!»

В душе Мохендро закралось подозрение: может быть, Бинодини перенимается с Бихари и уже получила от него какое-то обещание?

Мучимый этими мыслями, Мохендро поспешил к Бихари. Уже наступил вечер, когда он оказался у знакомой двери. Ему пришлось долго стучать, прежде чем на пороге появился слуга.

— Господина нет дома, — сообщил он.

Мохендро бросило в жар. «Пока я, глупец, брожу по улицам, — пронеслось у него в голове. — Бихари сидит у Бинодини. Поэтому она и обошлась со мной сегодня так жестоко, а я, как дурак, явился сюда!»

— Вхожу, — обратился он к слуге, которого давно знал, — когда ушел твой господин?

— Вот уже пять дней, как он уехал на запад.

Мохендро почувствовал облегчение.

«Мне нужно отдохнуть и хоть немного поспать, — подумал он. — Не могу же я всю ночь бродить по городу».

Он сказал слуге, что переночует в комнате Бихари, и поднялся наверх; растянувшись на тахте, Мохендро тотчас же уснул.

После скандала, который учинил ему Мохендро, Бихари решил на следующий же день уехать из Калькутты. Он отправился на запад, сам не зная куда. Бихари понимал, что оставаться ему нельзя, так как ссора с другом может привести к полному разрыву, и потом всю жизнь он будет жалеть об этом.

В одиннадцать часов утра Мохендро проснулся, открыл глаза и случайно взглянул на столлик, где под пресс-папье лежало письмо. Почерк на конверте показался знакомым.

Письмо еще не было вскрыто — оно ждало Бихари. И Мохендро торопливо схватил его. Дрожащей рукой он разорвал конверт. Это было то самое письмо, которое Бинодини послала из деревни. Оно так и осталось без ответа.

Каждая буква жалила Мохендро в самое сердце. С детства он привык оттеснять Бихари на второй план. Бихари приходилось довольствоваться остатками даров любви, которые приносили божеству — Мохендро. Теперь отвергал дары Бихари, а самому Мохендро отводилась роль просителя. Может быть, поэтому Бинодини не приняла его любовь и склонилась перед Бихари. У Мохендро хранилось несколько писем Бинодини, по каким-то фальшивым они выглядели по сравнению с этим письмом. Они были лишь ловушкой для такого глупца, как он.

Мохендро вспомнил, как беспокоилась Бинодини о том, чтобы он оставил на деревенской почте ее новый адрес. Теперь Мохендро понял причину ее беспокойства. И вот сейчас, наверное, Бинодини, забыв обо всем, сидит у окна, смотрит на дорогу и ждет письма от Бихари.

Бходжу, как и в прежние времена, хотя хозяин и уехал, сбегал на базар и приготовил завтрак для Мохендро, но Мохендро было не до еды, в волнении он даже забыл выкупаться. Взгляд его то и дело возвращался к письму Бинодини, полному огня и страсти. Оно жгло Мохендро, как раскаленный песок пустыни жжет ноги странника. Мохендро поклялся никогда больше не видеть эту женщину. «Но ведь через несколько дней, не дождавшись ответа, Бинодини может сама прийти сюда. Она поймет, что Бихари не получил ее письма, и успокоится». Эта мысль стала источником новых мучений для Мохендро.

С письмом в кармане Мохендро, как только наступил вечер, появился в квартире на Потолданге.

Увидев его измученное лицо, Бинодини почувствовала жалость. «Наверное, всю ночь не спал, бродил по городу», — решила она.

— Ты не был дома?

— Нет.

— И ничего не ел! — Бинодини поспешно встала, чтобы приготовить ему ужин.

— Не беспокойся, я поел, — остановил ее Мохендро.

— Где?

— У Бихари.

Бинодини поблуднела, но уже через мгновение взяла себя в руки.

— Как он?

— Бихари? Прекрасно! Он уехал на запад.

Из слов Мохендро Биподини заключила, что Бихари уехал только сегодня, и еще больше побледнела. Но снова справилась со своим волнением и спокойно сказала:

— Никогда не видела более непоседливого человека. Видимо, ему все уже известно. Он очень сердится?

— Разумеется! Иначе зачем бы ему понадобилось в такую жару уезжать! Не ради же собственного удовольствия.

— Он не спрашивал обо мне?

— С какой стати! Вот возьми.

И Мохендро протянул Биподини письмо, не сводя глаз с ее лица. Биподини торопливо взяла конверт, вынула из него листок, исписанный ею, повертела его, но ответа Бихари не нашла.

— Ты прочел? — после минутного молчания спросила она.

Мохендро испугался — так изменилось ее лицо.

— Нет, — поспешно солгал он.

Биподини разорвала письмо на клочки и выбросила в окно.

— Я пойду домой, — сказал Мохендро.

Биподини молчала.

— Я поступлю так, как ты того желаешь, — продолжал Мохендро. — Останусь дома на целую неделю. Только по пути в колледж буду заходить и давать распоряжения Кхеми. Надоедать тебе не стану.

Трудно сказать, слышала ли Биподини его слова, — она молча смотрела в окно на темное небо.

Мохендро стал собирать свои вещи.

Когда он ушел, Биподини долго сидела неподвижно, потом неожиданно, будто стараясь привести себя в чувство, в отчаянии разорвала сари и начала бить себя в грудь.

— Госпожа, что с вами? — прибежала испуганная Кхеми.

— Пошла прочь! — крикнула Биподини, вытолкнула служанку из комнаты и заперлась на ключ.

Оставшись одна, она сжала кулаки, долго каталась по полу и стонала, как раненое животное. Наконец, совершенно измученная, Биподини забылась и всю ночь пролежала на полу у окна.

На рассвете, когда солнечные лучи залили комнату, в душу Биподини неожиданно закралось сомнение: что, если Мохендро солгал, обманул ее?

— Кхемп,— позвала она служанку.— Сейчас же сходи к господину Бихари и узнай, как он там.

Через час Кхемп вернулась.

— Все двери и окна в доме господина Бихари закрыты,— доложила она.— Я долго стучала, но слуга сказал мне, что господин уехал.

Последняя надежда Биподипи рухнула.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Узнав, что Мохендро ночью покинул супружеское ложе, Раджлокхи рассердилась на невестку. Она решила, что это упреки жены заставили сына уйти из дому.

— Почему ушел Мохендро? — спросила она невестку.

— Не знаю, ма,— отвечала Аша, опустив глаза.

«Не знает!» — возмутилась старая женщина.

— Кто же тогда знает? — проговорила она сердито.— Ты, наверное, что-нибудь сказала ему?

— Нет,— прошептала Аша.

Но свекровь не поверила.

— Когда он ушел?

— Не знаю.

— Ну конечно, ты ничего не знаешь! — вне себя от гнева воскликнула Раджлокхи.— Подумаешь, дитя невинное! Притворщица! — Она долго кричала, упрекая невестку. Это из-за нее и ее дурного характера ушел Мохендро.

Аша безропотно выслушала упреки и только в своей комнате, оставшись одна, дала волю слезам.

«Я никогда не понимала, за что муж меня любит,— печально размышляла она,— и теперь не знаю, как вернуть его любовь».

Сердце всегда подскажет, как угодить человеку, который любит. Но как завладеть душой того, кто разлюбил,— это было Аше неизвестно. Она не могла, забыв стыд, добиваться расположения человека, который покинул ее ради другой женщины.

Вечером пришли брахман-астролог и его сестра. Раджлокхи пригласила их для того, чтобы они устранили неблагоприятное для сына сочетание светил. Старая женщина позвала Ашу к себе и попросила астролога посмотреть на линии ее руки и составить гороскоп. В смутении оттого, что чужие люди будут судить о ее несчастьи, Аша с трудом заставила себя протянуть руку предсказателю.

Вдруг на темной веранде, прилегающей к комнате, Раджлохки услышала тихие шаги, словно кто-то пытался пройти незамеченным.

— Кто там? — спросила она.

Никто не ответил. Раджлохки повторила свой вопрос. В комнату тихо вошел Мохендро.

Когда Аша увидела, как муж ее, крадучись, словно вор, входит в свой собственный дом, сердце ее сжалось от стыда. А тут еще чужие люди. Стыд за мужа был для Аши мучительнее, чем ее собственное горе.

— Невестушка, — ласково обратилась Раджлохки к Аше, — прикажи Парботи принести ужию для Мохпша.

— Я сама все сделаю, — сказала Аша.

Опа хотела уберечь Мохендро от взглядов слуг.

Присутствие в доме астролога и его сестры привели Мохендро в ярость. Его мать и жена, желая обрести власть над ним, прибегли к помощи невежественных, темных людей. Когда сестра астролога сладким голосом спросила его о самочувствии, Мохендро ничего не ответил и сердито сказал матери:

— Я пойду к себе.

Раджлохки обрадовалась. Опа решила, что Мохендро хочет наедине поговорить с Ашей, и очень довольная быстро прошла на кухню.

— Иди, иди скорей наверх, — сказала опа невестке. — Мохни хочет спросить тебя о чем-то.

Испытывая робость и волнение, Аша поднялась наверх. Она думала, что Мохендро сам позвал ее, и все же войти в спальню не решалась. Стоя в темноте у полуоткрытой двери, она наблюдала за мужем.

Мохендро лежал на постели, уставившись в потолок. Лицо его выражало отчаяние. Да, это был Мохендро, тот же Мохендро и та же комната, но как все изменилось! Когда-то Мохендро превратил в рай эту маленькую спальню. Зачем же теперь он оскверняет своим присутствием комнату, полную сладостных воспоминаний! Он не имеет права лежать на этом ложе, если в сердце его смятение, равнодушные, гнев и мука, если он забыл бесконечный, непередаваемый шепот любви, который слышался здесь и в темную ночь, и в знойный, словно застывший полдень, и в липкий дождливый день, и в веселый вечер с его волнующим ветерком? Разве в доме нет других комнат? Нет, он ни минуты не должен оставаться здесь!

Аша чувствовала, что Мохендро только что был у Бино-

дипи, что каждая частица его тела хранит ее прикосновение, что в глазах у него запечатлен ее образ, в ушах звучит ее голос, а сердце все еще во власти желаний, устремленных к ней. И этому человеку Аша должна принести в дар свою чистую любовь! Ему она должна сказать: «Возьми преданное тебе сердце и возложи ноги свои на незапятнанный лотос моей истинной и вечной любви!» Нет, она не может поступить так, как ей велят пурапы и шастры, она не может следовать советам своей тети. Мохендро разрушил их счастье, и теперь Аша уже не видела в нем того божества, которому поклонялась прежде. Сегодня Аша приносила в жертву мутным водам океана, имя которому Бинодини, повелителя своего сердца. В глубинах отчаяния Аши рождалась и звучала все громче мрачная музыка совершаемого жертвоприношения. Она наполнила собой темноту тоскующей по любви ночи, подчинила себе все существо Аши, каждый ее нерв, и, наконец выравнившись из маленькой комнаты на крыше, устремила к звездам, заполнив собою весь мир.

Мохендро, который теперь принадлежал Бинодини, стал для Аши чужим, она стыдилась его и не могла заставить себя войти в комнату.

Вдруг Аша заметила, что Мохендро оторвал невпядящий взгляд от потолка и так же бездумно уставился на стену. Там, рядом с портретом Мохендро, висел ее портрет. Аше хотелось прикрыть его краем своего сари, сорвать со стены и разорвать на клочки. Она презирала себя за то, что раньше не убрала его, но Аша так привыкла к своей фотографии, что совсем забыла о ее существовании. Ей казалось, что Мохендро смеется над ней, а вместе с ним, пыхмурив брови, зло усмехается Бинодини, образ которой запечатлен в сердце Мохендро. Накопец Мохендро отвел свой исполненный страдания взгляд от стены.

В свободное от хлопот по хозяйству и забот о свекрови время Аша, стараясь восполнить пробелы в своем образовании, просиживала до глубокой ночи над книгами. Тетрадки и учебники лежали грудой прямо на полу у кровати. Неожиданно Мохендро взял одну из тетрадок и принялся лениво просматривать ее. Аша едва сдержалась, чтобы с криком не вбежать в комнату и не выхватить тетрадь из рук мужа. Представив, с какой безжалостной наглостью Мохендро разглядывает буквы, написанные ее неумелой рукой, она больше не могла оставаться на месте и стремительно сбегала вниз по лестнице.

Ужип для Мохендро был готов. Но Раджлокхи думала, что сын занят разговором с женой, и не решалась нарушить их уединение. Когда же новость появилась впризу, Раджлокхи позвала Мохендро ужипать. Аша воспользовалась случаем, снова поднялась наверх, вбежала в спальню, сорвала со стены свою фотографию и, разорвав ее на клочки, выбросила за окно, затем быстро собрала и унесла свои тетрадки.

После ужина Мохендро вернулся в спальню. Раджлокхи долго не могла разыскать Ашу. Наконец она нашла ее на кухне, где Аша грела для нее молоко, хотя в этом не было никакой надобности, так как служанка находилась тут же и всем своим видом показывала, что не одобряет поведения госпожи, лишившей ее возможности разбавить молоко водой и утаить часть для себя.

— Ты почему здесь, дорогая? — воскликнула Раджлокхи. — Сейчас же иди наверх.

Поднявшись, Аша спряталась в комнате свекрови, чем еще больше рассердила ее.

«Именно сегодня, когда Мохендро вырвался из сетей этой вероломной женщины и пришел домой, — с раздражением подумала Раджлокхи, — новость напускает на себя оскорбленный и обиженный вид. Из-за нее Мохендро снова покинет дом. И в том, что Мохендро попался в ловушку к Бинодппи, тоже виновата Аша. Мужчипа легко сбивается с пути, такова уж его природа, долг жепы — хитростью, силой или обманом удержать его».

— Как ты ведешь себя, Аша? — В голосе Раджлокхи звучал жестокий упрек. — На твое счастье, муж вернулся домой, а ты, надувшись, прячешься по углам.

Аша, чувствуя себя преступницей, поднялась на крышу. Сердце у нее ныло, словно его раздирали анкушем. Стараясь ни о чем не думать, не переводя дыхания, она вошла в спальню. Было десять часов вечера. Мохендро с озабоченным видом стоял перед постелью и машинально тряс полог от moskitов. Он был весь во власти обиды на Бинодппи.

«Она даже не побоялась отослать меня к жене, — говорил он себе, — видно, считает меня своим покорным рабом! Если я вернусь к жене, у кого найдет Бинодппи поддержку? Неужели она считает меня ничтожеством и никогда не испытает мщения обо мне? Я потерял ее уважение, но не обрел ее любви. Она, не стесняясь, оскорбляет меня».

И Мохендро поклялся отомстить. Он вернет свою любовь жене и тем самым оплатит Бинодини за ее пренебрежение.

Когда Аша вошла в комнату, Мохендро перестал трясти сетку. Надо было что-то сказать жене, по что — Мохендро не знал.

Он натянуто улыбнулся и сказал первое, что пришло в голову:

— Ты, вижу, как и я, увлеклась науками. А куда делись тетрадки, которые лежали здесь?

Аше показалось, что ее хлестнули по лицу. Она училась тайком от всех, боялась, что над ней будут смеяться, особенно Мохендро. И вот первое же слово, сказанное им после такой долгой разлуки, — насмешка. Аше стало больно, душа ее сжалась, словно нежное, израненное тельце ребенка под безжалостными ударами. Она не ответила и, отвернувшись, вцепилась руками в край стола.

Мохендро пожалел о сказанном, он понял, что слова его неуместны. Но что говорить — он не знал. После длительной ссоры трудно подыскать нужные слова. А сердце молчало, оно ничего не могло подсказать. «Может быть, ночью, в тишине, — думал Мохендро, — будет легче». Воодушевленный этой мыслью, Мохендро с удвоенным рвением принялся трясти сетку от москитов. Как молодой актер перед выходом на сцену мысленно повторяет роль, так и Мохендро обдумывал свое поведение.

Вдруг он услышал легкий шорох, и, когда обернулся, Аши в комнате уже не было.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

— Ма, — сказал Мохендро на следующий день утром. — Мне для занятий нужна отдельная комната. Не поселиться ли мне в комнате тети?

«Мохин будет жить дома! — обрадовалась Раджлокхи. — В конце концов он помирится с женой, не сможет он долго мучить мою невестку. Да и кто променяет Лакшми на лицемерную ведьму!»

— Прекрасно, милый, — быстро согласилась она.

Она открыла комнату Аппанурны и начала убирать ее. Но где Аша? После долгих поисков свекровь нашла невестку в одном из отдаленных уголков дома. Аша притаилась там, сжавшись в комочек.

— Принеси чистое покрывало! И вели поставить в комнате тети Аннапурмы стол да пришли еще сверху лампу—там тепло! — сыпала приказаньями Раджлокхи.

Вдвоем женщины устроили для повелителя дома карские покои. Не обращая внимания на мать и жену, Мохендро с мрачным видом расположился там, принес книги и тетради и тотчас же погрузился в занятия.

После обеда Мохендро снова сел за книги. Никто не знал, где он будет спать: наверху, в спальне, или внизу, в новом кабинете. Аша, словно безжизненная кукла, позволила свекрови причесать и нарядить ее.

— Дорогая, пойдя спроси Мохина, где ему постелить, — приказала Раджлокхи невестке.

Но Аша не в силах была двинуться с места и стояла молча, опустив голову. Раджлокхи рассердилась и стала бранить ее. Тогда Аша заставила себя дойти до комнаты мужа, по тут силы покинули ее. Свекровь издали наблюдала за ней; увидев, что Аша не решается войти, она пришла в ярость и стала делать ей знаки. Ни жива ни мертва от стыда, Аша вошла к мужу.

— Сегодня я буду заниматься до поздней ночи, а завтра с самого утра... — сказал Мохендро, не поднимая головы от книги. — Спать я буду здесь.

Какой стыд! Аша так унизилась!

— Ну, что случилось? — сердито спросила Раджлокхи, когда Аша вернулась.

— Ему нужно заниматься, поэтому он хочет спать там, — ответила Аша и ушла в спальню, ту самую спальню, которой пренебрег Мохендро. Нигде нет ей счастья; весь мир словно опаленный полуденным солнцем пустыня!

Поздно ночью в дверь постучали:

— Открой!

Аша торопливо отворила дверь. Раджлокхи, задыхаясь, с трудом поднялась по лестнице. У нее, видимо, начался приступ астмы. Она села к Аше на постель и прерывающимся голосом стала упрекать невестку:

— Что ты делаешь? Заперлась на ключ! Разве сейчас время сердиться? Даже в горе ума не набралась. Ступай, ступай вниз.

— Но он сказал, что хочет быть один, — робко возразила Аша.

— Хочет! — сердито повторила свекровь. — Мало ли что он наговорит сгоряча. Нечего обращать внимание и обижаться! Иди скорее!

Раджлокхи от горя совсем забыла о приличиях. Любymi средствами она хотела удержать Мохина дома.

От сильного волнения она еще больше задыхалась. Немного оправившись, Раджлокхи поднялась. Поддерживая ее, Аша покорно сошла вниз. Она помогла свекрови дойти до спальни и уложила ее в постель.

— Оставь,—остановила ее Раджлокхи, когда Аша принялась поправлять ей подушки.— Позови лучше Шудху. А сама иди! Иди к нему скорее!

На этот раз Аша, не раздумывая, пошла к мужу.

Перед Мохендро лежала раскрытая книга, а сам он, положив ноги на стол и откинувшись на спинку стула, о чем-то сосредоточенно думал. Услышав за спиной шаги, он вздрогнул и быстро обернулся — ему вдруг показалось, что вошла та, о которой он мечтал в эту минуту. Увидев Ашу, Мохендро очнулся, снял ноги со стола и положил книгу на колени.

Приход жены удивил его. Последнее время Аша не осмеливалась входить к нему и избегала встреч с ним. Мохендро поразила та легкость, с которой Аша вошла в его кабинет. Он продолжал чтение, но видел, что жена не собирается уходить. Она спокойно ждала. Мохендро надоело притворяться, и, оторвав наконец глаза от книги, он взглянул на жену.

— У матери приступ,—ясным и спокойным голосом произнесла Аша.— Ты бы пошел посмотрел, что с ней.

— Где она? — спросил Мохендро.

— У себя в спальне. Никак не может уснуть.

— Пойдем, я осматрю ее.

Супруги давно не разговаривали, и теперь, после того как они обменялись этими незначительными словами, Мохендро стало легче. Все это время их разделяла темная стена молчания, и Мохендро был не в силах пробить ее. Теперь Аша сама открыла ему в этой стене маленькую дверцу.

В спальню Раджлокхи Мохендро вошел один. Аша осталась за дверью. Увидев сына в такой поздний час, Раджлокхи испугалась. «Опять, наверное, поссорился с женой и пришел со мной проститься»,—подумала она.

— Почему ты не спишь, Мохин? — с тревогой спросила Раджлокхи.

— Тебе трудно дышать, мама? — в свою очередь спросил Мохендро.

Его вопрос огорчил Раджлокхи; конечно, это Аша сказала сыну о ее болезни, поэтому он пришел к ней. От обиды Раджлокхи стало еще хуже.

— Иди спать, — с трудом проговорила она. — Я хорошо себя чувствую.

— Нет, нет, — возразил Мохендро. — С такой болезнью шутить нельзя. Я должен тебя осмотреть.

Мохендро знал, что у матери больное сердце, и вид ее внушал ему серьезные опасения.

— Ни к чему меня осматривать, — запротестовала Раджлокхи. — Мою болезнь все равно не вылечить.

— Хорошо, я осмотрю тебя завтра, а сейчас прими снотворное.

— Сколько лекарств я принимала, ни одно не помогло. Уже поздно, иди спать, Мохин.

— Я уйду, когда тебе станет лучше.

Раздосадованная Раджлокхи отвернувшись, задыхаясь, крикнула:

— Аша! Ты привела сюда Мохендро парочко, чтобы его огорчить?

Аша вошла в комнату.

— Иди спать, я посижу с матерью, — обратилась она к мужу ласково, но твердо.

— Я послал за лекарством, — сказал Мохендро, отозвав жену в сторону. — Там будет две дозы. Дай ей сначала одну, а если не заснет, через час дай вторую. Если же станет хуже, позовешь меня.

Мохендро ушел к себе. Сегодня Аша предстала перед ним в совершенно новом свете. В ней не было ни смущения, ни униженности, она знала свои права и не хотела выступать перед мужем в роли просительницы. Мохендро пренебрег ею как женой, но к этой хозяйке дома почувствовал уважение.

В глубине души Раджлокхи радовалась тому, что Аша позвала Мохендро, однако вслух она сказала:

— Зачем ты привела мужа, ведь я велела тебе идти спать?

Аша ничего не ответила, взяла опахало и, сев в ногах у свекрови, принялась обмахивать ее.

— Иди спать, дорогая.

— Он велел мне побыть с вами, — тихо проговорила Аша.

Она знала, что Раджлокхи будет приятно услышать это.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Аша не в силах была вернуть любовь Мохендро. И когда Раджлоххи убедилась в этом, ей пришла в голову мысль, что только ее болезнь может помешать сыну покинуть дом. Теперь она боялась выздороветь и тайком от Ашп перестала принимать лекарства.

Рассеянный, как всегда, Мохендро не замечал этого. Но Аша видела, что свекрови становится все хуже и хуже. Аше казалось, что Мохендро мало заботится о здоровье матери. Он был целиком поглощен собой и своими печальми. И Аша почувствовала презрение к мужу. Видно, человек, однажды забывший о своем долге, потом с легкостью пренебрегает им во всем.

Однажды утром, когда Раджлоххи стало совсем плохо, она вспомнила о Бихари. Он давно не навещал ее.

— Ты не знаешь, где сейчас Бихари? — спросила она невестку.

Аша повяла свекровь. В прежние времена, когда Раджлоххи заболела, Бихари ухаживал за ней, поэтому она и вспомнила сейчас о нем. Но Бихари, неизменная опора их семьи, далеко! Будь он здесь, он позаботился бы о Раджлоххи, не то что Мохендро. Аша тяжело вздохнула.

— Мохендро, кажется, поссорился с Бихари, — продолжала свекровь. — Сын очень несправедлив к нему. У него никогда не было более преданного друга.

У Раджлоххи на глазах показались слезы.

Аша вспомнила о том, как Бихари пытался предостеречь ее, глупую и слепую, а она невзлюбила его за это. Теперь она казнила себя. Почему всевышний не покарает ее, невежественную и неблагодарную, за то, что она оскорбила единственного друга и пригрела на груди врага! Не потому ли нависло над их семьей проклятие, что Бихари покинул их дом с разбитым сердцем?

Раджлоххи помолчала, раздумывая о чем-то, потом неожиданно заключила:

— Будь Бихари с нами в эти тяжелые дни, он помог бы нам и предотвратил многие несчастья.

Аша молчала, погруженная в свои думы.

— А если бы он узнал, что я больна, — продолжала, вздохнув, Раджлоххи, — то непременно пришел бы.

Аша поняла: свекровь хочет, чтобы Бихари сообщили о ее болезни. Без него старая женщина чувствовала себя беззащитной.

Мохендро погасил лампу и, задумавшись, стоял у огня, залитого лунным светом. Заниматься ему не хотелось. В доме не было счастья. Близости к домашним больше не существовало, отпоситься к ним, как к чужим людям, он тоже не мог. Узы неизбежного родства казались Мохендро мучительным, тяжелым грузом и давили ему на сердце. Мохендро не хотелось видиться даже с матерью. Она смотрела на него с таким страхом и беспокойством, что ему становилось не по себе. Когда по какому-нибудь поводу Аша заходила в комнату Мохендро, он не знал, что сказать ей, а молчать было еще трудней. Жизнь стала невыносимой! Но Мохендро поклялся неделю не видиться с Бинодипи. Оставалось еще два дня — как он выдержит?

Услыхав шаги, Мохендро догадался, что вошла Аша. Он хотел сделать вид, что не замечает ее, но жепса, видно, поглядела это и не собиралась уходить.

— Мне пужно сказать тебе кое-что, — проговорила она, стоя за спиной Мохендро. — Я не задержусь, не беспокойся.

— Отчего же? Поспиди немного, — обернувшись, неуверенно отозвался Мохендро.

— Нужно сообщить Бихари о болезни матери, — продолжала Аша, оставляя без внимания приглашение мужа. Мохендро показалось, будто его ранили в самое сердце.

— Зачем? — спросил он, овладев собой. — Разве мне вы не доверяете?

— Но ведь матери не становится лучше, — вырвалось у Аши, — наоборот, ей день ото дня все хуже.

В ее словах Мохендро почувствовал скрытое осуждение. Никогда еще Аша не смела упрекать его.

— Видно, мне следует у тебя поучиться, как лечить, — съязвил Мохендро, задетый за живое.

Насмешка эта причинила Аше страдание. Однако темпота, царившая в комнате, придавала ей смелости, и, всегда безропотная, Аша ответила на этот раз гневно, без тени смущения:

— Может, тебе и не пужно учиться, как лечить, а вот как заботиться о матери тебе поучиться не мешало бы!

Мохендро изумился неожиданной дерзким речам жепсы.

— Ты сама знаешь, почему я запретил твоему Бихари приходить сюда, — зло сказал он. — Никак не можешь его забыть!

Словно подхваченная волной стыда, Аша выбежала из комнаты. Но стыдно ей было не за себя. Как посмел этот

человек, сам погрязший в пороке, несправедливо упрекать ее! Такую наглость ему ничем не искупить!

Когда Аша ушла, Мохендро почувствовал, что потерпел окончательное поражение. Ему и в голову не приходило, что жена когда-нибудь отнесется к нему с таким презрением. некогда воздвигнутый трон его был ниспровергнут. Ему стало страшно при мысли, что на смену страданиям, которые он причинил Аше, придет ненависть.

Вспомнив о Бихарп, Мохендро невольно подумал и о Биноднии и совсем расстроился. Может быть, Бихари вернулся или Биноднии узнала его адрес и они уже виделись. Мохендро не в силах был больше терпеть и решил нарушить свою клятву. Ночью Раджлокхи стало хуже, и она сама послала за сыном.

— Мохин, я очень хочу видеть Бихари, — с трудом проговорила она. — Он так давно не приходил!

Аша, которая обмахивала опахалом свекровь, опустила голову.

— Его нет в городе, он уехал куда-то на запад, — ответил Мохендро.

— Сердце подсказывает мне, что он в городе, но не приходит потому, что ты обидел его. Заклинаю тебя, сходи к нему завтра!

— Хорошо, — сказал Мохендро.

Всем нужен Бихари, только Бихари! Мохендро казалось, что весь мир отвернулся от него.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Утром Мохендро отправился к Бихари. У дверей его дома он увидел слуг, которые грузили вещи в повозки.

— Что случилось? — спросил Мохендро Бходжу.

— Господин купил поместье на берегу Ганги в Бали, — ответил слуга, — и переезжает туда.

— А сейчас господин дома?

— Он пробыл в Калькутте дня два и вчера уехал обратно в Бали.

Подозрение вспыхнуло в душе Мохендро. Он уже не сомневался, что Биноднии и Бихари, пока он жил дома, встретились. Наверно, Биноднии сейчас тоже собирается уезжать и слуги грузят ее вещи.

«Поэтому-то она и отослала меня, дурака, домой», — решил он.

Не теряя ни минуты, Мохендро вскочил в экипаж и приказал гнать лошадей. Но ему все казалось, что лошади идут слишком медленно, и он то и дело принимался бранить извозчика. Въехав наконец в переулок, он не увидел перед домом повозок и вообще каких-либо приготовлений к отъезду. «Неужели Биподини успела уехать?» — испугался Мохендро и забарабанил в дверь. Едва старик слуга открыл ему, как Мохендро спросил:

— Все в порядке?

— Конечно, господин, — отвечал удивленный слуга.

Мохендро стремглав взбежал по лестнице. Биподини в это время куналась. Войдя в ее спальню, Мохендро бросился к неубранной постели, прижал к груди и губам простыни, хранившие еще аромат тела Биподини, и воскликнул:

— Жестокая, жестокая!

Дав волю чувствам, Мохендро стал с волнением ожидать свою возлюбленную. Он первою шагал по комнате, как вдруг взгляд его упал на газету, которая валялась у кровати. Он машинально поднял ее и, чтобы как-то занять себя, стал просматривать. В глаза ему бросилось имя Бихари. Мохендро впился глазами в газетные строчки. В заметке сообщалось, что на берегу Ганги в Бали Бихари приобрел поместье, где бедные служащие смогут получать бесплатное лечение и уход, что там уже подготовлены места для пяти человек, и прочее.

«Бинодини, конечно, прочла заметку. Интересно, что она подумала, — терялся в догадках Мохендро. — Безусловно, всей душой она стремится туда, к Бихари».

Мохендро боялся, что теперь она станет еще больше преклоняться перед Бихари. В душе Мохендро называл своего бывшего друга обманщиком, а затеянное им дело — авантюрой. «Бихари с детства любил выставлять себя благодетелем», — подумал он. Пытаясь как-то утешиться, Мохендро говорил себе, что он не столь лицемерен, как Бихари.

«Я презираю тех, кто благотворительностью и самопожертвованием пытается одурачить невежественный народ», — думал он. Но увы, никому и, уж конечно, не Бинодини дано оценить безграничное и истинное величие его, Мохендро, духа! Мохендро даже стало казаться, что Бихари нарочно, чтобы досадить ему, затеял все это дело.

Услышав шаги Бинодини, Мохендро торопливо спрятал газету. Вид Бинодини поразил его. Она очень изменилась, словно за эти несколько дней прошла через очищающий

огонь. Она сильно похудела, но бледное лицо ее озарилось каким-то внутренним светом.

Бинодини больше не ждала письма от Бихари. Она уверовала, что Бихари презирает ее, и день за днем таяла, по в силах погасить испепелявшее ее пламя любви. Бихари уехал, проклиная ее. Как теперь она найдет его?

Молодая женщина, всегда энергичная, никогда не знавшая лени, задыхалась от праздности. Жажда деятельности не давала ей покоя. Стоило ей подумать, что всю жизнь ей придется провести в четырех стенах этого постылого и безрадостного дома в тесном переулке, как ее мятежная душа восставала против жестокой судьбы. В такие минуты Бинодини охватывало чувство безграничной ненависти и презрения к Мохендро, чья глупость так обеднила ее жизнь и закрыла все пути к спасению. Это убогое, мрачное жилище и мысль о том, что каждый день ей придется сдерживать страсть Мохендро, увеличивали ее сердечную муку. Но ведь она сама вызвала из глубин сердца Мохендро притаившееся там грязное и ненасытное чудовище. Как ей спастись теперь от него? Бинодини понимала, что не сможет долго держать Мохендро на расстоянии. Он будет приходить сюда, в эту маленькую квартирку, и, побуждаемый страстью, будет все приближаться и приближаться к ней, и ее страшила борьба между презрением и привязанностью, которую ей придется вести на краю пропасти на грязном ложе жизни. Когда Бинодини думала обо всем этом, душу ее сжимал ужас. Где же конец ее страданиям?

При виде осунувшегося, побледневшего лица Бинодини Мохендро почувствовал, как пламя ревности опалило его сердце. Неужели он не в силах вырвать эту отшельницу из-под власти дум о Бихари? Орел хватает овцу и в мгновение ока уносит ее в свое недостигаемое горное гнездо. Неужели нигде в мире нет забытого, скрытого облаками уголка, куда бы Мохендро мог унести свою нежную и красивую добычу и спрятать у себя на груди? Пламя ревности распаляло его страсть. Нет, он не может и на миг покинуть Бинодини. Каждый его день будет проходить в страхе перед появлением Бихари. Но Мохендро не уступит ему.

Мохендро вспомнил санскритские стихи, в которых говорилось, что боль разлуки придает красоте женщины особую утонченность. Сегодня, глядя на Бинодини, он убедился в истинности этих слов, и его охватило волнение, от которого было и сладко и больно.

— Ты, вероятно, уже пил чай? — обратилась к нему Бинодини после паузы.

— Ну и что же, я буду счастлив, если ты угостишь меня! «Налей мне чашку...»

Бинодини хотелось грубо оборвать Мохендро, но вместо этого она спросила:

— Ты не знаешь, где сейчас Бихари?

Мохендро изменился в лице.

— Его нет в Калькутте.

— А где он?

— Он никому не оставил адреса.

— Неужели невозможно его узнать?

— Мне его адрес не нужен.

— Не нужен? Разве ваша дружба ничего для тебя не значит?

— Да, мы с ним друзья с детства, — согласился Мохендро. — Ты же подружилась с Бихари совсем недавно, но тебе его адрес нужен больше, чем кому бы то ни было.

— Как тебе не стыдно! Ты так и не научился у Бихари ценить дружбу.

— Ну, об этом я не горюю, — усмехнулся Мохендро. — Вот если бы я позаимствовал у него искусство, как обманом овладевать сердцем женщины, — это мне сейчас очень бы пригодилось.

— Для этого желания мало, нужно обладать талантом.

— Может, ты скажешь мне, к какому гуру обратиться? Я готов идти к нему в учение даже в столь зрелом возрасте, а после проверим мои способности!

— Пока не узнаешь адреса Бихари, не смей говорить мне о любви, — заявила Бинодини. — После того как ты поступил так с другом, кто поверит тебе?

— Можешь не верить, но это не дает тебе права оскорблять меня. Будь ты менее уверена в моей любви, разве пришлось бы мне мучиться! — воскликнул Мохендро. — Бихари знает, как не дать себя укротить, так пусть поделится своим опытом со мной, несчастным. Вот это будет по-дружески!

— Бихари — человек, и его не надо укротять, — заметила Бинодини. Она продолжала стоять у окна, откинув распущенные волосы за спину.

— Почему ты все время издеваешься надо мной? — гневно крикнул Мохендро, сжав кулаки и вскочив со своего места. — Не думаешь ли ты, что я оставляю твои оскорбления без ответа потому, что ты слыпа, а я терпе-

лив? Но раз уж ты решила обращаться со мной, как с животным, то имей в виду, зверь я бешеный! Не считай меня трусом, который не может себя защитить!

Мохендро встретился взглядом с Бинодини.

— Бинод,— вырвалось у него,— уедем отсюда... Поедем на запад или в горы, куда хочешь... Здесь нет путей к спасению, я гибну...

— Хорошо! — неожиданно согласилась Бинодини. — Едем, сейчас же! Едем на запад!

— Но куда именно?

— Мы будем путешествовать, не останавливаясь нигде больше двух дней.

— Я согласен,— заявил Мохендро. — Сегодня же вечером отправляемся в путь!

Обрадованная Бинодини ушла на кухню готовить еду для Мохендро.

Из разговора Мохендро понял, что Бинодини не читала газетной заметки о Бихари. В том душевном состоянии, в котором она находилась, ей было не до газет.

Весь день Мохендро следил за тем, чтобы Бинодини случайно не узнала, где находится Бихари.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Дома все ждали Мохендро к обеду, надеялись, что он принесет известия о Бихари. Обеспокоенная его долгим отсутствием, Раджлокхи очень волновалась. Всю ночь она не могла уснуть и чувствовала себя совершенно разбитой. Аша заметила это. Экипаж Мохендро уже вернулся. Кучер рассказал, что, побывав в доме Бихари, Мохендро отправился на квартиру в Потолданге. Услыхав это, Раджлокхи молча отвернулась к стене. Аша, с лицом, застывшим, как у изваяния, сядя у изголовья, обмахивала свекровь опахалом. В другие дни, когда наступало время обеда, Раджлокхи отсылала Ашу, чтобы та поела, сегодня же она ничего не сказала. Если Мохендро, видя, как страдает его мать, мог убежать к Бинодини, Раджлокхи нечего было больше ждать от этого мира, незачем было жить. Видно, Мохендро считает ее болезнь легким недомоганием, как это не раз с ней случалось. Раджлокхи обижало такое безразличие сына. Любовь совсем вытеснила из его сердца и беспокойство за здоровье матери, и чувство долга. Он боялся, что его заставят сидеть у постели больной, и, забыв

стыд, под каким-то предлогом сбежал к Бинюдипи. Оскорбленная Раджлокхи не хотела больше бороться с болезнью. Она докажет сыну, что он не прав.

В два часа дня Аша напомнила свекрови:

— Время принимать лекарство, ма.

Раджлокхи промолчала. Когда невестка поднялась, чтобы подать лекарство, она сказала:

— Не нужно, милая, иди к себе.

Аша понимала, что так сильно оскорбило материнское чувство. Не в силах успокоить свое измученное сердце, Аша всхлипнула, хотя из всех сил сдерживала слезы. Раджлокхи медленно повернулась к невестке и, нежно глядя ее руку, сказала:

— Ты очень молода, дорогая. Ты еще узнаешь счастье. А обо мне не беспокойся, дитя. Я прожила свою жизнь, чего мне еще ждать?

При этих словах Аша, закрыв лицо краем сари, зарыдала.

Так печально прошел этот день. Обе женщины чувствовали себя глубоко оскорбленными, но все еще надеялись, что Мохендро вернется. При малейшем шорохе они, затанув дыхание, прислушивались, и каждая из них догадывалась о мыслях другой.

Яркие краски дня медленно тускнели. Спускались сумерки, но женской половине дома они не принесли ни розовых отблесков заката, ни полной темноты. Своей тусклостью они лишь усугубили горе и не дали излить в слезах отчаяние. Эти серые сумерки отняли последнюю надежду и силы и не подарили даже усталости или равнодушия. Когда наступил печальный, лишенный очарования вечер, Аша тихо встала, зажгла лампу и отнесла ее в комнату больной.

— Не надо света, — сказала Раджлокхи.

Аша унесла лампу. Тьма сгущалась, на маленькую комнату спускалась бесконечная ночь.

— Может быть, написать Мохендро? — осторожно спросила Аша.

— Нет, милая, — твердо ответила Раджлокхи. — Заклинаю тебя, не посылай ему и строчки.

Аша окаменела, у нее даже не было сил плакать.

— Письмо от господина, — доложил слуга из-за двери.

«А вдруг Мохин заболел, не может прийти и потому прислал письмо», — промелькнуло в голове Раджлокхи.

— Прочти скорей, что пишет Мохин, — крикнула она, исполненная тревоги и раскаяния.

Аша вышла в соседнюю комнату, где была лампа, и дрожащими руками распечатала конверт. Мохендро писал, что последние дни плохо себя чувствовал и поэтому решил уехать на запад. Особых причин волноваться за здоровье матери нет, писал далее Мохендро, но он поручил доктору Нобину регулярно навещать ее. Далее шли советы, что делать, если бессонница и головные боли не пройдут. Вместе с письмом Мохендро прислал несколько легких укрепляющих средств. В постскриптуме он просил непременно сообщить ему о здоровье матери, а письма направлять в Гиридих.

Прочитав это послание, Аша не знала, что делать. Отчаяние в ее душе уступило место отвращению. Но как сообщить столь жестокое известие Раджлокхи?

Заметив перешительность известки, больная разволновалась еще больше.

— Иди сюда, прочти скорее, что пишет Мохин! — воскликнула она, приподнимаясь на постели.

Аша вошла и медленно прочла от начала до конца все письмо.

— Прочти еще раз то место, где Мохин пишет о своем здоровье, — попросила Раджлокхи.

— «Последние дни я плохо себя чувствую, поэтому...» — повторила Аша.

— Хватит, дальше не надо, — остановила ее Раджлокхи. — Конечно, как мог он чувствовать себя хорошо! Ведь старуха мать все никак не умрет, а только докучает ему своей болезнью! Зачем ты сказала Мохину, что я больна?! Жил он дома, занимался у себя в комнатке, никого не беспокоил. Тебе что, стало лучше, когда он ушел из дому? Кому мешала моя болезнь? Даже в горе ты не набралась ума!

Раджлокхи, тяжело дыша, откинулась на подушку. У дверей послышались шаги.

— Пришел господин доктор, — доложил слуга.

Покашливая, в комнату вошел врач. Аша, торопливо натянув на голову край сари, встала у изголовья постели.

— Расскажите, что с вами, — обратился врач к больной.

— Это еще зачем? — раздраженно воскликнула Раджлокхи. — Дайте человеку умереть спокойно. Ваши лекарства все равно не спасут меня, сколько бы я их ни глотала.

— Не в моих силах сделать вас бессмертной, — примирительно заметил доктор. — Я только попытаюсь облегчить ваши страдания...

— Когда-то вдов сжигали, и это было лучшим средством для облегчения их страданий, — прервала его Раджлокхи. — А теперь им только продлили мучения. Лучше уйдите, доктор... Не раздражайте меня... я хочу побыть одна.

— Разрешите хотя бы проверить ваш пульс, — растерянно проговорил врач.

— Я сказала — уходите, — рассердилась Раджлокхи. — К сожалению, пульс еще бьется.

Доктор вызвал Ашу в соседнюю комнату и подробно расспросил ее о болезни свекрови. После этого он мрачный вернулся в спальню.

— Послушайте, — снова обратился он к Раджлокхи, — Мохендро, уезжая, поручил мне заботиться о вашем здоровье. Он будет очень огорчен, если вы не позволите лечить вас.

Для Раджлокхи слова врача прозвучали как насмешка.

— О Мохендро не беспокойтесь, — с горечью сказала она. — На долю каждого человека выпадают огорчения. Но смею вас заверить, что это огорчение для Мохендро не очень велико. Оставьте меня в покое, доктор, я хочу хоть немного поспать.

Доктор понял, что лучше не волновать больную, и, рассказав, какой нужен уход за Раджлокхи, ушел.

— Иди к себе, дитя, — сказала Раджлокхи пестике, когда она вернулась в спальню. — Отдохни немного. Целый день ты не отходишь от меня. Пришли сюда мать Хару, пусть она посидит в соседней комнате.

Аша поняла, что слова свекрови не были продиктованы любовью или заботой, это был приказ, и ей ничего не оставалось, как повиноваться.

Послав служанку к Раджлокхи, Аша пошла в свою комнату и, не зажигая лампы, легла на прохладный пол.

От волнений и оттого, что она весь день ничего не ела, Аша чувствовала себя совсем разбитой. Из соседнего дома доносилась свадебная музыка. Ночная темнота, казалось, вторила нежным звукам флейты, и сердце Аши трепетало, внимая им. Аша вспомнила собственную свадьбу, и эти воспоминания ярким светом озарили ночное небо. Ни одна подробность не ускользнула из памяти молодой женщины: иллюминация, веселое оживление, гирлянды, сафаловая паста, аромат благовопий, свадебный наряд. Вспомнила Аша, как радостно замирало ее сердце от стыда и страха. Думать об этом сейчас было нестерпимо больно и мучи-

тельно. И словно голодный ребенок, который может ударить мать, требуя пищи, проснувшееся в душе Аши стремление к счастью исторгло рыдание из ее груди. Превозможная усталость, Аша поднялась с пола и, сложив молитвенно руки, обратилась к всевышнему. В сердце ее, омытом слезами, ожил образ чистой и доброй Аннапурны — ведь для Аши она была живым воплощением всевышнего на земле. Когда-то Аша дала себе клятву не обращаться за помощью к этой добродетельной женщине, какое бы несчастье с ней ни приключилось, но сегодня она не видела иного выхода. Со всех сторон ее окутал сумрак отчаяния, и нигде не было проблеска надежды. Аша зажгла лампу, положила тетрадь на колени и принялась за письмо, то и дело утирая слезы.

«Припадаю к твоим лотосоподобным стопам.

Тетя, сейчас у меня нет никого роднее тебя! Приезжай и обними несчастную — или я погибну. Что еще писать, не знаю. Тысячу раз почтительно склоняюсь к твоим ногам.

Любящая тебя Чунни».

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

Аннапурна тихо вошла в комнату Раджлокхи и низко поклонилась. Забыв о бывшей вражде, Раджлокхи обрадовалась, увидев Аннапурну. У нее было такое чувство, будто она вновь обрела утраченное богатство. Только сейчас она поняла, сколько горя и недоразумений вызвал отъезд Аннапурны. Раджлокхи давно желала ее возвращения, хотя не признавалась себе в этом, и теперь всем своим страдающим сердцем потянулась к старой подруге. До рождения Мохендро обе невестки жили, как сестры, делили радость и горе — они ехали в одной колеснице жизни, вместе скорбя об утратах.

Прошло много лет, Раджлокхи постигло горе. И вот в эти печальные дни неизменная участница ее детских забав, верная подруга юности снова вместе с ней. В памяти Раджлокхи всплыло все, что они пережили вместе. Где сейчас тот, ради которого она так грубо оттолкнула подругу?

Аннапурна села рядом с больной и, взяв ее руку в свою, сказала одно лишь слово:

— Дидди!

— Медж-боу! — едва слышно прошептала Раджлокхи. От волнения она, казалось, потеряла голос.

Из глаз ее хлынули слезы. Аша тоже не могла сдержаться и, выбежав в соседнюю комнату, опустилась на пол и расплакалась. Аннапурна не решалась спросить о Мохендро ни его мать, ни Ашу. В тот же день она вызвала к себе управляющего Шадхучорона.

— Где Мохин? — спросила его Аннапурна.

И управляющий рассказал ей все, что знал о своем господине и о Бинодини.

— А как поживает Бихари?

— Он давно не был у нас, что с ним, я не знаю.

— Сходи к нему домой и все разузнай, — приказала Аннапурна.

Вскоре управляющий вернулся; он сообщил, что Бихари дома не живет. Ему сказали, что господин уехал в Бали на берег Ганги.

Потом Аннапурна послала за доктором.

— У нее слабое сердце и к тому же водянка, — сказал доктор. — Смерть может наступить внезапно.

Вечером Раджлокхи стало хуже.

— Диди, я позову доктора, — предложила Аннапурна.

— Не падо, все равно он не поможет мне.

— Может быть, ты хотела бы видеть кого-нибудь?

— Я хотела бы, чтобы Бихари сообщили о моей болезни.

Сердце дрогнуло в груди Аннапурны. Она до сих пор страдала, вспоминая тот вечер, когда вдали, на чужбине, прогнала Бихари. Теперь он никогда не придет к ее дверям. Аннапурна уже не надеялась в этой жизни искупить свою вину перед Бихари.

Она поднялась в комнату Мохендро. Когда-то эта комната была самой радостной и светлой в доме. Но сейчас она выглядела заброшенной: постель в беспорядке, цветы в вазонах увяли — их никто не поливал.

Аша догадалась, что тетка прошла в комнату Мохендро, и тихо последовала за ней. Аннапурна прижала к груди молодую женщину и ласково поцеловала ее. Аша соскользнула на пол, обхватила руками ноги тетки и стала биться о них головой.

— Тетя, благословите меня, дайте мне силы, — говорила несчастная женщина. — Я никогда не думала, что человек может столько вынести. Как долго суждено мне страдать?

Аннапурпа опустилась на пол рядом с племянницей, положила ее голову к себе на колени, молитвенно сложила руки и мысленно обратилась к всевышнему.

Это безмолвное, исполненное любви благословение вселило в истрадавшееся сердце Аши покой. Она поверила, что теперь ее мечта сбудется. Всевышний может отнестись с пренебрежением к такой глупой женщине, как она, но мольбам Аннапурны он должен внять.

— Тетя,— сказала она с глубоким вздохом, обретя наконец уверенность и утешение,— напишите Бихари, чтобы он приехал.

— Писать не нужно.

— Как же сообщить ему?

— Завтра я с ним увижусь.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Во время своей поездки по западу Бихари понял, что не обретет спокойствия, пока не найдет себе какого-нибудь дела, и, вернувшись в Калькутту, решил посвятить себя заботам о бедных калькуттских чиновниках. Жизнь этих несчастных, обремененных огромными семьями, в мрачных жилищах среди узких переулков напоминала существование рыб, задыхающихся летом в грязной стоячей воде поросшего тиной пруда. Бихари был преисполнен жалости к этим беднякам благородного происхождения, вечно озабоченным, больным, с изможденными лицами. Он давно мечтал дать им возможность хоть немного подышать свежим воздухом на берегу Ганги, насладиться тенью рощ.

Бихари купил большой сад в Бали, нанял рабочих-китайцев и занялся постройкой маленьких домиков. Однако и это не принесло ему душевного покоя. Чем ближе становилась день открытия лечебницы, тем сильнее претило Бихари это занятие.

«Нет, это не принесет тебе счастья,— нашептывал ему тайный голос.— В том, что ты делаешь, нет ничего увлекательного, нет красоты, есть только долг». Никогда еще Бихари так сильно не разочаровывался в своей работе. А ведь было время, когда он не желал ничего особенного и с легкостью отдавался во власть всему новому, что встречалось на его жизненном пути. Однако теперь душа его жаждала чего-то иного, и он знал, что, пока не утолит этой жажды, ничто в мире не заинтересует его. За какое бы

дело Бихари ни взялся, оно тотчас ему надоедало, и, бросив все, он готов был бежать.

Прежде молодость дремала в Бихари. Но Бинодини волшебной палочкой разбудила ее. И теперь она, словно появившаяся на свет птица Гаруда, готова была рыскать по всему свету в поисках пищи. Ничего подобного Бихари раньше не испытывал. И это новое чувство страшило его. Что мог он сделать в таком состоянии для своих полунимских больных, безвременно умирающих калькуттских чинновников?

Перед ним несла свои по-осеннему набухшие воды Ганга месяца ашарх. На противоположном берегу зеленели рощи. Над ними нависли темные, тяжелые тучи. Река то вспыхивала огнем, то холодно сверкала, словно сталь меча. Бихари, как зачарованный, смотрел на осеннее великолепие природы, и ему казалось, что двери его сердца распахнулись навстречу одинокой женщине, появившейся в синем небе; ее густые волнистые волосы влажны и распущены по плечам, она пристально смотрит в лицо Бихари полным скорби и в то же время сияющим взглядом, и взгляд этот словно вобрал в себя рассеянные в осеннем облачном небе последние лучи солнца.

Прежде Бихари был доволен своей жизнью. Теперь ему казалось, что живет он напрасно. Сколько облачных вечеров, таких, как сегодня, сколько лунных ночей стучалось во врата его пустого сердца, предлагая чашу с нектаром, но он оставался равнодушным. Сколько редких счастливых мгновений ушло безвозвратно, сколько песен любви оборвалось! Но страстный порыв Бинодини, когда она губами коснулась его губ, вытеснил из сердца Бихари все остальные воспоминания, сделал их тусклыми. Зачем он всю жизнь был лишь тенью Мохендро? Теперь Бихари не хотел, да и не мог оставаться безразличным к звукам флейты, казалось, вырвавшимся из самого сердца вселенной, чтобы воспеть страдание любви. Разве был он в силах изгнать из души образ той, чьи объятия приоткрыли ему на мгновение удивительный, неповторимо прекрасный мир!

Любовь Бинодини заслонила собою все. День и ночь в ушах у него звучали страстные вздохи молодой женщины, он видел ее глаза, а стоило ему вспомнить о прикосновении нежных, горячих рук, как его трепещущее сердце, словно цветок, раскрывало свои лепестки.

Но почему он вдали от Бинодини? Может быть, потому, что Бихари не мог найти уз, которыми он связал бы

себя с Бинодини, уз, достойных той красоты, которую она ему открывала. Когда срывают лотос, за ним тянется и тина. Как поступить с Бинодини, чтобы красота ее не обернулась уродством?

Бихари не допускал и мысли, чтобы как-то бороться с Мохендро из-за Бинодини, это лишь унизило бы его светлое чувство к ней. Вот почему он удалился на пустынный берег Гавги, где воздвиг своей богине алтарь и сжигал на нем свое сердце. Он не написал ни одного письма, боясь, как бы ответное послание Бинодини не разорвало окутавшую его сеть радужных грез.

Однажды на рассвете Бихари расположился в южной части сада под цветущим деревом джам. День обещал быть пасмурным. Бихари лениво наблюдал за плывущими по Ганге лодками. Когда совсем рассвело, пришел слуга и спросил, готовить ли завтрак.

— Пока не надо, — ответил Бихари.

Потом появился подрядчик и попросил хозяина пойти осмотреть строительство.

— Успею еще, — отмахнулся Бихари.

И вдруг он увидел перед собой Аннапурну. Бихари вскочил на ноги, затем распростерся ниц, обнял ноги почтенной женщины, и, приветствуя ее, коснулся головой земли.

Аннапурна, благословляя Бихари, ласково дотронулась до его головы.

— Почему у тебя такой измученный вид, Бихари? — спросила Аннапурна со слезами в голосе.

— Я ждал, когда вы вернете мне свою любовь.

Слезы хлынули у нее из глаз.

— Вы завтракали? — забеспокоился Бихари.

— Нет еще.

— Пойдемте в дом, — предложил молодой человек. — Вы приготовите завтрак, и сегодня я наконец-то смогу полакомиться вашими прекрасными кушаньями.

Бихари не спрашивал ни об Аше, ни о Мохендро. Когда-то Аннапурна сама закрыла перед ним дверь в их дом; оскорбленный, он подчинился этому жестокому запрету.

— Лодка стоит у берега, — сказала Аннапурна, когда они кончили завтракать. — Мы едем в Калькутту немедленно.

— Зачем? — удивился Бихари.

— Мать Мохендро очень больна, она хочет видеть тебя.

Бихари вздрогнул.

— А где Мохин?

— Его нет в Калькутте. Он уехал на запад.

Бихари побледнел, но ничего не сказал.

— Тебе все известно? — спросила Аннапурна.

— Кое-что я знаю, но едва ли все.

Тогда Аннапурна рассказала Бихари, что Мохендро и Бинодини уехали вместе. Все померкло перед глазами Бихари. Земля, небо и весь окружающий мир уже не казались ему столь прекрасными. Сладость мечтаний уступила место горечи.

Бинодини разбила сокровищницу его грез.

«Значит, она играла со мной! — пронеслось у Бихари в голове. — Ее самоотверженная любовь была обманом; забыв стыд, она покинула деревню и уехала с Мохендро на запад. Будь она проклята! Пусть и на меня, глупца, падет проклятие за то, что я на мгновение поверил ей!»

Пасмурные вечера и лунные ночи месяца ашарх потеряли для Бихари свое прежнее очарование.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Бихари думал, что не найдет в себе сил встретиться с несчастной Ашей. Едва он вошел, печаль дома, который потерял своего хозяина, камнем легла ему на сердце. Увидев слуг, Бихари опустил голову. Он не мог, как прежде, держаться с ними свободно, не мог даже справиться об их здоровье — ему было очень стыдно за безумство Мохендро. Еще тяжелее было идти на женскую половину дома к униженной и страдающей Аше. Мохендро перед всем миром покрыл позором эту беззащитную женщину, сорвал покрывало и оставил ее одну под любопытными и полными оскорбительного сочувствия взглядами чужих людей.

Но времени раздумывать не было. Едва Бихари вошел, как Аша бросилась к нему.

— Бихари! — воскликнула она. — Идите скорее, матери очень плохо!

Так прямо Аша впервые обратилась к нему. Поток горя увлекает за собой все, что встречает на своем пути; и неожиданно два человека, находившиеся вдали друг от друга, оказываются вместе на крохотном участке суши.

Бихари стало больно, когда он увидел эту новую для него Ашу; она говорила взволнованно, но без тени смуще-

ния. Только теперь Бихари почувствовал, какой удар нанес Мохендро своей семье. Заброшенный дом утратил свой былой уют, а сама хозяйка — очарование скромности. Ей некогда было думать теперь о таких пустяках, как правила хорошего тона.

Бихари вошел в комнату Раджлокхи. У большой только что кончился приступ удушья, и она была очень бледна.

После того как Бихари приветствовал ее, почтенная женщина жестом пригласила его сесть рядом.

— Как поживаешь? — медленно, с трудом проговорила Раджлокхи. — Давно я тебя не видела.

— Почему мне не сообщить, что вы больны? Я бы сразу приехал.

— Знаю, милый мой! — ласково отвечала Раджлокхи. — Хотя я и не носила тебя в утробе, но ближе тебя у меня нет никого. — Из глаз ее хлынули слезы.

Бихари был глубоко взволнован, но, чтобы не выдать своих чувств, сделал вид, что его заинтересовали этикетки на пузырьках с лекарствами, отошел к полке и стал их рассматривать. Справившись с волнением, он снова подошел к постели больной и взял ее руку, чтобы проверить пульс.

— Не надо, — остановила его Раджлокхи. — Скажи лучше, почему ты так похудел?

Раджлокхи сухой рукой ласково погладила его по щеке.

— А я и не поправлюсь, пока не поем вдоволь рыбного супа, который вы так хорошо готовите, — пошутил Бихари. — Скорее выздоравливайте, а я пока буду поддерживать огонь в очаге.

Раджлокхи слабо улыбнулась.

— Да, милый, огонь скоро попадобится, но не для этого! — И, сжав его руку, она добавила: — Бихари, женись, жена будет ухаживать за тобой. Сестра, — обратилась она к Аннапурне, — ты должна женить его, посмотри, на кого он стал похож.

— Сама поскорее поднимайся с постели, — ответила Аннапурна. — Выбрать невесту — дело твое, а мы все повеселимся на свадьбе.

— У меня осталось мало времени, дорогая, — возразила Раджлокхи. — Я передаю заботу о Бихари тебе. Сделай его счастливым. Я оказалась не в силах отдать свой долг Бихари, но всевышний не оставит его. — Раджлокхи нежно провела рукой по волосам молодого человека.

Больше Аша не могла сдерживать своих чувств; чтобы не разрыдаться на глазах у всех, она выбежала из комнаты. Аннапурна сквозь слезы с любовью смотрела на Бихари.

— Невестка,— позвала вдруг Раджлокхи, вспомнив о чем-то.

Аша вернулась.

— Нужно накормить Бихари. Распорядись.

— Все давно знают, что твой сын обжора,— вмешался Бихари.— Входя в дом, я видел, как Бами тащила на кухню корзину с огромной рыбой, и сразу понял, что здесь еще помнят меня.

Смеясь, Бихари взглянул на Ашу.

Аша не смутилась, как это бывало прежде, а нежно улыбнулась в ответ на его шутку. Молодая женщина по понимала раньше, как много значит Бихари для их семьи. Долгое время она видела в нем чужого человека и отпосилась к нему с открытой неприязнью. Теперь Аша раскаявалась в этом и всячески старалась выказать ему уважение и любовь.

— Сестра,— обратилась Раджлокхи к Аннапурне,— тебе самой придется пойти на кухню. Ведь брахман-повар не знает, как сделать еду достаточно острой для этого жителя Восточной Бенгалии.

— Но ведь ваша мать родом из Бикрампуре,— возразил Бихари,— почему же вы человека из округа Нодия называете жителем Восточной Бенгалии? Я не потерплю такого оскорбления.

В этот день много шутили, в доме давно уже не было так весело.

Но никто ни разу не упомянул даже имени Мохендро. Прежде Раджлокхи говорила с Бихари только о сыне. И за это Мохендро часто поддразнивал мать. Сегодня же Раджлокхи не вспомнила о сыне, чем немало озадачила Бихари. Когда больная задремала, он вышел из комнаты.

— Она серьезно больна,— сказал Бихари Аннапурне, стоявшей у окна.

— Да. Это несомненно.

Несколько минут они молчали, погруженные в невеселые думы.

— Бихари,— первой нарушила молчание Аннапурна,— нужно вызвать Мохендро. Откладывать нельзя.

— Я сделаю все, что вы прикажете,— ответил Бихари после паузы.— Но кто знает, где он?

— Никто, придется искать. Я хочу сказать тебе еще

кое-что. Взгляни на Ашу. Если ты не сумеешь вырвать Мохендро из рук Бинодини, Аша не переживет этого. По лицу бедняжки видно, что смерть стоит у нее за спиной.

«О всевышний! Мне надо спасти других,— горько усмехнулся про себя Бихари,— по кто спасет меня?»

— Разве я волшебник, тетя? — сказал он вслух. — Как могу я навсегда вырвать Мохендро из-под власти Бинодини? Возможно, болезнь матери на некоторое время образумит его. Но я не могу ручаться, что потом он снова не убежит к своей возлюбленной.

В комнату, набросив на голову край сари, тихо вошла Аша и села у ног Аннапурны. Она знала, что Бихари ведет разговор с теткой о Раджлукхи, и пришла послушать его советы. Увидев на лице Аши выражение огромного безмолвного горя, молодой человек преисполнился к ней еще большего уважения. Эта безгранично преданная мужу женщина, погрузившись в священные воды реки страдания, обрела то непоколебимое достоинство, которым обладали только героини древности. Безысходное горе сделало Ашу равной тем верным женам, о которых сложены легенды.

Бихари сказал Аше, какая диета нужна Раджлукхи и какие ей давать лекарства. Потом, когда Аша ушла, он, глубоко вздохнув, произнес:

— Я спасу Мохендро!

Бихари отправился в банк, где у Мохендро был счет, и там узнал, что всего несколько дней назад Мохендро вел расчеты с отделением бавка в Аллахабаде.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Когда Бинодини села в вагон третьего класса, Мохендро удивился:

— Почему ты решила ехать в третьем классе? Поезжай во втором. Я куплю тебе билет.

— Не нужно. Мне и здесь хорошо.

Мохендро недоумевал. Бинодини всегда любила удобства и терпеть не могла бедности. Она стыдилась своей семьи, которая жила в нищете. Мохендро знал, что достаток в его доме, дорогая мебель и то, что семья их слыла состоятельной,— все это когда-то привлекало Бинодини. Мысль о том, что она может стать обладательницей всей этой роскоши, была очень заманчива и волновала молодую женщину. Почему же сейчас, когда Мохендро в ее власти,

когда она может распоряжаться его деньгами и удовлетворять любую свою прихоть, Бинодини с таким равнодушием и даже высокомерием терпит унижительные для нее трудности и даже лишения? А объяснялось это просто: любыми средствами стремилась она сохранить свою свободу. Она не хотела быть обязанной человеку, который своим безумным порывом лишил ее места в обществе. Это могло лишь ускорить ее падение. Пока Бинодини жила в доме Мохендро, она не подвергала себя лишениям, как это полагалось вдове, теперь же она во многом стала себе отказывать; ела раз в день, носила грубое, простое сари. Исчезло ее неенссыкаемое остроумие. Пропала присущая ей живость. Бинодини стала такой скрытной, далекой и угрюмой, что у Мохендро порой не хватало смелости обратиться к ней с самым простым словом. Он удивлялся, беспокоился, злился и ломал себе голову, пытаясь понять Бинодини. «Для чего она потратила столько усилий, стремясь завладеть мной? Неужели только для того, чтобы сорвать недосыгаемый плод с высокой ветки и, даже не попробовав его, бросить на землю?»

— Куда брать билет? — спросил Мохендро.

— Мы сойдем утром на первой же остановке, — ответила Бинодини.

Мохендро не очень привлекало такое путешествие. Он с трудом мирился с неудобствами и чувствовал себя превосходно лишь в больших городах, где всегда можно найти хорошее жилье. Он не принадлежал к тем людям, которые сами могут о себе позаботиться. Поэтому Мохендро сел в поезд, негодуя и злясь в душе. К тому же он опасался, что Бинодини, не предупредив его, сойдет одна на какой-нибудь станции. Она ехала в вагоне для женщин.

Так Бинодини, словно блуждающая звезда, переезжала с места на место, не давая Мохендро ни минуты покоя. Она обладала талантом очень быстро заводить друзей. Бинодини легко сходилась со своими попутчиками, от них узнавала о тех местах, где ей хотелось бы задержаться; сама выбирала гостиницы, вместе со своими новыми знакомыми осматривала достопримечательности. Мохендро видел, что Бинодини совсем не нуждается в нем, с каждым днем он все ниже падал в ее глазах. В обязанности его входило только покупать билеты. Остальное время он проводил в одиночестве, наедине со своими переживаниями.

Первые дни Мохендро старался повсюду сопровождать Бинодини, потом ему это надоело, и, пока Бинодини ходи-

кое-что. Взгляни на Ашу. Если ты не сумеешь вырвать Мохендро из рук Бинодини, Аша не переживет этого. По лицу бедняжки видно, что смерть стоит у нее за спиной.

«О всевышний! Мне надо спасти других,— горько усмехнулся про себя Бихари,— но кто спасет меня?»

— Разве я волшебник, тетя? — сказал он вслух. — Как могу я навсегда вырвать Мохендро из-под власти Бинодини? Возможно, болезнь матери на некоторое время образумит его. Но я не могу ручаться, что потом он снова не сбежит к своей возлюбленной.

В комнату, набросив на голову край сари, тихо вошла Аша и села у ног Аннапурны. Она знала, что Бихари ведет разговор с теткой о Раджлокхи, и пришла послушать его советы. Увидев на лице Аши выражение огромного безмолвного горя, молодой человек преисполнился к ней еще большего уважения. Эта безграпично преданная мужу женщина, погрузившись в священные воды реки страдания, обрела то непоколебимое достоинство, которым обладали только героини древности. Безысходное горе сделало Ашу равной тем верным женам, о которых сложены легенды.

Бихари сказал Аше, какая диета лужиа Раджлокхи и какие ей давать лекарства. Потом, когда Аша ушла, он, глубоко вздохнув, произнес:

— Я спасу Мохендро!

Бихари отправился в банк, где у Мохендро был счет, и там узнал, что всего несколько дней назад Мохендро вел расчеты с отделением банка в Аллахабаде.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Когда Бинодини села в вагон третьего класса, Мохендро удивился:

— Почему ты решила ехать в третьем классе? Поезжай во втором. Я куплю тебе билет.

— Не нужно. Мне и здесь хорошо.

Мохендро недоумевал. Бинодини всегда любила удобства и терпеть не могла бедности. Она стыдилась своей семьи, которая жила в нищете. Мохендро знал, что достаток в его доме, дорогая мебель и то, что семья их слыла состоятельной, — все это когда-то привлекало Бинодини. Мысль о том, что она может стать обладательницей всей этой роскоши, была очень заманчива и волновала молодую женщину. Почему же сейчас, когда Мохендро в ее власти,

когда она может распоряжаться его деньгами и удовлетворять любую свою прихоть, Бинодини с таким равнодушием и даже высокомерием терпит унижительные для нее трудности и даже лишения? А объяснялось это просто: любыми средствами стремилась она сохранить свою свободу. Она не хотела быть обязанной человеку, который своим безумным порывом лишил ее места в обществе. Это могло лишь ускорить ее падение. Пока Бинодини жила в доме Мохендро, она не подвергала себя лишениям, как это полагалось вдове, теперь же она во многом стала себе отказывать; ела раз в день, носила грубое, простое сари. Исчезло ее неиссякаемое остроумие. Пропала присущая ей живость. Бинодини стала такой скрытной, далекой и угрюмой, что у Мохендро порой не хватало смелости обратиться к ней с самым простым словом. Он удивлялся, беспокоился, злился и ломал себе голову, пытаясь понять Бинодини. «Для чего она потратила столько усилий, стремясь завладеть мной? Неужели только для того, чтобы сорвать недостижимый плод с высокой ветки и, даже не попробовав его, бросить на землю?»

— Куда брать билет? — спросил Мохендро.

— Мы сойдем утром на первой же остановке, — ответила Бинодини.

Мохендро не очень привлекало такое путешествие. Он с трудом мирился с неудобствами и чувствовал себя превосходно лишь в больших городах, где всегда можно найти хорошее жилье. Он не принадлежал к тем людям, которые сами могут о себе позаботиться. Поэтому Мохендро сел в поезд, негодуя и злясь в душе. К тому же он опасался, что Бинодини, не предупредив его, сойдет одна на какой-нибудь станции. Она ехала в вагоне для женщин.

Так Бинодини, словно блуждающая звезда, переезжала с места на место, не давая Мохендро ни минуты покоя. Она обладала талантом очень быстро заводить друзей. Бинодини легко сходилась со своими попутчицами, от них узнавала о тех местах, где ей хотелось бы задержаться; сама выбирала гостиницы, вместе со своими новыми знакомыми осматривала достопримечательности. Мохендро видел, что Бинодини совсем не нуждается в нем, с каждым днем он все ниже падал в ее глазах. В обязанности его входило только покупать билеты. Остальное время он проводил в одиночестве, паедине со своими переживаниями.

Первые дни Мохендро старался повсюду сопровождать Бинодини; потом ему это надоело, и, пока Бинодини ходи-

все ее тело. Ей так и не удалось узнать, где теперь Бихари. Может быть, он еще вернется? Сторожу ничего не было известно, но он обещал расспросить хозяина.

Приехал Мохендро. Хозяин разрешил им поселиться в доме, и Мохендро уплатил вперед.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

С давних времен слег Гималаев питает Джампу, а поэты черпают свое вдохновение в ее бессмертных водах. Сколько стихотворных ритмов подсказал им шум Джамны, трепет скольких сердец хранит бег ее волн!

Мохендро сидел на берегу весь во власти любовного томления, его взгляд был затуманен, нервы напряжены, дыхание прерывисто. Золотая ви́на заходящего солнца, казалось, выводила в небе грустную мелодию.

К прибрежной песчаной полосе, игравшей яркими красками вечерней зари, осторожно подкрадывалась темнота. Полузакрыв глаза, Мохендро мысленно перенесся в мир поэм: вот, вздымая на дороге пыль, возвращаются с лугов Вриндавапа коровы, Мохендро даже слышалось их мычание.

Небо затянули дождевые тучи. Темнота в незнакомых окрестностях — это не просто черное покрывало земли, она полна прекрасной таинственности, неясные проблески света будто шепчут что-то на языке, не имеющем слов. Бледная полоска противоположного песчаного берега, темная синева спокойных вод реки, раскидистые, застывшие деревья ним, извилистая линия пустынного берега, на котором в одиночестве сидел Мохендро, — все в сумеречном свете приняло неясные, загадочные очертания, и молодой человек поддался очарованию окружающей природы.

Ему почему-то вспомнилась девушка из вишнунтских стихов. Она пришла на свидание и в одиночестве стоит у Джамны. Как ей переправиться на другой берег? Одна строка стихотворения особенно запомнилась Мохендро и теперь все время звучала в его сердце: «О лодочник, перевези меня на другой берег!»

Девушка далеко, на противоположном берегу, ее скрывает темнота, но Мохендро ясно видит ее. У нее нет возраста, она вне времени, это бессмертная пастушка, которая явилась теперь на свет в облике Бинодини. Воспетая в стольких песнях, она пережила века и принесла с собой

неувядаемую юность, печаль и страдания любви. И вот она стоит здесь, на прибрежном песчаном откосе, и голос ее несется к небу: «О лодочник, перевези меня на другой берег!» Так, вечно, стоит она в темноте, зовет лодочника: «О, перевези меня на другой берег!»

Луна выглянула из-за туч. Все вокруг изменилось словно по волшебству. Не было больше прозаических обязанностей, время остановило свой бег, стерлись воспоминания о прошлом, не существовало будущего, полного забот, осталась только Джампа, несущая свои серебряные воды, да Мохендро с Бинодини на разных берегах.

Волшебная ночь лишила Мохендро рассудка. Он и мысли не допускал, что сегодня Бинодини сможет прогнать его. В лунную ночь, здесь, в этом пустынном уголке рая, она предстала перед ним в образе богини Лакшми. Мохендро встал и направился к дому.

Когда он вошел в спальню Бинодини, на него повеяло ароматом цветов. Лунный свет из открытого окна и дверей лился на белоснежную постель. Бинодини сплела гирлянды из цветов, украсила ими волосы, обвила их вокруг шеи и стана и так, украшенная цветами, лежала на постели. В этот момент она походила на расцветшую весной лиану.

Мохендро потерял власть над собой.

— Бинод,— его голос прерывался от волнения,— я думал, ты придешь на берег, но луна шепнула мне, что ты ждешь меня здесь. И я пришел!

Мохендро хотел сесть на постель рядом с Бинодини, но она испуганно приподнялась и, указывая рукой на дверь, крикнула:

— Уходи вон! Не смей подходить ко мне!

Ладья чувств Мохендро села на мель. Он замер и долго не мог вымолвить ни слова. Тогда Бинодини, опасаясь, что Мохендро нарушит ее приказ, вскочила с постели.

— Кого ты ждешь? Для кого нарядилась? — спросил наконец Мохендро.

— Того, кто у меня в сердце,— ответила Бинодини, прижимая руки к груди.

— Кто он? Бихари?

— Не смей произносить его имени!

— Значит, ради него ты бродишь по стране, едишь с места на место?

— Да!

— И его ты ждешь здесь?

— Да, его!

все ее тело. Ей так и не удалось узнать, где теперь Бихари. Может быть, он еще вернется? Сторожу ничего не было известно, но он обещал расспросить хозяина.

Приехал Мохендро. Хозяин разрешил им поселиться в доме, и Мохендро уплатил вперед.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

С давних времен снег Гималаев питает Джамну, а поэты черпают свое вдохновение в ее бессмертных водах. Сколько стихотворных ритмов подсказал им шум Джамны, трепет скольких сердец хранит бег ее волн!

Мохендро сидел на берегу весь во власти любовного томления, его взгляд был затуманен, нервы напряжены, дыхание прерывисто. Золотая вина заходящего солнца, казалось, выводила в небе грустную мелодию.

К прибрежной песчаной полосе, игравшей яркими красками вечерней зари, осторожно подкрадывалась темнота. Полузакрыв глаза, Мохендро мысленно перенесся в мир поэм: вот, вздымая на дороге пыль, возвращаются с лугов Вриндавана коровы, Мохендро даже слышалось их мычание.

Небо затянули дождевые тучи. Темнота в незнакомых окрестностях — это не просто черное покрывало земли, она полна прекрасной таинственности, неясные проблески света будто шепчут что-то на языке, не имеющем слов. Бледная полоска противоположного песчаного берега, темная сплева спокойных вод реки, раскидистые, застывшие деревья ипм, извилистая линия пустынного берега, на котором в одиночестве сидел Мохендро, — все в сумеречном свете приняло неясные, загадочные очертания, и молодой человек поддался очарованию окружающей природы.

Ему почему-то вспомнилась девушка из вишнунтских стихов. Она пришла на свидание и в одиночестве стоит у Джамны. Как ей переправиться на другой берег? Одна строка стихотворения особенно запомнилась Мохендро и теперь все время звучала в его сердце: «О лодочник, перепеши меня на другой берег!»

Девушка далеко, на противоположном берегу, ее скрывает темнота, но Мохендро ясно видит ее. У нее нет возраста, она вне времени, это бессмертная пастушка, которая явилась теперь на свет в облике Биподини. Воспетая в стольких песнях, она пережила века и принесла с собой

несуемую юность, печаль и страдания любви. И вот она стоит здесь, на прибрежном песчаном откосе, и голос ее несется к небу: «О лодочник, перевези меня на другой берег!» Так, вечно, стоит она в темноте, зовет лодочника: «О, перевези меня на другой берег!»

Луна выглянула из-за туч. Все вокруг изменилось словно по волшебству. Не было больше прозаических обязанностей, время остановило свой бег, стерлись воспоминания о прошлом, не существовало будущего, полного забот, осталась только Джампа, несущая свои серебряные воды, да Мохендро с Бинодини на разных берегах.

Волшебная почва лишила Мохендро рассудка. Он и мысли не допускал, что сегодня Бинодини сможет прогнать его. В лунную ночь, здесь, в этом пустынном уголке рая, она предстала перед ним в образе богини Лакшми. Мохендро встал и направился к дому.

Когда он вошел в спальню Бинодини, на него повеяло ароматом цветов. Лунный свет из открытого окна и дверей лился на белоснежную постель. Бинодини сплела гирлянды из цветов, украсила ими волосы, обвила их вокруг шеи и стана и так, украшенная цветами, лежала на постели. В этот момент она походила на расцветшую весной лиану.

Мохендро потерял власть над собой.

— Бинод,— его голос прерывался от волнения,— я думал, ты придишь на берег, но луна шепнула мне, что ты ждешь меня здесь. И я пришел!

Мохендро хотел сесть на постель рядом с Бинодини, но она испуганно приподнялась и, указывая рукой на дверь, крикнула:

— Уходи вон! Не смей подходить ко мне!

Ладея чувств Мохендро села на мель. Он замер и долго не мог вымолвить ни слова. Тогда Бинодини, опасаясь, что Мохендро нарушит ее приказ, вскочила с постели.

— Кого ты ждешь? Для кого нарядилась? — спросил наконец Мохендро.

— Того, кто у меня в сердце,— ответила Бинодини, прижимая руки к груди.

— Кто он? Бихари?

— Не смей произносить его имени!

— Значит, ради него ты бродишь по стране, едешь с места на место?

— Да!

— И его ты ждешь здесь?

— Да, его!

— Ты знаешь, где он?
— Пока нет, но скоро узнаю.
— Я не допущу этого.
— Но ты не сможешь вырвать Бихари из моего сердца! — Бинодини закрыла глаза, словно прислушиваясь к биению своего сердца, в котором царил один Бихари.

Никогда еще Мохендро не влекло к Бинодини с такой силой, как сегодня. Отвергнутый ею, он был страшен в гнев.

— Я ножом вырежу Бихари из твоего сердца! — воскликнул он, сжимая кулаки.

— Твой нож скорее, чем твоя любовь, пойдет дорогу к моему сердцу, — не дрогнув, ответила Бинодини.

— Почему ты не боишься меня? Кто защитит тебя здесь?

— Ты сам защитник. Ты охраняешь меня от самого себя, — спокойно ответила молодая женщина.

— Ты по-прежнему доверяешь мне?

— Иначе я не поехала бы с тобой. Скорее наложила бы на себя руки.

— Почему же ты не умрешь! — воскликнул Мохендро. — Зачем, затянув петлю доверия на моей шее, таскаешь меня за собой? Твоя смерть принесла бы многим счастье.

— Знаю. Но я не умру, пока у меня есть надежда встретить Бихари!

— Пока ты жива, не умрет и моя надежда и я не обрету свободы. Отныне я всей душой буду молить всевышнего послать тебе смерть. Ты не будешь принадлежать мне, но и Бихари не достанешься. Уйди из моей жизни, дай мне свободу! Моя мать плачет, жена страдает. Их слезы жгут мне сердце даже на расстоянии. Но пока ты жива, я не в силах осушить их слезы!

Мохендро выбежал из комнаты. Волшебная сеть, которую соткала вокруг себя Бинодини, порвалась. Молодая женщина задумчиво смотрела в окно. Куда исчезла сказочная прелесть лунной ночи? Теперь и сад с его клумбами, и темные воды реки, и едва различимый противоположный берег казались такими тусклыми и безжизненными, будто кто-то небрежной рукой нарисовал их на листе бумаги.

Бинодини испугалась, когда поняла, какую страсть пробудила в Мохендро; она, словно ураган, выдергивающий с корнем деревья, вырвала его из привычного уклада жизни. Но если она обладает такой силой, почему Бихари

остаётся непоколебимым, — ведь даже океан под воздействием луны знает приливы и отливы! Зачем в её душу врываются лишь стенания ненужной ей любви? Ведь они мешают ей выплакать её собственное горе. А оно разрывает её грудь — как жить ей теперь с этой непереносимой болью? Как успокоить измученное сердце?

Бинодини разорвала гирлянды, их осквернил печный взгляд Мохендро. Все её упорство, все усилия и вся жизнь были бессмысленны, так же как и этот лес, лунный свет, Джамна и весь невыразимо прекрасный мир.

Ничто вокруг не изменилось, всё осталось на своём месте. Завтра снова взойдёт солнце. Новый день будет похож на предыдущий, и Бихари где-то вдали от неё будет так же невозмутимо читать книгу своему маленькому воспитаннику.

На глазах у Бинодини показались слезы. Все свои силы она потратила на то, чтобы сдвинуть с места скалу. Сердце её обливалось кровью, но что делать! Судьбу, видно, не изменишь.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Всю ночь Мохендро провел без сна и только на рассвете, совершенно разбитый, забылся. Часов в девять он проснулся и привстал на постели. Сон не принес Мохендро облегчения. Он вспомнил все, что произошло ночью, и снова ощутил сердечную муку. Жизнь и мир в лучах утреннего солнца не радовали измученного бессонницей Мохендро. Во имя чего ушел он из семьи, во имя чего отрекся от веры? Зачем променял свою спокойную жизнь на все эти безумства? В это солнечное, но лишенное радости утро Мохендро почувствовал, что больше не любит Бинодини. Он смотрел на пробуждающийся мир и думал, как глупо погрязнуть в омуте собственного тщеславия, растратить жизнь на праздное существование у ног отвергнувшей его женщины! Возбуждение сменила усталость. Утомленное сердце жаждало хоть ненадолго освободиться от собственных желаний.

Отхлынувшие чувства оставляют мутный осадок, и страсть уступает место отвращению. Мохендро было непонятно, как мог он так унижить себя.

«Я во всем лучше Бинодини, — говорил он себе. — Зачем же я терплю унижения и оскорбления, словно презренный нищий, зачем хожу за ней по пятам? Какой дья-

пол вселил в меня такое безумие?» Бинодини больше не казалась Мохендро необыкновенной женщиной, она была такой, как и все. Прежде он наделил ее красотой вселенной, очарованием и блеском поэм и сказок, теперь волшебная пелена спала с его глаз. Перед ним была просто женщина.

Как только Мохендро освободился от проклятых чар, ему страстно захотелось домой. Там покой, там его любят. Очутиться в кругу семьи казалось ему сейчас недостижимым счастьем. Только теперь оценил он давнюю и бескорыстную дружбу Бихари.

«Мы не умеем ценить величие того, что достается нам без всякого труда и стараний, как бы прекрасно и неизменно оно ни было,— думал Мохендро.— За тем же, что переменчиво и ложно, мы гонимся, как за самым желанным, хоть в обладании им нет и намека на истинное счастье. Сегодня же я возвращаюсь домой,— решил Мохендро.— Помогу Бинодини устроиться, пусть живет где хочет, и обрету свободу!» Он громко повторил вслух: «Обрету свободу!» Сердце его радостно забило, и на душе, истерзанной сомнениями, стало легче. За последнее время Мохендро совершенно измучился, он никак не мог решить, чего он хочет. То вдруг он начинал стремиться к тому, что вначале казалось совсем нежеланным. То вопреки собственной воле заблуждался. Но сейчас, когда он решительно заявил «обрету свободу», на его душу снизошел мир, и Мохендро вздохнул с облегчением.

Он быстро встал, умылся и пошел к Бинодини. Дверь в спальню была закрыта. Он постучал.

— Ты спишь?

— Нет. Оставь меня в покое!

— Я должен сказать тебе одну важную вещь, я не задержусь у тебя.

— Не желаю ничего слушать. Уйди, не выводи меня из терпения. Я хочу побыть одна.

В другое время такой отпор лишь увеличил бы настойчивость Мохендро. Но сегодня он почувствовал только презрение.

«Я так пресмыкался перед этой женщиной,— с горечью подумал Мохендро,— что она, пожалуй, вправе гнать меня. А ведь никаких законных прав на меня у Бинодини нет. Я сам виноват в том, что она так вознеслась». После всех унижений, которые он перенес, Мохендро пытался убедить себя в превосходстве над Бинодини.

«Я одержу победу! — говорил он себе. — И разорву цепи, которыми она опутала меня!»

Позавтракав, Мохендро уехал в банк за деньгами. Потом он долго бродил по лавкам Аллахабада, выбирая подарки для Аши и матери.

Вскоре Бинодини снова услышала стук. Молодая женщина, раздосадованная настойчивостью Мохендро, ничего не ответила. Когда же снова раздался стук, Бинодини, вспыхнув, с силой распахнула дверь.

— Что тебе надо от меня?! — начала она, но тут же умолкла... Перед ней стоял Бихари.

Чтобы узнать, там ли Мохендро, Бихари заглянул в комнату и увидел разбросанные по всей спальне увядшие цветы. Отвращение сжало ему сердце. Пока Бихари жил в Бали, его все время мучила мысль о том, что делает Бинодини, как она живет. Но образ очаровательной женщины побеждал все сомнения. Когда же Бихари приблизился к дому, где теперь жила его возлюбленная, и вошел в сад, сердце его дрогнуло, словно предчувствуя, что всем его мечтам будет нанесен удар. Увидев Бинодини в дверях спальни, Бихари ни в чем больше не сомневался.

До встречи с Бинодини Бихари казалось, что поток его любви в силах смыть всю грязь ее жизни. Теперь он убедился в том, что это невозможно. Волна ненависти, захлестнувшая Бихари, унесла с собой сострадание, которое притаилось где-то в глубине его души. Бинодини показалась ему оскверненной.

Бихари отвернулся от нее и позвал Мохендро.

— Мохендро нет дома, — сказала Бинодини, — он в городе.

Она говорила тихо и ласково, даже виду не подала, что поведение Бихари оскорбило ее.

Бихари хотел уйти, но Бинодини остановила его:

— Умоляю тебя, останься ненадолго.

Бихари дал себе слово сейчас же уйти от этой презренной женщины и не внимать никаким ее просьбам, но нежный, исполненный мольбы голос оказал свое действие — Бихари не ушел.

— Если ты снова оттолкнешь меня, — продолжала Бинодини, — клянусь, я не переживу этого!

— Зачем ты все время стараешься связать мою жизнь с твоей? — спросил Бихари. — Что я сделал тебе? Я никогда не стоял на твоём пути, никогда тебе не мешал.

— Я ведь говорила тебе, какую власть ты имеешь надо мной, но ты не поверил. Ты равнодушен ко мне, я знаю, и все же снова повторяю, что твоя власть надо мной безгранична. Ты не даешь мне быть робкой, не даешь без слов выразить свои чувства. Ты оттолкнул меня, и вот у ног твоих...

— Не смей так говорить! — прервал ее Бихари. — Я все равно не поверю.

— Пусть не верят пизкие люди, но ты должен поверить! — воскликнула Бинодини. — Прошу тебя — не уходи!

— Поверю я или нет, от этого ничто не изменится. Твоя жизнь будет такой же, как и сейчас.

— Знаю, тебе все равно. Я не имею права, мне не суждено стоять рядом с тобой и высоко держать голову. Я должна находиться вдали от тебя. Но страстно молю об одном — где бы я ни была, вспоминай обо мне с нежностью. Помню, когда-то ты уважал меня немного, — это единственное, что я ценю в своей жизни. Так выслушай же меня. Остайся, умоляю...

— Хорошо, — согласился Бихари и хотел пройти в соседнюю комнату.

— Ты ошибаешься, — сказала Бинодини, — позор не коснулся моей спальни. Когда-то ты жил в этой комнате, и я как святыню почитаю ее. Все эти цветы, которые теперь увяли, я собирала для тебя. Ты должен сюда войти.

Волнуясь, Бихари переступил порог спальни. Бинодини велела ему сесть на кровать, а сама опустилась на пол у его ног. Бихари растерялся.

— Сиди, не обижай меня, — сказала Бинодини, когда Бихари хотел подняться. — Я не достойна быть у твоих ног, но будь снисходителен ко мне. Я навсегда запомню это счастливое мгновение. — Несколько секунд Бинодини молчала, потом, неожиданно спохватившись, спросила: — Ты не голоден?

— Я поел на вокзале.

— Почему ты не ответил на письмо, которое я послала тебе из деревни, а распечатал его и вернул через Мохендро?

— Я не получал никакого письма!

— Ты не виделся с Мохендро в Калькутте? — удивилась Бинодини.

— Я виделся с Мохендро на следующий день после твоего отъезда в деревню, а потом сразу же уехал, и больше мы с ним не встречались.

— А до этого ты не отсылал мне моего письма, так и не распечатав его?

— Я не делал ничего подобного!

Бинодини замерла.

— Теперь мне все понятно, — вздохнула она после долгой паузы. — Постараюсь объяснить тебе. Поверишь — возблагодарю судьбу, не поверишь — не стану винить тебя. Понимаю, верить мне трудно.

Сердце Бихари смягчилось. Он не мог отвергнуть эту новую Бинодини, безропотную и такую преданную.

— Не нужно ничего говорить, — сказал Бихари. — Я верю. И не могу презирать тебя. Ничего не рассказывай.

Рыдая, Бинодини почтительно коснулась его ног.

— Мне станет легче, если я расскажу тебе все. Наберись терпения. Я подчинилась твоему приказу и уехала в деревню. Даже если бы ты не прислал мне ни одного письма, я провела бы в глуши остаток своей жизни, покорно снося насмешки и оскорбления соседей. От тебя я готова была принять все — и любовь, и наказание. Но бог судил другое. Человек, которого я невольно ввела в искушение, не оставил меня в покое. Он приехал за мной. Все видели его у дверей моего дома. Опозоренная, я не могла больше оставаться в деревне. Мне нужен был твой совет. Я искала тебя везде, но тщетно. Мохендро обманул меня, он принес мне из твоего дома мое письмо, которое было вскрыто. Я решила, что ты отвернулся от меня. Я была на краю гибели. Но ты так благороден, что даже на расстоянии защитил меня. Я осталась чиста, твой образ, запечатленный в моем сердце, охранял меня. Однажды ты меня оттолкнул, и я увидела, что ты можешь быть жестоким, быть твердым, как золото, как драгоценный камень. Таким я тебя и запомнила. Но благодаря тебе и к себе стала ценить и теперь здесь, у твоих ног, говорю тебе: я не уронила своей чести.

Бинодини умолкла. Бихари тоже не произносил ни слова. День угасал.

Вдруг на пороге появился Мохендро. Увидев Бихари, он вздрогнул. Ревность вытеснила из его сердца равнодушие. Самолюбие его было глубоко задето, когда он увидел Бинодини сидящей у ног Бихари. Он не сомневался, что она и Бихари переписывались и условились об этой встрече. Мохендро понимал, что теперь, когда Бихари, так долго отвергавший Бинодини, склонился перед ней, ему, Мохендро, не удержать ее. Он мог покинуть Бинодини, но

уступить ее другому было выше его сил. Он понял это теперь, когда увидел Бихари рядом с Бинодини.

— Стоило мне уйти со сцены, как появился Бихари, — зло заметил Мохендро. — Комедия разыграна прекрасно! Даже хочется аплодировать. Но, надеюсь, это последний акт.

Кровь прилила к лицу Бинодини. Она принимала помощь Мохендро и не смела ответить на его оскорбление. Она умоляюще взглянула на Бихари. Тот медленно встал со своего места и, подойдя к Мохендро, сказал:

— Ты не имеешь права оскорблять Бинодини, ты ведешь себя как трус. И если совесть позволяет тебе поступать подобным образом, то я не допущу этого!

— Ты что, уже получил все полномочия? Давай же отныне называть тебя Бинод-Бихари.

Видя, что Мохендро не унимается, Бихари схватил его за руку.

— Я женюсь на Бинодини. Предупреждаю тебя, выбирай слова.

Мохендро замер от неожиданности. Бинодини вздрогнула, вся кровь прилила к ее сердцу.

— Кроме того, я должен сообщить тебе, что твоя мать при смерти, — продолжал Бихари, — надежды нет. Сегодня же вечером я возвращаюсь в Калькутту, Бинодини едет со мной.

— Тетя больна? — тревожно спросила Бинодини.

— Да, положение ее серьезно, что будет, сказать трудно.

Мохендро, не говоря ни слова, выбежал из комнаты.

— Как ты мог сказать такое? — обратилась Бинодини к Бихари. — Зачем шутить надо мною?

— Я не шучу. Я действительно женюсь на тебе.

— Чтобы спасти грешницу?

— Нет, потому что люблю и почитаю тебя.

— Это самая большая награда, больше мне ничего не нужно, — тихо произнесла Бинодини. — Но наш брак невозможен, законы религии никогда не признают его.

— Почему?

— Мне стыдно даже подумать! Ведь я вдова! И к тому же опозоренная в глазах общества. Если ты женишься на мне, тебя изгонят из касты, ты окажешься отверженным. Нет, это невозможно! Лучше не говори об этом.

— Ты покинешь меня? — спросил Бихари.

— Покинуть тебя у меня не хватит сил. Ты многим

делаешь добро, хоть и молчишь об этом. Я буду тебе помогать. Но жениться на вдове!.. В порыве великодушия ты мог сказать что угодно, но если я позволю тебе выполнить твое обещание, то погублю тебя. Я никогда не простила бы себе этого.

— Но я люблю тебя, Бинодини!

— Я воспользуюсь этим и позволю себе небольшую смелость.— И, склонившись к его ногам, Бинодини поцеловала их.— Я стану отшельницей, чтобы заслужить тебя в следующем рождении,— говорила она.— В этой жизни я уже ни на что не надеюсь, ничего мне не надо. Я причинила людям много горя, немало пережила сама. Но теперь мне понятно многое. Если я забуду полученный урок, то погублю и себя и тебя. Твое великодушие вернуло мне чувство собственного достоинства, и отныне я хочу всегда высоко держать голову.

Бихари печально молчал.

— Не обманывай себя,— продолжала Бинодини, умоляюще сложив руки.— Ты не будешь счастлив, если женишься на мне. Ты перестанешь уважать себя, так же как и я себя. Ты безгрешен и добр. Оставайся таким, а я, живя вдали, буду помогать тебе. Будь счастлив, и пусть во всем тебе сопутствует успех!

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Мохендро хотел войти в комнату матери, но Аша остановила его.

— Сейчас туда нельзя,— сказала она.

— Почему? — удивился Мохендро.

— Доктор сказал, что неожиданная радость или горе одинаково опасны для нее.

— Я войду совсем тихо, постою у изголовья и сразу же уйду, она даже не заметит.

— Она вздрагивает при малейшем шорохе. И обязательно услышит, когда ты войдешь.

— Как же быть? — спросил Мохендро.

— Пусть сначала войдет Бихари, а потом мы спросим его, как поступить.

В это время пришел Бихари, за которым послала Аша.

— Ты звала меня, сестра? — спросил он.— Как мать? Приход Бихари вдохнул в Ашу новые силы.

— После твоего отъезда мать очень волновалась. В первый же день она спросила меня, куда ты уехал.

«У него важное дело, он вернется в четверг», — ответила я. Теперь она вздрагивает при каждом шорохе, словно ждет кого-то, но ничего не говорит. Вчера мы получили твою телеграмму. Узнав, что ты приезжаешь, она приказала приготовить твои любимые кушанья! Продукты велела принести на веранду, чтобы на своей комнате наблюдать за стряпней. Она совсем не слушается врача. Недавно позвала меня и говорит: «Невестушка, ты должна сама все приготовить, а я посажу Бихари перед собой и буду его угощать».

На глаза Бихари навернулись слезы.

— Как она себя чувствует? — спросил он.

— Сейчас увидишь, — ответила Аша. — Боюсь, что ей хуже.

Бихари вошел в спальню больной, а изумленный Мохендро остался за дверью. С какой легкостью приняла на себя Аша обязанности хозяйки дома. Как просто, без смущения и ненужной заносчивости она запретила ему, Мохендро, войти в комнату матери. Авторитет Мохендро в семье пал. Он преступник и должен молча стоять за дверью, не смея даже войти к больной матери.

Но самое удивительное — это то, что Аша спокойно разговаривает с Бихари и во всем советуется с ним. Сейчас он единственный защитник семьи, единственный ее друг. Он имеет право ходить по всему дому, все слушаются его советов. Мохендро с удивлением смотрел на перемены, которые произошли в семье за время его отсутствия.

— Накопец-то ты вернулся, — сказала Раджлокхи, ласково взглянув на Бихари, когда он вошел в комнату.

— Да, вот и я!

— Успешно съездил? — спросила Раджлокхи, внимательно глядя на него.

— Да, теперь у меня нет никаких забот.

— Сегодня Аша сама приготовит для тебя угощение, а я буду давать ей указания. Врач, правда, запрещает мне, но какой смысл в этом? Неужели мне нельзя смотреть, как ты будешь есть.

— Я тоже не понимаю доктора, — согласился Бихари. — Ведь без тебя невозможно приготовить что-нибудь вкусное! С детства мы любим твою стряпню. Бедному Мохину надоела еда на западе, он мечтает о твоём рыбном супе, и сегодня мы, как когда-то в детстве, будем ссориться из-за лучших кусков. Надеюсь, твоя невестка вдоволь готовит!

Раджлохки уже догадалась, что Бихари привез с собой Мохендро, но, когда она услышала имя сына, сердце ее тревожно забилося, и она стала задыхаться.

— Мохендро совсем выздоровел,— сказал Бихари, когда Раджлохки успокоилась.— Он немного устал в дороге, но после купания и обеда придет в себя.

Раджлохки ничего не ответила.

— Мохин стоит у дверей,— сказал тогда Бихари.— Он не войдет, пока не позовешь его.

Раджлохки, не в силах вымолвить ни слова, смотрела на дверь. Заметив ее взгляд, Бихари крикнул:

— Мохин!

Мохендро медленно вошел в комнату. Чувствуя, что сердце вот-вот разорвется у нее в груди, Раджлохки перешагнула порог, чтобы взглянуть на сына. Мохендро поднял глаза на мать и вздрогнул, будто его ударили.

Он упал к ногам матери, прижался к ним лицом. От волнения Раджлохки дрожала всем телом.

— Сестра,— прервала молчание Аппанурна,— пока ты не прикажешь Мохину подняться, он не встанет.

— Встань, Мохин,— с трудом выговорила Раджлохки.

Из глаз ее полились слезы, она так давно не произносила имени сына. От слез ей стало легче. Мохендро стоял на коленях у изголовья больной. Раджлохки с трудом повернулась к сыну, взяла в ладони его лицо и, вдыхая запах его волос, поцеловала в лоб.

— Прости меня, мама, я заставил тебя так страдать,— сдерживая рыдания, сказал Мохендро.

— Не говори так, Мохин, разве могу я не простить тебя! Но где же Аша? — воскликнула Раджлохки, когда боль в груди немного утихла.

Аша в соседней комнате готовила еду для больной. Аппанурна позвала ее.

Раджлохки знаком приказала сыну сесть на постель. Потом, указав на место рядом с ним, сказала Аше:

— Сядь здесь, дорогая. Я хочу снова увидеть вас вместе. Тогда все мои огорчения исчезнут. Не нужно смущаться, Аша. Я прошу немного, сядь и не таи обиды на мужа. Успокой меня.

Накрыв голову краем сари, смущенная Аша с замирающим сердцем села рядом с Мохендро. Раджлохки соединила их руки.

— Вручаю тебе Ашу,— сказала она Мохендро.— Запомни мои слова, сын: ты никогда не найдешь более

преданной жены. Подойди, сестра,— обратилась она к Аппапурпе,— и благослови их. Твое святое благословение принесет им счастье.

Аппапуриа подошла, Мохендро и Аша со слезами на глазах взяли прах от ее ног, затем она поцеловала каждого из них и сказала:

— Да дарует вам всевышний счастье!

— Бихари, подойди, милый,— позвала Раджлокхи,— скажи, что ты прощаешь Мохина.

Как только Бихари приблизился к Мохендро, тот бросился к нему, и друзья обнялись.

— Я хочу, Мохин,— продолжала Раджлокхи,— чтобы Бихари всегда был тебе таким же верным другом, каким он был до сих пор. Это самое большое счастье для тебя.

Большая умолкла, совершенно обессиленная. Когда Бихари поднес к ее губам лекарство, она отвела его руку.

— Не надо,— сказала она,— я верила себя богу. Он даст мне лекарство, которое исцелит меня от всех горестей мира. Пойдите отдохните, милые. А ты, Аша, принимайся скорее за стирание.

Бихари и Мохендро обедали у постели Раджлокхи. Аша прислуживала им.

Грудь Мохендро теснили рыдания. Он не мог есть.

— Мохин,— говорила Раджлокхи.— Почему ты не ешь? Ешь хорошенько, я за тобой слежу.

— Ты же знаешь, ма,— вмешался Бихари,— Мохин всегда плохо ел. Аша,— попросил он,— дай-ка мне еще рыбы с овощами. Удивительно вкусно.

Раджлокхи слабо улыбнулась.

— Я помню, что Бихари очень любит рыбу,— сказала она.— Почему ты так мало даешь ему? Положи побольше!

— Аша такая скупая,— пошутил Бихари.— Она-то уж лишнего не положит.

— Ай-ай-ай, посмотри, что делается! — воскликнула Раджлокхи.— Бихари пользуется твоим гостеприимством и тебя же ругает!

Аша положила на пальмовый лист Бихари еще рыбы с овощами.

— Ты хочешь, чтобы я набил желудок одной рыбой, — запротестовал он. — А Мохендро достанется все самое вкусное.

— Никак не угодишь тебе,— в шутку рассердилась Аша. — Не знаю даже, чем тебе рот заткнуть.

— А ты попробуй сладостями, — ласково посоветовал Бихари.

Раджлокхи радовалась, что друзья едят с таким аппетитом.

— Теперь, дорогая, и ты поешь, — сказала она Аше после того, как мужичпы пообедали.

Когда Аша ушла, Раджлокхи велела Мохендро идти спать.

— Почему я должен уходить? — возмутился Мохендро. Он хотел всю ночь ухаживать за матерью. Но Раджлокхи не соглашалась.

— Ты устал, Мохин, — говорила она. — Иди отдохни.

В это время вернулась Аша. Она взяла опахало и хотела сесть у изголовья, но свекровь тихо сказала:

— Дорогая, пойди посмотри, хорошо ли приготовили постель для Мохендро.

Сгорая от стыда, Аша покинула комнату. Когда в спальне больной остались только Бихари и Аппапуриа, Раджлокхи обратилась к Бихари:

— Я хочу спросить тебя кое о чем. Ты не знаешь, что с Бинодини? Где она сейчас?

— В Калькутте, — ответил Бихари.

Раджлокхи вопросительно посмотрела на него. Бихари понял ее немой вопрос.

— Теперь вам незачем опасаться ее, — сказал он.

— Бинодини принесла мне много горя, но все же я люблю ее.

— Она тоже любит вас, ма.

— И мне так кажется. У всех у нас есть свои недостатки, но я знаю, что Бинодини меня любит, иначе она не могла бы так заботиться обо мне.

— Она и сейчас хочет ухаживать за вами.

— Мохин и Аша пошли отдыхать. — Раджлокхи глубоко вздохнула. — Пусть Бинодини придет и побудет ночь со мной. Ведь ничего плохого не случится.

— Бинодини здесь, — сообщил Бихари. — Я не могу уговорить ее выпить сегодня ни глотка воды. Она поклялась, что не будет ни есть, ни пить, пока вы не простите ее.

— Целый день ничего не есть и не пить! — забеспокоилась Раджлокхи. — Позови ее сейчас же!

Когда Бинодини неслышными шагами вошла в комнату, больная сказала:

— Тебе не стыдно? Чего выдумала! Целый день ничего не есть! Иди поешь сначала, потом поговорим.

Бинодипи низко, до самой земли, поклонилась Радж-локхи.

— Сначала простите грешницу,— сказала она.— Иначе я не прикоснусь к еде.

— Прощаю тебя, прощаю, дитя мое! Сейчас у меня ни на кого нет зла.— Раджлокхи взяла ее за руку.— Пусть же никто никогда и от тебя не узнает зла, будь хорошей женщиной.

— Ваше благословение свято для меня, тетя,— растроганно проговорила Бинодипи.— Клянусь вам, я никогда не причиню вреда вашей семье.

Бинодипи распростерлась на полу, выражая почтение Ашапурне.

Потом ушла и, поев, снова робко появилась на пороге.

— Ты хочешь уйти? — спросила Раджлокхи.

— Нет, тетя,— ответила Бинодипи.— Я буду с вами. Свидетель тому всевышний, я не доставлю вам больше никаких огорчений.

Раджлокхи взглянула на Бихари.

— Разрешите Бинодипи остаться,— сказал Бихари, подумав.— Я уверен — ничего плохого не случится.

Эту ночь Бихари, Бинодипи и Ашапурна провели с больной.

Аша, мучаясь, что за всю ночь ни разу не провела свекровь, поднялась очень рано. Стараясь не разбудить мужа, она быстро оделась и умылась. Еще только светало, когда она появилась у комнаты Раджлокхи. Подойдя к дверям, Аша остолбенела: «Не сон ли это?» Она увидела Бинодипи, которая грела на спиртовке воду, чтобы приготовить чай для Бихари, не сомкнувшего глаз в эту ночь.

Заметив вошедшую Ашу, Бинодипи встала.

— Я очень виновата перед тобой,— сказала Бинодипи.— Но я пришла искать приюта в вашем доме. Никто не может выгнать меня отсюда. Но если ты велишь мне уйти, я повинусь.

Аша не могла вымолвить ни слова. Что творилось у нее в эту минуту в душе, она и сама не понимала и стояла совершенно растерянная.

— Не пытайся простить меня,— продолжала Бинодипи.— Я знаю, ты никогда не сможешь этого сделать. Но не бойся меня. Разреши мне ухаживать за тетей, пока нужно, потом я исчезну.

Аше показалось, что вчера, когда Раджлокхи соединила их руки, она забыла свою обиду на Мохендро. Но со-

годня, увидев Бинодини, Аша почувствовала, что рапа в ее сердце еще не затихнула. Когда-то Мохендро любил эту женщину, может быть, и сейчас еще любит. Скоро оп проснется, встретится с Бинодини, и кто знает, к чему это приведет. Аша почувствовала тревогу. Еще вчера мир казался ей прекрасным и лишенным шипов. Но сегодня на рассвете во дворе ее дома появилось дерево с шипами. В мире так мало счастья, и так трудно сбегать его.

С тяжелым сердцем вошла Аша в комнату Раджлокхи.

— Тетя,— смущенно обратилась она к Аннапурне,— всю ночь не спали, отдохните немного.

Аннапурна внимательно посмотрела на племянницу и вышла из комнаты, сделав знак Аше следовать за ней.

— Если хочешь быть счастливой, Чуни,— сказала Аннапурна,— забудь все. Вспомни другую — слабое утешение, но все время помнить о ее вине еще мучительнее.

— Я хочу все забыть,— ответила Аша.— Но не могу...

— Ты права, дитя мое, давать советы легко, а помочь трудно. Но я постараюсь. Веди себя так, будто ничего не случилось, тогда все постепенно забудется. Если ты не забудешь, то и другие будут помнить. Я не прошу, а приказываю тебе. Веди себя с Бинодини так, словно она не причинила тебе горя, дай ей почувствовать, что не боишься ее.

— Что я должна сейчас делать? — спросила Аша покорно.

— Бинодини готовит чай для Бихари. Помогите ей, принесите молоко, сахар, чашки.

Аша хотела идти, но Аннапурна остановила ее.

— Это не так уж трудно,— сказала она,— гораздо труднее другое. Но ты должна и это выполнить. Мохендро придется иногда встречаться с Бинодини. Это неизбежно. Я знаю, что будет твориться у тебя в душе, но не вздумай тайно следить за ними. Пусть сердце твое разрывается от боли — никто не должен замечать этого. Покажи Мохендро, что у тебя не осталось ни капли подозрения, скорби, страха или недоверия, что ваш разрыв принадлежит прошлому. Все должно быть так, как до вашей размолвки. Ни взглядом, ни жестом ты не должна показать мужу, что осуждаешь его. Это не совет, Чуни, не просьба, это приказ твоей тетки. Я возвращусь в Бенарес, но хочу, чтобы ты запомнила мой приказ на всю жизнь.

Выслушав тетку, Аша пошла к Бинодини.

— Вода закипела? — спросила она. — Я принесла молоко.

Бинодини удивленно посмотрела на нее и, помолчав, сказала:

— Бихари сейчас на веранде, отнеси ему чай, а я пока приготавливаю тебе воду для умывания. Она скоро проснется.

Бинодини не хотелось встречаться с Бихари. В душе она гордилась той властью, которую приобрела над ним, но, чтобы сохранить эту власть, надо было умело пользоваться ею. Бинодини не была уверена в себе. Ей не хотелось уподобиться нищей, которая берет все, что ей протягивают; отказывать себе в удовольствии — вот подлинное проявление гордости духа. Пока Бихари сам не позвет ее, она не пойдет к нему.

Неожиданно на веранде появился Мохендро.

— Почему так рано? — как ни в чем не бывало обратилась Аша к мужу. Быть может, сердце ее и забилося сильнее, но она сумела скрыть это. — Я нарочно завесила окно и дверь, чтобы солнце не разбудило тебя.

Словно тяжелый камень свалился с души Мохендро, когда он услышал, как легко и непринужденно Аша в присутствии Бинодини заговорила с ним.

— Как здоровье матери? — спросил он. — Она еще спит?

— Да, мать еще не проснулась, — ответила Аша. — Бихари считает, что сегодня ей лучше. Эту ночь она хорошо спала.

— А тетя где? — спросил успокоенный Мохендро.

Аша указала на комнату Аннапуры.

Бинодини с удивлением смотрела, как спокойно, с полным самообладанием держалась Аша.

— Тетя! — позвал Мохендро.

Аннапура только что совершила утрепнее омовение и собиралась прочитать молитву, но, услышав голос Мохендро, сказала:

— Входи, Мохин, входи.

— Я великий грешник, тетя, — сказал Мохендро, почтительно приветствуя Аннапуру. — Мне стыдно приблизиться к вам.

— Не говори ерунды, Мохин, — возразила Аннапура. — Мать всегда приласкает вываливавшегося в пыли ребенка.

— Но мою грязь ничем не смоешь!

— Стоит поколотить тебя раз, два, и вся пыль выйдет! Все к лучшему, Мохип! Ты был тщеславен, считал себя безупречным и слишком доверял себе. Но вихрь греха сломил твою гордость, вот и все, что произошло.

— На этот раз я не отпущу вас в Бенарес, — заявил молодой человек. — Ваш отъезд принес нам всем несчастье.

— То, что было, не повторится. И я могу спокойно уехать.

— Тетя, — слышался голос Бихари за дверью, — вы молитесь?

— Нет, нет, входи, — отозвалась Аннапурна.

— Мохин, — воскликнул Бихари, удивленный тем, что друг его поднялся так рано, — сегодня ты, наверное, первый раз в жизни увидел восход.

— Да, Бихари, ты прав, сегодня мою жизнь впервые озарило солнце. Вижу, что тебе нужно поговорить с тетей, и поэтому ухожу.

— Уж не стал ли ты членом кабинета министров? — рассмеялся Бихари. — Я никогда ничего не скрывал от тебя и, если ты не возражаешь, сегодня хотел бы поступить так же.

— Возражаю! Хотя не смею требовать! — ответил Мохендро. — Если ты окажешь мне такое доверие, я вновь стану уважать себя.

Нелегко было Бихари говорить в присутствии Мохендро, и все же он прямо заявил:

— Я женюсь на Бинодипи и пришел все окончательно уладить с тетей!

От изумления Мохендро не мог произнести ни слова.

— Что ты говоришь, Бихари? — воскликнула Аннапурна.

— В этом браке нет никакой необходимости, — сказал Мохендро, стараясь скрыть свое смущение.

— Бинодипи имеет какое-нибудь отношение к этому предложению? — спросила Аннапурна.

— Нет, никакого!

— Она согласится?

— А почему бы ей и не согласиться! — вырвалось у Мохендро. — Я хорошо знаю, что она всей душой любит Бихари. Она не сможет отвергнуть его.

— Я сделал предложение Бинодипи, — ответил Бихари. — Она отказала мне.

Мохендро ничего больше не сказал.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

В течение нескольких дней Раджлокхи была на грани между жизнью и смертью. Но однажды настало утро, когда с лица ее исчезло страдание и на нем появилось выражение неземного умиротворения. Она попросила позвать Мохендро.

— Мне немного осталось жить, — сказала она сыну, — но я счастлива. Я не чувствую никакой горечи. Когда ты был маленьким, для меня не было большей радости, чем обнять тебя. Сегодня я испытываю такое же чувство. Ты остался для меня малышом, сокровищем моей души — я уношу с собой все твои горести, поэтому я счастлива. — Раджлокхи ласково провела рукой по лицу сына. Мохендро не мог сдержать слез. — Не надо плакать, Мохин, — продолжала она, — в твоём доме останется Лакшми. Все ключи отдай жене. Хозяйство в порядке. Вы ни в чем не будете испытывать недостатка. Ещё одна просьба к тебе, но об этом, пока я жива, не должен никто знать. В моей шкатулке лежат две тысячи рупий, я завещаю их Биподипи. Она вдова, одинокая жепщина; она сможет жить на проценты с них. Но помни, Мохин, Биподипи не должна жить под одной крышей с вами.

Потом Раджлокхи позвала к себе Бихари.

— Мохин сказал мне вчера, что ты купил сад и хочешь устроить там лечебницу для бедных чиновников. Да дарует тебе всевышний долгую жизнь на радость беднякам! В день моей свадьбы свекор подарил мне поместье. Передаю его тебе, пусть оно послужит бедным. Этим я хочу почтить память своего свекра.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Раджлокхи умерла.

— Я изучал медицину, Бихари, — сказал Мохендро своему другу после погребальной церемонии. — Разреши мне принять участие в твоей работе. Чунн — хорошая хозяйка, она тоже будет помогать. Мы все вместе поселимся в Бали.

— Ты должен все обдумать сначала. Поправится ли тебе это дело? Не стоит взваливать на себя такое бремя под влиянием минутного порыва.

— Но ты сам видишь, — возразил Мохендро, — что жизнь, которую я веду, мне не по душе. Праздность при-

ведет меня к гибели. Ты должен разрешить мне работать вместе с тобой.

Настойчивость Мохендро убедила Бихари.

Приближалось время отъезда Аннапурны. Она и Бихари обсуждали печальные события последних дней.

— Тетя, можно к тебе на минутку? — послышался за дверью голос Бинодини.

— Входи, дорогая, садись.

Бинодини вошла. Поговорив с ней немного, Аннапурна под предлогом того, что ей нужно вынести постель на веранду, оставила Бинодини и Бихари вдвоем.

— Что я должна теперь делать? — спросила Бинодини.

— Скажи сама, как бы ты хотела поступить.

— Мне говорили, что в саду на берегу Ганги ты открыл лечебницу для бедняков. Я могла бы работать там, ну хотя бы стряпать.

— Я много думал обо всем, сестра, — начал Бихари. — У нас было немало неполадок, нити нашей жизни запутались. Но сейчас наступил день, когда нужно развязать все узлы. Все должно стать ясным. У меня не хватает смелости поступить так, как желает мое сердце, но если я не уясню себе, что произошло, не успокоюсь, то не смогу достойно подготовиться к концу жизни. Если бы прошлое не мешало, ты одна в мире способна была бы составить счастье всей моей жизни. Но сейчас я должен быть свободен. Наше стремление к счастью тщетно. Мы должны искупить зло, причиненное нами.

В этот момент в комнату тихо вошла Аннапурна.

— Ма, — обратилась к ней Бинодини, — дай мне место у ног твоих, не отталкивай грешницу.

— Поедем со мной в Бенарес, дорогая, — предложила Аннапурна.

Наступил день отъезда Бинодини и Аннапурны.

— Мне бы хотелось сохранить что-нибудь на память о тебе, — сказал Бихари, когда ему удалось остаться с Бинодини наедине.

— Что я могу подарить тебе? — удивилась она.

— У англичан есть обычай, — смутился Бихари, — хранить локоны возлюбленной. Если ты...

— Какой стыд! Зачем тебе мои волосы? — воскликнула Бинодини. — Это самое плохое, что есть у меня. Но если я не могу принять участия в твоей работе, я хотела бы подарить тебе кое-что. Скажи, ты примешь мой подарок?

— Конечно.

Тогда Бинодипи вынула из своего сари две банкноты по тысяче рупий и передала их Бихари.

Он долго с чувством глубокой любви смотрел на Бинодипи.

— А я что подарю тебе? — спросил Бихари.

— У меня есть твоя метка, — она показала шрам на руке. — Это мое украшение, и никто не в силах отнять его. Больше мне ничего не нужно.

Бихари удивился.

— Ты, наверное, забыл, — напомнила Бинодипи, — однажды ты ударил меня. Это шрам. Ты не можешь взять его обратно.

Несмотря на приказ Ашпапурны, Аша не могла заставить себя относиться доброжелательно к Бинодипи. Они вместе ухаживали за Раджлокхи, по всякий раз, когда Аша видела Бинодипи, сердце ее обливалось кровью, ей было трудно говорить с ней и еще труднее заставить себя улыбнуться. Особо было Аше неприятно пользоваться ее услугами. Из вежливости она брала бетель, приготовленный Бинодипи, а потом потихоньку выбрасывала его. И вот сегодня настал час прощания. Во второй раз тетя покидала их дом. Слезы смягчили сердце Аши, а с ними пришла и жалость к бывшей подруге. В мире редко встретишь такое сердце, которое не простило бы в час разлуки. Аша думала, что Бинодипи любит Мохендро. Разве могло быть иначе? Она по себе знала, что невозможно не любить его. Помня, сколько сама она выстрадала из-за этой любви, Аша не могла не сочувствовать Бинодипи, которая теперь навсегда покидала Мохендро. Более страшного наказания Аша не пожелала бы и врагу своему. При мысли об этом слезы выступили у нее на глазах. Когда-то она любила Бинодипи, и сейчас эта любовь, казалось, снова готова была пробудиться в ее сердце. Аша подошла к Бинодипи и с тихой грустью спросила:

— И ты уезжаешь, сестра?

Бинодипи ласково взяла Ашу за подбородок.

— Да, сестра, я уезжаю. Когда-то ты любила меня. Сохрани хоть частицу той любви и теперь, когда ты счастлива, а остальное все забудь!

— Прости меня, — сказал Мохендро и низко в ноги поклонился Бинодипи. На глазах у него показались слезы.

— И ты прости, — произнесла Бинодипи. — Да дарует всевышний всем вам счастье!

КРСУЩЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Не было ни малейшего сомнения в том, что Ромеш и на этот раз сдаст экзамены по законоведению. Богиня Сарасвати, покровительница пауков, неизменно рассыпала перед ним лепестки своего золотого лотоса и щедро одаривала Ромеша медалями, не забывая в то же время и о стипендии.

Сразу после экзаменов Ромешу предстояло отправиться домой, но он не торопился укладывать чемодан. На письмо отца, в котором тот требовал немедленного возвращения сына, Ромеш ответил, что придет сразу, как только станут известны результаты экзаменов.

Рядом с Ромешем, в соседнем доме, жил его товарищ по колледжу Джогендро, сын Опподы-бабу. Оппода-бабу принадлежал к «Брахма-Самаджу». Его дочь Хемнолини только что выдержала экзамены на бакалавра, и Ромеш довольно часто заходил к ним на чашку чая, а то и просто посидеть.

В те же часы, когда Хемнолини, расхаживая по крыше, сушила волосы после купанья и учила что-нибудь наизусть, Ромеш в одиночестве усаживался с книгой на крыше своего дома возле лестницы.

Что и говорить, место это было очень удобным для занятий, но, если вдуматься хорошенько, сразу становится ясным, что многое там мешало Ромешу сосредоточиться. До сих пор еще ни та, ни другая сторона не начинала разговор о свадьбе. У Опподы-бабу на это была своя причина: он держал на примете одного юношу, который уехал в Англию учиться на адвоката.

Однажды за чайным столом разгорелся оживленный спор. Товарищ Джогендро, Окхой, не очень успешно сдавал экзамены. Однако нельзя сказать, чтобы в отношении

чаепития или каких-либо иных удовольствий этот неудачник уступал юношам, успешно державшим экзамены в колледже, поэтому его частенько можно было видеть в доме Ошюды-бабу. Сегодня Окхой завел разговор о том, что ум мужчины подобен мечу: даже плохо отточенный, он во многом может быть полезен, хотя бы благодаря своей тяжести; а женский ум — все равно что перочинный ножик: как его ни точи — в серьезных обстоятельствах он ни на что не годен. И так далее, все в том же духе.

Хемноллини решила пропустить мимо ушей эту дерзость, но, когда и брат ее, Джогендро, стал приводить доказательства слабости женского ума, тут уж не выдержал Ромеш и стал с жаром расхваливать женскую половину рода человеческого.

Охваченный вдохновенным порывом преклонения перед женщинами, Ромеш выпил на две чашки больше обычного, как вдруг вошел рассыльный и вручил ему записку. На ней рукой отца было написано имя Ромеша. Прервав спор на полуслове, Ромеш прочитал письмо и поспешно встал. На все вопросы он отвечал, что из деревни приехал его отец.

— Дада,— обратилась Хемноллини к Джогендро,— почему бы не пригласить отца Ромеша-бабу к нам на чашку чая.

— Нет, нет, только не сегодня,— запротестовал Ромеш.— Я должен немедленно идти к себе.

Окхой, в душе чрезвычайно довольный уходом Ромеша, заметил:

— Может быть, его отцу нельзя принимать пищу в этом доме...

Отец Ромеша Броджмохон-бабу встретил сына словами:

— Завтра с утренним поездом ты отправишься домой.

— Что-нибудь случилось? — растерянно спросил Ромеш.

— Да нет, ничего особенного.

Ромеш пристально вглядывался в лицо отца, стараясь угадать, в чем дело, однако Броджмохон-бабу не был склонен удовлетворить любопытство сына. Вечером, когда отец отправился навестить своих калькуттских друзей, Ромеш решил написать ему письмо. Но дальше обычного обращения «склоняюсь к вашим многочтимым лотосоподобным стопам» его послание не двигалось.

«Я не должен скрывать от отца, что с Хемноллини меня связывает молчаливый уговор», — убеждал он себя и снова

принимался за различные варианты письма, но в конце концов рвал все написанное.

После ужина Броджмохон-бабу спокойно уснул, а Ромеш поднялся на крышу и, как ночной дух, стал бродить там, не отрывая взгляда от соседнего дома. В девять часов оттуда вышел Окхой; в половине десятого заперли входную дверь; в десять погасили свет в кабинете Опноды-бабу, а после половины одиннадцатого весь дом погрузился в глубокий сон.

На следующий день с первым же поездом Ромешу пришлось покинуть Калькутту. Благодаря предусмотрительности Броджмохона-бабу юноше так и не удалось опоздать на поезд.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дома Ромеш узнал, что ему выбрали невесту и уже назначен день свадьбы.

В те времена, когда Броджмохон-бабу был беден, его друг Ишан уже имел адвокатскую практику. Именно благодаря его помощи Броджмохон достиг благосостояния. Когда Ишан неожиданно умер, выяснилось, что он не оставил ничего, кроме долгов, и его вдова с маленькой дочерью остались нищими. Теперь дочь Ишана была уже невестой, и Броджмохон решил женить на ней своего сына. Кое-кто из доброжелателей Ромеша возражал против этого брака, говоря, что девушка не очень-то красива.

— Не понимаю я этого, — ответил Броджмохон. — Человек не цветок и не бабочка, паружность для него не самое главное. Если девочка будет такой же хорошей женой, какой была ее мать, Ромеш может считать себя счастливым.

От всеобщих толков о своей скорой свадьбе Ромеш стал сам не свой. Целыми днями он бесцельно бродил по дому, придумывая то один плап освобождения, то другой, но все они казались ему неосуществимыми. Наконец, набравшись храбрости, он обратился к отцу.

— Я не могу жениться, я связан обетом с другой.

— Что ты говоришь! — воскликнул Броджмохон. — И уже состоялась помолвка?

— Да нет... не совсем... но...

— И ты обо всем уже договорился с родителями невесты?

— Нет, сговора пока не было.

— Ах, не было! Ну уж если ты столько молчал, то можешь молчать и дальше.

— Нет,— после небольшой паузы сказал Ромеш,— я поступлю нечестно, если возьму в жены другую девушку.

— Но вовсе не жениться будет еще менее честно с твоей стороны.

Больше возражать было печего. Теперь Ромешу оставалось лишь надеяться на какую-нибудь случайность. Астрологи предсказывали, что весь год после назначенного дня свадьбы будет неблагоприятным для совершения брачной церемонии. Пусть только пройдет этот день, а потом он получит целый год отсрочки.

Невеста жила довольно далеко. Чтобы попасть к ней, нужно было дня три-четыре плыть по разным речушкам.

Желая иметь в запасе достаточно времени на непредвиденные путевые задержки, Броджмохон решил отправиться в путь за неделю до назначенного дня.

Всю дорогу дул попутный ветер, и они добрались до Шимулгхата, где жила невеста со своей матерью, меньше чем за трое суток. До свадьбы оставалось еще четыре дня.

Броджмохон на это и рассчитывал: мать невесты жила очень бедно, и ему давно хотелось перевезти ее в свою деревню, чтобы он мог, во исполнение долга дружбы, сделать ее жизнью счастливой и обеспеченной. Но раньше он не считал себя вправе предложить ей это, потому что между ними не было никаких родственных связей.

Теперь же, ввиду предстоящей свадьбы, Броджмохон уговорил наконец вдову переехать: у бедной женщины во всем мире осталась одна только дочь, и она решила, что ее прямой долг жить вместе с дочерью и заменить мать рано осиротевшему зятю.

«Пусть люди говорят что хотят,— повторяла вдова,— а мое место рядом с дочерью и зятем».

Прибыв в Шимулгхат, Броджмохон стал готовить к перевозке имущество своей новой родственницы. Он рассчитывал, что после свадьбы они все вместе отправятся в путешествие, и поэтому взял с собой из дома нескольких родственников.

Во время свадебного обряда Ромеш не стал читать положенных молитв, в момент благоприятного взгляда закрыл глаза; опустив голову, молча вытерпел взрывы веселого смеха и шутки в брачных покаях; всю ночь пролежал на красшке постели, повернувшись спиной к невесте, а на заре покинул комнату.

Когда брачные церемонии кончились, все расселись по лодкам и двинулись в обратный путь: в одной лодке сидели подружки с невестой, в другой старшие родственники, в третьей жених со своими друзьями. В отдельной лодке разместили музыкантов. Они играли и пели свадебные песни, веселя гостей.

Весь день стоял невыносимый зной. На небе не было ни облачка, лишь горизонт был подернут какой-то тусклой дымкой, и от этого рощи по берегу реки казались пепельно-серыми. Даже листья на деревьях не шевелились. Гребцы обливались потом. Еще до наступления сумерек один из лодочников обратился к Броджмохоу:

— Господин, давайте остановимся здесь, а то теперь долго негде будет причалить.

Но Броджмохоу не хотелось задерживаться в пути.

— Незачем здесь причаливать,— возразил он.— Ночь будет лунная, и вы получите хороший бакшиш, если мы до рассвета прибудем в Балухат.

Вскоре деревня осталась позади. С одной стороны потянулись раскаленные песчаные отмели, с другой — ровная линия высокого, обрывистого берега. Возмгла луна, но свет ее, пробивавшийся сквозь мгlistую дымку, был тусклым, как мутный взгляд пьяного. Небо по-прежнему оставалось ясным — на нем не видно было ни одной тучки, но вдруг откуда-то донеслись глухие раскаты грома. Оглянувшись, путники увидели, что к ним из-за горизонта с невероятной быстротой приближаются гигантский, словно взвихренный к небу невидимой метлой, столб из веток, прутьев, пучков травы и тучи пыли с песком.

Раздались крики:

— Берегись! Спасайся! Гибнем!

Что произошло минутой позже, рассказать уже было некому. Смерч пронесся узкой полосой, все круша и сметая на своем пути. Он стих так же внезапно, как и начался. От лодок не осталось и следа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Туман рассеялся. Прозрачный лунный свет залил уходящую вдаль безжизненную отмель, словно набросил на нее белую вдовью одежду. Нигде не было видно ни одной лодки. Речная гладь, казалось, застыла. Вода и земля замерли в глубоком покое, какой дарует смерть измученному болезнью страдальцу.

Очнувшись, Ромеш увидел, что лежит на песчаном берегу. С трудом он начал припоминать случившееся, и наконец оно всплыло в его сознании, словно тяжелый сон. Ромеш вскочил, чтобы посмотреть, что случилось с его спутниками.

Белый островок покоился между двумя рукавами Падмы, как голый младенец в объятиях матери.

Ромеш прошел сначала по одной его стороне, затем перешел на другую и вдруг заметил неподалеку что-то красное. Он ускорил шаги и, подойдя ближе, увидел девушку в алом паряде невесты. Она лежала без сознания. Ромеш знал, как делают искусственное дыхание: долго и упорно он то вытягивал руки девушки, то снова прижимал их к телу. Наконец она вздохнула и раскрыла глаза.

Ромеш выбился из сил и некоторое время сидел молча. Он даже не мог спросить ее ни о чем. Она же, видимо, еще не пришла в себя: лишь на мгновение приоткрыла глаза, но тут же снова опустила ресницы. Прислушавшись, Ромеш убедился, что девушка дышит. И здесь, на пустынном берегу, на грани между жизнью и смертью, он долго всматривался в освещенное бледным светом луны девичье лицо.

Кто сказал, что Шушила некрасива? Правда, ее нежное личико с закрытыми глазами было совсем как у ребенка, но под огромным небесным сводом, залитым лунным сиянием, только оно одно светилось величием, словно было единственным достойным восхищения.

Ромеш забыл обо всем на свете. «Как хорошо, что я не стал смотреть на нее там, в толпе, среди свадебной суеты,— думал он.— Нигде не смог бы я увидеть ее такой, как сейчас. Возвратив ей жизнь, я приобрел на нее гораздо больше прав, чем если бы повторил избитые формулы брачного обряда. Раньше я принял бы ее как принадлежащую мне по праву, теперь же она послана мне в дар милостивым провидением».

Девушка очнулась. Приподнявшись, она поправила на себе одежду и потянула на лицо покрывало.

— Ты знаешь, что случилось с теми, кто был с тобой в лодке? — спросил Ромеш.

Она молча покачала головой.

— Тогда посиди пока тут, а я еще раз взгляну, может быть, найду кого-нибудь. Я скоро вернусь.

Девушка ничего не ответила. Но всем своим видом, испуганная и дрожащая, она, казалось, говорила: «Только

не бросай меня здесь одну». И Ромеш понял. Он внимательно огляделся вокруг, но ни одной живой души не было видно среди белых песков. Он принялся изо всех сил кричать — никто не откликнулся на его зов.

Устав от напрасных усилий, Ромеш снова опустился на землю и увидел, что девушка, закрыв лицо руками, старается подавить рыдания, от которых судорожно вздымалась грудь. Ромеш придвинулся к ней и стал молча гладить ее по голове. Он понимал, что утешать ее сейчас бессмысленно. Не в силах дольше сдерживать слезы, девушка зарыдала, в бессвязных словах изливая свое горе. Заплакал и Ромеш.

Луна уже скрылась, когда острая боль страданий утихла и слезы перестали течь. Ночная тьма придавала этой одинокой полоске земли сказочный вид: призрачными казались неясно белеющие пески, а в нежном свете звезд, как черная, блестящая чешуя огромного удава, вспыхивала речная гладь. Ромеш взял в свои руки нежные, похолодевшие от страха пальчики девушки и тихонько привлек ее к себе. Испуганная, она не сопротивлялась: больше всего на свете она боялась сейчас остаться одна. В непроглядном мраке, прижавшись к мерно вздымавшейся груди Ромеша, она успокоилась. О смущении тут и речи не могло быть. В объятиях Ромеша девушка чувствовала себя в полной безопасности.

Погасла предвестница утренней зари Венера, на востоке над голубой полоской реки спачала посветлело, потом заалело небо. На песке, погруженный в глубокий сон, лежал Ромеш, а на груди его покоилась голова девушки.

Когда же ласковое утреннее солнце коснулось их век своими лучами, они оба проснулись и торопливо вскочили на ноги. С минуты они удивленно оглядывались по сторонам, потом вдруг вспомнили, что они не дома, что потеряли крушение.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Утром на реке забелели паруса рыбацких лодок. Рыбаки помогли Ромешу найти большой гребной баркас, и он, заявив в полицию о пропавших родственниках, вместе с девушкой отправился домой.

Едва лодка Ромеша причалила к деревенской пристани, как ему сообщили, что найдены трупы его отца, тещи, некоторых родственников и друзей. Не было никакой на-

дежды па то, что спасся кто-нибудь, за исключением нескольких гребцов.

Бабушка Ромеша оставалась дома. Увидев впука с невестой, она стала громко причитать. Поднялся плач и в соседних домах, так как многие из их обитателей тоже принимали участие в этом злосчастном свадебном путешествии.

Никто не трубил в раковины, не слышно было обычных радостных возгласов, ни один человек не приветствовал повобрачную и даже не взглянул на нее.

Ромеш решил сразу после окончания погребальных обрядов уехать с жепой куда-нибудь в другое место, но не мог этого сделать, не оформив отцовского наследства. К тому же убитые горем родственницы просили отпустить их в паломничество — падо было позаботиться и о них.

Среди всех своих дел Ромеш не забывал постигать и науку любви. Невеста его оказалась вовсе не такой уж молоденькой, как говорили. Деревенские женщины даже посмеивались, утверждая, что она переросла брачный возраст. Но, несмотря на это, никакой трактат не мог дать молодому бакалавру совета, как объясниться ей в любви. Довольно долго он считал это совершенно немыслимым и невозможным. Достоиню удивления, однако, что, хотя любовь не имела никакого отношения к знаниям, почерпнутым им из книг, все же его высокообразованный ум малопомалу оказался всецело во власти некоего необъяснимого чувства, которое неудержимо влекло его к девушке. В воображении он уже видел ее Лакшми своего домашнего очага.

В мечтах ему представлялось, как она из девочки-невесты становится сначала юной возлюбленной, а потом и кроткой матерью его детей. Как художник или поэт, который, лишь задумав картину или поэму, уже видит свое будущее произведение в прекрасной, совершенной, законченной форме, живет одной этой мыслью, поглощен одним стремлением, — так и Ромеш, сосредоточив все свои помыслы на этой маленькой девушке, создал в своем сердце идеально прекрасный образ будущей жены.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Так прошло почти три месяца. Дела были полностью улажены, родственники собрались в паломничество, кое-кто из соседок стал наконец проявлять некоторое внима-

ние к молоденькой невесте Ромеша. Первый узелок любви между пею и Ромешем затягивался все крепче.

Теперь они часто проводили вечера под открытым небом, разостлав циновки на крыше дома. Иногда Ромеш позволял себе подкрасться и закрыть ей глаза руками или склонить ее голову к себе на грудь. Когда она засыпала до пастушеских сумерек, не успев поужинать, Ромеш, чтобы разбудить ее, поднимал шум, за что девушка шутливо бранила его.

В один из таких вечеров Ромеш, легонько дернув девушку за волосы, заметил:

— Шушила, ты сегодня плохо причесана.

— Почему все вы здесь зовете меня Шушилой? — вдруг спросила девушка.

Ромеш удивленно посмотрел на нее. Он не понял ее вопроса.

— Разве, изменив имя, можно изменить судьбу? — продолжала она. — Я несчастна с самого детства и останусь несчастной до самой смерти.

При этих словах у Ромеша перехватило дыхание, и он побелел как полотно. В уме его внезапно мелькнула страшная догадка, что произошло какое-то недоразумение.

— Почему же ты несчастна с самого детства? — спросил он.

— Отец мой умер еще до моего рождения, а когда мне было шесть месяцев, умерла мать. У дяди мне жилось очень плохо. Вдруг я услышала, что откуда-то приехал ты и я тебе поправилась. Ровно через два дня устроили свадьбу. Ну а потом ты сам знаешь, сколько несчастий произошло.

Ромеш замер, откинувшись на подушки.

В небе ярко светила луна, но ему показалось, что свет ее внезапно померк. У него не хватило духу спрашивать дальше; хотелось, чтобы все услышанное им оказалось дурным сном.

Словно глубокий вздох очнувшегося от обморока человека, прошелестел теплый южный ветерок; звенел в лупом свете голос полупочины-кукушки; с пристани доносилась песня лодочников.

Не понимая, почему Ромеш молчит, девушка легонько коснулась его рукой:

— Ты спишь?

— Нет, — ответил он и опять надолго замолчал.

Девушка тем временем задремала. Ромеш пристально вглядывался в ее лицо. Оно и сейчас не обнаруживало никаких следов тайны, которую начертал на нем всевышний. И как только под такой привлекательной внешностью могла скрываться столь страшная судьба!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Теперь Ромеш знал, что это совсем не та девушка, на которой он женился. Но выяснить, чьей женой она была в действительности, оказалось делом нелегким.

Однажды с тайной надеждой он спросил ее:

— Когда ты впервые увидела меня во время свадьбы, каким я тебе показался?

— Да я тебя и не видела, — ответила девушка. — Я тогда опустила глаза.

— Так ты, наверно, даже имени моего не слышала?

— Свадьба была на следующий день после того, как мне сказали о пей. Откуда же я могла знать твое имя — ведь тетушка так спешила отделаться от меня!

— Ты ведь училась. Дай-ка я посмотрю, можешь ли ты написать хотя бы свое имя, — сказал Ромеш, подавая ей бумагу и карандаш.

— Ты что же, думаешь, что я ничего больше не умею? — ответила девушка. — Кстати, мое имя очень легко пишется.

И она крупными буквами вывела: «Сримоти Комола Деби».

— Хорошо. А теперь имя твоего дяди, — попросил Ромеш.

Комола написала: «Сриджукто Тарипичорон Чоттопад-дхай» — и спросила:

— Нигде не ошиблась?

— Нет, — ответил Ромеш. — Напиши-ка еще и название своей деревни.

И она снова вывела: «Дхобалукур».

Так, с большими предосторожностями, Ромеш собрал кое-какие сведения о жизни девушки. Но это едва ли облегчило задачу. Он стал думать, как быть дальше. Вполне возможно, что муж ее утонул. Но если даже Ромеш отыщет дом свекра Комолы, неизвестно, примут ли ее там. А отправить девушку к дяде было бы, пожалуй, слишком жестоко. Что будет с ней после того, как все узнают, что

она столько времени пробыла в доме другого мужчины? Как посмотрят на нее люди?

Возможно, муж Комолы все же остался в живых? Но захочет ли, посмеет ли он принять ее?

Где бы Ромеш ни бросил эту девушку, она утонет, как в бездонном океане.

Только в качестве жены мог Ромеш оставить у себя Комолу, но назвать ее своей женой он не имел права. Однако отправить ее было некуда.

Яркий образ этой девушки, Лакшми домашнего очага, который кистью вдохновенной любви запечатлел он на картине будущего, исчезал.

Остаться в родной деревне Ромеш не мог и с мыслью о том, что он найдет какой-нибудь выход, лишь затерявшись в сутолоке Калькутты, отправился туда вместе с Комолой. Приехав в Калькутту, Ромеш постарался снять квартиру как можно дальше от того места, где жил раньше.

Комоле не терпелось скорей увидеть большой город. В первый же день по приезде она уселась у окна и со все возрастающим интересом принялась следить за непрерывно движущимся людским потоком. Их служанка давно жила в Калькутте, поэтому она считала изумление Комолы невероятной глупостью и то и дело сердито ворчала:

— Ну, чего рот разинула? Выкупалась бы лучше — смотри, как поздно!

Служанка была приходящая и вечером уходила домой. Постоянную найти не удалось.

«Разделить ложе с Комолой я не могу. Но как бедная девушка одна проведет ночь в незнакомом месте?» — раздумывал Ромеш.

После ужина, когда служанка ушла, Ромеш сказал:

— Ложись спать, а я еще немного посижу.

Он взял первую попавшуюся книгу и сделал вид, что читает. Усталая Комола скоро заснула.

Так прошла эта первая ночь. На другой день Ромешу тоже под каким-то предлогом удалось уложить Комолу спать. Было очень жарко, и сам он устроился на небольшой открытой веранде перед спальней. Долго лежал Ромеш, раздумывая над своим положением. И только поздно ночью наконец уснул.

Около трех часов ему вдруг почудилось, что он не один; он почувствовал, что рядом колышется опало. Ромеш притянул к себе девушку и сонно пробормотал:

— Спи, Шушила, не надо меня обмахивать.

Комола прижалась к нему и сладко уснула.

Рано утром Ромеш проснулся и вздрогнул: правая рука Комолы обвилась вокруг его шеи, а сама она, с милой непосредственностью, наивно пользуясь своим правом жены, положила голову ему на грудь. Ромеш смотрел на спящую девушку, и глаза его наполнились слезами: разве может он разорвать это доверчивое, нежное объятие? Он вспомнил, как ночью она потихоньку обмахивала его веером. И все же с глубоким вздохом он бережно разомкнул ее руки и поднялся с постели.

После долгих размышлений Ромеш решил поместить Комолу в женский пансион. Это хоть на время избавит его от забот.

— Комола, ты хочешь учиться? — спросил он однажды.

Она посмотрела на него, словно желая сказать: что это значит?

Ромеш принялся рассуждать о пользе и удовольствии, которые принесут ей занятия, но этого можно было и не делать. Комола сразу же заявила:

— Поучи меня.

— Для этого тебе надо ходить в школу.

— В школу? — удивилась Комола. — Разве такие взрослые, как я, ходят в школу?

— В школе учатся девушки и постарше, — ответил он, улыбнувшись той гордостью, с которой Комола говорила о своем возрасте.

Она больше не возражала, и однажды Ромеш отвез ее в пансион. В большом здании Комола увидела множество девушек разного возраста.

Когда Ромеш, поручив Комолу пачальнице пансиона, направился к выходу, она побежала за ним.

— Куда ты? — остановил он девушку. — Тебе надо остаться здесь.

— А мы разве не будем вместе? — испуганно спросила она.

— Нет, я не могу.

— Тогда и я не могу, — заявила Комола, схватив Ромеша за руку. — Возьми меня с собой.

— Стыдно, Комола, — сказал Ромеш, вырывая руку. От этого упрека девушка словно окаменела, и лицо ее, казалось, сжалось в комочек. Взмолвавший, Ромеш быстро вышел, но перед его глазами неотступно стояло неподвижное, с выражением беспомощного испуга лицо девушки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ромеш думал пачать свою адвокатскую практику в Алипуре, но теперь решительно не знал, как поступить. У него совсем не осталось той энергии и уверенности, которые так помогают спокойно и сосредоточенно работать и преодолевать трудности, всегда встречающиеся на пути начинающего адвоката. У Ромеша вошло теперь в привычку бесцельно шагать по мосту через Гапгу или бродить около Голдигхи. Он даже начал подумывать о путешествии на запад, но как раз в это время пришло письмо от Опподы-бабу.

«Из газет мы узнали,— писал он,— что ты выдержал экзамены, но были огорчены, не получив известий об этом от тебя самого. Давно уже о тебе ничего не слышно. Нам было бы очень приятно получить от тебя весточку, узнать, как ты живешь и когда собираешься в Калькутту».

Нелишне будет заметить, что уехавший в Англию юноша, на которого так рассчитывал Оппода-бабу, уже успел стать адвокатом и вернуться на родину. Теперь он собирался жениться на девушке из богатого дома.

Между тем Ромеш все еще не мог решить, следует ли ему после всего случившегося встречаться с Хемнолини. Он считал, что говорить сейчас кому-нибудь о Комоле и его отношениях с ней — значило бы очернить ни в чем не повинную девушку в глазах общества. Но имеет ли он право возобновить встречи с Хемнолини, прежде чем не расскажет ей всю правду?

Во всяком случае, медлить с ответом на письмо Опподы-бабу было по крайней мере невежливо, и Ромеш написал:

«Очень прошу извинить меня, но по весьма серьезным причинам я был лишен удовольствия видеться с вами».

Своего нового адреса он не указал.

Отправив ответ по почте, он на следующий же день надел адвокатскую шапочку и отправился в алипурский суд.

Возвращаясь однажды из суда, он прошел некоторую часть пути пешком и уже собирался нанять экипаж, как вдруг услышал хорошо знакомый голос:

— Отец, да ведь это же Ромеш-бабу! Стой, кучер, стой! — И рядом с Ромешем остановился экипаж.

Оннода-бабу с дочерью возвращались в этот день с пикника, устроенного в алипурском зоопарке.

Стоило Ромешу увидеть спокойное и ласковое лицо Хемполини, ее сари, уложенное особыми складками, ее столь знакомую ему прическу, нежные запястья и золотые браслеты со звездами, как горячая волна чувств затопила его сердце и лишила Ромеша дара речи.

— Как хорошо, что мы встретили тебя, — заговорил Оннода-бабу. — Ты теперь и писать перестал нам, а если пишешь, не сообщаемь своего адреса. Куда ты сейчас направляешься? Какое-нибудь неотложное дело?

— Да нет, просто возвращаюсь из суда, — ответил Ромеш.

— Тогда едем к нам пить чай.

Сердце Ромеша радостно забилося, ни о каких колебаниях больше не могло быть и речи. Он уселся в экипаж и, чтобы скрыть свое смущение, спросил Хемполини, как она поживает.

— Вы сдали экзамены и даже не потрудились сообщить нам об этом, — сказала девушка, не отвечая на вопрос Ромеша.

— Я слышал, вы тоже сдали экзамены, — растерянно промолвил он.

— Хорошо еще, что вы хоть помните о нас, — рассмеялась девушка.

— Где ты теперь живешь? — спросил Ромеша Оннода-бабу.

— В Дорджипаре.

— А разве твое прежнее жилище в Колутоле было так уж плохо?

В ожидании ответа Хемполини пристально смотрела на Ромеша.

Этот взгляд проник в самое сердце юноши, и неожиданно он сказал:

— Нет, отчего же? Скоро я снова перееду туда.

Ромеш понимал, что Хемполини сочла за оскорбление его переезд в другой район, и, не зная, как оправдать свой поступок, окончательно пал духом. Однако дальнейших вопросов не последовало. Хемполини, отвернувшись, смотрела на дорогу. Ромеш не в силах был дольше молчать.

— Неподалеку от Хедуйя, — сказал он, — живет один мой родственник... Вот я и поселился в Дорджипаре, чтобы иметь возможность видеться с ним.

Слова Ромеша хоть и не были абсолютной ложью, по все же звучали крайне неубедительно: неужели расстояние от Колутолы до Хедуийя так велико, что, живя на старом месте, нельзя было время от времени навещать своего родственника? Глаза Хемполиппи все еще были обращены в сторону дороги. Несчастный Ромеш никак не мог придумать, что бы еще сказать. Ему удалось выдать из себя одну лишь фразу:

— А как дела у Джогепа?

— Провалился на экзаменах и отправился проветриться на запад, — ответил Оннода-бабу.

Экипаж остановился. Когда Ромеш вошел в дом, он вповоль поддался очарованию этих знакомых ему комнат и всей обстановки. Из груди юноши вырвался тяжелый вздох.

За чаем Ромеш не произнес ни слова. Неожиданно Оннода-бабу сказал:

— Долго что-то ты пробыл на этот раз дома. Дела какие-нибудь задержали?

— Отец умер, — ответил Ромеш.

— Что ты говоришь? Какое несчастье! Как это произошло?

— Он возвращался домой. Внезапно поднялась буря, лодка опрокинулась, и отец погиб.

Как от сильного ветра уплывают тучи и проясняется небо, так и при этом грустном известии в одно мгновение исчезла всякая натянутость в отношениях между Ромешем и Хемполиппи.

«Я плохо думала о Ромеше, а он озабочен делами и опечален смертью отца, — с раскаянием думала девушка. — Он страдает, а мы, ничего не зная о его горе, о том, какая тяжесть у него на сердце, вздумали его обвинять». И Хемполиппи удвоила свое внимание к юноше. Видя, что Ромеш ничего не ест, она принялась угощать его с особым усердием.

— Вы очень плохо выглядите. Вам нужно беречь себя, — говорила девушка. — Папа, — обратилась она к отцу, — мы никуда непустим Ромеша, пока он не поужинает с нами.

— Прекрасно, — ответил Оннода-бабу.

В это время явился Окхой. С некоторого времени первое место за чайным столом Оннода-бабу принадлежало ему. Поэтому, увидев здесь Ромеша, он был неприятно поражен. Однако, быстро овладев собой, он сказал с улыбкой:

— А, Ромеш-бабу! Я думал, что вы нас совсем забыли. Ромеш только слабо улыбнулся.

— Ваш отец так неожиданно вас похитил. Я решил было, что он вас не выпустит, пока не женит,— продолжал Окхой.— Значит, вам все-таки удалось вырваться?

Хемполини метнула в Окхоя сердитый взгляд, а Оппода-бабу заметил:

— Ромеш лишился отца, Окхой.

Ромеш сидел бледный, опустив голову.

Хемнолини страшно рассердилась на Окхоя за то, что он причинил Ромешу боль, и поспешно сказала:

— Вы еще не видели нашего нового альбома, Ромеш-бабу.

Опа припесла альбом, положила его перед юношей и принялась показывать ему фотографии. Затем нерешительно спросила:

— Скажите, Ромеш-бабу, вы живете один в своей повой квартире?

— Да,— ответил Ромеш.

— Так постарайтесь поскорее переехать в соседний с нами дом.

— Конечно. Я это сделаю в понедельник.

— Возможно, мне иногда придется обращаться к вам за помощью. Ведь я сейчас готовлюсь к экзамену по философии,— заметила Хемполини.

Такая перспектива привела Ромеша в восторг.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Ромеш не замедлил перебраться на свою прежнюю квартиру.

Теперь окончательно исчезло недоверие между ним и Хемполини. Ромеш стал в их доме своим человеком. Шуткам и забавам не было конца.

Последнее время перед возвращением Ромеша Хемнолини много и усердно занималась и стала еще более хрупкой. Казалось, подуй ветер посильнее — и он легко переломит ее. Говорила она мало, да и вообще разговаривать с пей было опасно,— она расстраивалась по любому самому незначительному поводу.

Но буквально за каких-нибудь несколько дней в пей произошла удивительная перемена: ее бледные щечки заметно округлились, в глазах поминутно вспыхивали весе-

лые пскорки. Прежде она считала легкомысленным и даже неприличным уделять внимание нарядам. А сейчас... Никто, кроме всевышнего, — ибо она ни с кем не делилась, — не смог бы сказать, почему в девушке произошла такая перемена.

В свою очередь и Ромеш, угнетенный ответственностью за другое существо, вначале тоже выглядел каким-то озабоченным — будто тяжесть знаний, им приобретенных, давила не только на ум его, но и на тело.

В звездном небе все время движутся планеты, что, однако, не мешает обсерватории со всеми ее приборами оставаться в совершенном покое; так и Ромеш, со своим грузом книжных знаний и планов, долгое время оставался недвижим в этом головокружительно-изменчивом мире. Но вдруг что-то вывело его из подобного состояния. Теперь он даже если и не мог сразу ответить на шутку, готов был всегда смеяться. Волосы его еще не всегда поддавались гребешке, зато чадор уже не был таким грязным, как раньше, а в движениях, как и в мыслях, появилась наконец известная живость.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Калькутта как никакой другой город лишена всех тех атрибутов, которые обычно создают в поэмах обстановку, необходимую для влюбленных.

Разве может здесь вдруг появиться беседка из цветущих деревьев ашок и бокул или непроницаемый зеленый шатер из вьющихся зарослей мадхоби; не услышите вы здесь и безыскусного пения пестрогрудой кукушки. И все же любовь с ее магическими чарами не обходит стороной и этот прозаический, лишенный всякой прелести современный город.

Кто может сказать, сколько дней и ночей подряд, в который уже раз и куда мчится в страшной сутолоке улиц, среди экипажей и закованных в металл трамваев бог любви, этот вечно юный и самый древний из богов, пряча свой лук от глаз полицейских в красных тюрбанах!

Хотя Ромеш и Хемнолини жили по соседству в Колутоле напротив мастерской сапожника и рядом с бакалейной лавкой, никто не посмел бы сказать, что они в своих чувствах хоть в чем-то уступали романтическим обитателям цветущих беседок. Ромеш не испытывал ни малейшего огорчения оттого, что перед ним вместо поросшего лотоса-

ми озера был шикарный маленький стол с пятнами чая на скатерти. И пусть любимый кот Хемполини вовсе не походил на молодую черную антилопу — юноша щекотал ему шейку с не меньшей любовью, чем если бы это действительно была лань. А когда, выгнув спину и зевнув, кот грациозно принимался за свой туалет, умиленному Ромешу это животное казалось едва ли не лучшим из всех четвероногих.

Пока Хемполини готовилась к экзаменам, ей почти некогда было заниматься рукоделом, зато в последнее время она с жаром принялась учиться вышиванию у одной из своих подруг. Что до Ромеша, то он всегда считал это занятие совершенно ненужным и даже презренным. В литературе и философии оба они были одинаково сильны, но, как только речь заходила о рукоделии, Ромешу приходилось отступать. Поэтому он частенько с недовольством замечал:

— Чего вдруг вы так увлеклись вышиванием? Это занятие для тех, кто не знает, чем заполнить свой досуг.

В ответ Хемполини молча улыбалась, вдевая в иглу шелковую нитку.

Однажды Окхоей ядовито заметил:

— По авторитетному мнению Ромеша-бабу, все имеющее хоть малейший практический смысл достойно презрения. Но кстати сказать, любой человек, будь он величайшим ученым или поэтом, не прожил бы и дня без этих презренных мелочей!

Задетый за живое, Ромеш уже готов был ринуться в спор, но Хемполини остановила его:

— Стоит ли, Ромеш-бабу, так волноваться? На свете и так слишком много бесплодных споров!

С этими словами она снова склонилась над вышиванием, считая стежки.

Как-то утром, войдя к себе в кабинет, Ромеш увидел на столе бювар, переплетенный в затканый цветами бархат. На одном уголке его крышки стояла буква «Р», на другом красовался вышитый золотыми нитками лотос.

Ромеш ни на мгновение не усомнился ни в происхождении этой вещи, ни в ее назначении. Сердце его радостно забило. Он тут же, без споров и возражений, признал в глубине души всю важность такого занятия, как рукоделие, и, прижимая к груди драгоценную вещь, готов был даже признать свое поражение перед Окхоем. Открыв бювар, Ромеш положил на него лист бумаги и написал:

«Будь я поэтом, я смог бы отблагодарить вас стихами, но я лишен поэтического дарования. Однако, не наделив меня способностью одарять, всевышний наградил меня способностью принимать дары. Только тому, кто читает в сердце другого, ведомо, как принял я эту неожиданную милость. Ведь подарок можно видеть и осязать, а мои чувства спрятаны глубоко в сердце.

Ваш неоплатный должник».

Разумеется, записка попала в руки Хемполипи, по ни она, ни Ромеш не обмолвились о ней ни словом.

Близился сезон дождей — самая лучшая пора для лесов и полей. Но городские жители не любят это время года. Тщетно пытаюсь преградить путь дождю, городские дома встречают его крышами и плотно закрытыми окнами, трамваи — опущенными занавесками, люди — зонтами, но, несмотря на это, все вокруг оказывается насквозь промокшим и покрытым грязью, в то время как леса, реки, холмы и горы приветствуют дождь, как друга, встречая его радостным гулом. Для них он желанный гость, там ничто не препятствует радостному празднику слияния неба с землей.

Влюбленные подобны горам и лесам: непрерывные дожди могли влиять на пищеварение Онподы-бабу, но омрачить радостное настроение Ромеша и Хемполипи они были не в силах.

Хмурые тучи, рокот грома и шум ливня, казалось, еще теснее сближали сердца.

Из-за ненастной погоды Ромеш никуда не ходил. Иногда с самого утра дождь лил с таким упорством, что Хемполипи тревожно говорила:

— Ромеш-бабу, как вы пойдете домой?

На это Ромеш смущенно отвечал, что как-нибудь доберется.

— Но вы можете простудиться и заболеть, поуживайте с нами.

Ромеш совершенно не боялся простуды, друзья и близкие никогда не замечали в нем хотя бы малейшего предрасположения к болезням, но, подчиняясь заботам Хемполипи, он в эти дождливые дни стал считать преступным легкомыслием пройти даже несколько шагов, отделяющих дом Онподы-бабу от его жилища.

В дни, когда небо предвещало непогоду, Ромеша приглашали в дом Онподы-бабу отведать рис с горохом, если это было утро, или лепешек, если наступал вечер. Было

внолне очевидно, что серьезные опасения за его здоровье отнюдь не распространялись на его пищеварение.

Так шло время. Ромешу некогда было даже задуматься над тем, куда приведет его неодолимое влечение сердца. Но Овноду-бабу, да и некоторых его знакомых, этот вопрос очень занимал и часто служил темой их разговоров.

Жизненный опыт Ромеша не шел ни в какое сравнение с его ученостью, а любовь окончательно лишила его возможности разбираться в делах житейских. Каждый день Овнода-бабу с надеждой вглядывался в лицо Ромеша, но не мог прочесть на нем никакого ответа.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Голос у Окхоя не сильный, но, когда он пел, сопровождая себя на скрипке, только очень уж суровый критик не попросил бы его спеть что-нибудь еще.

Овнода-бабу не питал особой любви к музыке, однако признать в этом он не мог и потому выработал особые методы самозащиты.

Стопло кому-нибудь попросить Окхоя спеть, как Овнода-бабу говорил:

— Ну как не совестно, нельзя же так мучить беднягу только потому, что он умеет петь.

Такое заявление, в свою очередь, наталкивалось на скромный протест Окхоя:

— Что вы, Овнода-бабу, не беспокойтесь, пожалуйста, еще неизвестно, кто кого мучает.

Затем в спор вступал кто-либо из искренних любителей музыки, которому удавалось наконец уговорить Окхоя исполнить что-нибудь.

Однажды вечером все небо затянуло свинцовыми тучами. Дождь лил не переставая и после наступления темноты.

Окхою пришлось задержаться, и Хемволипи попросила его спеть. Она села за гармониум, а Окхой, настроив скрипку, запел на хиндустан:

Лети, о ветерок мой песный,
Мойм посланцем будь.
Скажи: без вести о любимой
Я не могу заснуть!¹

¹ Здесь и далее стихи в переводе Г. Ярославцева.

Не все слова песни были понятны слушателям, да это и не обязательно: когда сердца полны любовью, полны радостью встреч и болью разлуки, достаточно и легкого намека, чтобы понять друг друга.

Окхой пел о том, что шумит ливень, кричат павлины и тоска влюбленных безгранична.

В песне он стремился выразить свои затаенные чувства, но этим воспользовались двое других. Погрузившись в волны мелодии, их сердца бились в унисон; в целом мире для них не существовало больше ничего тусклого, незначительного, — все вокруг стало прекрасным. Как будто вся любовь, которой пылали когда-либо человеческие сердца, была теперь поделена только между ними двумя, заставляя их трепетать от безмерного счастья и муки, замирать в смятении и надежде.

В этот день так и не было просвета в тучах, не смолкали и песни.

Стоило Хемполини попросить: «Пожалуйста, Окхой-бабу, спойте еще», — и тот с готовностью продолжал.

Мелодия звучала все более страстно и проникновенно. Она то неожиданно сверкала, подобно вспышкам молнии, то вырывалась, как стон полного страдания и боли сердца.

Окхой ушел лишь поздно вечером. В минуту прощания, весь под впечатлением музыки, Ромеш молча заглянул в глаза Хемполини. Она ответила ему вспыхнувшим взглядом, в котором дрожала еще тень песни.

Ромеш вернулся домой. Дождь, на мгновение переставший, полил с новой силой. В эту ночь юноша не смог уснуть. Не спала и Хемполини. В непроницаемом мраке долго прислушивалась она к неумолчному шуму дождя. В ушах ее по-прежнему звучали слова песни:

Лети, о ветерок мой печный,
Моим посланцем будь.
Скажи: без вести о любимой
Я не могу заснуть!

«Если бы я мог петь! — вздохнув, подумал на следующее утро Ромеш. — Я, не задумываясь, отдал бы за это все свои знания».

Но, к сожалению, у Ромеша не было никакой надежды хоть как-нибудь овладеть этим искусством, и он решил попробовать заняться музыкой. Ему вспомнилось, как однажды, случайно оставшись один в комнате Онподы-бабу, он провел смычком по струнам, но уже от одного этого

прикосновения богиня Сарасвати издала такой болезненный стон, что ему пришлось оставить дальнейшие попытки игры на этом инструменте, ибо продолжать — значило бы проявить по отношению к богине величайшую жестокость.

Теперь Ромеш купил небольшой гармоний. Плотво прикрыв дверь комнаты, он осторожно коснулся клавиш и пришел к заключению, что этот инструмент, во всяком случае, куда выносливее скрипки.

На следующий день, едва Ромеш появился в доме Опподы-бабу, как Хемполини заметила:

— Это у вас кто-то играл вчера на гармоние?

Ромеш полагал, что, раз он запер дверь, его никто не услышит. Однако нашлось чуткое ухо, которое улавливало звуки даже через закрытую дверь. Пристыженному ювонше пришлось сознаться, что он купил гармонию и хочет научиться играть.

— Напрасно вы запираетесь на ключ и пытаетесь научиться самостоятельно, — сказала Хемполини. — Лучше приходите к нам. Я немного играю и сумею научить вас тому, что знаю сама.

— Но ведь я очень неспособный ученик, — ответил Ромеш. — Вам придется со мной изрядно повозиться.

— Ну, знаний у меня ровно столько, чтобы кое-как обучать неспособных, — рассмеялась Хемполини.

Очень скоро, однако, обнаружилось, что Ромеш не оказался чересчур скромным, заявив о своих скудных способностях к музыке. Несмотря на столь терпеливого педагога, каким была Хемполини, его музыкальный слух так и не развился. В потоке мелодии Ромеш вел себя, как не умеющий плавать человек, который, попав на глубокое место, начинает колотить по воде руками и ногами. Он без разбору ударял по клавишам, фальшивя на каждом шагу, но не замечал фальши: он не чувствовал никакой разницы между верной и фальшивой нотой и беспечно попирает все законы гармонии. Не успевала Хемполини воскликнуть: «Что вы делаете, это звучит фальшиво!» — как он уже спешил устранить первую ошибку последующей. Но, серьезный и усидчивый по натуре, Ромеш был не из тех, кто готов бросить плуг, не доведя борозды до конца. Медленно движущийся каток трамбует дорогу, вовсе не заботясь о том, что он стирает в порошок па своем пути. С таким же слепым упорством совершал и Ромеш свои непрестанные пабегн па злосчастные ноты и ключи.

Хемполини смеялась над ним, и сам он хохотал вместе с ней. Казалось, неисчерпаемая способность Ромеша ошибаться доставляет Хемполини огромное удовольствие.

Лишь любовь способна извлекать радость из ошибок, слабостей и даже диссонансов.

Когда мать наблюдает первые, еще нетвердые шаги ребенка, ее любовь к нему возрастает: то же чувствовала Хемполини, забавляясь той совершенно поразительной неспособностью, которую обнаруживал Ромеш к музыке.

— Хорошо вам надо мной смеяться,— говорил он иногда,— а сами вы разве не делали ошибок, когда учились играть?

— Конечно, и я ошибалась, но, сказать по правде, Ромеш-бабу, мои ошибки не идут ни в какое сравнение с вашими.

И все же Ромеш не сдавался и, смеясь, начинал все сначала.

Вы уже знаете, что Оннода-бабу отнюдь не был ценителем музыки, однако, прислушиваясь порой к игре Ромеша, он вдруг многозначительно замечал:

— Недурно звучит. Пожалуй, со временем Ромеш может стать неплохим музыкантом.

— Ну да! Мастером по части извлечения фальшивых нот,— смеялась Хемполини.

— Право же, он сделал значительные успехи с тех пор, как я слышал его в первый раз. Если Ромеш постарается, он будет неплохо играть. Нужна только постоянная практика. Главное, одолеть гаммы,— а там все пойдет как по маслу.

На подобные заверения возразить было нечего, оставалось лишь почтительно их выслушивать.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Почти каждую осень, во время праздника Пуджи, Оннода-бабу и Хемполини, пользуясь льготными билетами, отправлялись в Джобболпур, где служил муж сестры Онноды-бабу. Стимулом для этих ежегодных поездок являлась неугасимая надежда Онноды-бабу улучшить свое пищеварение.

Наступил сентябрь. До праздничных каникул оставалось совсем немного времени, и Оннода-бабу занялся приготовлениями к путешествию.

В предчувствии близкой разлуки Ромеш стал теперь заниматься музыкой особенно усердно.

Как-то в разговоре с ним Хемполини, будто между прочим, заметила:

— Мне кажется, Ромеш, вам было бы очень полезно па время перемепить климат. Что ты скажешь па это, отец?

Подумав, Овпода-бабу решил про себя, что такое предложение не лишено смысла: Ромеш перенес тяжелую утрату и ему полезно будет рассеяться.

— Конечно,— сказал он,— перемсна климата — прекрасная вещь. Знаешь, я заметил, что в любом месте — будь это западные провинции или другая область — перемена климата действует благотворно только первые несколько дней. Появляется хороший аппетит, пачинаешь много есть, а потом — опять все по-старому: тяжесть в желудке, изжога, и, что ни съешь, все...

— Ромеш, вы когда-нибудь видели Нормодский водопад? — прервала отца Хемполини.

— Нет, я ни разу не бывал в тех местах.

— Тогда вам стоит его посмотреть. Правда, отец?

— Действительно, почему бы Ромешу не поехать с нами. Он и климат переменит, и Мраморные скалы увидит.

При создавшемся положении вещей Ромеш был уверен, что ему действительно необходимо переменить климат и посмотреть Мраморные скалы, поэтому ему ничего не оставалось, как согласиться.

Весь этот день Ромеш, казалось, витал в небесах. Что-бы дать волю охватившей его радости, он заперся у себя дома и уселся за гармоннум. Его обезумевшие пальцы, откинув прочь всю технику игры, плясали па этом несчастном инструменте настоящий тапец джнннов.

Перспектива разлуки с Хемполини повергла Ромеша в бездну уныния. И теперь в порыве восторга он припосил в жертву все свои познания в музыке.

Стук в дверь прервал его упражнения.

— Что вы делаете, Ромеш-бабу! Прошу вас, перестаньте,— слышался чей-то голос.

Пунцовый от стыда, Ромеш открыл дверь. В комнату вошел Окхой.

— Что вы тут тайком от всех безобразничаете? Смотрите, как бы вам не попасть за это под одну из статей вашего же уголовного кодекса!

— Признаюсь, виновец,— рассмеялся Ромеш.

— Ромеш-бабу, если вы не возражаете, мне бы хотелось кое о чем поговорить с вами,— сказал Окхой.

Обеспокоенный таким вступлением, Ромеш выжидающе посмотрел на него.

— Насколько вы могли заметить, судьба Хемнолнии для меня далеко не безразлична,— начал Окхой.

Ромеш ничего не ответил, ожидая дальнейших объяснений.

— Я друг Онподы-бабу и полагаю, что вправе узпать, каковы ваши намерения относительно его дочери.

Ромешу не понравились ни слова, ни тон, каким они были сказаны, но он не умел отвечать резко и поэтому спокойно спросил:

— Разве у вас есть основания подозревать меня в дурных намерениях?

— Видите ли, вы происходите из семьи, которая строго придерживается пидуизма, и ваш отец был его последователем. Мне известно, что он увез нас в деревню, чтобы женить там, и сделал это из опасения, как бы вы не взяли в жены девушку из семьи, не исповедующей вашей религии.

У Окхоя была особая причина претендовать на осведомленность в этом деле, так как не кто иной, как он, заронил подобные опасения в душу Броджмохона, отца Ромеша.

В течение нескольких минут Ромеш не решался взглянуть в лицо Окхой.

— И вы считаете себя теперь свободным потому, что ваш отец умер? — продолжал Окхой. — Ведь он хотел...

Но Ромеш был больше не в силах сохранять спокойствие.

— Послушайте, Окхой-бабу, если вам придет в голову дать мне какой-нибудь другой совет, я с удовольствием вас выслушаю. Но не вам судить о моих отношениях с отцом.

— Хорошо, оставим это. Но все же вы должны мне сказать, намерены ли вы жениться на Хемнолнии?

Получая удар за ударом, Ромеш потерял накопец всякое терпение:

— Знаете, Окхой, может быть, вы и друг Онподы-бабу, но со мной вас не связывают столь тесные узы, поэтому соблаговолите прекратить этот разговор.

— Если бы все зависело только от меня, он давно был бы прекращен и вы могли бы и дальше проводить время с прежней беспечностью, несколько не заботясь о послед-

ствиях своего поведения. Но общество — плохое место для таких беззаботных людей, как вы. Конечно, вы из тех, кто размышляет лишь о возвышенных материях и мало обращает внимания на то, что творится на земле, — иначе вы, быть может, поняли бы, как рискованно вести себя подобным образом с дочерью всеми уважаемого человека, какие можно вызвать толки. Но если вы стремились к тому, чтобы погубить репутацию людей, чьим мнением вы дорожите, — вы на верном пути.

— Благодарю за предостережение, — ответил Ромеш. — Я немедленно решу, как мне поступить, можете не сомневаться. Сейчас же я не вижу необходимости продолжать нашу беседу.

— Вы меня обрадовали, Ромеш-бабу! Наконец я успокоился. Наш разговор исчерпан. Виноват, что прервал ваши запятия музыкой. Ну ничего, начнете сначала. А я удаляюсь. — И Окхой поспешно вышел.

После его ухода музыка не шла на ум Ромешу. Он бросился на постель и долго лежал в задумчивости, закинув руки за голову. Прошло немало времени, когда он вдруг услышал, что часы пробили пять, и торопливо вскочил. Только всевышнему известно, что именно решил предпринять Ромеш в дальнейшем, но сейчас он был твердо уверен в одном: необходимо тотчас же отправиться в соседний дом и выпить там чашку чая.

Когда он пришел, Хемнолини, встревоженная его видом, спросила:

— Вы не больны, Ромеш?

— Нет, нет, ничего особенного, — ответил он.

— Пустяки, — заметил Оннода-бабу, — просто нарушение пищеварения и увеличена печень. Я вот принимаю такие пилюли, проглотить одну, и...

— Пилюли тут ни при чем, отец, — рассмеялась Хемнолини, — я не видела более общительного человека, чем ты... Но неужели ты считаешь, что это тебе пилюли помогают?

— Вреда они, во всяком случае, не приносят. Знаешь, я убедился, что эти пилюли во много раз лучше тех, что я принимал раньше.

— Ты всегда так: как только начинаешь принимать новое лекарство, непременно приписываешь ему исключительные свойства.

— Ни во что вы, молодежь, не верите! Спроси хоть Окхоя, Ромеш, помогло ему мое лекарство или нет, — протестовал Оннода-бабу.

Хемполини сразу замолчала, опасаясь, как бы не был вызван упомянутый свидетель. Действительно, он тут же появился и прямо с порога обратился к Опноде-бабу:

— Я был бы вам очень благодарен, если б вы дали мне еще несколько пилюль. Они, знаете, мне очень помогают, после них я чувствую себя необыкновенно бодро.

Опнода-бабу торжествующе посмотрел на дочь.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Окхой взял лекарство, по гостеприимный Опнода-бабу ни за что не хотел отпускать его, да и сам Окхой не очень торопился уходить и время от времени испытующе поглядывал на Ромеша.

Ромеш никогда не отличался особой наблюдательностью, но сегодня даже от него не могли укрыться странные взгляды Окхой, и это начало раздражать его.

Хемполини была необычайно оживлена. Ее радовала мысль, что время поездки на запад приближается, и она решила сегодня же обсудить с Ромешем подробности путешествия, поговорить о книгах, которые они будут читать вместе. Было условлено, что Ромеш придет пораньше — тогда никто, а главное, Окхой, который всегда являлся как раз к чаю, не успеет помешать им.

Однако сегодня Ромеш пришел позднее, чем обычно, был задумчив, и это значительно умерило энтузиазм Хемполини. Улучив удобный момент, девушка тихо спросила:

— Почему вы так поздно?

— Да, кажется, я действительно немного запоздал, — не сразу и довольно рассеянно ответил Ромеш.

А Хемполини так старалась быть готовой вовремя: она пораньше оделась, причесалась и стала ждать Ромеша, то и дело нетерпеливо поглядывая на часы. Сначала ей казалось, что часы идут неправильно и времени не так уж много. Когда же стало совершенно очевидно, что Ромеш действительно запаздывает, Хемполини взяла вышивание и села у окна, стараясь отогнать от себя грустные мысли.

Но вот Ромеш пришел. Он был явно чем-то озабочен и даже не нашел нужным объяснить свое опоздание, словно они и не договаривались встретиться рано утром.

Хемполини едва дождалась, пока все выпили чай. В углу на столе лежали книги. Девушка сделала последнее героическое усилие, чтобы привлечь внимание Роме-

ша. Она взяла книги, делая вид, что хочет их унести. Это движение вывело Ромеша из задумчивости, и он быстро подошел к ней.

— Куда же вы унесёте книги? Разве вы не хотели отобрать некоторые из них?

У Хемволицы дрогнули губы. Она едва сдержала слезы.

— Оставьте, незачем их отбирать... — проговорила она и ушла в спальню. Там она бросила книги прямо на пол.

После ее ухода настроение у Ромеша окончательно испортилось. Окхой же, посмеиваясь про себя, участливо спросил:

— Вы, кажется, не совсем здоровы, Ромеш-бабу?

Ромеш пробормотал что-то невнятное в ответ.

Зато Оннода-бабу при одном упоминании о здоровье сразу оживился.

— Вот, вот, и я сказал то же самое, как только его увидел.

— Такие люди, как Ромеш, считают унизительным заботиться о здоровье, — лукаво сощурившись, продолжал Окхой. — Ведь они пребывают в царстве духа и уверены, что неприлично обращать внимание на такой пустяк, как несварение желудка.

Оннода-бабу, приняв это заявление всерьез, стал странно доказывать, что заботиться о пищеварении падлежит всем, даже людям умственного труда.

Ромеш молчал, но в душе его все кипело от ярости.

— Послушайте моего совета, Ромеш, — опять вмешался Окхой, — примите пилюлю Онноды-бабу и отправляйтесь пораньше спать.

— Я хочу поговорить с Оннодой-бабу наедине.

— Так бы давно и сказали! — воскликнул Окхой, вставая. — С Ромешем всегда так: сначала он все скрывает, а когда время уже на исходе, вдруг спохватывается.

С этими словами Окхой ушел, а Ромеш, пристально глядя на копчики своих ботинок, заговорил:

— Оннода-бабу, вы принимали меня как родного, и мне даже трудно выразить, как я вам благодарен за это.

— Ну и прекрасно! Ты же друг нашего Джогена, разве мог я относиться к тебе иначе?

Вступление было сделано, но что следовало сказать дальше, придумать Ромеш не мог. Чтобы помочь ему, Оннода-бабу сказал:

— Право же, Ромеш, мы сами очень счастливы, что принимаем у себя в доме, как сына, такого достойного юношу.

Однако и после этого Ромеш не обрел дара речи.

— Ты, я думаю, заметил, что люди много сплетничают о вас,— продолжал Оннода-бабу.— Они считают, что для Хемполини уже настало время думать о замужестве и теперь ей надо быть особенно осторожной в выборе знакомств. Но я всегда отвечаю им, что вполне доверяю Ромешу и уверен, что он никогда не захочет причинить нам зла.

— Вы меня хорошо знаете, Оннода-бабу,— проговорил наконец Ромеш,— и если считаете достойным Хемполини, то...

— Не продолжай. Вот мы с тобой и договорились. Если бы не печальное событие с твоей семьей, можно было бы уже давно назначить день свадьбы. Но имей в виду, дорогой мой, дальше не следует откладывать это дело; ходят разные слухи, и чем скорее они будут прекращены, тем лучше. Как ты полагаешь?

— Когда вам только будет угодно. Но, разумеется, прежде всего надо узнать мнение вашей дочери.

— Верно. Хотя оно уже известно. Так или иначе, завтра с утра я все это улажу.

— Теперь разрешите мне уйти, я и так слишком задержался.

— Подожди минутку. По-моему, хорошо было бы устроить вашу свадьбу еще до отъезда в Джобболпур.

— Да... по осталось слишком мало времени!

— Примерно десять дней. Если устроить свадьбу в следующее воскресенье, на сборы останется дня три. Видишь ли, Ромеш, я бы не стал так торопить тебя, но надо же мне и о своем здоровье подумать.

Ромеш согласился и, проглотив еще одну пилюлю Онноды-бабу, отправился домой.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Приближались школьные каникулы.

Ромеш заранее условился с начальницей, что Комола на праздники останется в пансионе.

На следующий день, идя рано утром по тихой улице к Майдану, Ромеш решил, что сразу после свадьбы он подробно расскажет Хемполини все о Комоле, а затем, выбрав подходящий момент, объяснится и с Комолой.

Таким образом, когда будет достигнуто полное взаимопонимание, Комола станет подругой Хемполипи и останется жить вместе с ними.

Он понимал, что относительно Комолы неизбежно пойдут всякие толки, и поэтому решил сразу же после свадьбы уехать в Хазарибаг и заняться там адвокатской практикой.

Возвратившись с прогулки, юноша отправился к Оньоде-бабу. На лестнице он неожиданно столкнулся с Хемволипи. Будь это раньше, при такой встрече они бы обязательно обменялись хотя несколькими словами. Но сегодня Хемполипи вдруг залилась краской, легкая улыбка, как нежный отблеск зари, промелькнула на ее лице, и, опустив глаза, девушка убежала прочь.

Возвратясь домой, Ромеш уселся за гармониум и стал старательно воспроизводить мелодию, которой обучила его Хемволипи. Но нельзя же целый день играть одно и то же. Оставив гармониум, он попытался читать стихи, однако вскоре убедился, что никакая поэма не способна достичь тех высот, которых достигла его любовь.

А Хемволипи, исполненная радости, продолжала свои домашние дела. После полудня она наконец освободилась и, притворив дверь спальни, села за вышиванье. Лицо девушки светилось безмерным счастьем: чувство глубокого покоя вдруг охватило ее.

Задолго до обычного часа семейных чаепитий Ромеш бросил книгу, оставил гармониум и явился в дом Оньоде-бабу. Прежде Хемполипи всегда спешила ему навстречу. Но сегодня юноша увидел, что столовая пуста, наверху тоже никого не было. Значит, Хемволипи до сих пор еще не выходила из своей комнаты.

В положенное время появился Оньода-бабу и занял свое место за столом.

Ромеш то и дело робко поглядывал на дверь. Наконец послышались шаги, но это оказался Окхой.

Поздоровавшись с Ромешем довольно приветливо, он сказал:

— А я только что от вас, Ромеш-бабу.

При этом сообщении по лицу Ромеша пробежала тень беспокойства.

— Чего вы испугались? — рассмеялся Окхой. — Я вовсе не собираюсь на вас нападать. Мой дружеский долг — поздравить вас со счастливым событием в вашей жизни. Это было единственной целью моего посещения.

Оннода-бабу вдруг заметил, что Хемнолипи нет в комнате.

Он позвал ее, но, не получив ответа, сам поднялся наверх.

— Что это ты до сих пор сидишь со своим вышиванием, Хем! — сказал он. — Чай готов. Ромеш и Окхой уже пришли.

Хемнолипи слегка покраснела.

— Прикажи подать чай сюда, отец, — попросила она. — Мне нужно закончить эту работу.

— Ну и характер у тебя, Хем! Стоит увлечься чем-нибудь, так уж до всего другого тебе и дела нет. Когда шли заплата, ты от книги головы не поднимала, а теперь вот засела за вышивание. Нет, это никуда не годится! Спускайся-ка вниз!

С этими словами Оннода-бабу взял дочь за руку и чуть не насильно привел в столовую. Но она ни на кого не подняла глаз и стала сосредоточенно разливать чай.

— Что ты делаешь, Хем? — в недоумении воскликнул вдруг Оннода-бабу. — Зачем ты кладешь мне сахар? Ты же знаешь, что я всегда пью чай без сахара!

А Окхой лукаво заметил:

— Сегодня ее щедрость не знает границ. Она готова одарить сладким всех без исключения.

Эти скрытые насмешки по адресу Хемнолипи были невыносимы для Ромеша. Он тут же решил, что после свадьбы они прекратят всякие отношения с Окхоем.

— Знаете, Ромеш-бабу, вам следовало бы переменить имя, — неожиданно заявил Окхой.

— Хотелось бы знать почему, — раздраженно спросил Ромеш, которого вывела из себя эта шутка.

— Взгляните сюда, — сказал Окхой, развертывая газету. — Один студент по имени Ромеш вместо себя послал сдавать экзамены кого-то другого, и тот попался.

Зная, что Ромеш не умеет сразу отвечать на подобные шутки Окхоя, Хемнолипи считала своей обязанностью брать Ромеша под защиту. Так же поступила она и сейчас и, не выдавая своего негодования, смеясь, ответила:

— Если так, то в тюрьмах, должно быть, очень много Окхоев.

— Нет, вы только посмотрите на нее! — заметил Окхой. — Хочешь дать человеку дружеский совет, а на тебя сердятся. Если на то пошло, я расскажу вам сейчас целую историю. Вы, конечно, знаете, что моя младшая се-

стрепка, Шорот, ходит в женскую школу. Так вот, вчера вечером она приходит и говорит мне: «Знаешь, дада, жена вашего Ромеша учится у нас в школе». — «Глупенькая, — возражаю я, — ты думаешь, нет других Ромешей на свете?» — «Кто бы этот человек ни был, он очень жесток к своей жене, — заявила Шорот. — На праздники почти все девочки уезжают домой, а он оставил свою жену в пансионе. Бедняжка все глаза выплакала». Тогда-то мне и пришло в голову, что это не дело: ведь другие могут ошибиться так же, как Шорот.

Оппода-бабу весело рассмеялся:

— Ты просто сумасшедший, Окхой! Как можно говорить такие глупости! С какой стати пап Ромеш должен менять имя только потому, что какой-то другой Ромеш жестоко обошелся со своей женой.

Ромеш вдруг побледнел и, встав из-за стола, вышел из комнаты.

— Что с вами, Ромеш-бабу? Уж не рассердились ли вы? Не подумайте, что я вас в чем-то подозреваю! — крикнул Окхой и кипулся вслед за Ромешем.

— Что это они в самом деле? — воскликнул Оппода-бабу.

Хемполини внезапно разрыдалась.

— В чем дело, Хем? Почему ты плачешь? — встревоженно спросил Оппода-бабу.

— Отец! Окхой-бабу ужасно несправедлив, — выговорила наконец она прерывающимся от слез голосом. — Как он смеет так оскорблять в нашем доме достойного человека?

— Ну, Окхой просто пошутил. Ромешу не стоило принимать это так близко к сердцу.

— Я не терплю подобных шуток, — ответила Хем и убежала наверх.

Приехав в Калькутту, Ромеш приложил немало усилий, чтобы найти мужа Комолы. Наконец с большим трудом ему удалось разыскать местечко под названием Дхобанкур, где жил Тарипичорон, дядя девушки. Ромеш написал ему.

Утром, на следующий день после описанного случая, он получил ответ на свое письмо. Тарипичорон писал, что после того ужасного несчастья не получал никаких известий о Нолиаххе, муже племянницы. Нолиаххо был:

врачом в Рангпуре. Тариничорон и там справлялся, но ему ответили, что пока ничего не известно. Откуда Ноли-накхо родом, Тариничорон не знал.

Теперь Ромешу окончательно пришлось расстаться с надеждой, что муж Комолы жив.

С той же почтой он получил много других писем: это были поздравления от друзей по случаю свадьбы. Одни требовали, чтобы он устроил праздничный обед, другие шутливо упрекали за то, что Ромеш так долго держал все в секрете.

В это время слуга Ояноды-бабу принес записку. Сердце Ромеша забилося, когда он узнал почерк Хемнолини.

«Слова Окхой заронили в ней подозрение, и, чтобы рас-сеять его, она решила написать мне», — подумал Ромеш.

Записка была совсем коротенькой:

«Вчера Окхой-бабу очень нехорошо поступил с вами. Я думала, что вы зайдете к нам сегодня утром. Почему же вы не пришли? Зачем так серьезно относиться к тому, что говорит Окхой-бабу? Вы же знаете, я не верю ни одному его слову. Обязательно приходите сегодня пораньше, — я не буду заниматься вышиванием».

В этих немногих словах Ромеш угадал боль, которая терзала любящее, полное всепрощения сердце Хемнолини, и глаза его наполнились слезами.

Ромеш понял, что со вчерашнего вечера Хемнолини со страстным нетерпением ожидает его прихода. Прошла ночь, миновало утро, а он все не шел, и тогда, не в силах больше ждать, она написала эту записку.

Ромеш еще накануне думал о том, что необходимо без промедления открыть Хемнолини все. Но после вчерашнего происшествия сделать это признание было очень трудно: ведь теперь всякий может подумать, что Ромеш старается увильнуть от ответственности за свои поступки. И тому же для него была невыносима мысль, что Окхой будет чувствовать себя победителем. «Окхой действительно считает мужем Комолы какого-то другого Ромеша, — продолжал рассуждать юноша, — иначе он ни за что бы не ограничился одними намеками, а устроил шум на весь город. Поэтому надо немедленно что-то придумать».

Но тут пришло еще одно письмо. Оно было от начальницы школы, где училась Комола. Она писала, что не считает себя вправе оставлять Комолу на праздники в пан-

сионе, так как девушка очень тоскует по дому. Со следующей субботы начинаются каникулы, и Ромешу совершенно необходимо взять жену на это время домой.

Взять к себе Комолу в следующую субботу! А в воскресенье его свадьба!

Неожиданно в комнату вошел Окхой.

— Ромеш-бабу, вы должны меня простить, — заговорил он. — Зпай я, что вы рассердитесь на столь безобидную шутку, я бы и слова не вымолвил. Но обычно люди сердятся, лишь когда в шутке есть доля правды, какие же у вас были основания так возмущаться моими словами? Оннода-бабу со вчерашнего дня не перестает ругать меня, а Хемполини даже разговаривать со мной не желает. Когда я сегодня утром зашел к ним, она сразу же вышла из комнаты. Ну скажите, что я сделал плохого?

— Мы все это обсудим в другое время, — ответил Ромеш. — А сейчас, простите, я очень занят!

— А, понимаю, приготовления к свадьбе, ведь времени осталось совсем мало! Тогда я не буду отрывать вас от приятных забот. До свиданья. — И Окхой скрылся.

Ромеш отправился в дом к Онноде-бабу. Войдя, он сразу увидел Хемполини. Уверенная, что он придет рано утром, она давно приготовилась к встрече: сложенное и завернутое в платок вышивание она положила на стол, рядом стоял гармониум. Девушка предполагала заняться с Ромешем музыкой, как это бывало обычно, но втайне надеялась услышать и другую музыку — ту, которая звучит в сердцах одних влюбленных и слышна только им.

Хемполини встретила Ромеша с сияющим лицом, но ее улыбка тотчас угасла, так как Ромеш прежде всего спросил, где Оннода-бабу.

— Отец в кабинете, — ответила она. — Он вам очень нужен? Может быть, подождете? Папа скоро спустится к чаю.

— У меня к нему неотложное дело. Я не могу ждать.

— Тогда идите, оп у себя.

Ромеш ушел.

«Неотложное дело»! В этом мире дела не терпят промедления, лишь любовь должна терпеливо ждать своего часа у дверей.

Казалось, в эту минуту ясный осенний день со вздохом притворил золотую дверцу своей сокровищницы радостей.

Хемполини отодвинула кресло от гармониума и, пересев к столу, взялась за вышивание. Но у нее было такое

чувство, будто игла прокалывала ее матерью, а вонзалась ей прямо в сердце.

Не простое, видно, это неотложное дело Ромеша! Оно распоряжается чужим временем, как раджа, а любовь? Она всего лишь нищая у порога!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Когда Ромеш вошел к Онноде-бабу, старик дремал в кресле, прикрыв лицо газетой. От вежливого покашливания Ромеша он тотчас проснулся и, протянув ему газету, воскликнул:

— Ты читал, Ромеш, сколько людей погибло на этот раз от холеры?

Но Ромеш, словно не слыша вопроса, сказал:

— Свадьбу придется отложить на несколько дней. У меня срочное дело.

Эти слова заставили Онноду-бабу моментально забыть о жертвах холеры. Некоторое время он молча смотрел на Ромеша, затем проговорил:

— Что ты, Ромеш! Ведь приглашения уже разосланы.

— Можно сегодня же известить всех приглашенных, что свадьба откладывается на следующее воскресенье.

— Ты меня поражаешь, Ромеш! Это же не судебный процесс, который можно откладывать на любой срок и назначать, когда вздумается! Хотел бы я знать, что за срочное у тебя дело?

— Оно действительно очень важное и не терпит промедления.

— Не терпит промедления! — И Оннода-бабу упал в кресло, как сломенное ветром банановое дерево. — Замечательно, великолепно! — продолжал он. — Впрочем, поступай как знаешь. Захотел отменить — отменяй! Если меня спросят, я отвечу, что понятия ни о чем не имею, что все знает жеппх и он один может объяснить, почему свадьба отложена и когда ему будет угодно ее назначить.

Ромеш сидел молча, опустив голову.

— А Хемнолипи ты сказал? — спросил Оннода-бабу.

— Нет, она еще ничего не знает.

— Ей все же не мешало бы знать, свадьба ведь не только твоя.

— Я решил сказать ей после того, как переговорю с вами.

— Хем! — крикнул Оппода-бабу.

— В чем дело, отец? — спросила девушка, входя в комнату.

— Ромеш говорит, что у него какое-то важное дело и ему неудобно устраивать сейчас свадьбу.

Хемполини мгновенно побледнела и пристально взглянула на Ромеша. Юноша виновато молчал. Он не ожидал, что это известие будет преподнесено Хемполини в такой форме.

Всем своим измученным сердцем Ромеш прекрасно понимал, как глубоко должно ранить Хемполини это неприятное сообщение, передаваемое притом столь неожиданной и грубо. Но выпущенную стрелу не вернешь, и Ромеш ясно видел, что эта злая стрела воцелилась прямо в сердце Хемполини.

Сказанное нельзя было ничем смягчить. Все совершенно верно: свадьбу придется отложить, у Ромеша важное дело. Но он не хочет сказать, какое именно. Никакого нового объяснения тут не придумаешь.

Оппода-бабу взглянул на дочь.

— Ну, дело это ваше, вы и решайте, как быть.

— Я ничего об этом не знала, отец, — низко опустив голову, ответила Хемполини и тут же скрылась за дверями, как исчезает последний луч солнца за грозowymi тучами.

Оппода-бабу, делая вид, что читает газету, погруженный в размышления.

Ромеш несколько минут сидел неподвижно. Затем вдруг вскочил и вышел из комнаты.

В большой гостиной он увидел Хемполини, она стояла у окна.

Перед ее глазами проплывала предпраздничная Калькутта: по всем улицам и переулкам, подобно реке в половодье, катился и бурлил пестрый людской поток.

Ромеш не решался подойти к Хемполини. Несколько минут он стоял позади нее, не отрывая от девушки пристального взгляда. Надолго сохранится в памяти ее стройная фигура, освещенная нежарким осенним солнцем и неподвижно замершая у окна. И тонкий овал лица, и тщательно уложенный узел прически, и нежные завитки волос на затылке, и мягкий отсвет золотого ожерелья, даже свободно падающий с левого плеча край сари — все, все до мельчайших деталей занедалелось в его измученном сердце, будто высеченное резцом.

Наконец Ромеш медленно подошел к девушке. Но, казалось, Хемполини приятнее было смотреть на прохожих, чем на стоявшего рядом с ней юношу.

— У меня к вам просьба,— произнес он дрожащим от слез голосом.

Почувствовав, сколько муки скрывается в его словах, Хемполини быстро повернулась к нему.

— Верь мне,— продолжал Ромеш, впервые обращаясь к ней на «ты».— Обещай, что будешь верить. А я призываю в свидетели всевышнего, что никогда не обману тебя!

Больше Ромеш не произнес ни слова, но глаза его были полны слез.

Тогда Хемполини взглянула ему прямо в лицо, и в этом взгляде он прочел сострадание и любовь. Однако уже через мгновение мужество покинуло ее, и слезы хлынули из глаз.

Здесь, в уединении оконной ниши, без слов и объяснений они поняли друг друга, их охватило чувство глубокого покоя.

На несколько минут Ромеш всем сердцем отдался этому омытому слезами молчанию, затем с глубоким вздохом облегчения сказал:

— Хочешь знать, почему я отложил нашу свадьбу?

Хемполини молча покачала головой: нет, она не хотела этого знать.

— Тогда я все расскажу тебе после свадьбы.

При упоминании о свадьбе слабый румянец вспыхнул на щеках Хемполини.

Сегодня после полудня, когда она, полная радости, наряжалась к приходу Ромеша, ее взволнованное предстоящей встречей воображение рисовало таинственные перешептывания, многозначительные шутки и другие мимолетные картины счастья. Но ей и в голову не могло прийти, что всего через несколько минут их сердца обменяются гирляндами верности, что прольются слезы, что между ними не будет никаких объяснений — просто они несколько мгновений постоят рядом и возникшие от этого безмерная радость, глубокий покой и безграничное доверие друг к другу соединят их крепче любых признаний.

— Зайди еще к отцу,— проговорила наконец Хемполини.— Он очень расстроен.

С легким сердцем, готовый встретить любые удары, которые захочет обрушить на него мир, отправился Ромеш к Ошюде-бабу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Оннода-бабу с беспокойством взглянул на Ромеша, когда тот снова вошел к нему.

— Дайте мне список приглашенных, и я сегодня же извещу их, — сказал Ромеш.

— Значит, ты не переменял решения?

— Нет, иного выхода я не вижу.

— В таком случае, дорогой мой, запомни одно: меня это не касается, устраивай все сам. А я не желаю быть посмешищем. Если тебе хочется такое дело, как брак, превращать в какую-то детскую игру, то людям моего возраста лучше в ней не участвовать. Вот тебе список приглашенных. Почти все средства, которые я истратил, пропадут теперь даром, а я не могу себе позволить швырять деньги в воду.

Ромеш готов был принять на свои плечи все бремя расходов и хлопот. Он уже собрался уходить, когда Оннода-бабу остановил его:

— Ромеш, ты решил, где будешь практиковать после свадьбы? Полагаю, не в Калькутте?

— Нет, конечно. Подыщу хорошее место где-нибудь на западе.

— Вот это правильно. Неплохое место, например, Этойя. Вода там чрезвычайно полезна для желудка. Мне как-то довелось прожить в Этойе около месяца, и я убедился, что аппетит у меня стал куда лучше. Знаешь, дорогой, ведь в целом свете у меня осталась одна Хем. Без нее я не буду знать покоя, да и она вдали от меня не сможет чувствовать себя вполне счастливой. Поэтому-то я и забочусь, чтобы ты непременно выбрал подходящее для моего здоровья место.

Оннода-бабу, воспользовавшись тем, что Ромеш чувствует себя виноватым, решил не упускать удобного случая и предъявить свои требования. Предложки он сейчас не Этойю, а Гаро или Черапунджи, Ромеш согласился бы и на это.

— Если хотите, я припишусь к адвокатуре в Этойе, — сказал Ромеш, уходя. Отмену приглашений он взял на себя.

Через несколько минут явился Окхой. Оннода-бабу тут же сообщил ему, что свадьба отложена на неделю.

— Что вы говорите! Не может быть! — воскликнул Окхой. — Ведь свадьба назначена на послезавтра.

— Было бы лучше, конечно, если бы все оставалось по-прежнему. У обыкновенных людей такого не бывает, — ответил Онпода-бабу. — Но от вас, современной молодежи, можно ожидать всего.

Окхой принял чрезвычайно озабоченный вид. Мысль его деятельно заработала.

— Нельзя глаз спускать с человека, которого выбираешь в мужья для своей дочери, — наставительно сказал оп. — Необходимо разузнать о нем все. Будь он хоть сам бог, осторожность в таких делах никогда не мешает.

— Ну уж если подозревать такого юношу, как Ромеш, то вообще никому на свете нельзя верить, — возразил Онпода-бабу.

— А Ромеш сказал, почему он откладывает свадьбу? — спросил Окхой.

— Нет, — ответил Онпода-бабу, озабоченно проведя рукой по волосам, — этого оп не сказал. Когда я спросил его, он заявил, что это совершенно необходимо.

Окхой отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

— Но вашей дочери он, разумеется, все объяснит? — спросил Окхой.

— Вполне возможно.

— Не лучше ли позвать ее сюда и узнать, в чем дело?

— Вот это правильно, — согласился Онпода-бабу и позвал дочь.

Хемполини вошла в комнату, но, увидев Окхоя, встала так, чтобы он не видел ее лица.

— Ромеш сказал тебе, почему пришлось так внезапно отложить вашу свадьбу? — спросил Онпода-бабу.

Хемполини отрицательно покачала головой.

— А сама ты разве не спросила его?

— Нет.

— Удивительно! Я вижу, ты такая же чудачка, как и оп. Ромеш заявляет, что у него нет времени жеситься, а ты отвечаешь: «Хорошо, мол, поженимся потом». И все! Вопрос исчерпан!

Окхой принял сторону Хемполини:

— Зачем спрашивать человека, который не желает объяснять своих поступков. Если бы можно было, Ромеш-бабу сам бы все рассказал.

— Я не желаю выслушивать мнение посторонних по этому поводу. Меня лично ничуть не расстроило то, что произошло, — вспыхнув, проговорила Хемполини и быстро вышла из комнаты.

Лицо Окхоя потемнело, но он заставил себя улыбнуться.

— Другьям всегда достается. Так уж устроен мир. Поэтому я отлично понимаю всю важность дружбы. Вы можете презирать меня или ругать, но я считаю своим долгом заявить, что не верю Ромешу. Я не могу оставаться спокойным, когда вижу, что вам грозит хоть малейшая неприятность. Сознаюсь, это моя слабость. Как бы ни было, завтра приезжает Джоген, и, если он, узнав обо всем, не будет волноваться за судьбу своей сестры, я не вымолвлю больше ни слова.

Нельзя сказать, чтобы Онпода-бабу совсем не понимал, что настал самый подходящий момент расспросить Окхоя о поведении Ромеша. Но у него было инстинктивное отвращение к скандалам, которые неизбежны при разоблачении всякой тайны. И гнев его обратился на Окхоя:

— Ты слишком подозрителен, Окхой! Как смеешь ты, не имея доказательств...

Окхой умел владеть собой, но тут, не в силах больше сдерживаться, он с жаром заговорил:

— Послушайте, Онпода-бабу! У меня, конечно, много недостатков: я завидую счастливому жениху, я подозреваю «благородного человека», я не обладаю достаточными знаниями, чтобы обучать девушек философии, и не дерзаю беседовать с ними о поэзии — словом, я человек заурядный. Но я всегда был предан вашей семье и люблю вас всем сердцем. Я, разумеется, не иду ни в какое сравнение с Ромешем; одним лишь я имею право гордиться: тем, что никогда ничего не утаил от вас. Я могу, не скрывая своей нищеты, смиренно просить у вас милостыню, но совершить взлом и обокрасть вас я не способен. Завтра же вы обо всем узнаете.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Ночь застала Ромеша за работой. Он рассылал всем приглашенным письма. Наконец он лег в постель, но сон не шел к нему. Мысли, то мрачные, то светлые, проносились в его голове; они сливались подобно волнам Ганги и Джамуны и не давали ему ни минуты покоя. Он долго ворочался с боку на бок, потом встал и подошел к окну. Одна сторона пустынного переулочка была погружена в тень, вдоль другой лежала ослепительная дорожка лунного света,

Ромеш стоял неподвижно. Глубокий покой и бесконечность вселенной, где нет ни сомнений, ни вражды, взволновали и покорили его. Ему представилось, будто, выйдя из-за кулис безграничного и молчаливого мира, под звуки неслышной мелодии, появляются жизнь и смерть, труд и отдых, начало и конец. В своем воображении он видел, как из далекой страны света и тьмы во вселенную, залитую сиянием звезд, вступает любовь мужчины и женщины.

Ромеш медленно поднялся на крышу и стал смотреть на дом Опподы-бабу. Вокруг было тихо. Лунный свет ткал прихотливые узоры на стенах дома, под карнизами, на темных впадинах дверей и окон, на глинобитной изгороди.

Какое чудо! Здесь, в этом людном городе, в неприметном доме, в скромной женщине скрывалось настоящее чудо! Много в столице разных людей: студентов и адвокатов, чужестранцев и местных жителей,— но только одному из всех этих простых смертных, ему, Ромешу, довелось молча стоять у окна в золотистом свете осеннего солнца, рядом с этой девушкой и чувствовать, как весь мир и его собственная жизнь плывут по волнам бесконечно радостной тайны,— и это было чудесно! В нем самом сегодня произошло чудо, свершилось чудо и рядом с ним.

До глубокой ночи ходил Ромеш по крыше. Тонкий серп луны постепенно скрылся за домом на противоположной стороне улицы, ночная тьма плотнее окутала землю. Только небо все еще светилось в пропальных объятиях лунного света. Усталое тело Ромеша охватил озноб. Какой-то неведомый страх сжал его сердце. Он вспомнил, что завтра ему снова предстоит борьба на жизненной арене.

На небесном челе заботы не провели ни единой морщины; лунный свет не тускнел от беспокойных стремлений; ночь была безмятежной, а вселенная с ее бесчисленными звездными мирами погружена в долгий сон. Только людским невзгодам и тревогам нет конца. Счастье и горе, трудности и бедствия непрерывно волнуют человеческое общество. С одной стороны — вечный покой бесконечности, с другой — вечная борьба на земле! И Ромеш, весь во власти невеселых дум, спрашивал себя, как могут существовать одновременно такие противоположности! Еще совсем недавно любовь вставала перед ним из глубин вселенной, величественная в своем спокойствии; теперь же он видел ее в окружении реального мира, полного борьбы. Труден и усеян терниями ее путь. Какой же из двух образов призрачный и какой истинный?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

На следующий день с утренним поездом вернулся с запада Джоендро. Была суббота, а на воскресенье назначена свадьба Хемполици. Однако, подходя к дверям родного дома, Джоендро не заметил никаких признаков предстоящего торжества. Дом не был украшен гирляндами па зелени деодара, как ожидал Джоендро, и по-прежнему ничем не отличался от своих неприглядных и грязных соседей.

Юноша со страхом подумал, не заболел ли кто-нибудь в семье. Однако, войдя в дом, увидел, что стол для него накрыт, а Опиода-бабу, сидя перед недопитой чашкой чая, читает газету.

— Здорова ли Хем? — поспешно спросил Джоендро.

— Совершенно здорова.

— А что со свадьбой?

— Отложена до следующего воскресенья.

— Почему?

— Спроси об этом у своего друга. Ромеш согласовал нам сообщить только одно: у него очень важное дело и свадьбу придется отложить!

Беспечность отца привела Джоендро в негодование.

— Стоит мне уехать, — воскликнул он, — как у вас непременно случаются всякие неприятности! Ну что за неотложное дело может быть у Ромеша? Он совершенно независим. Близких родственников у него почти не осталось. Если его денежные дела не в порядке, не знаю, почему бы не сказать этого прямо. И с какой стати вы так легко согласились на его просьбу?

— Все это вполне справедливо, — заметил Опиода-бабу. — Но ведь Ромеш никуда не сбежал, пойди и расспроси его сам.

Джоендро, обжигаясь, торопливо выпил чашку чая и вышел.

— Подожди, Джоен, зачем так спешить. Посл бы сначала, — крикнул вслед ему Опиода-бабу.

Но Джоендро уже не слышал его. С шумом ворвавшись в дом, где жил его друг, он еще с лестницы стал громко звать:

— Ромеш, Ромеш!

Но Ромеша нигде не было. Джоендро не нашел его ни в спальне, ни в кабинете, ни на крыше, ни в нижнем этаже. После упорных поисков он наконец паткнулся на слугу.

На вопрос, где хозяин, слуга ответил, что господин уехал рано утром, взяв с собой немного вещей. Он сказал, что вернется через четыре-пять дней. Куда уехал Ромеш, слуга не знал.

С угрюмым видом Джогендро вернулся домой и снова сел за стол.

— Что случилось? — спросил Оннода-бабу.

— Незвестно, что будет дальше, — мрачно ответил Джогендро. — Человек не сегодня-завтра должен стать мужем твоей дочери, а ты, хоть он и живет рядом, даже не поинтересовался, чем он занимается, куда уезжает.

— Как же так? Ведь он еще вчера вечером был дома!

— Вот видишь! — вспыхнул Джогендро. — Ты даже не знал, что он собирается куда-то ехать. Его слуга тоже не имеет понятия, где он теперь. Мне очень не нравится эта игра в прятки. Не понимаю, отец, как ты можешь так спокойно ко всему относиться.

После такой отповеди Оннода-бабу постарался придать лицу озабоченное выражение и как можно внушительнее произнес:

— В самом деле, что все это значит?

Ромешу ничего не стоило бы накануне вечером познакомиться с Оннодой-бабу, но беспечному юноше это и в голову не пришло. Он полагал, что «важное дело», на которое он сослался, вполне достаточное оправдание для любых отлучек. Поэтому он с таким спокойствием и занялся выполнением того, что признавал своим неотложным долгом.

— Где Хемполини? — спросил Джогендро.

— Сегодня она рано выпила чай и сразу ушла наверх, — ответил Оннода-бабу.

— Бедняжка, ей, наверно, стыдно за столь странное поведение Ромеша, и она боится со мной встретиться.

С этими словами Джогендро поднялся наверх, чтобы успокоить страдающую и удрученную сестру.

Хемполини сидела в гостиной одна. Заслышав шаги Джогендро, она поспешно схватила какую-то книгу, делая вид, что занята чтением. Как только брат вошел в комнату, она отложила книгу и, поднявшись ему навстречу, с веселой улыбкой сказала:

— Когда же ты приехал, дада? Не скажу, чтобы ты выглядел очень довольным.

— По-моему, радоваться нечему, — ответил Джоген, опускаясь в кресло. — Мне все известно, Хем. Но ты, пожалуйста, не расстраивайся. Так получилось потому, что

меня не было дома. И все улажу. Кстати, Хем, Ромеш объяснил тебе свой поступок?

Хемполини оказалась в затруднительном положении. Для нее были нестерпимы все эти подозрения относительно Ромеша, поэтому ей не хотелось говорить брату, что Ромеш ничего ей не объяснил. Однако она не умела лгать.

— Ромеш хотел сказать мне все,— ответила она,— но я решила, что для меня это не так уж важно.

«В ней говорит оскорбленное самолюбие,— подумал Джоендро.— Это вполне естественно». А вслух сказал:

— Тебе не о чем беспокоиться, Хем. Сегодня же я выясню, что заставило его поступить подобным образом.

— Да я вовсе и не беспокоюсь,— отозвалась Хемполини, рассеянно перелистывая лежавшую у нее на коленях книгу.— И вообще не хочу, чтобы ты приставал к нему с расспросами.

«Опять гордость»,— подумал Джоендро.

— Это не твоя забота,— заметил он и уже намеревался уйти, когда Хемполини стремительно поднялась с кресла.

— Не надо с ним это обсуждать, дада. Что бы вы о нем ни думали, для меня он всегда будет вне всяких подозрений.

Только теперь Джоендро вдруг понял, что в словах сестры звучит отнюдь не обида. Со смешанным чувством любви и жалости он, усмехнувшись про себя, подумал: «Уж эти мне образованные девицы!.. Не имеют никакого представления о жизни. Столько училась, столько знает, а вот столкнулась с обманом,— и не хватает жизненного опыта, чтобы разобраться во всем».

Сравнивая эту беззаветную преданность с лицемерием Ромеша, Джоендро еще больше ожесточился. Он решил во что бы то ни стало узнать причину отсрочки свадьбы. Он вторично сделал попытку уйти, но Хемполини схватила его за руку:

— Дада, обещай мне, что ты ни словом не обмолвишься ему об этом.

— Там видно будет.

— Нет, дада, не «видно будет», а дай мне слово, иначе я не отпущу тебя. Верь мне, вам совершенно не о чем беспокоиться! Ну, сделай это ради меня!

Видя такое упорство Хемполини, Джоендро решил, что Ромеш все ей сказал. Но ведь такую, как Хем, ничего не стоит обмануть какой-нибудь небылницей.

— Послушай, Хем,— сказал он,— тут дело не в подо-

зрительности. Когда девушка собирается замуж, люди, на попечении которых она находится, должны выполнить по отношению к ней свой долг. Возможно, вы прекрасно поняли друг друга и всем довольны — это уж ваше дело. Но ведь этого недостаточно, нужно, чтобы между женихом и нами тоже было полное взаимопонимание. И правду говоря, Хем, выслушать его объяснения сейчас важно именно нам, а не тебе. Ведь после свадьбы мы уже не будем вмешиваться в ваши дела. — С этими словами Джоендро поспешно вышел.

В один миг не осталось и следа от того убежища, в котором всегда нуждается любовь. Отношения, которые с каждым днем сближали влюбленных все больше и больше, скоро должны были создать для них особый, их собственный мир. Но грубые подозрения наносили любви удар за ударом. Постоянные неприятности причиняли Хемнолли столько страданий, что ей не хотелось видеть даже родных и друзей. И когда ушел Джоендро, она предпочла остаться одна в своей комнате.

Выходя из дому, Джоендро столкнулся с Окхоем.

— О Джоен, ты приехал! — воскликнул тот. — И конечно, обо всем узнал. Ну что ты скажешь об этом?

— Предполагать можно всякое. Но какой толк попусту спорить и гадать, в чем тут дело? Сидя за чайным столом, не время заниматься психологическим анализом.

— Ты же знаешь, что и я не сторонник пустых разглагольствований, как бы они не назывались — психологией, философией или поэзией. Я человек дела. Как раз это я и пришел тебе сказать.

— Хорошо, в таком случае поговорим о деле, — нетерпеливо сказал Джоендро. — Можешь ты, например, сообщить, куда уехал Ромеш?

— Могу.

— Тогда говори скорее. Где он?

— Сейчас я тебе ничего не скажу, по сегодня, ровно в три часа дня, я покажу его тебе.

— В чем же наконец дело? За время моего недолгого отсутствия все вы стали воплощением загадочности, а все вокруг окутано какой-то тайной. Нет уж, Окхой, хватит секретничать.

— Рад слышать это от тебя. Именно потому, что я никогда ничего не скрываю, я и нажил себе столько врагов; твоя сестра видеть меня не хочет, отец бранит за подозрительность, да и Ромеш-бабу не в восторге от встреч со

мной. Остался один ты. Но тебя я побаиваюсь: ведь ты не любитель бесплодных рассуждений, а предпочитаешь действовать решительно. Я человек слабый, и твоя рука может оказаться слишком тяжелой для меня.

— Послушай, Окхой, не нравятся мне что-то твои уклончивые ответы. Я прекрасно вижу: ты что-то знаешь. Зачем же скрытичь? Цепу, что ли, себе набиваешь? Расскажи честно все, что знаешь!

— Ну ладно, расскажу все с самого начала. Тут многое будет для тебя новостью!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Срок аренды квартиры в Дорджипаре еще не истек, но Ромеш даже не догадался передать ее на время кому-нибудь другому. Последние несколько месяцев он парил в облаках, там, где нет никаких забот и где денежные расчеты не имеют никакого значения.

Присхав рано утром, Ромеш приказал убрать комнаты, привести в порядок постели, купить кое-какие продукты.

Сегодня Комола возвращалась из школы.

Все приготовления уже были закончены, а Комола все не появлялась. В ожидании Ромеш прилег на постель и принялся мечтать о будущем. Он никогда не бывал в Этой, но представить себе пейзаж западных провинций нетрудно. Они поселятся на окраине города. Большая дорога, обсаженная деревьями, проходит мимо его сада... Далеко за ней, насколько хватает глаз, тянется поле с разбросанными по нему колодцами, с вышками для сторожей, охраняющих посевы от животных и птиц; весь день доносится оттуда легкий скрип колодезных колес, приводимых в движение волами. Изредка, в клубах пыли, промчится по дороге небольшая повозка, и звон колокольчика всколыхнет на миг неподвижность знойного воздуха.

Ромеша лишь удручала мысль о том, что там, вдали от родного дома, Хемнолини придется проводить целые дни в одиночестве, в паглухо закупоренном от изнурительного полуденного зноя бунгало. И он успокаивался, только представив рядом с ней ее близкую подругу. Этой подругой, как он полагал, будет Комола.

Ромеш решил ничего пока не рассказывать Комоле. После свадьбы Хемнолини прижмет ее к своей груди, ласково и осторожно поведаст ее настоящую историю и бе-

режно освободит Комолу из сетей тайны, опутавшей ее жизнь. А затем, спокойно, без всяких потрясений живя в иной обстановке, Комола станет своей в их семье.

Наступил полдень, и в переулке стало тихо: те, кто должен трудиться, ушли на работу, а праздные погрузились в послеобеденный сон. В прохладном по-осеннему воздухе чувствовалось радостное ожидание наступающих праздников.

В этот тихий полдень Ромеш, не жалея красок, рисовал в своем воображении картину будущего счастья.

Мечты его были прерваны стуком колес большого экипажа, оборвавшимся у дверей его квартиры. Ромеш догадался, что приехала Комола. Его охватило беспокойство. Как встретить Комолу, как держать себя с ней, о чем говорить и как отпесется к нему сама Комола?

Двое его слуг уже были впизу. Сначала они принесли чемоданы Комолы и, оставив их на террасе, ушли. Затем появилась и сама девушка. Дойдя до дверей комнаты, она остановилась.

— Входи же, Комола, — промолвил Ромеш.

Она наконец вошла, видимо, с трудом преодолевая нерешительность. То, что Ромеш оставил ее на канikuлы в школе, стоило ей горьких слез, к тому же несколько месяцев разлуки породили в ней некоторую отчужденность к Ромешу. Войдя в комнату, она даже не подняла на него глаза и стояла, чуть отвернувшись, глядя в открытое окно.

Ее наружность поразила Ромеша. Ему казалось, будто он видит перед собой совершенно незнакомую девушку. За эти несколько месяцев Комола удивительно переменилась. Она вытянулась и стала гибкой, как молодая лиана. Куда девалась грубоватая простота пышущей здоровьем деревенской девушки? Ее прежде круглое личико осунулось, и это придавало ему особую прелесть; смуглый глянec на щеках уступил место нежной бледности. В ее походке и манере держаться не осталось и следа былой скованности. Тоненькая, с чуть склоненной головой, она вошла и остановилась у окна. Осенние лучи полуденного солнца освещали лицо девушки. Голова ее была не покрыта, перевязанная красной лентой коса откинута за спину. Мерпосовое шафранного цвета сари плотно облегало деvичью фигуру. Ромеш некоторое время смотрел на нее, не произнося ни слова.

За последнее время воспоминания о красоте Комолы почти стерлись из его памяти. Теперь же, став еще более

яркой, красота эта внезапно поразила его. К этому Ромеш совсем не был подготовлен.

— Сядь, Комола, — наконец вымолвил он.

Комола послушно опустилась в кресло.

— Ну как твои занятия в школе?

— Хорошо, — коротко ответила девушка.

Ромеш мучительно думал, о чем бы еще спросить ее, и наконец, осененный неожиданной идеей, проговорил:

— Ты, наверно, голодна? Здесь для тебя все приготовлено. Хочешь, я прикажу принести тебе что-нибудь?

— Нет, я ела перед отъездом.

— Так ничего и не хочешь? Может, сладкого? Есть фрукты — яблоки, грататы.

Комола только молча покачала головой.

Ромеш еще раз взглянул на нее. Чуть склонив голову набок, девушка рассматривала картинки в английском учебнике.

Красивое лицо, словно волшебная палочка, пробуждает красоту, которая таится во всем окружающем. Лицо Комолы как бы вдохнуло жизнь в солнечного зайчика, прыгающего по стене, и в этот сентябрьский день, который принял определенные очертания. Подобно тому как любой центр управляет всем, что сосредоточено поблизости, так, казалось, и эта девушка странным образом притягивала к себе и небо, и ветер, и свет — все, что было вокруг, хотя сама она совершенно не подозревала об этом и лишь молча рассматривала картинки в своем учебнике.

Ромеш поспешно вышел и тотчас вернулся, неся на подносе фрукты.

— Ты не хочешь есть, Комола, зато я проголодался и больше ждать не намерен, — сказал он.

Комола в ответ слегка улыбнулась, и свет этой неожиданной улыбки рассеял в их сердцах туман отчужденности. Вооружившись ножом, Ромеш начал чистить ата. Но делал он это так неумело, хоть и старался скрыть свое неумение, и так неуклюже, что Комола не выдержала и звонко рассмеялась.

Обрадованный этим неожиданным взрывом веселья, Ромеш заметил:

— Ты, кажется, потешаешься над тем, что я не умею обращаться с фруктами? В таком случае очисти их сама, а я погляжу, насколько ты владеешь этим искусством.

— Если бы здесь был бонти, я бы это сделала, а таким ножом не могу, — ответила Комола.

— Неужели ты думаешь, что здесь не найдется чего-нибудь в этом роде? — рассмеялся Ромеш и, крикнув слугу, спросил, есть ли у них бонти.

— Есть, — ответил тот.

— Почисти его хорошенько и принеси сюда.

Когда слуга принес бонти, Комола сбросила туфли, села на пол и, раскрыв нож, весело и ловко освободила плод от кожуры, а затем разрезала его на дольки. Ромеш уселся напротив нее и стал складывать фрукты на поднос.

— Ты должна поесть, — заметил он девушке.

— Нет, — ответила она.

— Ну, тогда и я не буду.

Комола подняла на него глаза.

— Хорошо, только сначала съешь ты, а потом я.

— А не обманешь?

— Честное слово, не обману, — с серьезным видом пообещала Комола.

Успокоенный этим искренним заверением, Ромеш взял одну дольку и отправил ее в рот.

Но его трапеза была прервана самым неожиданным образом. В дверях, прямо перед собой, он вдруг увидел Окхоя и Джогендро.

— Просим нас извинить, Ромеш, — сказал Окхой. — Мы полагали застать вас здесь одного. Нам с тобой, Джоген, не следовало так внезапно, без предупреждения, вторгаться к нему. Давай сойдем вниз и подождем там.

Комола бросила нож и поспешно вскочила, метнувшись к двери. Но путь загромождали два незнакомца. Джогендро слегка посторонился, давая ей пройти, но и не подумал отвернуться, а, наоборот, внимательно разглядывал ее.

Испуганная Комола бросилась в соседнюю комнату.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

— Кто эта девушка? — обратился Джогендро к Ромешу.

— Моя родственница.

— Какая еще родственница? Она явно не принадлежит к твоим старшим родственникам, но я надеюсь, вас связывают не узы любви. Ты рассказывал обо всех своих близких, но об этой девушке я что-то ни разу не слышал.

Тут вмешался Окхой:

— Ты не прав, Джоген. Неужели человек не может иметь тайну даже от друзей?

яркой, красота эта внезапно поразила его. К этому Ромеш совсем не был подготовлен.

— Сядь, Комола, — наконец вымолвил он.

Комола послушно опустилась в кресло.

— Ну как твои занятия в школе?

— Хорошо, — коротко ответила девушка.

Ромеш мучительно думал, о чем бы еще спросить ее, и наконец, осененный неожиданной идеей, проговорил:

— Ты, наверно, голодна? Здесь для тебя все приготовлено. Хочешь, я прикажу принести тебе что-нибудь?

— Нет, я ела перед отъездом.

— Так ничего и не хочешь? Может, сладкого? Есть фрукты — яблоки, гранаты.

Комола только молча покачала головой.

Ромеш еще раз взглянул на нее. Чуть склонив голову набок, девушка рассматривала картинки в английском учебнике.

Красивое лицо, словно волшебная палочка, пробуждает красоту, которая таится во всем окружающем. Лицо Комолы как бы вдохнуло жизнь в солнечного зайчика, прыгающего по стене, и в этот сентябрьский день, который принял определенные очертания. Подобно тому как любой центр управляет всем, что сосредоточено поблизости, так, казалось, и эта девушка странным образом притягивала к себе и небо, и ветер, и свет — все, что было вокруг, хотя сама она совершенно не подозревала об этом и лишь молча рассматривала картинки в своем учебнике.

Ромеш поспешно вышел и тотчас вернулся, неся на подносе фрукты.

— Ты не хочешь есть, Комола, зато я проголодался и больше ждать не намерен, — сказал он.

Комола в ответ слегка улыбнулась, и свет этой неожиданной улыбки рассеял в их сердцах туман отчужденности. Вооружившись ножом, Ромеш начал чистить ата. Но делал он это так неумело, хоть и старался скрыть свое неумение, и так неуклюже, что Комола не выдержала и звонко рассмеялась.

Обрадованный этим неожиданным взрывом веселья, Ромеш заметил:

— Ты, кажется, потешаешься над тем, что я не умею обращаться с фруктами? В таком случае очисти их сама, а я погляжу, насколько ты владеешь этим искусством.

— Если бы здесь был бонти, я бы это сделала, а таким ножом не могу, — ответила Комола.

— Неужели ты думаешь, что здесь не найдется чего-нибудь в этом роде? — рассмеялся Ромеш и, крикнув слугу, спросил, есть ли у них бонти.

— Есть, — ответил тот.

— Почисти его хорошенько и принеси сюда.

Когда слуга принес бонти, Комола сбросила туфли, села на пол и, раскрыв нож, весело и ловко освободила плод от кожуры, а затем разрезала его на дольки. Ромеш уселся напротив нее и стал складывать фрукты на поднос.

— Ты должна поесть, — заметил он девушке.

— Нет, — ответила она.

— Ну, тогда и я не буду.

Комола подняла на него глаза.

— Хорошо, только сначала ешь ты, а потом я.

— А не обманешь?

— Честное слово, не обману, — с серьезным видом пообещала Комола.

Успокоенный этим искренним заверением, Ромеш взял одну дольку и отправил ее в рот.

Но его трапеза была прервана самым неожиданным образом. В дверях, прямо перед собой, он вдруг увидел Окхоя и Джогепдро.

— Просим нас извинить, Ромеш, — сказал Окхой. — Мы полагали застать вас здесь одного. Нам с тобой, Джогеп, не следовало так внезапно, без предупреждения, вторгаться к нему. Давай сойдем вниз и подождем там.

Комола бросила нож и поспешно вскочила, метнувшись к двери. Но путь загораживали два незнакомца. Джогепдро слегка посторонился, давая ей пройти, но и не подумал отвернуться, а, наоборот, внимательно разглядывал ее.

Испуганная Комола бросилась в соседнюю комнату.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

— Кто эта девушка? — обратился Джогепдро к Ромешу.

— Моя родственница.

— Какая еще родственница? Она явно не принадлежит к твоим старшим родственникам, но я надеюсь, вас связывают не узы любви. Ты рассказывал обо всех своих близких, но об этой девушке я что-то ни разу не слышал.

Тут вмешался Окхой:

— Ты не прав, Джогеп. Неужели человек не может иметь тайну даже от друзей?

— Разве у тебя действительно есть тайна, Ромеш? — спросил Джогендро.

— Да, есть, — вспыхнув, ответил Ромеш. — И вообще я не желаю говорить с вами об этой девушке.

— Но я-то, к несчастью, испытываю сильное желание поговорить с тобой, — настаивал Джогендро. — Если бы ты не делал предложения Хем, поверь, никто не стал бы интересоваться твоими родственными связями. Скрывай тогда что хочешь, дело твое.

— Могу сказать вам лишь одно, — заявил Ромеш. — Ни с кем в целом свете меня не связывают отношения, способные служить препятствием к моему браку с Хемполини.

— Это с твоей точки зрения, — возразил Джогендро, — но родственники Хемполини вправе усмотреть здесь весьма основательные препятствия. Мне лишь хочется тебя спросить, для чего вообще держать в тайне свои родственные связи, каковы бы они ни были?

— Назвать сейчас причину — значило бы раскрыть тайну, — ответил Ромеш. — Ведь ты знаешь меня с детства, прошу тебя, не выпытывай ничего, просто поверь мне на слово.

— Девушку зовут Комола?

— Да.

— Ты выдаешь ее за свою жепу?

— Да.

— И тем не менее требуешь, чтобы мы поверили тебе на слово? Намерен убедить нас, что она тебе не жена, тогда как всем говоришь обратное? Как тебе угодно, но это отнюдь не похоже на правду.

— Ты хочешь сказать, — заметил Окхой, — что подобное высказывание вряд ли является классическим примером логического мышления? Но, дорогой Джоен, в жизни бывают такие положения, когда одним приходится говорить одно, а другим другое. В конце концов, что-то должно ведь соответствовать истине. Почему не предположить, что рассказанное тебе Ромешем-бабу как раз и есть истина?

— Больше ничего я вам сообщить не могу. Повторяю лишь, что жепитба на Хемполини не противоречит требованиям моей совести. У меня слишком серьезные основания не осведомлять вас о Комоле, это было бы непорядочно с моей стороны. И я буду молчать даже в том случае, если вы не захотите отказаться от своих подозрений. Коснись дело личных моих неприятностей, огорчений или

обид, я не скрыл бы от вас ничего. Но я не хочу причинить зло другому человеку.

— А Хемполини ты рассказал? — спросил Джогендро.

— Нет. Я собирался это сделать после свадьбы, но, если она изъявит желание, объясню ей все теперь же.

— Можно задать несколько вопросов Комоле?

— Нет, ни в коем случае! Если вы считаете виновным меня, применяйте ко мне любые меры, но я не допущу, чтобы подвергалась допросу ни в чем не повинная девушка.

— Допрашивать кого бы то ни было совершенно ни к чему. Все, что нам хотелось знать, мы узнали. Доказательств более чем достаточно. И теперь я говорю тебе прямо: только посмей после всего этого явиться к нам в дом, тебе не миновать оскорблений.

Лицо Ромеша покрылось смертельной бледностью, он словно окаменел.

— И еще, — продолжал Джогендро, — не вздумай писать Хем. Между вами не должно существовать никаких отношений, ни явных, ни тайных. Если же ты ей напишешь, знай, что я перед всеми разоблачу так тщательно скрываемую тобой тайну и приведу имеющиеся у меня доказательства. А пока на расспросы, почему расстроилась свадьба, буду отвечать, что сам не дал согласия на этот брак, и настоящую причину никому не открою. Однако имей в виду: один твой неосторожный шаг — и все получит огласку. Ты легко отделался, Ромеш, только не думай, что меня удержало сострадание к такому лицемеру и мошеннику, как ты. Мой поступок вызван единственно любовью к Хем, моей сестре. И теперь последнее, что я хотел сказать тебе: никогда ни единым словом, ни намеком не обнаруживай, что имел какое-то отношение к Хем. Я, конечно, не собираюсь полагаться на твое честное слово, даже правда неубедительна в устах лжеца. Но если тебя еще сохранилась капля стыда и ты не хочешь быть разоблаченным, не вздумай пренебречь моим советом!

— Ах, не довольно ли, Джоге? — заметил Окхой. — Посмотри, как безропотно принимает все это Ромеш-бабу! Неужели в твоём сердце нет ни капли жалости? Пойдем. Не волнуйся, Ромеш-бабу, мы уходим.

Наконец оба покинули комнату. Ромеш застыл на месте, неподвижный, словно изваяние. Затем, придя немного в себя, решил уйти из дома, чтобы наедине с самим собой обдумать все происшедшее. Но тут он вспомнил о Комоле — нельзя же бросить ее одну.

Войдя в соседнюю комнату, Ромеш увидел, что Комола, приподняв жалюзи, молча смотрит вдаль. Заслышав шаги Ромеша, она опустила жалюзи и обернулась. Ромеш сел на пол.

— Кто эти люди? — спросила девушка. — Сегодня утром они приходили к нам в школу.

— В школу? — удивленно переспросил Ромеш.

— Да, — подтвердила она. — А с тобой о чем они говорили?

— Спрашивали, кем ты мне приходишься.

Комоле не привелось жить в доме свекра, поэтому она не знала, когда пужно проявлять стыдливость. Но скромность была в ней воспитана с детства, и, услышав слова Ромеша, она вспыхнула.

— Я им ответил, — продолжал юноша, — что ты мне чужая.

Комола решила, что он просто хочет досадить ей.

— Перестань, — резко сказала она и отвернулась.

А Ромеш все размышлял, как рассказать ей обо всем. Внезапно девушка забеспокоилась:

— Взгляни, ворона таскает твои фрукты!

Убегав в другую комнату, она отогнала птицу и вернулась обратно с подносом.

— Ешь, пожалуйста, — сказала она, ставя поднос перед Ромешем.

У Ромеша пропал всякий аппетит. Однако заботливость девушки тронула его.

— А ты?

— Возьми ты первый.

Конечно, это была мелочь, совершенный пустяк, но в теперешнем его состоянии робкий сердечный порыв Комолы так его растрогал, что он едва удержался от слез. Не говоря ни слова, он заставил себя приняться за еду.

Когда с едой было покончено, Ромеш сказал:

— Сегодня вечером мы поедem домой, Комола.

— Мне там не правится, — опустив глаза, огорченно ответила девушка.

— Значит, ты хочешь остаться в школе?

— Нет, нет, пожалуйста, не отсылай меня туда. Мне стыдно. Девочки только и делают, что расспрашивают меня о тебе.

— И что же ты им отвечаешь?

— Ничего. Опп, например, все допытывались, почему ты собирался оставить меня на капикулы в школе. А я...

Комола не договорила. При одном воспоминании об этой обиде рана в ее сердце заныла снова.

— Почему же ты не сказала им, что ты мне чужая?

Комола окончательно рассердилась. Исподлобья взглянув на Ромеша, она вымолвила:

— Перестай!

Вновь и вновь спрашивал себя Ромеш, как ему поступить. Словно червь, грызло его чувство гнетущего отчаяния, то и дело грозя вырваться наружу. Что сказал Жюгепдро Хемнолини? Что она подумала? Каким образом объяснить Хем истинные обстоятельства? Как перенести разлуку с пей?.. Этих мучительных вопросов скопилось так много, что он был не в состоянии хорошенько продумать свое положение. Ясно было одно: в Калькутте, в кругу друзей и врагов, его отношения с Комолой стали предметом живейшего обсуждения. Вероятно, все уже говорят о том, что Комола его жена. Ни одного дня нельзя здесь больше оставаться. Неожиданно Комола взглянула прямо в лицо Ромеша и ясно прочла на нем выражение растерянности и озабоченности.

— Чем ты расстроен? — спросила она. — Если тебе так уж хочется жить в деревне, я согласна поехать туда.

Покорность Комолы причинила ему новую боль. В сотый раз встал перед ним вопрос: что же делать дальше?

Занятый своими мыслями, он ничего не ответил Комоле, лишь молча смотрел на нее.

Сразу став серьезной, Комола сказала:

— Скажи прямо, ты, должно быть, рассердился на меня за то, что я не хотела остаться на капикулы в школе?

— Уж если говорить правду, Комола, не на тебя я сердит, а на самого себя.

С трудом выбравшись наконец из паутины собственных размышлений, Ромеш попробовал перемешать тему разговора.

— Хотелось бы мне узнать, Комола, чему ты научилась за это время?

Девушка с величайшей готовностью принялась выкладывать перед ним все свои познания. Уверенная, что поразит Ромеша, она прежде всего заявила, что земля имеет форму шара. И он с очень серьезным видом выразил сомнение и спросил, возможно ли это.

Комола широко раскрыла глаза.

— Да ведь об этом написано в книге, и мы так учили!

— Что ты говоришь? — удивился Ромеш. — Даже в книге написано? А большая опа?

Уязвленная Комола ответила:

— Книга небольшая, зато печатная. В ней есть даже картинки.

Перед столь вескими доказательствами Ромешу оставалось лишь отступить. Поведая все, что могла, о своих школьных занятиях, Комола принялась болтать о подружках и учителях, о том, как она проводила время в школе. Ромеш изредка отвечал ей, продолжая думать о своем. Порой, уловив лишь конец фразы, он задавал вопросы совершенно не впопад.

— Но ведь ты меня не слушаешь! — воскликнула вдруг Комола и, очень рассерженная, поднялась с места.

— Ну, не сердись, Комола, — поспешил успокоить ее Ромеш. — Мне сегодня что-то не по себе.

Услышав это, Комола быстро повернулась к нему.

— Что случилось? Ты нездоров?

— Да нет, я не болен. Вообще-то ничего особенного, это со мной иногда бывает. Скоро пройдет.

Тогда Комола, решив совместить полезное с приятным, сказала:

— Хочешь, я покажу тебе картинки в учебнике географии?

Ромеш с готовностью согласился. Девушка тотчас же принесла книгу и раскрыла ее перед Ромешем.

— Два шара, которые ты здесь видишь, на самом деле один, — принялась она объяснять. — Ведь мы не можем видеть у круглого предмета сразу обе стороны, правда?

Сделав вид, что он сильно озадачен и должен немного подумать, Ромеш заметил:

— Но и у плоских предметов тоже не видны сразу обе стороны.

— Потому-то и нарисованы на этой картинке обе половины шара отдельно, — продолжала Комола.

Так провели они этот вечер.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Опнода-бабу от всей души хотел, чтобы Джогендро вернулся с хорошими вестями и скандал удался бы уладить. Когда сын и Окхой вошли к нему, он с надеждой и в то же время со страхом взглянул на них.

— Кто бы мог подумать, отец,— обратился к нему Джогендро,— что ты позволишь Ромену зайти так далеко? Знай я, какой он, я никогда бы вас с ним не познакомил.

— Но ты же сам так хотел этой свадьбы, Джоген,— заметил Оннода-бабу.— Сам не раз говорил мне об этом. Если ты был против, то почему мне...

— Разумеется, мне и в голову не приходило возражать. Но вместе с тем...

— Вот видишь, еще и «вместе с тем»! Разве так можно? Либо ты согласен, либо против — тут никакой середины быть не может!

— Но вместе с тем, хочу я сказать, нельзя было позволять ему заходить так далеко.

— Во многих делах, которые неожиданно-негаданно вторгаются в жизнь человека, достаточно лишь толчка,— со смехом сказал Окхой,— а уж потом никакого поощрения не нужно. Какой смысл теперь спорить о том, что случилось? Надо лучше подумать, что делать дальше.

Оннода-бабу слушал его со все возрастающей тревогой и наконец спросил:

— Вы видели Ромеша?

— Видели, и, надо сказать, нам повезло,— ответил Джогендро.— На такую удачу мы и не рассчитывали. Даже познакомился с его женой.

Оннода-бабу глядел на них, опемя от изумления.

— С чьей женой вы познакомились? — переспросил он.

— С женой Ромеша,— повторил Джогендро.

— Не понимаю, о чем ты говоришь. С женой какого Ромеша?

— Нашего Ромеша! Несколько месяцев назад он ездил к себе на родину и там женился.

— Но ведь в то время умер его отец, и никакой свадьбы быть не могло.

— Ромен женился как раз перед смертью отца.

Оннода-бабу оцепенел. Затем после некоторого размышления озадаченно провел рукой по волосам и сказал:

— Значит, теперь и речи быть не может о его женитьбе на нашей Хемцоллии?

— Об этом мы и говорим,— заметил Джоген.

— Но ведь свадебные приготовления уже сделаны! Как же вы не подумали об этом? Все оповещены, что свадьба состоится в будущем воскресенье! Выходит, надо рассылать письма, что свадьбы не будет?

— Зачем же? — заговорил Джогец. — Придется лишь произвести небольшую замену — и дело улажено.

— Что ты говоришь?

— Но это же так просто, отец! Конечно, замену производят, лишь когда она возможна. Короче говоря, если мы на место Ромеша поставим другого жениха, свадьба так или иначе будет отпразднована в ближайшее воскресенье. В противном случае нам нельзя будет показаться людям на глаза.

И Джогецдро выразительно посмотрел на Окхоя. Тот скромно потупился.

— Где же в такой короткий срок отыщешь жениха? — спросил Онпода-бабу.

— Об этом можешь не беспокоиться.

— Но ведь прежде всего надо добиться согласия Хем!

— Уверен, что она согласится, когда узнает, что произошло.

— Ну, если так, поступай, как находишь нужным. А все же жаль, и состояние у Ромеша значительное, и заработать он прилично может благодаря своему образованию. Подумать только! Еще позавчера мы с ним решили переехать в Этойю, где он займется практикой, а тут вдруг... Надо же было случиться такому несчастью!

— Что ты о нем беспокоишься? Ему и сейчас никто не мешает отправиться в Этойю. Пойду позову Хем, времени терять нельзя.

Через несколько минут Джогецдро возвратился вместо с Хемполини. Окхой остался сидеть в углу комнаты, скрытый книжным шкафом.

— Садись, Хем, — сказал Джогецдро. — Нам нужно кое-что сообщить тебе.

Хемполини молча опустилась в кресло. Она чувствовала, что ей предстоит тяжелое испытание.

Джогецдро начал так:

— Не кажется ли тебе подозрительным поведение Ромеша?

Хемполини молча пожала плечами.

— Он отложил свадьбу. Значит, у него есть какая-то причина, о которой нельзя нам сообщить.

— Разумеется, какая-то причина есть, — не поднимая глаз, ответила Хемполини.

— Правильно, есть. А разве уже одно это не подозрительно?

Хемнолипи снова молча пожала плечами. Нет, ничего подобного она не думает.

Ее упорное желание верить Ромешу больше, чем всем своим родным, вывело пакопец Джогендро из себя. Осторожные намеки, разговор издали были явно не к месту. И он резко продолжал:

— Ты, конечно, помнишь, как несколько месяцев назад Ромеш вместе с отцом уезжал к себе домой? Потом мы еще удивлялись, что так долго не имеем от него никаких вестей. Вряд ли забыла ты и о том, что Ромеш, обычно заходивший к нам по два раза на день, тот самый Ромеш, который все время занимал соседний с нами дом, возвратившись в Калькутту, совершенно перестал здесь показываться и скрылся в другом конце города. А вы, несмотря на все это, отнеслись к нему с прежней доверчивостью, даже пригласили его к себе! Будь я здесь, могло бы произойти что-либо подобное?

Хемнолипи продолжала храпить молчание.

— Пытались ли вы проникнуть в смысл такого поведения Ромеша? Неужели оно не вызвало у вас хоть малейших подозрений? До чего же глубоко ваше доверие к нему!

Хемнолипи молчала.

— Ну хорошо! Вы люди честные и не в состоянии подозревать в чем-либо дурном других. В таком случае, надеюсь, что и ко мне вы питаете хоть какое-то доверие? Так вот: я сам лично отправился в пансион, где и узнал, что Ромеш поместил туда свою жену Комолу и даже пакапикулы не захотел взять ее домой. Но три дня назад он неожиданно получил письмо от начальницы пансиона, в котором она просила его приехать за Комолой. Сегодня начало каникул, и школьный экипаж доставил Комолу на прежнюю квартиру Ромеша в Дорджипаре. Я сам побывал на этой квартире. Когда мы пришли, Комола чистила ата и разрезала их на дольки, а Ромеш, сидя напротив, отправлял эти дольки себе в рот. На мой вопрос, в чем дело, Ромеш ответил, что в настоящий момент рассказать нам ничего не может. А ведь вздумай он только намекнуть, что Комола ему не жена, и можно было на этом основавши попытаться как-нибудь рассеять возникшие подозрения. Но он не пожелал дать никакого определенного ответа... Ну так как же? Вы и теперь будете ему верить?

Пристально глядя на сестру, Джогендро ждал, что она скажет. Хемнолипи страшно побледнела и, изо всех сил ухватившись за ручки кресла, старалась сохранить спо-

койствие, по через мгновение она покачнулась в кресле и без чувств упала на пол.

Испуганный Оннода-бабу склонился над дочерью и, обеими руками прижав ее голову к своей груди, без конца повторял:

— Что с тобой, дорогая? Что с тобой? Не верь им, все это ложь!

Отстранив отца, Джогендро отнес сестру на диван и принялся брызгать ей в лицо водой из стоявшего рядом кувшина. Окхой усердно обмахивал ее веером.

Через несколько минут Хемполини приоткрыла глаза, вздрогнула и простионала:

— Отец, пусть Окхой-бабу немедленно уйдет отсюда!

Окхой положил веер и, выйдя из комнаты, остановился за дверью. Оннода-бабу сел рядом с Хемполини и с тяжелым вздохом погладил ее по голове:

— Дочка моя дорогая! Успокойся!

Слезы брызнули из глаз Хемполини, грудь ее судорожно вздымалась от рыданий. Она прижалась к отцовским коленям, стараясь подавить взрыв нестерпимого горя.

— Успокойся, дорогая, перестань, — твердил прерывающимся от слез голосом Оннода-бабу. — Я слишком хорошо знаю Ромеша. Никогда он не поступит так бесчестно. Джоген, конечно, ошибся.

Раздосадованный Джогендро не выдержал:

— Не обнадеживай ее напрасно, отец. Успокаивая Хем сейчас, ты готовишь ей еще большие муки в будущем. Дай ей время все обдумать.

Хемполини выпрямилась, пристально взглянула на брата и твердо сказала:

— Все, что мне нужно, я уже обдумала. Запомни, пока я не услышу обо всем от него самого, я ни во что не верю.

С этими словами она встала.

— Только не упади, — забеспокоился Оннода-бабу, поддерживая ее.

Опираясь на его руку, Хемполини поднялась к себе в спальню и легла на постель.

— Оставь меня одну, папа, — попросила она, — я попробую заснуть.

— Может, прислать к тебе мать Хори с опахалом? — спросил Оннода-бабу.

— Нет, нет, мне ничего не нужно, папа.

Оннода-бабу вышел в соседнюю комнату. Он думал сей-

час о матери Хем, умершей, когда девочке было всего шесть месяцев. Ему вспомнились ее самоотверженная преданность, мужество и постоянная жизнерадостность. Он вырастил девочку, ее дочь, и она стала воплощением своей матери, Макими его дома. Сердце Опподы-бабу обливалось кровью от сознания, что Хем страдает, и он мысленно обращался к ней:

— Не знай горя, моя дорогая девочка, будь всегда счастлива! Как хотелось бы мне, прежде чем я соединюсь с твоей матерью, увидеть тебя радостной и довольной, знать, что ты нашла приют в доме человека, которого любишь!

Он вытер влажные глаза краем одежды.

Джогендро и раньше был не высокого мнения о женщинах, теперь же он окончательно убедился в том, что они не умны. Что поделаешь, если они не верят даже неопровержимым доказательствам! Они могут отрицать, что дважды два четыре, и им совершенно безразлично, что другие об этом думают. Разумные доводы говорят, что черное — это черное, но если любовь подскажет женщине, что черное — это белое, она с гневом обрушится на любые разумные доводы! Непонятно, как еще может существовать мир, когда в нем есть женщины!

Наконец, прервав свои размышления, Джогендро окликнул Окхоя. Тот осторожно вошел в комнату.

— Ты, конечно, все слышал? Что же нам теперь делать? — спросил Джогендро.

— Зря ты впутываешь меня, друг, во все эти дела. Я был в стороне, а ты приехал и сразу втянул меня в неприятную историю!

— Довольно! Жаловаться будешь потом. Теперь нам остается лишь одно: принудить Ромеша рассказать все Хемполлини.

— С ума сошел! Кто же станет признаваться сам.

— А еще лучше, пусть напишет письмо. Этим тебе сейчас и придется заняться. Но имей в виду, нельзя терять ни минуты.

— Хорошо. Посмотрю, что тут можно предпринять, — ответил Окхой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В девять часов вечера Ромеш и Комола отправились на вокзал в Шеялдохо. Пробирались кружным путем — почему-то извозчику было приказано ехать переулками. Когда

экипаж поравнялся с одним из домов в Колутоле, Ромеш высунулся из окна и с жадным вниманием оглядел его. Знакомый дом ничуть не изменился, все здесь оставалось по-прежнему. Он вздохнул так тяжело, что разбудил задремавшую было Комолу.

— Что с тобой? — спросила она.

— Ничего, — ответил Ромеш и, усевшись поглубже, продолжал путь в молчании.

Комола снова прислонилась к спинке экипажа и тотчас же заснула. На несколько мгновений присутствие Комолы вдруг сделалось для Ромеша невыносимым.

На станцию они прибыли вовремя и заняли купе второго класса, заранее заказанное Ромешем. Устроив на одном из диванов постель для Комолы, он опустил пониже абажур на лампе и сказал:

— Ложись, Комола, тебе давно уже пора спать.

— Как поезд тропется, я лягу. А пока разреши мне немножко посидеть у окна, — попросила Комола.

Ромеш согласился. Натянув на голову покрывало, Комола уселась на краешек дивана у окна, выходящего на перрон, и стала смотреть на людской поток. А Ромеш устроился на среднем сиденье, рассеянно поглядывая по сторонам. Когда поезд стал набирать скорость, Ромеш неожиданно вскочил с места — бежавший за поездом человек показался ему знакомым.

Комола тоже заметила этого человека и разразилась веселым смехом. Выглянув из окна, Ромеш увидел, что запоздавший пассажир, невзирая на протесты железнодорожного служащего, на ходу прыгнул в вагон, оставив при этом в руках служащего свой шарф, за которым снова протянул руку, уже свесившись из окна вагона. Тут Ромеш ясно разглядел незнакомца и узнал в нем Окхоя.

Комола еще долго хохотала, вспоминая эпизод с шарфом.

— Уже половина одиннадцатого, — обратился к ней Ромеш. — Мы давно едем, ложилась бы спать.

Девушка послушно улеглась, продолжая все время смеяться, пока наконец не уснула.

Но Ромешу было не до веселья. Он хорошо знал, что Окхой коренной калькуттский житель и в деревне у него нет никаких родственников. Куда же, в таком случае, он едет, да еще именно сегодня ночью? Совершенно очевидно, что он преследует его, Ромеша.

При мысли о том, что Окхой появится в его родной де-

ревпе и начнет наводить там справки, а это немедленно вызовет всевозможные разговоры в кругу его друзей и врагов, юношу охватило сильное беспокойство. Со стороны вся эта история может показаться очень некрасивой. Ромеш ясно представил себе, какие толки и пересуды пойдут по всей деревне. В таком большом городе, как Калькутта, всегда можно затеряться, потопуть, по маленькая деревушка подобна мелководью — достаточно малейшего толчка, чтобы вызвать в ней настоящую бурю. И чем больше размышлял над этим Ромеш, тем тяжелей становилось у него на сердце.

Выглянув из окна на остановке в Баракпуре, Ромеш убедился, что Окхой не сошел с поезда. Множество людей садилось и выходило в Нойхати, но и среди них Окхоя не было. Напрасно искал его Ромеш на станции Богула. Окхой нигде не появлялся. Очевидно, нечего было надеяться, что он сойдет на следующей остановке.

Вконец измучившись, юноша заснул лишь глубокой ночью. Когда на следующее утро поезд остановился у вокзала в Гойялондо, Ромеш увидел закутанного шарфом Окхоя, который с чемоданом в руке торопливо шагал по направлению к пароходу.

До отплытия парохода, на котором Ромешу предстояло путешествовать дальше, еще оставалось немного времени, но у второй пристани гудел, сигналил об отправлении, какой-то другой пароход.

— Куда направляетесь? — спросил Ромеш.

— На запад.

— Куда именно?

— Если река не обмелест, дойдем до Бепареса.

Тогда Ромеш поднялся на палубу, устроил в одной из кают Комолу и поспешил купить в дорогу молока, рису, бапанов.

Между тем Окхой, опередив других пассажиров, забрался на первый пароход. Соблюдая массу предосторожностей, чтобы не быть замеченным, он занял местечко, с которого удобно было наблюдать всех входивших на пароход. Но пассажиры не особенно торопились. Пароход запаздывал с отплытием, и люди, воспользовавшись этим обстоятельством, мылись, купались, а некоторые даже заплясали на берегу стряпней и тут же сли. Окхой решил, что Ромеш, вероятно, повел Комолу куда-нибудь в гостиницу позавтракать, но, совершенно не зная Гойялондо, разыскивать их не пошел.

Раздалась гудки, пароход вот-вот должен был отплыть, а Ромеш все не появлялся. Но сходям на палубу поспешно поднимались пассажиры. Непрерывно пароходные гудки торопили их, и толпа становилась все гуще. Но ни среди уже прибывших, ни в числе вновь прибывающих Ромеша не было видно.

Наконец поток пассажиров схлынул, сходи убрали, и капитан отдал команду сниматься с якоря.

— Разрешите мне сойти, — крикнул встревоженный Окхой, но матросы не обратили на него внимания. Расстояние до берега еще было невелико, и Окхой прыгнул с парохода.

Однако и на берегу не обнаружил он следов Ромеша. Узнав, что несколько минут тому назад ушел поезд в Калькутту, Окхой решил, что Ромеш заметил его вчера на платформе, когда он спорил с железнодорожником, разгадал его намерения и, вместо того чтобы ехать в деревню, с утренним поездом вернулся в Калькутту. А если человек задумал скрыться в Калькутте, разыскать его там — задача нелегкая.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Целый день метался Окхой по Гойялондо и только вечером уехал с почтовым поездом в Калькутту. Утром прямо с вокзала он отправился на квартиру Ромеша в Дорджипаре, но дверь оказалась запертой; он узнал, что сюда никто не возвращался.

В Колутоле он тоже не нашел Ромеша. Тогда, придя в дом Оциоды-бабу, он объявил Джогендро, что Ромеш сбежал и ему не удалось его задержать.

— Как все это произошло? — спросил Джогендро.

Окхой рассказал всю историю своих страстий.

Известие о бегстве Ромеша подтвердило подозрения Джогендро.

— Но все доводы совершенно бесполезны, — заметил Джогендро. — Не только Хемнолини, но и отец твердит одну и ту же глупость: он не перестанет верить Ромешу, пока не услышит все из его собственных уст. Приди сейчас Ромеш и заяви, что в данный момент ничего рассказать не может, отец и тогда, ни минуты не задумываясь, согласится на его свадьбу с Хемнолини. Вот до чего дошло дело! Они поставили меня в ужасное положение. Отец не желает, чтобы дочь страдала, а Хем, видимо, скоро

заявит: «Все равно выйду замуж только за него, пусть даже он женат». Возможно, что отец согласится и на это. Теперь, как видишь, нам остается одно: любым способом как можно скорее выудить у Ромеша признание. Ты, Окхой, ни в коем случае не должен терять надежды. Я и сам принял бы участие в этом деле, но не могу придумать ничего подходящего, разве что подраться с ним. Ах да, ты, кажется, еще не умывался и чаю не пил.

Умывшись, Окхой уселся за стол и, медленно прихлебывая чай, начал размышлять. В это время в комнату вошел Оннода-бабу, ведя за руку дочь. Увидев Окхоя, Хем немедленно повернулась и вышла.

— Как Хем несправедлива! — раздраженно заметил Джогендро. — Ты не должен потакать ее выходкам, отец, надо заставить ее вернуться. Хем! Хем!

Но Хемнолини была уже наверху.

— Джоген! Ты только портишь мне все дело, — заметил Окхой. — Не говори ей обо мне ни слова. Время — великий исцелитель, а насилем можно все погубить.

Окхой допил чай и ушел.

Окхой нельзя было упрекнуть в недостатке терпения. Он научился не отказываться от задуманного, даже если обстоятельства складывались против него. Не в его характере было горячиться. Не принадлежал он и к числу обидчивых, которые каждую минуту готовы рассердиться и уйти прочь. Ни оскорбления, ни неприязнь его не смущали. Словом, он был человеком поистине выносливым и терпел все решительно.

Когда Окхой ушел, Оннода-бабу снова привел Хемнолини к чайному столу. Румянец сбежал с ее щек, под глазами легли темные тени. Она не решалась взглянуть на Джогендро, зная, что брат зол и на нее и на Ромеша и сурово их осуждает.

Любовь еще поддерживала в Хемнолини веру, но девушка не могла оставаться глухой к голосу рассудка. Еще вчера она показала Джогендро, как безгранично ее доверие к Ромешу. Но, оставшись темной ночью в спальне наедине со своими мыслями, Хемнолини утратила покой. Действительно, поведение Ромеша с самого начала по поддавалось никакому разумному объяснению. Всеми силами Хемнолини старалась не допустить сомнения в крепости своей веры, но они громче и громче стучались в стены этой крепости.

Как мать, защищая от смертельной опасности дитя,

обеими руками прижимает его к груди, так и Хемполини из всех сил старалась удержать в сердце доверие к Ромешу, уберечь его от всех нападков. Но увы! Силы порой изменяют нам!

Эту ночь Оппода-бабу провел в комнате рядом со спальней Хемполини. Он слышал, как беспокойно ворочается дочь, и то и дело заглядывал к ней.

— Тебе не спится, дорогая? — спрашивал он.

И неизменно получал ответ:

— А ты почему не спишь, отец? Я уже засыпаю... сейчас усну!

На рассвете Хемполини поднялась на крышу. Все двери и окна в квартире Ромеша были закрыты.

Медленно вставало солнце. Этот вновь загоравшийся день вдруг оказался девушке до того тусклым, лишенным всяких надежд и радостей, что она присела в уголке и, закрыв лицо руками, горько зарыдала. Никто не придет теперь к ней, некого ждать к чаю. Нет даже радостного сознания того, что близкий ей человек находится рядом, в соседнем доме.

— Хем! Хем!

Хемполини поспешно встала, вытерла глаза.

— Что, отец? — откликнулась она.

Оппода-бабу подошел к дочери и, ласково поглаживая ее по спине, сказал:

— Сегодня и поздно проснулся.

Всю ночь Оппода-бабу не мог сомкнуть глаз, сон бежал от него, и он задремал лишь под утро. Но как только солнечные лучи коснулись его глаз, он быстро встал, умылся и отправился проводить дочь. Комната ее оказалась пуста. Тогда он поднялся на крышу. При виде одинокой Хемполини сердце Оппода-бабу больно сжалось.

— Пойдем пить чай, дорогая! — сказал он.

Девушке не хотелось сидеть за столом вместе с Джогендро, но она знала, как расстраивают отца малейшие отступления от обычного порядка. К тому же она всегда собственноручно наливала отцу чай и не хотела лишать себя этой маленькой радости.

Спустившись вниз и еще стоя за дверью, Хем услышала, что Джогендро с кем-то разговаривает. Сердце ее дрогнуло, она подумала, что это Ромеш, — кто же другой мог прийти к ним так рано!

Неверными шагами вошла она в комнату, но увидела Окхоя и, не в силах совладать с собой, выбежала вон.

Оннода-бабу опять привел ее. Тогда, придвинувшись поближе к отцовскому креслу, опустив голову, она занялась приготовлением чая.

Поведение Хемполини вывело Джоендро из себя. Он не мог равнодушно смотреть, как страдает сестра из-за Ромеша. Но возмущение его возросло еще больше, когда он заметил, что Оннода-бабу сочувствует ее горю, а Хем под сенью отцовской любви пытается укрыться от всего мира.

«Как будто мы преступники! — думал он. — Из любви к ней мы стремимся выполнить свой долг, заботимся о ее счастье, устраняем ее судьбу!.. И вот вам благодарности! Нас еще обвиняют. Что касается отца, то он вообще ничего не смыслит в делах. Сейчас не время заниматься утешениями, надо нанести решительный удар; отец же из жалости к Хем все отдаляет от нее неприятную правду».

— Знаешь, отец, что случилось? — обратился Джоендро к Онноде-бабу.

— Нет. А что такое? — испуганно воскликнул тот.

— Вчера Ромеш с женой отправился гоёйлондским поездом на родину, но, увидев, что в тот же поезд садится Окхой, сбежал обратно в Калькутту.

Руки Хемполини дрогнули, чай расплескался, девушка опустилась в кресло.

Искоса взглянув на сестру, Джоендро продолжал:

— Не понимаю, зачем ему понадобилось бежать? Окхою давно все было достаточно ясно. Ромеш и раньше вел себя не очень красиво, но эта трусость, эта воровская попытка замести следы мне особенно отвратительны! Но знаю, что думает на этот счет Хем. По-моему, его бегство — вполне определенное доказательство виновности.

Вся дрожа, Хемполини поднялась с кресла.

— Я не ищу никаких доказательств, дада! Хотите его судить — дело ваше... А я ему не судья, — проговорила она.

— Может ли быть для нас безразличен человек, за которого ты собираешься замуж? — заметил Джоендро.

— К чему теперь говорить о свадьбе! Вы стремитесь ее расстроить, ну и поступайте как вам угодно. Но вы напрасно стараетесь разбить мне сердце.

Тут силы изменили девушке, и она разрыдалась. Оннода-бабу поспешно вскочил и, прижав к груди ее залитое слезами лицо, проговорил:

— Пойдем наверх, Хем!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Пароход отчалил. В первых двух классах пассажиров не было, и Ромеш приготовил в одной из кают постель. Утром Комола, выпив молока, распахнула настежь дверь каюты и залюбовалась рекой и проплывающими мимо берегами.

— Знаешь, куда мы едем, Комола? — спросил Ромеш.

— К тебе на родину.

— Но тебе не нравится деревня, и мы туда не поедem.

— Ты ради меня раздумал ехать в деревню?

— Конечно, только ради тебя.

На лице Комолы появилось огорченное выражение.

— Зачем ты это сделал? — спросила она. — Мало ли что могу я наболтать, а ты и будешь все принимать всерьез! Из-за такого пустяка обиделся.

— Я и не думал обижаться, — засмеялся Ромеш. — Мне самому не хочется ехать в деревню.

— Куда же мы в таком случае направляемся? — с любопытством спросила Комола.

— На запад.

Услышав про «запад», Комола широко раскрыла глаза.

Запад!.. Что только не представляется при этом слову человеку, никогда не покидавшему свой дом!

На западе — святые места, целительный климат, красивые пейзажи и города, бывшее величие империй и волшебных храмов! А сколько древних сказаний, сколько всевозможных легенд о героических подвигах!

Полная восхищения, девушка продолжала расспросы:

— Куда же именно мы едем?

— Пока еще не решено. Нам предстоит проехать Мунгер, Патну, Данапур, Боксар, Гаанпур, Бенарес — и в каком-нибудь из этих городов и остановимся.

При перечислении стольких известных и неизвестных названий воображение Комолы разыгралось еще больше.

— Как интересно! — захлопала она в ладоши.

— Интересно будет потом! А вот что будем мы эти несколько дней есть? Ты ведь не захочешь, я думаю, есть кушанья, приготовленные матросами на пароходной кухне?

— Как можно! — воскликнула Комола, скорчив презрительную гримасу. — Конечно, нет.

— И что же ты предлагаешь?

— Сама буду готовить!

— Да разве ты умеешь?

Комола рассмеялась.

— Не понимаю, за кого ты меня принимаешь! Как же мне не уметь? Ведь я не маленькая, в доме дяди все время готовила.

Ромеш тут же с раскаянием заметил:

— Вопрос мой действительно был не совсем уместен. А потому давай немедленно займемся сооружением кухни. Как ты на это смотришь?

Он ушел и вскоре притащил небольшую железную печурку. Кроме того, он договорился с ехавшим на пароходе мальчиком из касты каястха по имени Умеш, чтобы тот за небольшую плату и билет до Бенареса носил для них воду, убирал и исполнял всякую другую работу.

— Комола,— спросил Ромеш,— что же мы будем сегодня стряпать?

— А много ли ты мне припес? — заметила она.— Только рис да бобы! Значит, будет кхиचур.

Пряности Ромеш достал у матросов, но Комола посмелась над его неопытностью в хозяйственных делах.

— Ну и хорошо! Что я стану делать с одними пряностями? И как я их разотру без шил-нора?

Покорно выслушав упреки девушки, Ромеш пустился на поиски шил-нора. Найти его так и не удалось, пришлось занять у матросов металлическую ступку, которую он и принес Комоле.

Она не умела толочь пряности в ступке и несколько растерялась.

— Давай попросим кого-нибудь это сделать,— предложил Ромеш, но поддержки не встретил. Комола решительно взялась за дело сама. Ей как будто даже доставляли удовольствие все эти трудности. Пряности подскакивали, разлетались во все стороны, и девушка не могла удержаться от смеха. Глядя на нее, смеялся и Ромеш.

Когда пряности были готовы, Комола, обвязав свободный конец сари вокруг талии, отправилась за перегородку и принялась за стряпню. Для приготовления пищи ей пришлось воспользоваться захваченным с собой из Калькутты горшочком для сладостей. Поставив его на огонь, девушка обратилась к Ромешу:

— Ступай живей искулайся, у меня скоро все будет готово.

Ромеш вернулся вовремя, кушанье как раз поспело. Но тут возник вопрос, на чем же есть—тарелок у них не было.

— Можно занять у матросов глиняные тарелки,— робко предложил Ромеш.

Комола пришла в ужас от столь необдуманного предложения. Ромеш с виноватым видом признался, что он и раньше совершал такого рода грех.

— Что было, то прошло, — сказала Комола. — Но впредь это не должно случаться, я не выношу подобных вещей!

Затем она сняла крышку с горшка, тщательно вымыла ее и подала Ромешу.

— Поешь сегодня на этом, а там будет видно.

Когда уголок палубы был чисто вымыт и место для завтрака приготовлено, довольный Ромеш припился за еду. Попробовав кушанье, он заметил, что блюдо получилось очень вкусное.

— Не нужно смеяться надо мной, — смутилась Комола.

— Да нет, какие уж тут шутки! Вот сейчас сама убедишься.

С этими словами он мгновенно упичтожил свою порцию и попросил еще. На этот раз девушка положила ему гораздо больше.

— Что ты делаешь! А себе, должно быть, ничего не оставила!

— Тут еще много, не беспокойся, — сказала Комола. То, что Ромеш ел с таким аппетитом, доставляло ей огромное удовольствие.

— На чем же станешь есть ты? — спросил Ромеш.

— На той же крышке.

— Нет, так нельзя, — забеспокоился Ромеш.

— Почему? — удивленно спросила Комола.

— Нет, нет, ни в коем случае!

— Уверяю тебя, я прекрасно знаю, что делаю, — возразила девушка. — Умеш! — крикнула она. — На чем ты будешь есть?

— Там внизу торгуют сладостями, вот я и возьму у продавца листок салового дерева.

— Послушай, Комола, — обратился к девушке Ромеш, — если уж ты непременно хочешь есть на той же крышке, дай я хорошенько ее вымою.

— С ума сошел! — был погодующий ответ. Через несколько минут Комола заявила: — Пап я тебе приготовить не могу, ты мне для этого ничего не припес.

— Внизу человек продает пап, — ответил Ромеш.

Так, без особых трудностей, была заложена основа их хозяйства. Но на душе Ромеша было беспокойно: он раздумывал над тем, как избежать супружеских забот Комолы.

Комола умела хозяйничать и не пуждалась ни в помо-

щи, пи в обучении. Много лет подряд готовила она для дяди еду, нянчила детей и делала всю работу по дому. Ромеш восхищался ловкостью, усердием и трудолюбием девушки и в то же время не переставая думал, как сложатся их отношения в дальнейшем. «Я не хочу оставлять ее у себя, — размышлял он, — но и покинуть тоже не могу». Где следует ему провести черту в отношениях с нею? Будь с ним Хемполини, все устроилось бы отлично. Но на это пока рассчитывать нечего, а разрешить проблему наедине с Комолой представлялось чрезвычайно трудным. Наконец Ромеш твердо решил, что ему необходимо открыть Комоле все, тогда с этой тайной будет покончено раз и навсегда.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Перед вечером пароход сел на мель. Спать его, несмотря на многократные попытки команды, в тот день так и не удалось.

От высокого берега, отлого спускаясь к реке, тянулась песчаная, испещренная следами водяных птиц отмель. Сюда пришли деревенские женщины набрать в последний раз до захода солнца воды. Они с любопытством поглядывали на пароход: кто посмелее — с открытым лицом, а более робкие — из-под покрывала. Над обрывом плясала толпа деревенских ребятишек; громкими криками они выражали свой восторг по поводу затруднительного положения, в которое попало это дерзкое судно с высоко поднятым посом.

В пустынные пески противоположного берега село солнце.

Ромеш, держась за поручни, долго стоял на палубе в быстро сгущающихся сумерках, глядя на западный край горизонта, где еще светлело небо. Комола, выйдя из кухни, остановилась у дверей каюты.

Не зная, как привлечь к себе внимание Ромеша, она тихонько кашлянула, но он не оглянулся. Тогда девушка припнулась постукивать о дверь связкой ключей. Когда наконец ключи загремели вовсю, Ромеш обернулся. Увидев Комолу, он подошел к ней и спросил:

— Что за странная у тебя манера звать меня?

— А как еще я могу это сделать?

— Называй меня Ромешем. Для чего, по-твоему, отец с матерью дали мне имя?

Опять какие-то странные шутки! Вспыхнувшие щеки и уши Комолы могли соперничать с красками заката.

Слегка отвернувшись, она сказала:

— Не то ты говоришь!.. Послушай, все готово. Ужинай пораньше, а то утром ты мало ел.

Свежий речной воздух давно возбудил у Ромена аппетит, но он молчал, не желая, чтобы Комола лишней раз волновалась из-за недостатка провизии. И теперь неожиданный ее предложение очень его тронуло. Он чувствовал радостное волнение не только по поводу предстоящей трапезы. Сознание того, что кто-то постоянно думает о нем, предупреждает его желания, делало его безмерно счастливым. Казалось, будто сама судьба взяла на себя заботу о его благополучии. Тем не менее он никак не мог избавиться от горькой мысли, что он этого не заслужил, что все его счастье зиждется на ошибке. Ромеш тяжело вздохнул и с пошкшею головой вошел в каюту.

Заметив выражение его лица, Комола удивленно спросила:

— Кажется, тебе совсем не хочется есть? Неужели не проголодался? Я тебя не неволю.

Но Ромеш с деланной веселостью поспешил ответить:

— Зачем тебе меня неволить, это делает мой собственный желудок. Смотри, как бы в другой раз, когда ты издумаешь, гремя ключами, приглашать меня к столу, не явился на твой зов сам Мадхусудан! Однако я что-то не вижу здесь ничего съедобного! — продолжал он, оглядываясь. — Хоть я и страшно голоден, но подобные предметы вряд ли смогу переварить! — Ромеш указал на постель и другие находящиеся в каюте вещи. — Меня с детства приучили к совсем иной пище.

Комола разразилась звонким смехом и долго не могла успокоиться.

— Ну вот, а теперь тебе уже не терпится! Стоял, смотрел на небо и ни голода, ни жажды не чувствовал. А стойло только позвать тебя, как сразу вспомнил, что проголодался! Хорошо, хорошо. Подожди минутку, сейчас все принесу.

— Да поскорей, а то придется и не найдемь в комнате даже постели. Прошу тебя тогда не выпить.

Эта шутка, повторенная Роменом, доставила девушке большое удовольствие, и она опять долго смеялась, наполнив комнату звонкими переливами смеха. Наконец она скрылась за дверью. Непускная жизнерадостность Ромена моментально исчезла.

Комола скоро вернулась с плетеной, прикрытой листьями салового дерева корзиной, и поставив ее на постель, принялась вытирать пол краем сари.

— Что ты делаешь? — с беспокойством воскликнул Ромеш.

— Да ведь я все равно сменю сейчас сари.

С этими словами Комола расстелила на полу листья и ловко разложила на них лучи и овощи.

— Вот так чудо! Откуда ты раздобыла лучи? — удивился Ромеш.

Но девушке вовсе не хотелось, чтобы ее тайпа была раскрыта так легко.

— Угадай, — с таинственным видом произнесла она.

Ромеш прикинулся озадаченным и серьезно сказал:

— Конечно, взяла из запасов команды!

— Что ты! Как можно! — с возмущением воскликнула Комола.

Ромеш принялся уничтожать лучи, продолжая дразнить Комолу самыми невероятными предположениями. В конце концов он заявил, что это, наверно, владелец волшебной лампы, герой арабских сказок Аладдин, переслал их ей со своим джиппом из Белуджистана в подарок. Этим Ромеш окончательно вывел девушку из терпения.

— Перестай! Теперь я ничего не буду тебе рассказывать, — отвернувшись, сказала она.

— Нет, нет! Признаю свое поражение! — воскликнул Ромеш. — Конечно, трудно себе представить, как можно приготовить лучи, находясь посреди реки, но на вкус они тем не менее замечательны.

И юпоша с усердием начал доказывать превосходство аппетита над жаждой знаний.

Как только пароход сел на мель, Комола для пополнения опустевшей кладовой послала Умеша в деревню. У нее еще осталось немного денег из тех, что дал Ромеш, провожая ее в школу. Их-то и потратила она на топлёное масло и муку.

— А ты чего бы хотел поесть, Умеш? — спросила Комола мальчика.

— Если позволите, госпожа, у торговца молоком я видел хорошую простоквашу, а у нас есть бананы. Если еще купить па одну-две пайсы жареного рису, я сумел бы приготовить отличное блюдо, — ответил мальчик.

Комоле и самой захотелось такого кушанья.

— Осталось у тебя хоть немного денег, Умеш? — спросила она.

— Совсем ничего, мать.

Это поставило ее в затруднительное положение. Девушка представить себе не могла, как сможет она сказать Ромешу, что ей нужны деньги. Немного погодя она проговорила:

— Если сегодня тебе не удастся приготовить этого блюда, ты не расстраивайся, у нас будут лучи. Пойдем замесим тесто.

— Так ведь я же говорю, мать, что видел еще и хорошую простоквашу. С этим как мне быть?

— Послушай, Умеш, когда господин сядет есть, попроси у него денег на покупки.

Ромеш уже начал есть, когда к нему приблизился Умеш, смущенно почесывая в затылке. Ромеш взглянул на него, и мальчик бессвязно пролепетал:

— Мать... насчет денег... на покупки...

Только тут впервые пришло юноше в голову, что ведь для приготовления пищи нужны деньги и волшебная лампа Аладдина не поможет.

— У тебя ведь совсем нет денег, Комола, — озабоченно сказал он. — Почему же ты сама мне об этом не напомнишь?

Девушка впиловато молчала.

После ужина Ромеш вручил ей небольшую шкатулку и произнес:

— Все, что здесь есть, — твоё.

Успокоившись, что теперь бремя домашних хлопот переложено на плечи Комолы, он снова встал у палубных поручней, устремив взор на запад, где край небосвода прямо на глазах погрузился во мрак.

Поев, Умеш приготовил себе наконец сладкое блюдо из простокваши, бананов и риса. Комола, стоя перед мальчиком, расспрашивала его о том, как он живет.

В семье его властвовала мачеха, и жилось ему там очень тяжело. Умеш убежал из дому и направлялся теперь в Бепарес к бабушке.

— Если ты оставишь меня при себе, мать, я никуда больше не поеду, — заключил он.

Материнский инстинкт, проснувшийся в тайниках сердца Комолы, откликнулся на это трогательное обращение мальчика-сироты, и она ласково сказала:

— Очень хорошо, Умеш, ты поедешь с нами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Полоса прибрежного леса, будто бескопечная линия, проведенная тушью, казалась темной каймой на парчовом одеянии невесты-ночи. В угасающих лучах заходящего солнца потяпулась на почлег к тихим озеркам и пустынным песчаным отмелям стая диких уток, весь день кормившаяся на болоте возле деревни. Стихли вороны, устроившись в своих гнездах. На реке не осталось ни одной лодки, только темный силуэт большого парусника резко выделялся на золотисто-зеленой поверхности реки.

Ромеш перенес свое плетеное кресло на нос корабля, залитый ясным светом молодого месяца.

С западного края неба исчез последний золотой отблеск вечерней зари, и суровый мир словно растворился в волшебной пелене лунного сияния.

«Хем! Хем!» — повторял Ромеш. Звук этого имени нежной лаской отозвался в его сердце. И Ромешу почудилось, будто заглянули ему в лицо чьи-то обведенные тенью, полные страдания и нежности глаза. Ромеш вздрогнул, взор его затуманился слезами.

Перед ним пронеслась вся его жизнь за последние два года. Вспомнился первый день знакомства с Хемнолини. Он и не знал тогда, что этому дню суждено занять особое место в его жизни. Когда Джогедро привел его впервые к ним в дом и смущенный юноша увидел за чайным столом Хемнолини, он совершенно растерялся. Но мало-помалу застенчивость его прошла, общество Хемнолини стало для него привычным, и узы этой привычки постепенно превратили Ромеша в пленника. Казалось, все написанные о любви стихи, которые ему доводилось читать, посвящены одной Хемнолини. «Я люблю», — повторял он себе, переполненный гордостью. Товарищам приходилось перед экзаменами вызубривать наизусть сюжеты любовных поэм, а он, Ромеш, любил в самом деле, и это давало ему право смотреть на товарищей с состраданием. Вспоминая все это сейчас, Ромеш понял, что в то время он стоял только в преддверии любви. И лишь когда неожиданно появившаяся Комола так осложнила его жизнь, любовь его, пройдя через тяжелые испытания, проснулась, ожила и окрепла.

Склонив голову на руку, Ромеш думал о том, что перед ним еще целая жизнь, существование, полное сердечного томления, жизнь человека, запутавшегося в крепких

сетях безысходности. Неужели у него не хватит сил разорвать их?

В порыве твердой решимости юноша поднял голову и внезапно увидел Комолу. Она стояла, облокотившись на спинку соседнего кресла.

— Ты спал? Я тебя разбудила? — испуганно спросила девушка.

Охваченная раскаянием, она уже собиралась уйти, но Ромеш поспешно остановил ее:

— Нет, нет, Комола, я не спал. Сядь, я хочу рассказать тебе сказку.

Услышав про сказку, девушка обрадовалась и мигом придвинула к нему свое кресло. Ромеш сказал себе, что настал момент, когда совершенно необходимо открыть Комоле всю правду. Но, не в силах нанести ей такой удар слишком неожиданно, Ромеш решил рассказать Комоле всю ее историю в виде сказки.

— Жило когда-то одно воинственное племя, — начал он. — Оно...

— Когда? Давным-давно?

— Да, давным-давно. Тебя тогда еще и на свете не было.

— А ты уже успел родиться! Подумайте, какой старик нашелся! Ну, дальше?

— У людей этого племени существовал обычай: сами они никогда не присутствовали на свадебном обряде, а посылали невесте свой меч. Девушку обручали с мечом, потом привозили в дом жениха и только тогда устраивали настоящую свадьбу.

— Ой, как нехорошо! Что это за свадьба?

— Мне тоже не нравится такой обычай, но тут уж я ничего не могу поделать. Воины, о которых я рассказываю, считали для себя унижительным приезжать в дом к невесте и там обручаться. Раджа — о нем и пойдет сейчас речь — принадлежал к тому же племени. Однажды он...

— Ты еще не сказал, где он правил.

— Он был раджей в стране Мадра. Так вот, однажды этот раджа...

— Сначала назови его имя.

Комоле хотелось знать все подробности — нельзя упустить ни одной мелочи. Если бы Ромеш мог это предвидеть, он тщательно подготовился бы заранее. Ему пришлось убедиться, что, как бы ни увлекал Комолу рассказ, она нигде не потерпит обмана или неточности.

Чуть поменшав с ответом на столь неожиданный вопрос, Ромеш продолжал:

— Правителя звали Ранджит Сингх.

— Ранджит Сингх, правитель Мадры,— еще раз повторила девушка.— Что же дальше?

— А дальше дело было так: узнал этот раджа от страстного певца, что у другого раджи того же племени есть красавица дочь.

— А кто этот второй раджа?

— Ну, предположим, что он был правителем Канчи.

— Зачем мне предполагать? Разве он не был им на самом деле?

— Да, все действительно обстояло так. Ты, паверно, хочешь узнать его имя? Его звали Амар Сингх.

— Но ты еще не назвал мне девушку... ту, красавицу.

— Ах, и правда, совсем забыл! Имя девушки... Ее имя... да, да, вспомнил! Ее звали Чандра.

— Удивительно! Вечно ты что-нибудь забываешь. Даже мое имя забыл однажды!

— Как только раджа Кошалы услышал от певца...

— Откуда тут взялся еще и раджа Кошалы? Ты же говорил про правителя Мадры!

— Ты думаешь, радже подвластна всего одна область? Он правил и Мадрой и Кошалою.

— Эти княжества, должно быть, находились рядом.

— Да, они граничили друг с другом.

Так, делая на каждом шагу ошибки, допуская противоречия и кое-как исправляя их при помощи вопросов Кошлы, Ромеш наконец поведал ей следующее.

Правитель Мадры, Ранджит Сингх, послал гонца к правителю Канчи с просьбой выдать за него дочь. Раджа Канчи, Амар Сингх, был очень этим обрадован и дал согласие на брак.

Тогда младший брат жениха, Индраджит Сингх, с войском и развернутыми знаменами, под бой барабанов и трубные звуки раковин, отправился в княжество Канчи и стал лагерем в дворцовой роще. В городе Канчи начались празднества. Царские астрологи выбрали благоприятный день для бракосочетания. Торжество должно было состояться на двенадцатую ночь темной половины месяца, в два часа полнолуния.

Все дома в эту ночь были украшены в честь свадьбы царской дочери Чандры гирляндами цветов; везде горели светильники.

Но принцесса не знала, за кого выдают ее замуж. При рождении девочки мудрый Парамапанда Свами сказал ее отцу: «Твоя дочь родилась при неблагоприятном сочетании планет. Помни, во время свадьбы она не должна слышать имени жениха».

В назначенный срок был выполнен брачный обряд с мечом.

Индраджит Сингх принес подарки и приветствовал жепу своего брата. Он был верен Ранджиту, как Лакшман Раме, ни разу не поднял глаз на зарумянившуюся под покрывалом лицо благородной Чандры и видел только обведенные красным лаком ступни ее увешанных колокольчиками маленьких ног.

На другой же день после свадьбы Индраджит с невестой, которую усадили в закрытый, разукрашенный драгоценными камнями паланкин, собрался в обратный путь.

Помня предсказание о неблагоприятной планете, раджа Канчи с болью в сердце благословил дочь, положив ей на голову правую руку, а мать, целуя Чандру, не могла сдерживать слез. Во всех храмах тысячи жрецов совершали обряды, чтобы предотвратить несчастье.

От Канчи до Мадры расстояние очень далекое, почти целый месяц пути. Во вторую ночь после начала путешествия караван раскинул лагерь на берегу реки Ветаси, и воины уже готовились предаться отдыху, когда в лесу замелькали огни факелов. Индраджит выслал отряд разузнать, в чем дело.

Подъехав к принцу, один из воинов доложил, что это еще один свадебный караван их же племени с вооруженной свитой. Они тоже провожают невесту в дом мужа. Путь в этих местах очень опасен, и они просят принца взять их под свою защиту. В случае согласия их отряды часть пути смогут пройти вместе.

— Защищать тех, кто нуждается в покровительстве, наш долг, — ответил Индраджит. — Охраняйте их получше!

Таким образом, оба лагеря соединились.

Третья ночь была последней в безлунной половине месяца. Впереди лагеря тянулась цепь невысоких холмов, позади — лес.

Под треск цикад и мерный гул близкого водопада утомленные воины крепко заснули.

Всех разбудил внезапный шум. Воины увидели, что по мадрскому лагерю мечутся сорвавшиеся с привязи обезумевшие кони, кто-то, очевидно, перерезал на них пути;

повсюду пылают охваченные пламенем палатки, освещая багровым заревом темную ночь.

Оказалось, что на лагерь напали разбойники. Завязалась рукопашная схватка, в которой из-за темноты трудно было отличить своих от врагов.

Воспользовавшись всеобщим замешательством, разбойники захватили добычу и скрылись за покрытой лесом вершиной.

Когда все утихло, выяснилось, что принцесса исчезла. В страхе покинув лагерь, она присоединилась к чужому каравану, приняв его за собственную свиту.

В том караване среди поднявшейся суматохи разбойники похитили невесту. Воины приняли Чандру за ту, которую должны были сопровождать, и вместе с ней поспешно отправились в свое царство.

Эти воины принадлежали к обедневшему роду. Их владения находились в Калинге, на берегу моря. Там и произошла встреча Чандры с жемчужной пропащей девушки. Его звали Чет Сингх.

Мать Чет Сингха вышла невесте навстречу и ввела ее в дом. Родственники были в восхищении: никогда не видели они подобной красоты.

Счастливый Чет Сингх отнесся к Чандре с почтением, видя в ней Лакшми своего дома.

Принцесса, являвшаяся образцом добродетельной жены, считала Чет Сингха своим мужем и решила посвятить ему свою жизнь.

Прошло несколько дней, прежде чем новобрачные преодолели свое смущение. Тогда из разговора с девушкой Чет Сингх вдруг выяснил, что та, которую он принял как жену, была на самом деле принцессой Чандрой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

— Что же случилось потом? — нетерпеливо воскликнула Комола. Она слушала Ромеша затаив дыхание.

— Это все, что я знаю, — ответил Ромеш. — Остальное мне неизвестно. Рассказывай теперь, что произошло потом.

— Нет, нет, так не годится! Ты должен сам досказать, что было дальше!

— Да ведь я правду говорю, сказка-то еще не вся напечатана, и неизвестно, когда выйдут последние главы.

— Перестань, — окончательно рассердилась Комола. —

Ну, какой же ты нехороший! С твоей стороны это просто нечестно!

— Браин лучше того, кто сочиняет эту историю. А мне все же хотелось бы знать, как должен, по-твоему, поступить с Чандрой Чет Сингх?

Комола долго молча смотрела на реку, наконец произнесла:

— Не знаю. Ничего не могу придумать.

— Может, ему следовало бы рассказать обо всем принцессе? — слегка помедлив, спросил Ромеш.

— Верно! Ты хорошо придумал. Ведь если он будет молчать, может произойти ужасный скандал! Даже подумать страшно! Лучше всего сказать правду.

— Да, правда лучше всего, — машинально повторил Ромеш. — Послушай, Комола, — заговорил он вновь спустя несколько минут. — Если бы...

— Что если бы?

— Представь, если бы я был Чет Сингх, а ты Чандра...

— Не говори таких вещей! — воскликнула Комола. — Мне они совсем не по душе.

— Нет, ты все-таки ответь! Вдруг дело обстояло бы именно так, что в таком случае должен был делать каждый из нас?

Девушка, не сказав ни слова, вскочила с кресла и убежала.

На пороге каюты сидел Умеш и не отрываясь смотрел на реку.

— Видел ты когда-нибудь привидения, Умеш? — спросила Комола.

— Видел, ма.

Тогда Комола притащила стоявшую неподалеку плетеную скамеечку, уселась на нее и попросила:

— Расскажи, какие они?

Ромеш не стал звать убежавшую в досаде Комолу.

Молодой месяц пронал, спрятавшись в густых зарослях бамбука. Свет на палубе погасили, боцман и матросы спустились вниз ужинать. Как уже говорилось, ни в первом, ни во втором классе пассажиров не было, а большинство севших в третьем классе перебрались на берег готовить пищу. В просветах темнеющей массы береговых зарослей мелькали огни раскинувшейся неподалеку ярмарки. Стремительное течение полноводной реки громыало якорной цепью, и дыхание великой священной Ганги заставляло время от времени вздрагивать весь пароход.

Очарованный поразительной повизной развернувшегося перед ним незнакомого ночного пейзажа с его смутно угадывающейся бесконечностью укрытых темнотой просторов, Ромеш вновь и вновь пытался разрешить мучительный для себя вопрос: он понимал, что ему так или иначе придется расстаться или с Хемполини, или с Комолой. Сохранить обеих — об этом не могло быть и речи. У Хемполини есть еще какой-то выход: она может забыть Ромеша, может выйти замуж за другого. Но Комола... Как ее бросить, когда у нее нет иного приюта в этом мире?

Но эгоизм мужчины безграничен. Ромеш отнюдь не успокаивала мысль о том, что Хемполини может его забыть, что на свете есть кому о ней позаботиться, что он для нее не единственный. Скорее наоборот, — сознание всего этого лишь усиливало его мучительную тревогу. Ему представилась Хемполини: она здесь, рядом, она простирала к нему руки, но в то же мгновение исчезает навски, и он не может удержать ее.

Под тяжестью своих дум Ромеш бессильно уронил голову на ладони.

Где-то вдали выли шакалы. Из деревни им вторили лаем неугомонные собаки.

Ромеш поднял голову и снова увидел Комолу, которая стояла, держась за поручни, на темной безлюдной палубе.

Юпоина подошел к ней.

— Почему ты не спишь, Комола? Ведь уже очень поздно...

— А сам ты разве не собираешься ложиться? — спросила девушка.

— Я сейчас приду. Мне постелишь в каюте справа. Не жди меня, ступай скорей.

Не вымолвив больше ни слова, Комола медленно направилась к себе. Не могла же она сказать Ромешу, что наслушалась сейчас рассказов о привидениях, а в каюте так темно и пусто!

Но по ее тихим, нерешительным шагам Ромеш догадался, что душа ее полна страха и смятения, и сердце его сжалось.

— Не бойся, Комола, — сказал он. — Ведь моя каюта рядом с твоей, я оставлю дверь между ними открытой.

— Кого мне бояться! — ответила Комола и решительно потрянула головой.

Войдя к себе, Ромеш погасил лампу и лег.

«Комолу бросить пельзя,— продолжал он свои размышления.— А значит, прощай Хемполипи. Итак, решение принято. Пути назад нет... Прочь все колебания!»

Но в то же время юноша чувствовал, что сказать «прощай» Хемполипи — значит сказать «прощай» своим самым заветным мечтам. В волнении он поднялся с постели и вышел на палубу. Тут, стоя в почной темноте, Ромеш вдруг почувствовал, что его мучительные сомнения и его горе не заполняют собой всей бесконечности времени и пространства. Усеявшие небосвод звезды мерцают спокойно, им нет дела до Ромеша и Хемполипи и их истории. Сколько будет еще таких же звездных осенних ночей, и эта река никогда не перестанет журчать и нести свои воды мимо пустынных песчаных отелей, среди шуршащих камышей, в тени деревьев, осеняющих спящие деревни! Она будет струиться и тогда, когда все огорчения Ромеша, все тяготы его жизни обратятся в горсть пепла от погребального костра и, смешавшись с многострадальной землей, исчезнут навеки!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Было еще темно, когда Комола проснулась. Осмотревшись, она увидела, что около нее никого нет, и вспомнила, что эту ночь провела на пароходе. Тихонько приоткрыв дверь, девушка выглянула наружу. Над молчаливой водой топкой пеленой стлался легкий прозрачный туман; темнота постепенно расплывалась в сероватую мглу; на восточном краю горизонта, за лесом, расцвела заря, и вскоре стальная поверхность реки покрылась белыми парусами рыбацких лодок.

Комолу охватила какая-то щемящая безотчетная тоска. Почему осенняя заря не явила сегодня своего сияющего лица, а кажется, будто она затуманена слезами? И почему к горлу подступают беспричинные рыдания, а на глаза все время навертываются слезы? Еще вчера она даже не вспоминала о том, что у нее нет ни свекра, ни свекрови, ни знакомых, ни друзей. Что же случилось нынче, отчего она вдруг подумала о своем одиночестве и о том, что не видит опоры в Ромеше? Почему она так ясно ощутила собственную беспомощность в этом огромном мире?

Комола долгое время тихо стояла в дверях. Вода уже искрилась, словно поток расплавленного золота. Матросы взялись за работу, застучала машина. К берегу гурьбой

сбежалась деревенская детвора, спозаранку разбуженная грохотом якорных цепей и шумом мотора.

Ромеш тоже проспнулся и направился к каюте, где спала Комола. Девушка вздрогнула и еще плотнее укуталась в покрывало.

— Ты уже умывалась, Комола? — спросил он.

Девушка, вероятно, не могла бы объяснить, почему вдруг рассердилась на Ромеша за этот вопрос, но она действительно рассердилась и, отвернувшись, лишь отрицательно покачала головой.

— Скоро все встанут, а ты до сих пор не готова, — продолжал он.

Комола ничего не ответила, сняла с кресла сложенное сари и полотенце и быстро прошла мимо Ромеша в ванную. Нельзя сказать, чтобы его утреннее посещение и заботливость совсем не тронули Комолу, но было в них что-то оскорбительное. Она почувствовала, что Ромеш в отношениях с ней не желает переступать определенных границ. Как вы уже знаете, Комола не жила в доме свекра, старшие не учили ее застенчивости, и она не знала, в каких случаях и как полагается закрывать лицо покрывалом. Но сегодня, едва увидев перед собой Ромеша, девушка вдруг ощутила, что все в ней словно замерло от стыда. Комола выкупалась, вернулась в комнату и занялась своими обычными хозяйственными делами. Она достала ключи, завязанные в уголок свешивающегося с плеча сари, открыла чемодан, где лежали ее вещи, и тут взгляд ее упал на маленькую шкатулку. Вчера эта шкатулка была для Комолы источником гордости; она словно сообщала ей чувство уверенности и самостоятельности. Поэтому девушка старательно прятала ее среди своей одежды и заперла чемодан. Но сегодня, взяв шкатулку в руки, Комола не испытала ни малейшего удовольствия. Теперь эта вещь, казалось, не принадлежала ей всецело — это была шкатулка Ромеша. Девушку покинуло чувство независимости, которое она испытывала раньше. Наоборот, этот подарок делал Комолу еще более зависимой от Ромеша.

— Ты что, привидение пахла в шкатулке? — спросил Ромеш, входя в каюту. — Что так притихла?

— Возьми, это твое, — сказала девушка, протягивая ему шкатулку.

— А что мне с ней делать?

— Когда тебе что-нибудь понадобится, дашь мне денег, и я куплю.

— А тебе самой разве ничего не нужно?

Пожав плечами, Комола уклончиво ответила:

— Зачем мне деньги?

— Не много найдется людей, которые могли бы искренне повторить эти слова, — рассмеялся Ромеш. — Однако, Комола, если тебе не нравится эта вещь, подари ее кому-нибудь, мне она не нужна.

Комола молча положила шкатулку на пол.

— Послушай, Комола, — проговорил Ромеш, — скажи мне правду: ты серднишься на меня за то, что я не докончил сказку?

— Кто тебе сказал, что я сержусь? — опустив голову, произнесла девушка.

— Если не серднишься, оставь у себя эту шкатулку. Тогда я поверю, что ты сказала правду.

— Пусть даже я и не сержусь, но зачем мне оставлять ее у себя? Ведь это твоя вещь — ты ее и храни.

— Да не моя это вещь! Знаешь, тот, кто отбирает подарки, после смерти обязательно превращается в привидение. Ты думаешь, я не боюсь этого?

Опасения Ромеша стать привидением вызвали у Комолы улыбку.

— Не может быть! Неужели тот, кто отбирает подаренное, превращается в привидение? — смеясь, спросила она. — Я никогда об этом не слыхала.

Ее неожиданный смех положил начало их примирению.

— От кого же ты могла слышать о подобных вещах? — спросил Ромеш. — Вот как только увидишь привидение, обязательно спроси его, и оно ответит тебе, правда это или нет.

Комола, сгорая от любопытства, спросила:

— Нет, серьезно, ты когда-нибудь видел настоящее привидение?

— Настоящих не видел, а поддельных сколько хочешь. На свете вообще трудно найти что-нибудь настоящее.

— Почему же? А вот Умеш говорит...

— Умеш? Это еще кто такой?

— Да тот мальчик, который едет с нами. Он собственными глазами видел привидение.

— Ну, я, конечно, не могу соперничать с Умешем в таких вопросах, придется мне согласиться с ним.

Тем временем после долгих усилий команде удалось наконец спастись с парохода с мели. Едва он отчалил, как вдруг на берегу появился человек с корзиной на голове. Он бе-

жал, размахивая руками, просил остановить пароход. Но боцман не обратил ни малейшего внимания на его отчаянные просьбы. Тогда человек умоляюще закричал Ромешу:

— Бабу, бабу!

«Он, видимо, принимает меня за главного», — подумал Ромеш и знаками дал понять, что остановить пароход не в его власти.

— Да это же Умеш! — вдруг воскликнула Комола. — Нет, нет, не бросай его, пожалуйста!

— Но ведь по моей просьбе пароход все равно не останавливает, — заметил Ромеш.

Огорчению Комолы не было предела.

— Скажи, чтобы остановили, попроси, ведь мы близко от берега.

Ромеш обратился к боцману.

— Это против правил, господин, — ответил тот.

— Нельзя его бросить. Ну остановитесь хоть на минутку! Это ведь наш Умеш! — воскликнула Комола.

Пришлось Ромешу прибегнуть к самому простому и убедительному способу устранения законов и преодолению препятствий. Умиrotворенный вознаграждением, боцман остановил пароход, но, когда Умеш очутился на палубе, осыпал его градом ругательств. Однако мальчик и бровью не повел: он как ни в чем не бывало поставил к ногам Комолы корзинку и весело рассмеялся.

Комола все еще не могла опомниться от испуга.

— Ты что смеешься? — корила она его. — Что бы стало с тобой, если бы пароход не остановился!

Вместо ответа Умеш перевернул корзину. Оттуда посыпались тыквы, баклажаны, различная зелень и гроздь недозрелых бананов.

— Откуда ты достал все это? — всплеснула руками Комола.

Показания Умеша отнюдь не были утешительными. Вчера, отправившись за творогом и другими продуктами, он заметил, у кого из деревенских жителей на огородах или крышах растут эти благословенные дары природы. Сегодня же рано утром, перед самым отплытием парохода, он спустился на берег и, не дожидаясь разрешения хозяев, собрал те из них, которые ему приглянулись.

Ромеш пришел в неопишемую ярость.

— Так, значит, ты стащил все это на чужих огородах! — закричал он.

— Разве это кража? — спокойно возразил Умеш. — Там было так много всего, а я взял совсем немножко, кому от этого убыток?

— Ты думаешь, взять мало — не значит украсть?! Ах ты негодяй, уходи отсюда и убери прочь все это.

Умеш умоляюще посмотрел на Комолу:

— Мать, вот это у нас называют пиринг, он очень вкусен, если приготовить чоччори, а вот бето...

Ромеш еще больше рассвирепел:

— Убирайся со своим пирингом, иначе я выкину все в реку!

В ожидании дальнейших указаний мальчик поднял глаза на Комолу. Девушка сделала знак, чтобы он ушел. В этом жесте Умеш уловил сочувствие и тайную симпатию. Собрав в корзинку все овощи, он покорно удалился.

— Очень пехорошо, — обратился Ромеш к Комоле, — так потакать мальчишке.

И он отправился в каюту сочинять письмо. Комола, внимательно оглядевшись по сторонам, увидела Умеша. Он сидел за палубой второго класса, недалеко от руля, там, где было отведено место для стряпни.

Во втором классе пассажиров не было, и Комола, предварительно закутавшись с головы до ног, подошла к мальчику.

— Ты все выбросил? — спросила она.

— Нет, зачем же выбрасывать. Я все сложил вот в этой каморке.

Комола попробовала сделать сердитое лицо.

— Но ты очень плохо поступил, Умеш. Больше никогда не делай этого, слышишь? Ну а если бы пароход ушел! — Затем Комола вошла в кладовую и крикнула оттуда: — Неси скорее пож!

Умеш подал нож, и Комола торопливо принялась резать принесенные Умешем овощи.

— К этому салату очень подошла бы третья горчица, мать, — заметил Умеш.

— Так приготовь, — сердито приказала Комола.

Она парочко говорила таким тоном, опасаясь, как бы Умеш не подумал, что она поощряет его, и поэтому с суровым видом занималась приготовлением овощей.

Но разве могла такая девушка, как Комола, отказать в защите лишенному родного дома мальчику? Она не вполне понимала всю тяжесть такого преступления, как кража овощей, зато прекрасно чувствовала, как велика

должна быть жажда ласки и приюта у этого бездомного ребенка. Ведь мальчик убежал с парохода и стащил овощи единственно для того, чтобы доставить удовольствие ей, Комоле, несколько не думая о том, что пароход может уйти. Как же могло это не тронуть ее сердца!

— Вот что, Умеш, тут для тебя вчерашний творог оставлен. Поешь, но помни — никогда больше не занимайся такими делами! — сказала она.

Умеш, наконец расстроенный, мог лишь пробормотать:

— Почему ты не съела его вчера, мать?

— Я не так люблю творог, как ты, — ответила Комола. — Ну, Умеш, теперь у нас есть все, кроме рыбы. Чем же без нее я накормлю господина?

— Я бы мог достать рыбу, мать, но ее ведь не возьмешь без денег.

Комола снова принялась вразумлять его. Она сурово пахмурила свои красивые брови:

— Я никогда еще не видела такого непопятливого мальчика, как ты, Умеш. Разве я заставляю тебя доставать что-нибудь без денег?

У Умеша уже успело сложиться мнение, что Комола считает нелегким делом просить у Ромеша деньги. А кроме того, Ромеш ему не нравился. Поэтому Умеш не принимал Ромеша в расчет, и все хитрые планы мальчика направлены были на то, чтобы вывести из затруднительного положения только Комолу и себя самого. За баклажапы, зелень и бапапы он теперь был спокоен, но решить вопрос с рыбой оказалось ему не под силу. В этом мире одним бескорыстным почитанием не заработаешь ни капли молока, ни кусочка рыбы — все требует денег. Поэтому неимущему почитателю Комолы свет казался очень суровым.

— Если бы ты как-нибудь получила от Ромеша-бабу хоть пять пайс, мать, я принес бы тебе большого карпа, — виновато сказал Умеш.

Комола заволновалась:

— Нет, нет, я больше не разрешу тебе уходить с парохода. Если ты еще раз останешься на берегу, пароход не остановят!

— Да нет, зачем мне уходить? Сегодня утром наши матросы сетями поймали много рыбы. Они, я думаю, половину продадут.

Услышав об этом, Комола поспешно принесла рупию и, вручив ее Умешу, сказала:

— Придешь с дачу.

Умеш доставил рыбу, но сдачи не принес, заявив, что матросы не хотели отдавать карпа меньше чем за рупию. Комола догадалась, что он говорит неправду, и сказала с улыбкой:

— На следующей остановке придется разменять деньги.

— Уж это обязательно, — с невозмутимым видом подтвердил Умеш, — нечего рассчитывать на сдачу после того, как покажешь целую рупию.

В этот день, принявшись за еду, Ромеш воскликнул:

— Замечательно вкусно! Но откуда ты раздобыла все это? Что я вижу! Неужели голова карпа? — Он взял рыбью голову и торжественно приподнял ее. — Да, это не сон, не мираж, не игра воображения — это реально существующая головная часть рыбы, которую называют *Surginus rohita* — красным карпом.

Таким образом, полуденная трапеза закончилась вполне мирно. После обеда Ромеш уселся в шезлонге отдохнуть. А Комола стала кормить Умеша. Рыба с чоччори так ему понравилась, что его аппетит с каждой минутой принимал все более угрожающие размеры.

— Не хватит ли, Умеш? — сказала наконец обеспокоенная Комола. — Я оставила тебе еще на вечер.

За хозяйственными хлопотами и веселыми шутками Комола не заметила, как рассеялось ее утреннее пасмурное настроение.

День подходил к концу. Солнце клонилось к закату и своими косыми лучами уже забралось под палубный тент с западной стороны. Но вздрагивающему пароходу прыгали бледные зайчики вечернего солнца. Узенькими тропинками, которые вились по обоим берегам среди нежной зелени осенних рисов, спускались жепщины с кувшинами, чтобы набрать воды для вечернего омовения.

Солнце уже скрылось на западе, за бамбуковыми зарослями, когда Комола окончила приготовление паа, умылась, причесалась и, переменяв сари, была готова к ужину. Пароход на ночь бросил якорь у какой-то пристань.

Приготовления к ужину отняли у Комолы немного времени, так как с утра оставались овощи. К ней подошел Ромеш и сказал, что днем очень плотно поел и ужинать не будет.

— Совсем ничего не хочешь? — огорчилась Комола. — Может быть, хоть кусочек рыбы съешь?

— Нет, не хочу, — бросил Ромеш, уходя в каюту.

Тогда все, что было, — и рыбу и чоччори — Комола положила на тарелку Умеша.

— Почему ты себе ничего не оставила, мать? — спросил Умеш.

— Я уже поела.

Итак, на сегодня все дела ее маленького плавучего хозяйства были окончены.

Лунный свет заливал своим сиянием землю и отражался в воде. Деревень поблизости не было, и над нежно-зелеными безлюдными просторами рисовых полей, словно женщина в ожидании любимого, бодрствовала прозрачная, тихая ночь.

На берегу в крохотной пароходной конторе под железным навесом сидел на стуле чахлый конторщик и при свете маленькой керосиповой лампы что-то подсчитывал. Ромеш хорошо видел его через открытую дверь конторы. «Как бы я был счастлив, если бы судьба назначила мне такое скромное, но зато несложное существование, — тяжело вздохнув, подумал юноша, — вести конторские книги, исполнять свою работу, выслушивать брань хозяина за ошибки в счетах и поздно вечером уходить домой!»

Наконец свет в конторе погас. Служащий задер дверь, плотнее закутался в шарф, вероятно, опасаясь ночной прохлады, и медленно двинулся в путь. Постепенно фигура его скрылась в темноте среди полей.

Ромеш не заметил, что Комола уже довольно долго стоит позади него, держась за поручни. Девушка надеялась, что он позовет ее вечером, но давно было покончено со всеми хозяйственными делами, а Ромеш все не приходил. Тогда Комола сама потихоньку вышла на палубу. Внезапно она вздрогнула, не в силах двинуться с места. Яркий свет луны падал прямо на Ромеша, и по выражению его лица можно было понять, что Ромеш сейчас далеко, очень далеко отсюда и в мыслях его нет места Комоле. Будто между погруженным в думы Ромешем и этой одинокой девушкой встала на страже ночь, с ног до головы закутанная в одеяние из лунного света и в знак молчания приложившая палец к губам.

Когда Ромеш, спрятав лицо в ладони, уронил голову на стол, Комола тихо направилась к себе в каюту. Она старалась ступать неслышно, опасаясь, как бы Ромеш не догадался, что она искала его.

В каюте было пусто и темно. Войдя туда, девушка невольно вздрогнула. Она чувствовала себя такой одинокой

и покинутой, а тоская каморка темнела перед ней, словно пасть какого-то неизвестного и кровожадного чудовища. Но куда бежать?

Разве есть угол, где она могла бы спокойно приклонить голову и, закрыв глаза, подумать: «Я у себя дома?» Заглянув в каюту, Комола отпрянула назад, но тут же наткнулась на зонтик Ромеша, который с шумом упал на окованный железом сундук. Вздвогнув от этого звука, Ромеш поднял голову и, встав с кресла, заметил Комолу, которая стояла у дверей своей спальни.

— Что такое, Комола? — спросил он. — Я думал, что ты давно уже спишь. Может быть, тебе страшно? Тогда я больше не буду сидеть здесь, а пойду спать и могу снова оставить дверь открытой.

— Страшно? Нет, что ты! — оскорбленно возразила Комола и, поспешно войдя в темную каюту, заперла дверь, открытую было Ромешем. Затем она бросилась на постель и натянула на голову покрывало, словно хотела отгородиться от всего мира. Сердце ее взбунтовалось: зачем жить, когда нет ни защиты, ни свободы?

Ночь тянулась мучительно долго. В соседней каюте уже давно уснул Ромеш. Но Комола не могла спать. Осторожно ступая, она вышла на палубу и, сжимая поручни, стала пристально смотреть на берег. Вокруг не было слышно ни звука. Месяц клонился к закату, и не различить уже было узеньких тропинок, которые бежали среди нив по обоим берегам реки. И все же Комола пристально смотрела в ту сторону. Сколько жепщиц, наполнив кувшины, возвращаются по этим дорожкам к себе домой! Дом! Когда она произносила это слово, ее сердце, казалось, готово было выпрыгнуть из груди. Хоть какой-нибудь маленький дом, где он у нее? Терялся вдали пустынный берег, простираясь от горизонта до горизонта, застыло в молчании небо. Непужное небо, непужная земля! Что значили эти безграничные просторы для хрупкой девушки! Ведь ей пужен был дом, пусть маленький, но свой. Внезапно Комола вздрогнула: она почувствовала, что рядом с ней кто-то стоит:

— Не бойся, мать! Это я, Умеш. Уже очень поздно, почему ты не спишь?

В течение всей этой долгой мучительной ночи у нее даже не было слез, но теперь они вдруг сами брызнули из глаз. Комола не в силах была сдержать их, и они все падали и падали крупными каплями. Она низко опустила го-

лову и отвернулась от Умеша. Бесцельно плывет обремененное влагой облако, но стоит ему встретиться с таким же, как и оно, бесприютным ветерком, и весь его влажный груз мигом прольется на землю. Так и Комола, услышав ласковое слово от пищего, бездомного мальчика, не могла сдержать слез. Она пыталась что-то сказать, но рыдания стиснули ей горло.

Умеш был в отчаянии, но никак не мог придумать, чем успокоить Комолу. Наконец после продолжительного молчания он вдруг выпалил:

— Мать, от той руины, что ты дала мне, осталось семь ани.

Запас слез у Комолы к тому времени иссяк, и при этом неожиданном заявлении слабая улыбка озарила ее лицо.

— Хорошо, оставь их себе! — ласково сказала Комола. — А теперь иди спать.

Месяц исчез за деревьями. Комола вернулась в каюту и легла. На этот раз ее утомленные глаза сразу же сомкнулись. Когда утреннее солнце постучалось в дверь ее каюты, оно застало Комолу погруженной в глубокий сон.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

На следующее утро Комола чувствовала легкое недомогание. Все сегодня казалось ей вялым и тусклым: и лучи солнца, и поверхность реки. Даже прибрежные леса выглядели утомленными, словно путник после долгой дороги.

Когда Умеш явился помогать ей по хозяйству, она устало проговорила:

— Иди, Умеш, не падоeday мне сегодня.

Но Умеш был не из тех, от кого легко избавиться.

— Что ты, мать, — ответил он, — я пришел не падоeday тебе, а растирать спещи.

— Уж не больна ли ты, Комола? — спросил утром Ромеш, заметив утомленный вид девушки.

Энергичным движением головы она дала понять юноше, что вопрос его неуместен, и молча ушла на кухню.

Ромеш понимал, что с каждым днем положение все усложняется. И необходимо как можно скорее принять окончательное решение. Он решил, что необходимо объясниться с Хемполипи, тогда ему будет легче понять, в чем заключается его истинный долг.

И вот после долгих размышлений он сел за письмо к Хемволини. Ромеш уже успел сочинить один вариант и разорвать его, как вдруг услышал: «Как ваше имя, господин?» — и, вздрогнув, поднял голову.

Перед ним стоял человек преклонного возраста. У него были седые усы и очень редкие волосы, на лбу уже поблескивала лысина. Человек был несколько смущен тем, что отвлек Ромеша от письма, которым тот, казалось, был всецело поглощен.

Затем он снова заговорил:

— Вы брахман? Здравствуйте. Я знаю, вас зовут Ромеш-бабу. Но в наших местах при знакомстве полагается спрашивать имя, это обычное проявление вежливости. Правда, теперь уже многим не нравится такой обычай. Если вы рассердились, отомстите мне: спросите, как меня зовут, и я назову вам свое имя, имя моего отца и даже могу сообщить, как звали моего деда.

— Гнев мой не настолько велик, — рассмеялся Ромеш, — и я буду удовлетворен, узнав одно ваше имя.

— Меня зовут Тройлокко Чокроборти. Но здесь, на западе, я всем известен просто как «дядюшка». Вы, конечно, изучили историю? Бхарата был правителем древней Индии и назывался раджей Чокроборти, так же и я — «дядюшка Чокроборти» всей западной области. Вы обязательно услышите обо мне, если будете путешествовать по западу. Кстати, куда вы направляетесь?

— Еще точно не решил, где остановимся.

— Не решили, куда ехать, а на пароход поспешили!

— Я сошел с поезда в Гойялондо и увидел готовый к отплытию пароход. Я понял, что, если буду медлить с решением, пароход уйдет без меня. Значит, я проявил быстроту там, где это требовалось.

— И превосходно, господин! Испытываешь почтение к таким людям, как вы. Мы с вами прямая противоположность. Я все решу заранее, а потом уже сажусь на пароход. Это потому, что мы по натуре люди очень робкие. Вы едете и сами не знаете куда — это ли не смелость! Вы с семьей?

Ромеш замешкался, не зная, отвечать ли ему утвердительно на этот вопрос. Тогда Чокроборти сказал:

— Простите меня, ну конечно, вы едете с женой, это я уже знаю из весьма достоверных источников. Ваша жена готовит пиццу вон в той каморке. Движимый голодом, я забрел туда в поисках кухни. «Не пугайся, мать, — сказал я ей, — я только дядюшка Чокроборти из западной обла-

сти.— Мне показалось, будто я встретил Анпапури.— Мать,— сказал я вашей жене.— владея кухней, ты не можешь отказать мне в пище, иначе я погибну». Она чуть улыбнулась, но так ласково, что я понял: все улажено и мне больше не о чем беспокоиться. Знаете, перед тем как отправиться в путь, я всегда выбираю по календарю благоприятный день, но такая удача, как на этот раз, еще никогда не выпадала на мою долю. Вы заняты, я не буду мешать вам и, если позволите, пойду помогать вашей супруге. Пока есть мы, зачем ей утруждать свои нежные ручки? Нет, нет, пишите, вам незачем вставать. Я знаю, как с ней познакомиться.— С этими словами дядюшка Чокроборти распрощался с Роменом и отправился на кухню.

— Какой аромат доносится отсюда,— проговорил он, входя,— не пробуя, можно угадать, что это будет тушеная рыба с овощами. А я приготовлю тебе кислый тамариндовый соус. Те, кто не жил на знойном западе, не умеют его как следует готовить. Ты, наверно, думаешь, что старик просто так говорит, ведь тут нет тамаринда. Но раз я здесь, пусть это тебя не тревожит. Имей лишь терпение, я все достану.

Он принес обернутый в бумагу глиняный горшочек с маринадом.

— Из того, что я приготовлю, возьми, сколько тебе надо на сегодня, а остальное поставь, пусть побродит дня четыре. Потом попробуешь и скажешь: «Дядюшка хоть и хвастун, а соус все же приготовил на славу». Пойди, мать, умойся, уже поздно. А со страшной я сам справлюсь. Да ты не бойся, у меня есть опыт в этом деле. Моя жена все время хворает, так я ей постоянно готовлю тамариндовый соус для возбуждения аппетита. Ты, я вижу, смеешься над стариком, но все это правда, я не шучу!

— Ну, так вы и меня научите готовить ваш соус,— сказала Комола.

— Погоди, вот нетерпеливая! Разве знания даются так легко? Если я нарушу чары науки и обучу тебя всему в один день, богиня Сарасвати разгневется. Сначала тебе придется несколько дней поухаживать за стариком! Я не заставлю тебя задумываться над тем, как мне угодить,— сам все объясню: больше всего я люблю побаловать себя паном, но мне не нравится, когда орех попадается перестолченным. Как видишь, покорить меня нелегко, но ты уже почти добилаесь этого своим улыбающимся личиком. А это кто такой? Как тебя зовут?

Умеш молчал. Он был сердит, так как увидел в старике своего соперника, желающего завоевать сердце Комолы. Девушка ответила за него:

— Его зовут Умеш.

— Очень славный мальчик, — заметил старик. — Он из тех, чье сердце сразу не завоеешь. Но ты увидишь, мы с ним поладим. Не теряй времени, мать, мне надо поскорее покончить со стряпней.

Общество старика заполнило ту пустоту, которую ощущала Комола в своей жизни, да и Ромеш с его появлением стал чувствовать себя как-то спокойнее.

Была огромная разница между теперешним поведением Ромеша и той свободной неприпужденностью отношений, которые установились между ними в первое время, когда Ромеш считал Комолу своей женой. И эта перемена не могла не рапить сердца девушки. Теперь же, с появлением Чокроборти, Ромеш надеялся, что старик сумеет хоть немного отвлечь мысли Комолы от него и тогда он, Ромеш, попытается исцелить рапы собственного сердца.

Подойдя к каюте Ромеша, Комола остановилась у дверей. Она собиралась провести с Чокроборти эти томительные и свободные полуденные часы, но тот, увидев ее, воскликнул:

— Нет, нет, мать! Это никуда не годится, так нельзя! — Комола не попяла, что не поправилось старику, удивилась и встревоженно взглянула на него. — Да вот обувь! — ответил дядюшка. — Это, конечно, ваше влияние, Ромеш-бабу, но что пи говори, а вы нехорошо поступаете. Родную землю оскверпает прикосновение подошв. Как вы думаете, если бы Рама обул Ситу в доусоновскую обувь, смог бы Лакшман провести четырнадцать лет в ее обществе? Никогда! Ромеш-бабу смеется, слушая меня, и в душе недоволен мною. Но я скажу: неправильно вы поступаете, Ромеш-бабу! Ну, кто же, едва заслышав гудок, бросается на пароход очертя голову, совершенно не задумываясь над тем, куда ехать.

— А почему, дядюшка, вы не подскажите нам, где высадиться, — рассмеялся Ромеш. — Ваш совет, надеюсь, будет полезнее пароходного гудка!

— Однако рассудительность ваша, я вижу, растет с каждой минутой, вы ведь меня едва знаете! Ну хорошо, высаживайтесь в Газипуре. Хочешь в Газипур, дорогая? Там плаптации роз, и там живет вот этот твой старый почитатель.

Ромеш вопросительно посмотрел на Комолу, и она тотчас кивнула головой в знак согласия.

После этого Чокроборти и Умеш устроили совещание в каюте смущенной Комолы, а Ромеш, тяжело вздохнув, остался на палубе. Был полдень. Накаленный солнцем пароход тихо покачивался на волнах. Перед глазами Ромеша, сменяясь, как во сне, проплывали мирные, освещенные осенним солнцем пейзажи: рисовые поля, пристань с привязанными к ней лодками, песчаная отмель, деревенский хлев. То сверкнет на солнце железная крыша лавки, то вдруг покажется группа путников, ожидающих паром в тени старого баньяна.

В ласкающей тишине осеннего полдня до слуха Ромеша временами доносился из соседней каюты веселый и веселый смех Комолы. Этот смех больно отзывался в его сердце. Как прекрасен и в то же время далек от него этот мир! Какой страшный удар отсек его искалеченную жизнь от всей этой красоты!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Комола была еще очень молода, поэтому опасения, подзвонки и горести недолго тяготили ее.

Телерь ей просто некогда было раздумывать над поведением Ромеша. Поток, встречая препятствия, течет еще стремительнее, так и спокойные мысли Комолы внезапно затолкнулись на странное отношение к ней Ромеша, закружились, как в водовороте. Появление старого Чокроборти, веселые шутки, хлопоты по хозяйству — все это помогло сердцу Комолы освободиться от тяжести. Тревожные мысли пронеслись мимо, и Комола больше не предавалась раздумьям.

В эти прозрачные осенние дни речные пейзажи были особенно красивы. На фоне искрящейся золотом воды заполненные веселыми хозяйственными хлопотами дни мелькали, как страницы бесхитростной поэмы. День обычно начинался с забот. Умеш больше не опаздывал на пароход, но спозаменно возвращался с полной корзиной. В маленькой кухне это всегда вызывало шумное оживление.

— Что это, несужели тыква! Боже мой, откуда он только раздобыл эти плоды? Смотрите, смотрите, дядюшка, это же квашеная свекла! Вот не думала, что можно достать ее в такой глуши.

И так каждое утро. Только приход Ромеша портил всем настроение: он постоянно подозревал мальчика в воровстве.

Возмущенная Комола в таких случаях говорила:

— Глупости какие, ведь я собственными руками отсчитала деньги.

— Благодаря тебе он и деньги присваивает, и овощи ворует, — отвечал Ромеш и, обращаясь к Умешу, требовал: — А ну-ка подсчитай, сколько истратил.

Но сколько Умеш ни пересчитывал, цифры у него все время получались разные и, как правило, расходы всегда превышали выданную ему сумму. Однако Умеша это ничуть не смущало.

— Если бы я умел считать, — говорил он, — то уж па-верняка стал бы сборщиком налогов — правда, дедушка?

Чокроборти в таких случаях советовал Ромешу отложить суд на послесобеденное время, тогда можно будет все как следует обсудить.

— Но сейчас мне трудно не похвалить этого ловкого мальчика, — говорил он. — Умение приобретать, дорогой Ромеш, — большое искусство, им владеют немногие. Конечно, стремиться к этому все, но достигают успеха лишь некоторые. Я кое-что понимаю в этом деле, Ромеш-бабу. Ведь сейчас не сезон для этих плодов, и немного найдется мальчиков, которые сумели бы раздобыть их рано поутру в незнакомом месте. Подозревать умеют все, а добывать — один из тысячи.

— И все же это не дело, дядя, вы нехорошо поступаете, поощряя его! — упорствовал Ромеш.

— Бедный мальчик ведь ничего не умеет. Так уж хотя бы этот его талант надо поощрять. Иначе и он погибнет. А это будет очень обидно, особенно пока мы на пароходе.

— Вот что, Умеш, достань мне завтра листьев дерпанним. И было бы совсем хорошо, если бы тебе удалось достать учхе. Суктупи совершенно необходима, говорит паша Яджурведа. Но довольно, оставим Яджурведу, мы и так замешкались. Ну-ка, Умеш, вымой хорошенько оюочи и песи их сюда, только живо!

Чем больше Ромеш подозревал Умеша и брапил его, тем сильнее мальчик привязывался к Комоле, и скоро благодаря поддержке Чокроборти группа Комолы стала вполне независимой. Ромеш со своей холодной рассудительностью был на одной стороне, а Комола, Умеш и Чокроборти, которых объединяли общие заботы, развлечения и вкусы,

оказались на другой. Чокроборти с каждым днем все больше и больше восхищались Комолой. Это побудило Ромеша взглянуть на нее повнимательнее, но все-таки он не присоединился к их группе. Ромеш напоминал корабль большого водоизмещения, который из-за мелководья не может подойти вплотную к берегу и вынужден бросить якорь на некотором расстоянии от суши, в то время как рыбацкие лодки свободно причаливают к самому берегу.

Приближалось полнолуние. Проснувшись однажды утром, все увидели, что небо заволокло густыми черными тучами. Ветер беспрерывно менялся; несколько раз пачинался дождь, но затем он переставал, и тогда снова появлялись робкие лучи солнца. На середине реки не осталось ни одного суденышка, а те, которые еще не добрались до берега, спешили по воле всех сил. Девушки, приходившие к реке за водой, сегодня не задерживались у пристани. Временами по Ганге скользили зловещие отблески, проникавшие сквозь покров туч, и дрожь пробегала по телу великой реки.

Пароход продолжал свой путь.

Волнение на реке причиняло множество неудобств маленькому хозяйству Комолы, но она не унывала.

— Придется нам все приготовить сейчас, мать, — заметил Чокроборти, поглядывая на небо, — чтобы вечером не стряпать. Займись-ка овощами, а я пока замешу тесто.

Приготовление обеда в этот день заняло много времени. Ветер все крепчал, грозя перейти в ураган. Река бурлила и пенилась. За тучами трудно было разобрать, зашло уже солнце или нет. Пароход бросил якорь раньше обычного.

Спустились сумерки, и только изредка через разрывы в тучах виднелась болезненно-бледная улыбка луны. Порывисто дул ветер. Наконец разразился ливень, и начался ураган. Комола однажды уже испытала на себе неистовство стихии и теперь дрожала от страха. К ней зашел Ромеш.

— На пароходе мы в безопасности, — сказал он, — ты можешь спокойно спать, Комола. Я не скоро лягу.

Тут к дверям подошел Чокроборти.

— Не бойся, дорогая, — проговорил он, — отец бурь не посмеет тебя тронуть.

Трудно было сказать, как велика власть отца бурь; но па что способна буря, Комоле было слишком хорошо известно. Поэтому, подбежав к двери, она умоляюще сказала:

— Пожалуйста, посидите со мной, дядюшка!

— Так вам, наверно, уже пора спать,— смущенно ответил Чокроборти.

Но, зайдя в каюту, он увидел, что Ромеша там нет.

— Куда же делся Ромеш-бабу? — заметил он с удивлением. — Не пошел же он овощи воровать — это не в его правилах!

— Это вы, дядюшка? — послышался голос. — Я здесь, в соседней каюте.

Заглянув туда, Чокроборти увидел, что Ромеш читает, полулежа в постели.

— Что же вы оставили жепу в одиночестве? Разве не видите, что она боится? — обратился к нему старик. — Все равно кпигой бури не испугаешь, идите лучше сюда.

Комола, не помня себя от волнения, схватила Чокроборти за руку и прерывающимся голосом проговорила:

— Нет, нет, дядюшка, не надо, не надо!

Из-за рева бури Ромеш не расслышал этих слов, но удивленный Чокроборти быстро обернулся.

Ромеш отложил книгу и, войдя в каюту к Комоле, спросил:

— В чем дело, дядя Чокроборти? Кажется, Комола вас...

— Нет, нет, я позвала его, просто чтобы поболтать немного, — не глядя на Ромеша, воскликнула Комола.

Ей никто не противоречил, и, вероятно, она сама не смогла бы объяснить, что заставило ее все время повторять «нет». Этим «нет» она будто говорила: «Не думай, что меня надо успокаивать, нет, я не нуждаюсь в этом; не думай, что мне необходимо чье-нибудь присутствие, — вовсе нет!»

Затем Комола обратилась к Чокроборти:

— Уже поздно, дядюшка, идите спать и посмотрите, как чувствует себя Умеш. Ему, наверно, очень страшно.

— Я вообще никого не боюсь, мать, — вдруг раздался голос. Оказалось, что Умеш, закутавшись, сидит у ее двери. Растроганная Комола выглянула из каюты.

— Ой, Умеш, зачем ты мокнешь под дождем? Сейчас же иди с дядей в его каюту, скверный мальчишка.

Вознагражденный за свое внимание таким обращением, «скверный мальчишка» покорно пошел за Чокроборти.

— Хочешь, я буду рассказывать тебе что-нибудь, пока ты не уснешь? — предложил Ромеш девушке.

— Нет, мне очень хочется спать, — ответила Комола.

Нельзя сказать, чтобы Ромеш не догадывался об истин-

пом настрасения Комолы, по настанвать не стал и, заметив на лице ее выражение обиды, тихо ушел к себе.

Комола была слишком взволнована, чтобы спокойно лежать в ожидании сна, но все же заставила себя лечь в постель. Буря свирепствовала, волны вздымались все выше. Весь экипаж был на ногах; в машинном отделении то и дело раздавались звонки — это передавали приказания капитана. Под яростным напором ветра судно не могло держаться на одном якоре и стояло под парами. Комола поднялась и вышла на палубу. Дождь ненадолго перестал, но ветер, как раненый зверь, ревел и метался из стороны в сторону. Несмотря на густой покров туч, временами в слабом свете луны являло свой тревожный и гневный лик небо. Берега едва виднелись, река топила во мгле. Небо и земля, далекое и близкое, видимое и невидимое — все закружилось в страшном вихре, и казалось, будто черный буйвол бога Ямы, пригнув рога и мотая головой, мчится в слепой ярости, диком безумии.

Когда Комола увидела эту обезумевшую ночь, это мятущееся небо, в груди ее все затрепетало. От страха ли, от радости — кто знает? Неудержимая сила, безграничная свобода, которые слышались в гуле разбушевавшихся стихий, пробудили в Комоле неведомое ей чувство. Охвативший вселенную мятежный порыв нашел отклик в ее душе. «Против чего восстает природа?» — спрашивало сердце Комолы. Но разве расслышишь ответ в грохоте бури? Оп так же неясен, как неясны Комоле тревоги ее сердца. Одно она сознавала: небо и земля подняли свой гневный рокошующий голос против невидимых, неосознаваемых сетей мрака, лжи и обмана. Откуда-то из беспредельных просторов мчался ветер, бросая в черную ночь свое «пе-е-ет!».

«Нет» — только этот упорный протест слышался Комоле в его реве. Против чего он восстал? Этого девушка не могла сказать.

Она знала лишь одно: нет, нет, ни за что!

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

На рассвете ветер стал стихать, но река все еще волновалась. Капитан, не решаясь сниматься с якоря, тревожно поглядывал на небо.

Рано утром Чокроборти зашел в каюту Ромеша и застал его в постели. Ромеш тотчас вскочил. Увидев сейчас

топошу в этой каюте и припомнив события минувшей ночи, старик наконец решился спросить:

— Вы спали сегодня здесь?

— Какая скверная погода,— проговорил Ромеш, уклоняясь от ответа.— Ну, как провели ночь?

— Ромеш-бабу,— сказал Чокроборти,— вы, кажется, считаете меня глупцом и речи мои недостойны внимания, но все же я вам скажу: над многими загадками пришлось мне ломать голову на своем веку, по вас, Ромеш-бабу, я считаю самой трудной для себя загадкой.

На какое-то мгновение Ромеш смутился и покраснел, однако, тотчас овладев собой, ответил с улыбкой:

— Быть неразгаданным не всегда преступление. Мы не можем разобраться даже в детской книжке на языке телугу, тогда как для мальчика из Телигапы ее текст прозрачен, как вода. Отсюда следует, что не надо осуждать того, что тебе неизвестно. И не думайте, что если вы будете долго и пристально разглядывать непонятный вам знак, то непременно его разгадаете.

— Простите меня, Ромеш-бабу,— ответил Чокроборти,— я считаю, что было бы слишком самонадеянно с моей стороны даже попытаться разгадать человека, у которого нет со мной ничего общего. Но ведь на свете встречаются люди, которые становятся тебе близки с первого взгляда. Да вот ваша жена, например: спросите хоть этого борода-того капитана, он относится к ней, как к родной; я не назову его правоверным мусульманином, если он не подтвердит этого. Разумеется, очень трудно, когда при таком положении вещей ты вдруг сталкиваешься с загадкой вроде языка телугу. Подождите сердиться, Ромеш-бабу, сначала подумайте хорошенько над тем, что я вам сказал!

— Я уже подумал,— ответил Ромеш,— и вижу, что сердиться не стоит. Но сержусь я или не сержусь, причиняю вам огорчение или нет, все равно язык телугу так и останется непонятным — таков жестокий закон природы.— Ромеш тяжело вздохнул.

Теперь он уже стал колебаться и не знал, ехать ему в Газинур или нет. Сначала он думал, что для устройства в чужом городе знакомство со стариком может оказаться полезным. Но теперь увидел, что в этом есть свое неудобство. Расспросы и толки о взаимоотношениях его с Ромолой могут быть губельны для репутации девушки. Лучше поселиться там, где у них совершенно не будет знакомых и никто не станет задавать вопросов.

За день до прибытия в Газипур Ромеш сказал Чокроборти:

— Знаете, дядя, Газипур неподходящее место для человека моей профессии, поэтому я решил сойти в Бенаресе.

Уловив в тоне Ромеша решительные нотки, старик, смеясь, проговорил:

— Нельзя каждый раз менять свои планы — ведь это самая настоящая переешительность! Ну так как же: теперешнее ваше желание ехать до Бенареса можно считать окончательным?

— Да, — коротко ответил Ромеш.

Не сказав больше ни слова, старик ушел к себе и принялся собирать вещи.

— Вы сердитесь на меня, дядя? — заглянув к нему, спросила Комола.

— Не могу я на тебя сердиться, — проворчал старик, — хоть и ссорюсь с тобой два раза в день.

— Почему вы все время убегаете от нас?

— Вы хотите убежать куда дальше, чем я, зачем же называете беглецом меня?

Комола смотрела на него, ничего не понимая.

— Так Ромеш-бабу тебе еще ничего не сказал? — проговорил Чокроборти. — Ведь решено, что вы едете до Бенареса.

Это известие Комола встретила полным молчанием.

— Дядюшка, позвольте, я уложу ваш чемодан, а то у вас ничего не получается, — после небольшой паузы сказала она.

Чокроборти больно задело безразличие, с которым отнеслась Комола к его сообщению. «Так, пожалуй, лучше, к чему в моем возрасте новые привязанности», — с горечью думал он. Тем временем явился Ромеш. Он пришел сообщить Комоле, что они едут до Бенареса.

— Я тебя искал, — обратился он к девушке.

Комола продолжала разбирать вещи Чокроборти.

— Мы не поедem в Газипур, Комола, — продолжал Ромеш, — я решил практиковать в Бенаресе. Что ты скажешь на это?

— Я поеду в Газипур, — не поднимая глаз, ответила Комола, — и уже уложила вещи.

— Ты что же, одна поедешь? — пораженный ее решимостью, спросил Ромеш.

— Почему? Там живет дядюшка, — проговорила Комола, нежно взглянув на Чокроборти.

Услышав это, старик в замешательстве воскликнул:
— Ты проявляешь ко мне такую благосклонность, мать, что Ромеш-бабу скоро начнет косо смотреть на меня. Но девушка повторила:

— Я еду в Газиपुर.

По ее тону чувствовалось, что она не намерена считаться с чьим-либо мнением.

— Ну хорошо, дядя, в Газиपुर так в Газиपुर, — сказал наконец Ромеш.

В ночь после бури луна светила особенно ярко. Сидя в кресле на палубе, Ромеш думал о том, что дальше так продолжаться не может. Комола взбуртовалась, и это грозило с течением времени сделать его жизнь совершенно невыносимой. Невозможно, живя вместе, оставаться чужими друг другу. Надо покончить с этим. Ведь Комола действительно его жена: он ее принял как свою жену. Глупо было бы смущаться тем, что они не произносили установленных обетов. Сам Яма принес тогда эту девушку к нему на песчаный остров и связал их брачными узами. Разве есть в целом свете жрец, могущественнее его?

Между Ромешем и Хемполини лежит поле битвы. Только преодолев препятствия, унижения, недоверие, Ромеш мог считать себя победителем и предстать перед Хемполини с поднятой головой. Но его охватывал страх при одной мысли об этом сражении — ведь у него не было ни малейшей надежды на победу. Как он докажет свою правоту? А если бы он и доказал ее, страшно подумать, какой грязной показалась бы вся эта история посторонним и каким тяжелым ударом это явилось бы для Комолы.

Значит, нужно отбросить прочь нерешительность и колебания и сделать Комолу своей женой. Это будет наилучшим для всех исходом. Правда, Хемполини станет презирать его, но это презрение поможет ей обратить внимание на другого, более достойного. Подумав об этом, Ромеш тяжело вздохнул: он похоронил все свои надежды на возвращение к Хемполини.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

— Это что такое? Ты куда идешь? — спросил Ромеш.

— Я вместе с госпожой, — ответил Умеш.

— Я дал тебе билет до Бенареса, а это газиपुरская присталь. Мы ведь не едем в Бенарес.

— И я не поеду.

Ромешу и в голову не приходило, что Умеш навсегда останется с ними, но непреклонная решимость мальчика озадачила его, и он спросил Комолу:

— Разве Умеша нам тоже придется взять с собой?

— А куда же ему деваться? — ответила Комола.

— У него ведь есть родственники в Бенаресе.

— Нет, он сказал, что хочет быть только с нами. Смотри, Умеш, не отставай от дяди. Место незнакомое, можешь потеряться в толпе.

Куда ехать, кого с собой брать — все это Комола решала теперь сама, словно вдруг пришел конец ее безропотному подчинению желаниям Ромеша. Поэтому теперь Умеш шествовал за ними, держа маленький узелок с одеждой, и этот факт не подлежал никаким обсуждениям.

Небольшой домик дяди стоял между старым городом и европейским кварталом. За домом пахотилась роща маговых деревьев, впереди искусственный водоем, дальше, за невысокой оградой, был расположен орошаемый родниковой водой огород, где виднелась сочная зелень гороха, фасоли и капусты.

На первое время Комола и Ромеш поселились в этом доме. Дядя Чокроборти любил всем рассказывать о слабом здоровье своей жены Хорибхабини, но посторонний никогда бы не заметил у нее и намека на педомогание. Лет ей, видно, было уже немало, но в лице ее и фигуре чувствовались живость и энергия, сидиша лишь слегка тронула ее волосы. Казалось, будто старость уже произнесла над ней свой приговор, но пока не решалась привести его в исполнение.

Еще в молодости Хорибхабини терзали жестокие приступы малярии. Чокроборти считал, что только перемена климата излечит ее, переселился с ней в Газипур и занял здесь место школьного учителя. С тех пор, несмотря на то, что жена совершенно поправилась, он не переставал беспокоиться о ее здоровье.

Оставив гостей во внешней половине дома, он пошел в онтохпур и позвал жену.

Хорибхабини молчала на огороженном дворике шпепицу и расставляла на солнце кувшины и кухонную утварь.

Войдя, Чокроборти воскликнул:

— Послушай, ведь уже прохладно! Не накинуть ли тебе что-нибудь на плечи?

— Все тебе не так, — воскликнула Хорибхабини. — Какой там холод — солнце спину жжет!

— В этом тоже нет ничего хорошего,— как будто тебе трудно стать в тень!

— Ладно, будет тебе. Лучше скажи, почему ты так задержался?

— Долго рассказывать. В доме гости, падо о них позаботиться.— И он рассказал ей о своих новых знакомых.

В дом Чокроборти довольно часто вторгались гости издалека, но Хорибхабини совершенно не была готова принять мужа с женой.

— Боже мой! Где ты поместишь их? — воскликнула она.

— Сначала познакомясь, а потом поговорим о том, как их устроить,— ответил Чокроборти.— Где наша Шойла?

— Купает ребенка.

Чокроборти тут же привел в онтохнур Комолу. Как только девушка приблизилась и почтительно приветствовала Хорибхабини, та коснулась ее подбородка и затем, выражая свое восхищение, поцеловала кончики своих пальцев.

— Смотри, как она похожа на пашу Бидху! — заметила она.

Бидху, их старшая дочь, жила в доме мужа, в Каппуре. Чокроборти усмехнулся про себя при этом сравнении: у Комолы не было ничего общего с Бидху, но Хорибхабини не могла признаться, что чужая девушка красотой или другими качествами превосходит ее дочерей. Шойлоджа жила здесь и могла не выдержать очной ставки с Комолой, поэтому Хорибхабини сравнила ее с отсутствующей старшей дочерью и таким образом удержала знамя победы за своим домом.

— Я очень рада вам,— сказала хозяйка,— но наш новый дом еще не совсем готов, и мы ютимся пока здесь, так что вам будет не очень удобно.

У Чокроборти действительно был домик около базара, который сейчас ремонтировался, но там помещалась маленькая лавчонка, и ни о каких удобствах для жилья не могло быть и речи. Не опровергая эту выдумку, Чокроборти, усмехнувшись, сказал:

— Я бы и не привел их сюда, если бы не знал, что Комола умеет терпеть неудобства.

Заметив жепе, что осеннее солнце вредно и поэтому ей лучше идти в дом, Чокроборти отправился к Ромену.

Хорибхабини тотчас же решила познакомиться с Комолой поближе.

— Я слышала, твой муж — адвокат? Давно он работает? А какой у него заработок? Что? Он еще не начал практиковать? Тогда на какие деньги вы живете? Наверно, у твоего свекра большое состояние? Не знаешь? Боже мой... Что за странная девушка! Ты ничего не знаешь о доме свекра? А сколько муж даст тебе в месяц на расходы? Ведь когда нет свекрови, все хозяйство приходится вести самой! Ну ничего, ведь ты уже не маленькая! Муж моей старшей дочери отдаст ей весь заработок.

Подобными вопросами и замечаниями Хорибхабини очень скоро доказала Комоле ее неосведомленность в житейских делах. Лишь сейчас, под градом вопросов Хорибхабини, девушка ясно поняла, как стыдно и неестественно то, что она так мало знает о прошлой жизни и делах Ромеша, своего мужа. Она подумала о том, что ей до сих пор даже ни разу не представлялось случая откровенно поговорить с ним. Она была его женой — и ничего не знала о нем! Теперь Комоле самой это показалось противоестественным, и ей стало мучительно стыдно за свою неосведомленность.

— Ну-ка, покажи свои браслеты! — начала опять Хорибхабини. — Не очень-то хорошее золото. Разве отец не дал тебе драгоценностей? У тебя нет отца? Но все-таки нельзя без украшений! Неужели муж тебе ничего не дарит? Мой старший зять по крайней мере раз в месяц обязательно что-нибудь дарит Бидху.

В самый разгар этого допроса явилась Шойлоджа, ведя за руку двухлетнюю девочку. Это была смуглая молодая женщина с мелкими чертами лица, блестящими глазами и высоким лбом. Достаточно было взглянуть на нее, чтобы угадать в ней ум и спокойный характер.

Дочка Шойлоджи некоторое время внимательно рассматривала Комолу, а затем назвала ее тетей, но повсе не потому, что заметила в ней сходство с Бидху, — она называла так всех женщин определенного возраста, если они ей нравились. Комола взяла девочку на руки.

Знакома ее с дочерью, Хорибхабини сказала:

— Муж этой женщины адвокат, он хочет заниматься практикой в провинции, отец встретил их по дороге и пот привез в Газиннур.

Шойлоджа и Комола посмотрели друг на друга и сразу же почувствовали, что будут дружить. Хорибхабини отправилась позаботиться об устройстве гостей. Тогда, взяв Комолу за руку, Шойлоджа просто сказала:

— Пойдем, сестра, ко мне в комнату.

Через несколько минут они уже непринужденно беседовали. Разница в годах обеих женщины была не очень заметна. Шойлоджа от природы была хрупкой, застенчивой. Комола же являла собой полную противоположность ей, так как по физическому развитию и манере держаться казалась старше своих лет. Потому ли, что после свадьбы над ней не тяготела суровая власть свекрови, или по каким-то иным причинам, по только преобразилась Комола очень быстро. Независимость проглядывала даже в выражении ее лица. Все новое, что она видела, возбуждало в ней любопытство, и она не успокаивалась, пока не находила ответа на все мучившие ее вопросы. До сих пор она не знала, что такое дом свекра: никто не кричал на нее, никто не говорил ей: «Замолчи! Делай, что тебе сказано! Жене не положено отвечать «нет»!» — поэтому Комола высоко держала голову: в искренности она черпала и силу.

Несмотря на упорные старания Уми, дочери Шойлоджи, привлечь к себе внимание обеих женщин, между новыми подругами завязался оживленный разговор. Во время этой беседы Комола со всей ясностью поняла, как скудна и бесцветна ее собственная жизнь. Шойлоджа многое могла рассказать, а она, Комола, — ничего. На широком полотне ее жизни замужество было лишь легким карандашным наброском, кое-где едва различимым и совершенно лишепным красок. До сих пор Комола не задумывалась над этим. Она чувствовала какую-то неудовлетворенность, временами в ее душе поднимался протест, но она не понимала истинной причины своего настроения. С первой же минуты знакомства Шойлоджа принялась рассказывать о своем муже, словно стоило слегка коснуться струн ее сердца — и тотчас пачинала звучать музыка. И Комола поняла, что в ее сердце молчат эти струны: что может рассказать она о муже, да и есть ли о чем рассказывать? У Комолы не было ни малейшего желания говорить о нем. Там, где лодка новостования Шойлоджи плавно скользила по течению со своим грузом счастья, пустой челнок Комолы прибывало к отмелям.

Муж Шойлоджи Бипин работал в газипурском отделении по приему опиума. У Чокроборти было всего две дочери. Старшая жила в доме свекра, а так как отец ни за что не хотел расставаться с младшей, то выбрал ей в мужа молодого человека без состояния и, воспользовавшись своими связями, устроил его на работу в Газипуре. Таким

образом, Бипип, муж Шойлоджи, остался вместе с пей в доме Чокроборти.

Вдруг Шойлоджа прервала свой рассказ и воскликнула:

— Посиди минутку, сестра, я сейчас вернусь! — и тут же, улыбаясь, пояснила: — Муж вернулся с купанья и после обеда уйдет на работу.

— Как ты узнала, что он уже пришел? — спросила Комола с искренним удивлением.

— Ты шутишь? Как все узнают, так и я. Будто ты сама не знаешь шагов своего мужа! — С этими словами Шойлоджа, смеясь, ущипнула Комолу за подбородок и грациозным движением перекинула за спину свободный конец сари с завязанными в нем ключами, взяла на руки девочку и вышла из комнаты.

Комола до сих пор не знала, что так легко познать язык походки. Молча глядя в окно, она задумалась. За окном пышно цвело дерево гуавы, и среди цветочных его тычинок деловито хозяйничали пчелы.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Ромеш вел переговоры о покупке дома, который стоял на берегу Гапги, в довольно пустынном месте. Чтобы оформиться на службу в гаипурском суде, а также перевезти вещи, Ромешу было необходимо съездить в Калькутту, но на это у него не хватало решимости. Стоило ему вспомнить знакомый переулочек, как на сердце у него становилось невыносимо тяжело. И сейчас еще сети любви не порваны, но он должен наконец признать Комолу своей женой, больше медлить невозможно. Из-за своей перешителности Ромеш все откладывал день отъезда в Калькутту.

Комола поселилась на женской половине дома Чокроборти. Так как домик был очень мал, Ромешу пришлось жить в наружных комнатах, и с Комолой они почти не делились.

Однажды Шойлоджа высказала Комоле свое огорчение по поводу столь тяжелой для них разлуки.

— Отчего ты так сокрушаешься, сестра? — удивилась Комола. — Что тут ужасного?

— Ах вот как! — рассмеялась Шойлоджа. — Будто у тебя не сердце, а камень! Ну, меня никаким притворством не обманешь! Я прекрасно вижу, что у тебя на душе!

— А скажи правду, сестра, если бы Бипин-бабу не видел тебя два дня, он бы тоже...

— Что ты, он не сможет прожить без меня двух дней, — с гордостью перебила ее Шойлоджа.

И тут она принялась рассказывать о любви мужа. Она говорила о том, к каким хитростям прибегал Бипин в первое время, чтобы обмануть бдительность старших и встретиться со своей девочкой-невестой. Иногда ему удавалось пробраться к ней, иногда он попадался; она вспомнила, что, когда пришлось прекратить эти дневные свидания, они, пренебрегая запретом старших, обменивались взглядами в зеркале во время полуденной трапезы Бипина. От этих светлых и радостных воспоминаний лицо Шойлоджи засветилось счастливой улыбкой. Потом она подробно рассказала о том, как они вдвоем мучились, когда Бипину пришла пора служить, и сколько раз он удирает со службы домой. Как-то раз, когда Бипину по делам ее отца надо было на несколько дней поехать в Патну, Шойлоджа спросила, сможет ли он прожить там без нее. Когда же Бипин имел дерзость ответить, что отлично проживет один, в Шойлодже заговорила гордость: она поклялась, что ничем не выдаст своего огорчения в ночь накануне разлуки. Но эта клятва потонула в потоке ее слез, и на следующий день, когда приготовления к отъезду были закончены, у Бипина вдруг разболелась голова и он так расхворался, что поездку пришлось отложить; доктор прописал лекарство, а они потихоньку вылили все пузырьки в капаву, и Бипин чудесным образом выздоровел. Шойлоджа так увлеклась своими воспоминаниями, что, казалось, не замечала, как летело время, но стояло лишь у наружной двери раздаться еле слышному шуму шагов, как она озабоченно вскакивала. Это возвращался со службы Бипин-бабу. Пока Шойлоджа рассказывала о смешных случаях их совместной жизни, ее любящее сердце жадно прислушивалось к шагам у входа в дом.

Нельзя сказать, чтобы Комола это было вовсе не понятно. В первые несколько месяцев ее жизни с Ромешем ей казалось, что в ее душе тоже звучала такая мелодия. Затем, когда Комола вырвалась из школы и вернулась к Ромешу, бывало, что ее сердце вздрагивало, словно в каком-то удивительном танце под неслышную музыку. И она испытывала то же чувство, которое угадывала во всех рассказах Шойлоджи. Но ни тайных встреч, ни ухаживания — ничего этого не было. Словно ей не разрешали пе-

реступать определенную границу. Разве между ней и Ромешем существуют узы любви, подобные тем, что связывают Шойлодку и Гиппина? Вот уже несколько дней они разлучены, а она не чувствует особой печали. И совершенно невероятно, чтобы Ромеш, сидя за ее дверями, прибегал ко всяким уловкам, лишь бы ее увидеть.

Подошло воскресенье, и Шойлодка оказалась в затруднении. Ей было неудобно оставлять надолго свою новую подругу в одиночестве, и в то же время она не была настолько склонна к самопожертвованию, чтобы лишить себя праздничного дня. С другой стороны, она понимала, что не сможет быть вполне счастлива, зная, что Ромеш рядом, а Комола лишена возможности с ним увидеться. Праздничный день все равно потеряет для нее свою прелесть. Ах, если бы как-нибудь устроить им встречу!

В таких делах обычно не спрашивают совета старших. Но Чокроборти был не из таких людей, которые ждут, пока к ним обратятся. Он объявил дома, что уезжает на целый день по весьма неотложным делам. А Ромешу дал понять, что гостей они сегодня не ждут и он, уходя, закрывает входную дверь. Особенно старался он дать знать об этом дочери, так как она мгновенно улавливала смысл любого намека.

— Ну, сестра, суши-ка волосы поскорей,— сказала Шойлодка Комоле после купанья.

— К чему такая спешка?

— Потом узнаешь, а пока давай я тебя причешу.— С этими словами Шойлодка занялась ее прической: косичек было заплетено множество, и прическа получилась великоленная. Шойлодка хотела надеть на нее яркое сари. Комола же не понимала, зачем это нужно, но в конце концов, чтобы доставить удовольствие Шойлодке, уступила.

В полдень после обеда Шойлодка отозвала мужа в уголок, пошептала с ним о чем-то и затем отпустила его. После этого она стала настойчиво уговаривать Комолу выйти в наружные комнаты.

Раньше, встречаясь с Ромешем, Комола никогда не испытывала ни малейшего смущения. Она и не подозревала, что общество предписывает женщине стыдиться мужа. Ромеш с самого начала их знакомства отбросил всякие условности: не было у Комолы и подруги, которая пристыдила бы девушку за нескромность.

Но сегодня ей показалось невозможным выполнить желание Шойлодки. Комола видела, какие права имеет на

своего мужа Шойлоджа, и понимала, что сама она не может похвастать такой же властью над Ромешем, а идти в качестве просительницы ей не хотелось.

Шойлодже так и не удалось уговорить Комолу пойти к мужу, и она решила, что Комола обижена на Ромеша. «Конечно, ей было за что обидеться, — думала молодая женщина. — Сколько дней они разлучены, а он ни разу не нашел предлога, чтобы повидаться с ней».

После завтрака хозяйка дома Хорибхабни удалилась отдохнуть. Тогда Шойлоджа обратилась к Биппу:

— Пойди к Ромешу-бабу и скажи, что Комола зовет его, пусть идет во внутренние комнаты. Отец не рассердится, а мама и знать ничего не будет!

Для такого тихого и скромного молодого человека, как Бипп, это поручение было отнюдь не из приятных, но он не смел в праздничный день отказать жене в ее просьбе.

Между тем Ромеш, постелив на полу коврик, лежал закинув ногу на ногу с журналом в руках. Окончив чтение, он собрался было от скуки посмотреть объявления, но вдруг увидел Биппа и очень обрадовался. Как собеседник Бипп, конечно, не был находкой, но Ромеш решил, что в этом незнакомом месте с ним можно скоротать полуденные часы, и поэтому приветливо сказал:

— Входите, Бипп-бабу, садитесь! — Но Бипп не сел, а, почесав затылок, заявил:

— Опа вас зовет к себе.

— Кто, Комола? — спросил Ромеш.

— Да.

Ромеш был несколько удивлен. Правда, он давно уже решил, что будет наконец считать Комолу своей женой. Но по своей нерешительности был рад некоторой отсрочке. В своем воображении он уже видел Комолу в роли хозяйки и пытался воодушевить себя мыслями о будущем счастье, но первые шаги всегда самые трудные. Он и представить себе не мог, как в один прекрасный день преодолит отчужденность, возникшую между ними. Именно поэтому Ромеш не очень торопился с наймом дома.

Услышав, что Комола зовет его, он решил, что у нее к нему важное дело. Но, несмотря на то что он был почти уверен в правильности своего предположения, приглашение все же взволновало его.

Отложив в сторону журнал, Ромеш направился в оптопур. В томительной тишине осеннего полдня, нарушаемой лишь убаюкивающим жужжащим пчел, он чувство-

вал себя почти как влюбленный, который спешит на свидание. Бипин издали указал ему дверь комнаты и скрылся.

Комола думала, что Шойлоджа отказалась от намерения уговорить ее встретиться с Ромешем. Она села на пороге у раскрытой двери и стала смотреть в сад.

Таинственные перемигивания Шойлы с Бипином отчего-то смущили Комолу. От нежного ветерка в саду трепетали ветви деревьев, и тихий шелест листвы временами заставлял сердце девушки вздрагивать в непонятном смущении.

В это время в комнату вошел Ромеш.

— Комола!

Девушка очнулась от грез и вскочила, сердце ее взволнованно забилось. Она, которая никогда раньше не испытывала ни малейшего смущения в присутствии Ромеша, теперь не могла поднять головы и взглянуть на него. Краска стыда залпла даже кончики ее ушей.

Нарядная, с непривычным для Ромеша выражением лица, Комола удивила и очаровала его. Подойдя к ней, он после нескольких секунд молчания нежно спросил:

— Комола, ты звала меня?

Девушка была поражена.

— Нет, нет, не звала, зачем мне тебя звать? — с необычной горячностью воскликнула она.

— Ну а если бы и позвала, разве это преступление?

— Да нет, я не звала тебя! — проговорила она с еще большим нетерпением.

— Хорошо! Ты не звала меня, я сам пришел. Так неужели я так и уйду, не услышав от тебя ни одного ласкового слова?

— Все узнают, что ты был здесь, и будут недовольны, лучше уходи! Я тебя не звала!

— Ну хорошо! — воскликнул Ромеш, схватив ее за руку. — Пойдем ко мне, там никого нет.

Вся дрожа, Комола вырвала руку, убежала в соседнюю комнату и заперла за собой дверь.

Ромеш понял, что это просто женский заговор, и, взволнованный, отправился к себе в комнату. Растянувшись на коврик, он взял журнал и попробовал снова заняться объявленными, но ничего не мог понять: в сердце его, словно облака, гонимые ветром по небу, металась противоречивые чувства.

Шойлоджа постучала в запертую дверь, но ей никто не открыл. Тогда она, приподняв жалюзи, просунула руку и

открыла сама. Войдя в комнату, она увидела, что Комола лежит ничком на полу и плачет, закрыв лицо руками.

Молодая женщина была удивлена. Она совершенно не понимала, что могло так огорчить Комолу. Присев рядом с ней, она ласково зашептала:

— Что случилось, милая, почему ты плачешь?

— Зачем ты так нехорошо поступила? Зачем позвала его? — проговорила Комола укоризненно.

Не только другому — самой Комоле трудно было понять причину столь сильного и внезапного взрыва отчаяния. Никто не знал, что затаенное горе давно лежало у нее на сердце. Сегодня Комола целый день находилась в созданном ею мире грез. Если бы Ромеш вошел в этот мир осторожно, все кончилось бы благополучно. Но когда она узнала, что его привели к ней, все ее мечты рассеялись. Вновь воскресли изгладившиеся было воспоминания о его попытках оставить ее на праздники в школе, о его равнодушии во время поездки на пароходе. После приезда в Газипур Комола очень быстро поняла, что прийти к любимой по собственному желанию — это одно, а явиться по ее зову — совсем иное.

Но Шойлодже трудно было разобраться во всем этом. Ей и в голову не могло прийти, что между Ромешем и Комолой была какая-нибудь серьезная преграда. Она нежно привлекла Комолу к себе на грудь и спросила:

— Сестра, может быть, Ромеш-бабу сказал тебе какую-нибудь грубость или рассердился, что мой муж позвал его? Почему же ты не сказала ему, что это я виновата?

— Нет, нет, он ничего не говорил. Но зачем ты его позвала?

— Я нехорошо поступила, сестра, прости, — проговорила расстроенная Шойлоджа.

Комола встала и горячо обняла ее.

— Иди, милая, — сказала она, — иди скорее, а то Бипп-бабу рассердится.

Ромеш долго сидел один, строчки журнала расплывались перед его невидящими глазами. Наконец он отбросил журнал прочь, поднялся и решительно проговорил:

— Довольно, так больше продолжаться не может. Завтра же я поеду в Калькутту и улажу все дела. Я должен наконец признать Комолу своей женой, вина моя перед ней с каждым днем растет.

Сознание долга вдруг с такой силой пробудилось в Ромеше, что победило все его сомнения и колебания.

Ромеш решил, что покончит со всеми делами в Калькутте и вернется, даже не заглянув в Колутолу. Он поселился в Дорджишаре. Дела отнимали у него совсем немного времени, и остаток дня девать было некуда. Но Ромеш пребывал в постоянном страхе, что может встретить кого-нибудь из своих знакомых, и потому старался появляться на улице как можно реже.

Стоило Ромешу вернуться в Калькутту, как он сразу же почувствовал в себе перемену. В пустынном краю, в обстановке невозмутимого покоя, Комола, свежая и юная, казалась ему красавицей, но здесь, в городе, ее очарование рассеялось. Напрасно у себя в Дорджишаре Ромеш, вызван в своем воображении ее образ, пытался созерцать его влюбленными глазами, — сердце его молчало. Комола снова стала казаться ему простой, невежественной девчонкой.

Чем больше сдерживаешь себя, тем меньше это удастся. Сколько ни твердил себе Ромеш, что должен изгнать Хемнолли из своего сердца, она день и ночь стояла перед его глазами. Решение забыть Хемнолли лишь помогло ему удержать ее образ в памяти.

Если бы Ромеш немного поторопился, он мог бы давно кончить все дела и вернуться в Газиपुर. Но и ничтожные дела, если с ними долго возиться, могут принять угрожающие размеры. Наконец со всеми хлопотами было покончено.

На следующий день Ромеш решил выехать по делам в Аллахабад, а оттуда направиться прямо в Газиपुर. До сих пор он был тверд в принятом решении. Но выдержка должна вознаграждаться. Что плохого, если перед отъездом он тайком заглянет в Колутолу?

И вот перед тем как отправиться туда, он сел писать письмо. В нем он пространно излагал всю историю своих отношений с Комолой. Сообщал и о том, что по возвращении в Газиपुर ему не останется ничего другого, как сделать несчастную девушку своей женой. Таким образом, прежде чем навсегда расстаться с Хемнолли, он в прощальном письме раскрыл ей истину.

Запечатав письмо, он не поставил на конверте ни адреса, ни имени. Ромеш знал, что слуги Оиноды-бабу любят его. Симпатии их объяснялись очень просто. Ромеш относился со вниманием ко всем, кто окружал Хемнолли, и никогда не забывал одаривать слуг деньгами или одеж-

дой. Ромеш решил, когда стемнеет, подойти к дому в Колутоле и хоть издали взглянуть на Хемполини, а затем попросить кого-нибудь из слуг передать ей письмо. Так он порвет навсегда со своей прежней привязанностью.

Вечером Ромеш, задыхаясь от волнения, робко направился в знакомый переулок. Подойдя к дому, он нашел двери закрытыми, а все окна плотно затворенными. Дом стоял пустой и темный. Но Ромеш все же постучал. На стук его вышел слуга.

— Шукхон, ты? — спросил Ромеш.

— Да, я, господин, — слышался ответ.

— А где твой хозяин?

— Они с госпожой отправились на запад, подышать свежим воздухом.

— Куда именно?

— Не знаю, господин.

— А еще кто-нибудь поехал с ними?

— Нолли-бабу.

— Какой это Нолли-бабу?

— Этого я не могу сказать.

Из дальнейших расспросов Ромешу все же удалось выяснить, что Нолли-бабу — молодой человек, который последнее время часто бывал у них в доме. Но, несмотря на то что Ромеш как будто отказался от надежды на любовь Хемполини, этот Нолли-бабу почему-то не вызвал в нем особой симпатии.

— Как чувствует себя твоя хозяйка?

— О, она в полном здравьи.

Слуга Шукхон надеялся, что это приятное известие успокоит и обрадует Ромеша. Но одному всевышнему известно, как он заблуждался!

— Я хотел бы подняться наверх, — сказал Ромеш.

Слуга взял тусклую коптящую керосиновую лампу и повел его вверх по лестнице. Ромеш, как привидение, бродил по комнатам — иногда садился на знакомый диван или кресло. Вещи, мебель — все было как раньше, но что за Нолли-бабу появился здесь? Природа не терпит пустоты! Вот оконная ниша, в которой однажды стояли рядом Ромеш и Хемполини, и лишь заходящее осеннее солнце присутствовало при безмолвном соединении двух сердец. Оно и впредь будет заглядывать в эту нишу. Но если кто-то другой пожелает когда-нибудь возродить эту картину и вместе с Хемполини будет стоять в оконной нише — неужели прошлое не воздвигнет между ними стены и, при-

ложив палец к губам, не разлучит их? В сердце Ромеша проснулась уязвленная гордость. На следующий день он, не заехав в Аллахабад, отправился прямо в Газипур.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ромеш провел в Калькутте около месяца. Для Комолы это был не такой уж малый срок. В ее жизнь ворвался стремительный поток перемен. Как заря в одно мгновение расцветает яркими лучами утреннего солнца, так за короткое время жесткость Комолы, пробудившаяся от сна, пышно распустилась. Неизвестно, сколько бы ей пришлось ждать этого пробуждения, если бы не дружба с Шойлоджей, свет и тепло любви которой согревали сердце Комолы.

Тем временем, видя, что Ромеш задерживается, и уступая настойчивым просьбам Шойлоджи, дядя снял для Ромеша и Комолы домик, стоявший на окраине города, у самого берега Ганги. Он отправил туда некоторые вещи, чтобы придать жилищу более уютный вид, и напаял слуг.

Когда после длительного отсутствия Ромеш вернулся в Газипур, им с Комолой уже незачем было оставаться в доме Чокроборти. С этого дня Комола вступила во владение своим собственным хозяйством.

Вокруг их бунгало оказалось достаточно земли для того, чтобы развести сад. К дому вела тенистая аллея из высоких деревьев в сизу. Мелкая по-зимнему Ганга далеко отошла от берега, поэтому между домом и рекой оказалась илстая отмель. Это своеобразное поле крестьяне засеяли пшеницей, а кое-где устроили бахчи для дынь и арбузов. У южной, обращенной к Ганге, стены дома росло огромное дерево пим, под которым был устроен легкий павильон.

Дом долго пустовал, и участок был совершенно заброшен: деревьев в саду почти не осталось, а комнаты имели запущенный вид. Но это запустение особенно нравилось Комоле. В восторге оттого, что она наконец будет хозяйкой в своем собственном доме, Комола все в нем находила прекрасным. Она уже заранее обдумала, что будет в каждой из комнат и где какие деревья посадить в саду.

Посоветовавшись с дядей, она распланировала участок так, чтобы ни один клочок земли не пропал зря. Она сама следила за установкой очага в кухне и производила в кладовой все необходимые поправки. Жизнерадостность Комолы была ключом. Целый день в доме не прекращались

чистка, мытье, уборка. Ничто не ускользало от ее заботливого взгляда.

Лишь в домашнем труде женская красота раскрывается во всем своем многообразии и обаянии. Теперь, когда Ромеш наблюдал Комолу за этими хлопотами, она казалась ему птицей, вынутой из клетки. И Ромеш со все возрастающим изумлением и восхищением любовался ее сияющим лицом, ловкими движениями. До сих пор ему не приходилось видеть Комолу в этой стихии, теперь же новая роль, роль хозяйки, придавала ее красоте какое-то величие.

— Что ты делаешь, Комола? Ты устала! — сказал он, подходя к ней.

Комола на мгновение оторвалась от работы, подняла голову и, улыбнувшись Ромешу своей милой улыбкой, проговорила:

— Нет, ничего со мной не случится!

Восприняв внимание Ромеша как похвалу, она взялась за работу с новой энергией. Очарованный Ромеш нашел предлог, чтобы снова подойти к ней.

— Ты уже ела, Комола? — обратился он к девушке.

— Конечно. Давно уже позавтракала.

Ромеш, разумеется, знал об этом и все же спросил, чтобы хоть как-нибудь проявить свою заботу, да и нельзя сказать, чтобы этот праздный вопрос был неприятен самой Комоле.

Желая не упустить ни слова разговора, Ромеш снова обратился к ней:

— Зачем ты все делаешь сама? Поручи что-нибудь мне!

Деятельные люди всегда относятся с недоверием к возможностям других. Они боятся, что если кто-нибудь другой примется за их дело, то обязательно все испортит. Поэтому Комола, смеясь, сказала:

— Нет, эта работа не для тебя.

— Мы, мужчины, народ очень терпеливый, — ответил Ромеш, — поэтому кротко спосим ваше презрение и не бунтуем. Представляю, если бы женщина очутилась в таком положении, какую бы ужасную бурю она подняла! Ну а почему ты дяде не запрещаешь помогать, неужели только я один такой неспособный?

— Не могу тебе этого объяснить, но стоит мне представить, как ты вытираешь сажу в кухне, как меня начинает душить смех. Уходи отсюда, смотри, какая пыль!

Ромеш пытался продолжать разговор:

— Но ведь пыль людей не выбирает, она садится и на тебя и на меня.

— Так ведь я работаю — и мне поневоле приходится терпеть. А тебе зачем дышать пылью?

Повизгив голос, чтобы не слышали слуги, Ромеш нежно сказал:

— Я хочу делить с тобой все — пусть это будет работа или что-нибудь иное.

Комола залилась краской и, ничего не ответив, отошла в сторону.

— Вылей-ка сюда еще кувшин воды, — обратилась она к Умешу, — разве не видишь, сколько грязи здесь накопилось! Дай мне метлу! — И она с еще большим усердием продолжала работу. Глядя, как Комола орудует метлой, Ромеш с беспокойством воскликнул:

— Ах, Комола, зачем ты это делаешь?

Вдруг за его спиной послышался голос:

— Что же плохого в этом занятии, Ромеш-бабу? Вы научились английскому языку и вслух готовы сколько угодно твердить о равенстве. Но если вы считаете труд подметальщиц унижительным, то зачем допускать, чтобы этим занимались слуги? Я, может быть, и глупец, но спросите меня, что я думаю по этому поводу, и я вам отвечу: в руках преданной жены каждый прутик метлы мне кажется прекрасным и светящимся, словно солнечный луч. Я почти закончил расчистку твоих джунглей, мать, — продолжал Чокроборти, — теперь тебе придется указать мне, в каком месте ты хочешь посадить овощи.

— Потерпите немножко, дядюшка, — ответила Комола, — я только подмету эту комнату.

Закончив уборку, Комола накинула на голову край сари и вместе с дядей вышла в сад. Там они принялись обсуждать, какой участок отвести под огород.

В хлопотах незаметно пролетел день, но дом так и не был полностью приведен в порядок. Это бунгало давно уже пустовало и стояло закрытым. И теперь, прежде чем поселиться в нем, надо было еще несколько дней мыть и скрести комнаты, проветривать помещение.

Поэтому к вечеру им опять пришлось возвратиться под кровлю Чокроборти. Сегодня это весьма огорчило Ромеша. Он весь день мечтал, как вечером, сидя в этом тихом, уединенном домике, при свете лампы, он будет изливать

свою душу стыдливо улыбающейся Комоле. Однако пересел в их новый дом откладывался еще на несколько дней, и Ромеш отправился в Аллахабад, чтобы устроиться в местную адвокатуру.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

На следующий день Комола пригласила Шойлоджу на обед в свое новое жилище. Молодая жепшина, накормив Бипина, проводила его на службу, а затем пошла к подруге. Уступая настояниям Комолы, дядя решил освободиться в этот день и отпустил учеников. Под деревом ним жепшины разложили провизию и при деятельном участии Умеша занялись стряпней.

После обеда дядя удалился в дом подремать, а подружки, усевшись в тени, стали вести свои нескончаемые разговоры. Спокойная беседа зимним солнечным днем на берегу реки в густой тени дерева так успокаивающе подействовала на Комолу, что все ее тревоги унеслись далеко-далеко, словно коршуньи, которые парили в вышине и на фоне безоблачного неба казались едва заметными точками.

Прошло совсем темного времени, и Шойлоджа забеспокоилась — скоро должен был возвратиться со службы ее муж.

— Неужели ты хоть раз не можешь отступить от своих правил, сестра? — спросила ее Комола.

Шойлоджа ничего не ответила: слегка улыбнувшись, она коснулась рукой подбородка Комолы и покачала головой. Затем вошла в дом и, разбудив отца, сказала, что собирается домой.

— Идем с нами, милая, — обратился Чокроборти к Комоле.

— Нет, — ответила девушка, — мне надо еще кое-что сделать, я приду попозже.

Дядя оставил с Комолой своего старого слугу и Умеша, а сам отправился проводить Шойлоджу. У него были дома какие-то дела, но он обещал скоро вернуться.

Комола окончила свои хлопоты еще до захода солнца. Плотно укутавшись в теплую палью, она вышла в сад и села под развесистым деревом. Далеко на западе, за высоким берегом, у которого стояли парусники, воцарив в багровое небо свои черные мачты, село солнце.

К Комоле тихоенько подошел Умеш.

— Мать, ты давно не брама папа. Перед тем как уйти из дома дяди, я захватил пемного. — И он протянул ей завернутый в бумагу пап.

Комола наконец очнулась от своих мыслей и увидела, что уже совсем стемнело. Она поспешно встала.

— Мать, господин Чокроборти прислал за тобой экипаж, — проговорил Умеш.

Перед тем как уехать, Комола вошла в дом, чтобы еще раз взглянуть, все ли в порядке.

В большой гостиной па случай зимних холодов был устроен камин. На каминной доске стояла керосиновая лампа. Туда же положила Комола сверток с папом и еще раз обвела глазами комнату. Вдруг па бумаге, в которую был завернут пап, она увидела свое имя, написанное рукой Ромеша.

— Откуда ты взял эту бумагу? — обратилась она к Умешу.

— Она валялась в углу комнаты господина, я поднял ее, когда подметал пол.

Комола стала читать, стараясь не пропустить ни слова. Это было письмо Ромеша к Хемполини. По рассеянности он совершенно о нем забыл. Комола прочла все до конца.

— Что же ты все стоишь, мать, и молчишь? — заговорил Умеш. — Ведь скоро ночь.

В ответ не раздалось ни звука.

Заглянув в лицо Комолы, Умеш испугался.

— Ты разве не слышишь меня, мать? Поедем домой, уже совсем стемнело.

Но девушка не шелохнулась, пока не явился слуга дяди и не доложил, что экипаж давно ожидает их и пора ехать.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

— Тебе нездоровится, сестра? Голова болит? — спросила Шойлоджа.

— Нет, ничего, — ответила Комола. — Почему не видно дяди?

— В школе капикулы, и мама послала его в Аллахабад павестить Бидху, она уже несколько дней нездорова.

— А когда он вернется?

— Думаю, он задержится там не больше недели. Ты слишком утомилась, устраивая свое бунгало. Поужинай сегодня пораньше и ложись скорее спать.

Самое лучшее было бы рассказать все Шойлодже, но Комола не могла решиться на это. Кому угодно, только не Шойле; сказать ей, что человек, которого она столько времени считала своим мужем, в действительности не муж ей, казалосьсь Комоле совершенно невозможным.

Запершись в спальне, девушка при свете лампы перечитала письмо. Имени и адреса в письме не было, но Комола сразу поняла, что адресовано оно жепинипе, на которой Ромеш хотел жениться, и что из-за Комолы ему пришлось с ней расстаться. Ромеш не скрывал и того, что любит эту женщину всем сердцем и лишь из жалости к одинокой девушке, которая по несчастной случайности оказалась на его руках, он, не имея иного выхода, решил навсегда отказаться от своей любимой.

Теперь Комола наконец поняла отношение к ней Ромеша, начиная с их встречи на отмели посреди реки и-коч-чая Газпиурум.

В то время как Ромеш, зная, что она жена другого, не мог придумать, как с ней поступить, Комола считала его своим мужем и, ни о чем не подозревая, собиралась строить домашний очаг на всю жизнь. Сейчас, когда она думала об этом, стыд воцарился в нее, словно раскаленная стрела. Она готова была провалиться сквозь землю, когда на память ей приходили всевозможные эпизоды их совместной жизни. Этот стыд запятнал всю ее жизнь, и от него не было спасенья!

Резким движением Комола распахнула дверь и вышла в сад. Была темная зимняя ночь; от черного неба веяло холодом камня. Воздух был прозрачен, ярко горели звезды.

Прямо перед ней чернела роща манговых деревьев. Мысли Комолы путались. Она опустилась на холодную траву и сидела так, застыв, словно изваяние. Глаза ее были сухи, в них не было ни слезинки.

Сколько времени провела она так — неизвестно, но вдруг почувствовала, что жестокий холод проник ей в самое сердце. Ее охватил озноб.

Глубокой ночью, когда тонкий луч ущербной луны прорезал темный край неба над молчаливой пальмовой рощей, Комола медленно встала, пошла к себе в спальню и заперлась там.

Утром, раскрыв глаза, она увидела у своей постели Шойлоджу. Поняв, что уже поздно, смущенная девушка поспешно села в кровати.

— Не вставай, сестра, поспи еще немного. Ты, навер-

но, заболела? Лицо осунулось, под глазами темные круги. Что-нибудь случилось? Почему ты не расскажешь мне всю правду? — И Шойлоджа, присев на постель, обвила руками шею Комолы.

Грудь девушки судорожно вздымалась: не сдерживаясь больше, она уткнулась лицом в плечо Шойлоджи и дала волю слезам. Не говоря ни слова, Шойлоджа крепче обняла подругу. Но через мгновение Комола вырвалась из его объятий, встала, вытерла глаза и через силу рассмеялась.

— Перестань смеяться, — сказала Шойлоджа. — Знаешь, много я видела девушек, но такой скрытной еще никогда не встречала. Однако не надейся, что я позволю тебе молчать, не на такую напала! Хочешь, я скажу, в чем дело? Ромеш-бабу не прислал тебе из Аллахабада ни одного письма — вот ты и рассердилась, гордячка какая! Но пойми, он уехал по делам и через два дня вернется. Зачем же так сердиться, ведь не в его силах подгонять время! Перестань! Но знаешь, сестра, я даю тебе сейчас столько разумных советов, а случись со мной такое, было бы то же самое! Ведь мы, жеманницы, готовы лить слезы из-за каждого пустяка. Ну, улыбнись же — и все забудется.

С этими словами Шойлоджа притянула Комолу к себе и спросила:

— Скажи правду, ведь ты сейчас думаешь, что никогда ему этого не простишь, да? Ни за что?

— Конечно.

Шойлоджа потрепала девушку по щеке.

— Ну вот, я так и думала! Что ж, посмотрим, посмотрим!

В это же утро, сразу после разговора с Комолой, Шойлоджа написала отцу в Аллахабад.

«Комола очень расстроена, что не получает писем от Ромеша-бабу, — писала она, — бедняжка совсем одинока в незнакомом городе, а он все в отъезде, да еще и писем не шлет, подумай сам, как ей тяжело! Неужели он еще не уладил все свои дела? Все заняты, но разве так трудно урвать минутку и написать хотя бы две строчки!»

Встретившись с Ромешем, дядя прочел ему несколько фраз из письма Шойлоджи и хорошенько его отругал.

Ромеш был не на шутку увлечен Комолой, но именно это и увеличивало его сомнения, и заставляло медлить с отъездом, а тут еще дядя прочел ему письмо Шойлоджи!

Ромеш пришел к заключению, что Комола очень скучает без него, но стыдится сама написать об этом.

Уверившись в любви Комолы, Ромеш перестал колебаться. Теперь речь шла не только о его личном счастье, но и о счастье девушки. На песчаном островке посреди реки всевышний не просто привел их друг к другу, но и слил воедино их сердца. Подумав об этом, Ромеш, не медля более ни минуты, сел за письмо к Комоле.

«Любимая! — писал оп. — Не сочти такое обращение простой эпистолярной условностью. Я ни за что не называл бы тебя так, если бы не чувствовал, что люблю тебя больше всех на свете. Если ты когда-нибудь сомневалась во мне, если я причинил боль твоему нежному сердцу, пусть то, что я искренне называю тебя своей любимой, положит конец твоим сомнениям и страданиям.

Да и стоит ли подробно писать об этом. До сих пор многие мои поступки причиняли тебе огорчения. Если ты еще сердись на меня, я оправдываться не стану, скажу лишь, что теперь ты для меня самая любимая, нет никого на свете, кто был бы мне дороже. Если и эти слова не заставят тебя забыть все незаслуженные обиды и горе, которое я тебе причинил, то уж больше ничем я помочь не смогу.

Итак, Комола, назвав тебя своей любимой, я покончил с нашим прошлым, омраченным сомнениями, и положил начало полному любви будущему. Об одном молю: верь, что ты для меня самая дорогая. Если согласишься этому всем сердцем, то не станешь расспрашивать и подозревать меня! Не осмеливаюсь спрашивать, любишь ли ты меня. Да и не буду! Я уверен, что настанет день, когда сердце твое без слов передаст благоприятный ответ моему сердцу. Это подсказывает мне моя любовь. Я не настолько самонадеян, чтобы считать себя достойным твоей любви, но неужели мое чувство к тебе останется без ответа? Знаю, что письмо это покажется тебе несколько странным и, может быть, надуманным, мне даже хочется порвать его. То, что я хотел бы сказать тебе, написать невозможно. Я не знаю, что ты ответишь, поэтому не могу выразить все, что чувствую. Как только мы полностью пойдем друг друга, мне будет легче писать. Воздух лишь тогда свободно проникает в комнату, когда распахнуты все двери. Комола, дорогая, когда я наконец раскрою двери твоего сердца?

Все это придет постепенно, со временем. Ни о чем не

надо беспокоиться. Я приеду на следующее утро после того, как ты получишь это письмо. Прощу тебя; жди меня в нашем новом доме.

Долго мы с тобой были без крова, я больше не хочу ждать. На этот раз я вернусь в свой собственный дом и госпожу моего сердца хочу видеть хозяйкой этого дома. Это будет наш второй «благоприятный взгляд». А ты помнишь первый — в лунную ночь, на берегу реки, среди пустынных песчаных отмелей? Ни крыши, ни стен, ни родных, ни друзей, ни соседей — далеко-далеко от дома. Тогда казалось, что это сон, мираж. Поэтому я так жду настоящего «благоприятного взгляда» ласковым и ясным утром, в нашем собственном бунгало. Ты будешь стоять на пороге, озаренная лучами утреннего солнца, с ласковым улыбающимся лицом. Такой я сохраню тебя в своем сердце на всю жизнь. Я весь исполнен нетерпеливого ожидания.

Любимая! Я, словно гость, жду у ворот твоего сердца, не гони же меня!

Молящий о благосклонности Ромеш».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Чтобы хоть немного развеселить Комолу, Шойлоджа спросила ее:

— Ты разве не пойдешь сегодня в ваше бунгало?

— Нет, больше туда идти незачем.

— Ты уже кончила уборку?

— Да, милая, все кончено.

Немного времени спустя Шойлоджа снова заглянула к ней:

— Что ты мне подарить, если я дам тебе одну вещь, сестра?

— У меня же ничего нет, диди.

— Совсем ничего?

— Совсем.

Шойлоджа потрепала девушку по щеке.

— Ну, конечно, я знаю, все, что ты имела, ты отдала одному человеку, правда? А что скажешь на это? — И она вынула письмо.

Увидев на конверте почерк Ромеша, Комола побледнела как полотно и слегка отвернулась.

— Ну, хватит показывать свою гордость, достаточно! Ведь знаю, что ты только и думаешь, как бы поскорее

вырвать письмо у меня из рук. Но пока не улыбнешься, я ни за что не отдам его тебе! Посмотрим, надолго ли тебя хватит!

В это время с криком: «Тетя! Тетя!» — вбежала Уми, волоча за собой на веревке коробку из-под мыла. Комола взяла девочку на руки и, тормоша и целуя, унесла в спальню. Уми, которую так неожиданно разлучили с ее тележкой, подняла громкий крик, но Комола не отпускала ее и, чтобы утешить девочку, принялась болтать с пей и осыпать ее шумными ласками.

— Сдаюсь! — воскликнула Шойлоджа, входя следом за ней в комнату. — Ну и терпеливая же ты! Я бы не могла так долго ждать! На, сестра, возьми, зачем мне зря навлекать проклятия на свою голову! — С этими словами она бросила письмо на постель и, взяв Уми у Комолы, ушла.

Комола долго вертела конверт, пока наконец решилась распечатать его. Но едва пробежала она глазами несколько строк, как лицо ее запылало от стыда, и она отшвырнула письмо прочь. Затем, справившись с охватившим ее чувством отвращения, подняла его и прочла от пачала до конца. Все ли в нем было ей ясно, не знаю, но ей казалось, будто она держит в руках что-то грязное. И она снова бросила письмо на пол. Человек, который не был ее мужем, призывал ее создать для него семейный очаг! Ромеш давно знал обо всем и теперь так оскорбил ее. Неужели он думает, что Комола стала относиться к нему с большей теплотой после переезда в Газипур потому, что он — Ромеш, а не оттого, что он ее муж? Вероятно, именно так он считает и поэтому из жалости к сироте написал ей это любовное послание. Но как, как она теперь докажет ему, что он ошибся? За что выпали на ее долю такой позор, такое несчастье? Ведь никогда в жизни она никому не причиняла зла! Дом Ромеша на берегу Гауги казался ей теперь каким-то чудовищем, которое хочет поглотить ее. Как спастись? Два дня назад девушке и во сне не снилось, что Ромеш будет внушать ей такой ужас!

В дверях появился Умеш и слегка кашлянул. Но Комола не заметила его, тогда он тихо позвал ее:

— Мать!

Комола обернулась. Почесав в затылке, Умеш сказал:

— Знаешь, сегодня Шидху-бабу по случаю свадьбы своей дочки пригласил артистов из Калькутты.

— Ну и хорошо, Умеш, — ответила Комола. — Сходи туда, посмотри.

— Принести тебе завтра утром цветов, мать?

— Нет, нет, не пужно цветов.

Умеш уже собрался уходить, но Комола неожиданно вернула его:

— Умеш, ты идешь на представление, вот возьми пять рупий!

Умеш был поражен. Он никак не мог понять, какое отношение имеют пять рупий к представлению.

— Мать, ты, наверно, хочешь, чтобы я купил тебе что-нибудь в городе?

— Нет, мне ничего не надо. Оставь деньги у себя, они тебе пригодятся!

Когда смущенный Умеш направился к выходу, Комола опять задержала его:

— Умеш, неужели ты пойдешь на представление в этой одежде, что люди скажут?

Умеш никогда не думал, что люди многого ожидают от него и будут обсуждать недостатки его туалета. Поэтому он совершенно не заботился о чистоте дхоти и его не волновало отсутствие рубашки. На замечание Комолы он лишь усмехнулся.

Комола вынула несколько сари и протянула их Умешу:

— Вот возьми и падеп, какое хочешь.

При виде красивых и широких полотнищ сари Умеш пришел в неописуемый восторг и упал к ногам Комолы, чтобы выразить глубину своей благодарности; затем, строя гримасы в тщетной попытке скрыть переполнявший его восторг, удалился. После его ухода Комола смахнула слезинки и молча стала у окна.

В комнату вошла Шойлоджа.

— А мне ты не покажешь письмо, сестра? — спросила она. У Шойлоджи от Комолы не было никаких тайн, поэтому она имела право требовать от подруги такой же откровенности.

— Вот оно, диди, — ответила Комола, указывая на валяющееся на полу письмо.

«Какая упрямая! До сих пор сердится», — подумала про себя Шойлоджа. Затем подняла письмо и прочла. Ромеш много писал о любви, но все же письмо было каким-то странным. Как может муж писать жене такие письма! Нет, тут что-то не так!

— Твой муж, наверное, пишет романы, сестра? — обратилась она к Комоле.

При слове «муж» Комола как-то испуганно сжалась.

— Не знаю, — ответила она.

— Значит, сегодня ты уйдешь в свое бунгало? — спросила Шойлоджа.

Комола кивнула головой.

— Я бы тоже хотела побыть с тобой там до сумерек, но, право, не знаю, как быть, — ведь сегодня к нам зайдет жепа Норсингха-бабу, наверно, мать пойдет с тобой.

— Нет, нет, — поспешно проговорила Комола. — Что ей там делать? Есть же слуги.

— Да еще твой телохранитель Умеш, — сказала со смехом Шойлоджа. — Так что тебе нечего бояться.

Тем временем Уми стащила карандаш и, царапая им на чем придется, громко болтала что-то непонятное, что должно было, очевидно, означать — «я учусь». Шойла оторвала ее от этих литературных упражнений, и, когда девочка прозвительным голосом стала выражать свой протест, Комола сказала ей:

— Идем, я дам тебе что-то очень красивое!

Она унесла ребенка в комнату и, усадив на кровать, принялась горячо ласкать. Когда же Уми потребовала обещающий подарок, Комола открыла ящик и достала оттуда пару золотых браслетов. Получив столь редкие игрушки, Уми припила в неописуемый восторг. И как только Комола надела ей браслеты, девочка, торжественно вытянув ручки, отправилась показывать подарок матери. Но Шойлоджа тотчас отобрала их, чтобы вернуть владелице, и заметила:

— Что за странности, Комола! Зачем давать ребенку такие вещи!

При подобной несправедливости отчаянные вопли Уми понеслись к небесам.

— Я подарила эти браслеты Уми, сестра, — сказала Комола.

— Ты, наверно, с ума сошла! — воскликнула изумленная Шойлоджа.

— Нет, нет, ты не должна мне их возвращать. Передай их в ожерелье для Уми.

— Честное слово, я никогда еще не встречала такой расточительной женщины. — И она обняла Комолу.

— Теперь я уйду от вас, диди, — начала Комола. — Я была здесь очень, очень счастлива, как никогда в жизни. — И слезы закапали из глаз девушки.

— Ты говоришь так, будто бог знает как далеко уходишь, — проговорила Шойлоджа, тоже не сдерживая слезы. — Не очень-то тебе было хорошо у нас. Но теперь, ко-

гда наконец все трудности позади, ты станешь сама счастливой хозяйкой в своем доме и, если нам случится зайти к тебе, будешь думать: «Скорей бы миновала эта напасть!»

Когда Комола совершила пронам, Шойлоджа сказала:

— Я зайду к вам завтра после полудня.

В ответ Комола не вымолвила ни слова.

Придя в свое бупгало, она нашла там Умеша.

— Почему же ты не пошел на представление? — спросила Комола.

— Так ведь ты сегодня останешься здесь.

— Нечего обо мне беспокоиться! Ступай на праздник, здесь же Бишон останется. Иди, иди, не задерживайся!

— Да теперь на представление уже поздно.

— Все равно, ведь на свадьбе всегда бывает интересно, иди посмотри хорошенько.

Умеша не пужло было долго упрашивать, он уже собрался уйти, но Комола окликнула его:

— Послушай, когда вернется дядя, ты... — Она не могла придумать, как кончить фразу. Умеш стоял с разинутым ртом. Собравшись с мыслями, Комола продолжала: — Помни, дядя тебя любит. Если тебе что-нибудь понадобится, пойди к нему, передай от меня пронам и попроси что хочешь, он тебе не откажет. Только не забудь передать ему мой пронам.

Умеш, так ничего и не поняв, проговорил:

— Сделаю, как ты приказала, мать, — и ушел.

— Ты куда, госпожа? — спросил ее в полдень Бишон.

— На Гапгу, купаться.

— Проводить тебя?

— Нет, стереги дом. — С этими словами она неизвестно за что подарила ему रुपию и ушла по направлению к Гапге.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Однажды после полудня Опиода-бабу, желая поспеть с Хемноллини вдвоем за чаем, пошел за пей наверх. Но он не нашел девушки ни в гостиной, ни в спальне. Расспросив слугу, он узнал, что из дому Хемполлини тоже не выходила. Сильно обеспокоенный, Опиода-бабу поднялся на крышу. Угасающие лучи зимнего солнца слабо освещали уходящие вдаль причудливые кровли домов. Кружил, где ему вздумается, легкий вечерний ветерок. Хемноллини тихо сидела в тени у лестницы.

Она не заметила, как сзади к ней подошел Оннода-бабу. И лишь когда он стал рядом и осторожно коснулся ее плеча, Хемнолини вздрогнула и тотчас вспыхнула от смущения. Но прежде чем она успела вскочить, Оннода-бабу сел подле нее. Некоторое время он молчал и наконец с тяжелым вздохом промолвил:

— Если бы была жива твоя мать, Хем! Ведь я-то ничем не могу тебе помочь!

Услышав эти полные нежности слова, Хемнолини словно очнулась от глубокого забытья. Она взглянула на отца. Сколько любви, сколько страдания и муки прочла она на его лице! Как изменилось оно за это короткое время! Оннода-бабу один принял на себя всю ярость бури, разразившейся над Хемнолини; он так стремился исцелить ее раненое сердце! Но видя, что все его попытки успокоить дочь тщетны, он вспомнил о матери Хем, и при мысли о бесполезности своей отцовской любви глубокий вздох вырвался из его груди. Все, что перепес ее отец, будто озаренное вспышкой молнии, вдруг ясно представилось Хемнолини. Упреки совести мгновенно заставили ее вырваться из плена своего горя. Мир, который словно затерялся во мраке, снова напомнил ей о своем существовании. Хемнолини стало стыдно за свое поведение. Усилием воли она отбросила наконец воспоминания, которые всецело владели ею последнее время, и спросила:

— Как твоё здоровье, отец?

Здоровье! Оннода-бабу уже и позабыл, когда говорили о его здоровье.

— Мое здоровье? — ответил он. — Я-то себя прекрасно чувствую, дорогая, но твой вид заставляет меня беспокоиться. Кто дожил до моих лет, с тем ничего не случится. Но в твои годы здоровье может пошатнуться от таких ударов судьбы. — И он нежно погладил дочь по спине.

— Скажи, отец, а сколько мне было лет, когда умерла мама? — спросила Хемнолини.

— Тебе было всего три года, и ты только начала болтать. Я хорошо помню, как ты спросила меня: «Где ма?» Ты не знала своего деда, так как он умер еще до твоего рождения, поэтому ничего не поняла, когда я сказал, что мама ушла к своему отцу, и только грустно смотрела на меня. Затем схватила за руку и потянула в пустую спальню матери. Ты была уверена, что там, в пустоте, я отыщу ее для тебя. Ты знала, что твой отец очень сильный, и даже представить себе не могла, что этот сильный человек не-

опытен и беспомощен, как ребенок. Теперь, вспоминая об этом, я думаю о том, как все мы бессильны! Всевышний вложил в отцовское сердце любовь, но дал ему очень мало власти. — И Оннода-бабу положил руку на голову дочери.

Хемнолини взяла эту добрую дрожащую руку и стала ласково гладить ее.

— Я очень плохо помню мать, — заговорила она. — Помню только, что в полдень она обычно, лежа на постели, читала, а мне это очень не нравилось, и я старалась отнять у нее книгу.

Отец и дочь снова углубились в воспоминания. Они говорили о матери, о том, какая она была, чем любила заниматься, как жили они тогда, и так увлеклись, что даже не заметили, как село солнце и небо приобрело медно-красный оттенок. Так, в центре шумной Калькутты, на крыше одного из домов, сидели в уголке двое, старик и юная девушка. При меркнувшем свете дня их глубокая, орошенная слезами любовь друг к другу стала еще крепче.

В это время на лестнице послышались шаги Джогендро. Задушевная беседа тотчас оборвалась, и оба испуганно вскочили.

— Что это, Хем сегодня устраивает приемы здесь, на крыше? — воскликнул Джогендро, окидывая их пристальным взглядом.

Джогендро был возмущен. Скорбь, которая теперь не покидала их дом ни днем ни ночью, делала пребывание в нем невыносимым для юноши. В кругу друзей он часто попадал в затруднительное положение, когда приходилось объяснять, почему не состоялась свадьба сестры, поэтому ему нигде не хотелось показываться.

— Поведение Хемнолини начинает переходить всякие границы, — заметил он. — Это всегда случается с девушками, которые зачитываются английскими романами. «Ромеш меня покинул, — думает Хем, — значит, нужно, чтобы сердце мое было разбито!» И вот теперь она задалась целью добиться этого. Ведь немногим из тех, кто читает романы, представляется такой исключительно удобный случай — самой испытать разочарование любви!

Стремясь защитить дочь от злых насмешек Джогендро, Оннода-бабу торопливо заметил:

— Я тут рассказывал Хем одну историю, — как будто он сам привел Хем на крышу, чтобы завести с ней этот разговор.

— Так разве нельзя поговорить за столом? Ты во всем

поощряешь ее, отец. Если так будет продолжаться, мне придется уйти из дому,— заявил Джогендро.

Тут Хемнолини вдруг спохватилась:

— Отец, ты еще до сих пор не пил чаю?

— Чай ведь не поэтическое вдохновение, что само изливается с вечернего неба в час заката. И незачем еще раз напоминать, что чашки сами не наполнятся, если ты будешь сидеть на крыше,— последовало язвительное замечание брата.

Оннода-бабу, не желая, чтобы Хемнолини чувствовала себя виноватой, поспешно сказал:

— Я решил не пить сегодня чаю.

— Вы что же, оба аскетами стали? — спросил Джогендро. — Но что тогда мне остается делать? Я ведь не могу питаться воздухом!

— Нет, аскетизм тут ни при чем. Сегодня я плохо спал и поэтому решил воздержаться от чая.

В действительности же во время беседы с Хемнолини Онноду-бабу не раз соблазняла наполненная до краев чашка чаю, но теперь он не мог встать и уйти. После стольких дней Хемнолини наконец откровенно с ним; он не помнил, чтобы когда-нибудь раньше они беседовали так задушевно и серьезно, как сегодня, здесь, на тихой крыше дома. Если прервать сейчас этот разговор, потом его не продолжить, он умчится, как испугнутая лань. Поэтому Оннода-бабу решил пренебречь чаем.

Хемнолини не верила, что отцу нужно лечиться от бессонницы.

— Идем, отец, пить чай,— предложила она.

Оннода-бабу тотчас позабыл о своей бессоннице и торпливыми шагами направился к чайному столу.

Войдя в комнату, Оннода-бабу сразу же увидел Окхоя и встревожился: «Только Хем как будто немного успокоилась, а увидит Окхоя — и снова разволнуется,— подумал он. — Но теперь уж ничего не поделаешь». Вслед за ним вошла и Хемнолини. Увидев ее, Окхой тотчас же вскочил.

— Джоген,— сказал он,— я пойду.

— Куда вы, Окхой-бабу, у вас разве есть какие-нибудь дела? Выпейте с нами чашку чая,— остановила его Хемнолини.

Все были поражены приветливостью девушки. Окхой снова уселся, заметив при этом:

— В ваше отсутствие я уже выпил две чашки, но если вы настаиваете, то, пожалуй, не откажусь еще от двух.

— Вас никогда не приходилось упрашивать, когда дело касалось чая,— рассмеялась Хемполини.

— Уж таким создал меня всевышний, я никогда не отказываюсь от хороших вещей, если в этом нет особой необходимости.

— Благословляю тебя на то, чтобы и хорошие вещи, помня об этом твоём качестве, не отворачивались от тебя без всякой видимой на то причины,— заметил Джоген.

Наконец, после долгого перерыва, за чайным столом Онноды-бабу вновь шла непринужденная беседа. Обычно Хемполини смеялась негромко, но сегодня взрывы ее смеха временами покрывали голоса разговаривающих.

— Окхой-бабу совершил предательство, отец,— сказала она шутя.— Он давно не принимал твоих пилюль, по, несмотря на это, хорошо себя чувствует. Из уважения к тебе у него должна хоть голова разболеться.

— Предатель пилюль, вот кто ты! — воскликнул Джогендро. Оннода-бабу счастливо рассмеялся. Раз близкие снова проявляют интерес к его пилюлям, значит, в семье воцарились мир и порядок. Тяжесть свалилась с сердца Онноды-бабу.

— Я знаю, вы просто хотите поколебать стойкость этого человека,— заметил оп.— Отряд приверженцев моих пилюль состоит из одного Окхоя, но и его вы собираетесь отпить у меня!

— Не беспокойтесь, Оннода-бабу,— ответил на это Окхой,— меня они не используют в своих интересах!

— Значит, ты как фальшивая монета: захочешь ее разменять — угодишь в полицию,— добавил Джогендро.

Эти веселые шутки, казалось, изгнали из-за стола Онноды-бабу чей-то мрачный призрак, который долгое время находился среди них.

Чаепитие затянулось бы надолго, если бы Хемполини не собралась уйти под тем предлогом, что ей пора делать прическу. Окхой тоже вспомнил о каком-то срочном деле и быстро ушел.

— Отец,— сказал тогда Джогендро,— надо немедленно начать приготовления к свадьбе Хемполини.

Оннода-бабу удивленно взглянул на него.

— Знаешь,— продолжал Джогендро,— в обществе много сплетничают относительно ее размолвки с Ромешем: до каких пор я буду затевать со всеми ссоры? Если бы только я мог открыть им всю правду, не о чем было бы и спорить. Но из-за Хем я рта не могу раскрыть — вот и приходится

расправляться кулаками. Тут как-то пришлось проучить Окхила — я услышал, как он болтает всякую ерунду. А если выдать Хемнолини замуж, все разговоры прекратятся и мне не придется с утра до вечера, засучив рукава, поучать весь свет. Послушай меня, не медли больше.

— Но за кого же ее выдать, Джоген?

— У нас есть только один человек. После всей этой истории, после разговоров, которые уже начались, невозможно найти для Хем хорошего жениха. Остался один только бедняга Окхой, его ничем не смутить: скажешь ему пилюли глотать — проглотит, жепнуть попросишь — жепнется!

— Ты с ума сошел, Джоген. Да разве Хем согласится выйти за него замуж?

— Если ты не будешь мешать мне, я берусь добиться ее согласия.

— Нет, нет, Джоген! — встревоженно воскликнул Он-пода-бабу. — Ты не знаешь Хем. Запугиванием, принуждением ты только оттолкнешь ее. Дай ей время, пусть успокоится. Бедняжка, она столько пережила. А со свадьбой некуда торопиться.

— Я не буду ее огорчать, все дело можно уладить очень осторожно и легко, не причинив ей никаких страданий. Неужели вы думаете, что я умею только скандалить?

Джогендро был человеком нетерпеливым. В тот же вечер, едва Хемнолини, причесав волосы, вышла из своей комнаты, он окликнул ее:

— Хем, мне надо поговорить с тобой.

Сердце Хемнолини дрогнуло. Она медленно последовала за ним в гостиную.

— Ты не замечаешь, как ухудшается здоровье отца, Хем? — начал Джогендро.

Тень беспокойства пробежала по лицу Хемнолини, но она ничего не ответила.

— Я хочу сказать, что, если не принять срочных мер, отец может серьезно заболеть.

Хемнолини поняла, что ответственность за болезнь отца целиком возлагается на нее. Она низко опустила голову и стала перебирать край своего сари.

— Что было, то прошло, — продолжал он. — И чем больше ты горюешь о прошлом, тем неприятнее нам. Теперь, если хочешь успокоить отца, ты должна как можно быстрее вырвать с корнем все воспоминания об этой неприятной истории. — Сказав это, Джогендро замолчал и выжидающе посмотрел на Хемнолини.

— Не беспокойся, я никогда не заговорю с отцом об этом,— смущенно проговорила Хем.

— Ты-то, конечно, не будешь говорить, но ведь другим рот не закроешь.

— Что же я могу сделать?

— Есть только одно средство прекратить все толки.

Догадавшись, что имеет в виду Джогендро, Хемнолини поспешно сказала:

— Было бы хорошо увезти отца на некоторое время на запад. Когда через несколько месяцев мы вернемся, сплетни уже прекратятся.

— Это тоже не даст желаемых результатов. Сердце отца до тех пор будет обливаться кровью, пока он не уверится в том, что ты совершенно излечилась от горя.

Из глаз Хемнолини брызнули слезы, но она быстро вытерла их и спросила:

— Так скажи наконец, что должна я сделать?

— Я знаю, тебе тяжело об этом слышать, но, если хочешь, чтобы все были счастливы, скорее выходи замуж.

Хемнолини точно окаменела. Но Джогендро не желал ждать и воскликнул:

— Вы, девушки, любите все преувеличивать. Не у тебя одной — у многих происходят подобные неприятности со свадьбой, но в конце концов все улаживается. А если бы в каждом доме разыгрывались такие драмы, как в романах, жизнь стала бы совершенно невыносимой. Может, тебе и не стыдно декламировать перед людьми: «Я навсегда стану отшельницей и, сидя на крыше, буду созерцать небеса. Память об этом недостойном изменнике я вознесу на алтарь своего сердца и буду свято чтить ее!» Нам же хоть умирай от такого позора. Выйди замуж за достойного человека и покончи как можно скорее с этой неудачной комедией.

Хемнолини отлично знала, насколько постыдной должна казаться людям эта «комедия», поэтому насмешка Джогендро пронзила ее, как нож.

— Дада,— сказала она,— я ведь не говорю, что отреклась от мира и никогда не выйду замуж.

— Если ты не хотела этого сказать, так выходи. Конечно, если никого, кроме властителя небес, самого бога Индры, ты полюбить не можешь, то тебе ничего не остается, как стать отшельницей! На свете редко встречаешь то, что правится, надо принимать вещи такими, как они есть. В этом и заключается благородство.

Раненная в самое сердце, Хемполипи сказала:

— Зачем ты так зло смеешься надо мной? Разве я говорила тебе что-нибудь о любви?

— Верно, не говорила. Но я же вижу, что ты ничуть не стесняешься выражать некоторым искренне расположенным к тебе друзьям свою несправедливую и беспричинную антипатию. Ты все же должна признать, что среди тех, с кем тебе приходилось встречаться, есть один, который в радости и горе, в почете и унижении всегда оставался верен тебе. За это я его очень уважаю. Если ты хочешь иметь мужа, который жизнь за тебя готов отдать, то его долго искать не придется, если же ты склонна записаться позней...

Хемполипи вдруг встала.

— Ты не смеешь так разговаривать со мной. Что бы ни приказал мне отец, кого бы ни выбрал мне в мужа — я выполняю его волю. Вот если откажусь повиноваться, тогда можешь упрекать меня позней.

Джогендро сразу смягчился.

— Не сердись на меня, Хем! Ты же знаешь, что когда я изволнован, то не владею собой, говорю, что придет в голову. Мы ведь с тобой вместе росли, я знаю, как ты скромна и как любишь отца.

С этими словами Джогендро ушел к Оппода-бабу. Оппода-бабу был у себя в комнате. Его терзала мысль о том, что Джогендро может жестоко обидеть Хем; он собирался пойти и прервать беседу брата с сестрой, когда явился Джогендро. Оппода-бабу выжидающе посмотрел на него.

— Хем согласна выйти замуж, отец, — объявил Джогендро. — Ты, конечно, думаешь, что я вынудил ее согласиться, — ничего подобного! Теперь, если только ты сам скажешь ей о своем желании, она не станет возражать против брака с Окхоем.

— Я должен сказать ей об этом?

— А ты думаешь, она сама придет к тебе и скажет: «Я выхожу замуж за Окхоя»? Хорошо, если ты не решаешься, я передам ей твою волю!

— Нет, нет! — испуганно воскликнул Оппода-бабу. — Я сам скажу ей все. Но к чему так спешить? Мне кажется, что нужно подождать еще несколько дней.

— Нет, отец, задержка может вызвать различного рода осложнения, тянуть больше нельзя.

Никто в доме не мог устоять перед пастойчивостью Джогендро: если он чего захочет — не отступит, пока не

добьется своего. Оппода-бабу в душе его побаивался и, чтобы прекратить этот разговор, ответил:

— Хорошо, я скажу.

— Сейчас самое подходящее время, отец. Хем сидит и ждет твоего решения. Покончи сразу со всем этим.

Оппода-бабу задумался.

— Тут нечего размышлять, — заметил Джогендро. — Иди к ней.

— Побудь здесь, Джоген, — попросил Оппода-бабу, — я пойду к ней один.

— Хорошо, — согласился Джоген.

Войдя в неосвещенную гостиную, Оппода-бабу услышал, как кто-то порывисто поднялся с кресла. Полный слез голос произнес:

— Свет погас, отец, я сейчас велю зажечь лампу.

Оппода-бабу понял, почему погас свет, и сказал:

— Не беспокойся, дорогая, зачем нам свет?

Он ощупью добрался до Хемволиппи и сел с ней рядом.

— Ты не заботишься о своем здоровье, отец!

— На это есть своя причина, дорогая. Зачем мне заботиться, если я хорошо себя чувствую. Ты бы лучше о себе побеспокоилась, Хем.

Измученная Хемволиппи не выдержала.

— Что вы все твердите мне одно и то же! — воскликнула она. — Это очень жестоко, отец! Я такая же, как и другие. Скажите, в чем выражается мое невниманье к своему здоровью? Если вы считаете, что мне необходимо принять какие-то меры, то почему не сказать об этом прямо? Разве я в чем-нибудь тебе перечила?

Последние слова ее заглушили рыдания.

— Никогда, милая моя, никогда, — проговорил Оппода-бабу, взволнованный и расстроенный. — Разве тебе нужно приказывать: ведь ты, моя дорогая девочка, знаешь все, что у меня на душе, и всегда поступала, как я хотел. Если мое горячее благословение будет услышано, всевышний сделает тебя счастливой на всю жизнь.

— Ты не хочешь, чтобы я навсегда осталась с тобой, отец? — спросила Хем.

— Откуда ты взяла, что не хочу?

— Я буду с тобой, пока брат не приведет в дом жену. Иначе кто позаботится о тебе?

— Заботиться обо мне? Не говори так, родная. Привязать вас к себе для того, чтобы вы ухаживали за мной! Я не стою этого!

— Очень темно, отец,— заметила Хем.— Я принесу лампу.

Она принесла из соседней комнаты лампу и сказала:

— Из-за всех этих неприятностей я давно уже не читала тебе газет по вечерам. Хочешь, прочитаю?

— Почитай,— ответил Оннода-бабу, поднимаясь,— посиди здесь, я сейчас вернусь.— И отправился к Джогедро. Он решил сказать сыну, что сегодня не смог поговорить с Хемполини и отложил разговор до другого раза, но когда Джоген спросил: «Ну как, отец? Говорил о свадьбе?» — Оннода-бабу торопливо ответил: «Да, говорил». Он боялся, что Джогедро снова заставит страдать Хемполини.

— Она, конечно, согласилась?

— Да, кажется, согласилась.

— Тогда я пойду сообщу Окхою!

— Нет, нет, сейчас ничего не говори ему,— с испугом воскликнул Оннода-бабу.— Пойми, Джоген, действуя так стремительно, ты можешь все испортить. Сейчас пезачем кому-либо сообщать об этом. Мы, паверпо, поведем на запад, а когда вернемся, все уладим.

Ничего не ответив, Джогедро ушел. Завернувшись в шарф, он тотчас же отправился к Окхою. Окхой в это время был погружен в изучение английской книги по бухгалтерии.

Джогедро вырвал книгу у него из рук и отшвырнул прочь.

— Это успеется,— заявил он,— а сейчас назначай день свадьбы.

— Что ты говоришь! — воскликнул Окхой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Когда на следующее утро Хемполини вышла из своей комнаты, она увидела, что Оннода-бабу молча сидит в шезлонге у окна своей спальни. В его комнате вещей было совсем немного: кровать да шкаф в углу, на одной стене висела вставленная в рамку выцветшая фотография покойной жены, на другой — шерстяной коврик ее работы. В шкафу лежали до сих пор нетронутыми все мелочи и безделушки, уложенные туда еще при ее жизни.

Остановившись позади кресла, Хемполини нежно провела рукой по голове отца, будто отыскивая седые волосы, проговорила:

— Идем, отец, выпьем сегодня чаю пораньше, потом пойдем к тебе в комнату, и ты опять будешь рассказывать мне о прошлом. Если бы ты знал, как я люблю тебя слушать!

За последнее время чуткость Онноды-бабу в отношении дочери настолько обострилась, что он моментально разгадал, почему Хем так торопилась с чаепитием. Скоро за чайным столом должен был появиться Окхой, и, для того чтобы избежать встречи с ним, Хемполини хотела поскорее покончить с чаем и скрыться в уединении отцовской комнаты. Мысль, что Хемполини стала пуглива, как вагпапная лапъ, причинила ему жестокую боль.

Сойдя вниз, он узнал, что чай еще не готов, и с гневом обрушился на слугу. Напрасно тот пытался объяснить, что чай сегодня попросили раньше обычного, — Оннода-бабу заявил, что все слуги стали воображать себя господами и что нужно нанять специального человека, который бы во время их будил.

Однако слуга подал чай очень быстро. Обычно Оннода-бабу пил чай не торопясь, смакуя каждый глоток и разговаривая при этом с Хемполини. Но сегодня он с необычной поспешностью выпил свою чашку.

— Ты куда-нибудь торопишься, отец? — с некоторым удивлением заметила Хемполини.

— Нет, нет, — ответил Оннода-бабу, — просто если в холодный день выпьешь залпом горячего чаю, то сначала хорошенько вспотеешь, а затем почувствуешь приятную свежесть.

Но не успел еще Оннода-бабу вспотеть, как в комнату вошли Джогендро и Окхой. Сегодня в туалете Окхой была заметна особая тщательность. Грудь украшала цепочка часов, в правой руке он держал трость с серебряным набалдашником, в левой — какую-то книгу, завернутую в темную бумагу. Сегодня он не сел на свое обычное место, а придвинул кресло поближе к Хемполини и, смеясь, обратился к ней:

— Ваши часы, видно, спешат сегодня!

Хемполини даже не взглянула в его сторону и не ответила на вопрос.

— Хем, дорогая, пойдем наверх, — сказал Оннода-бабу. — Надо разложить на солнце мои зимние вещи.

— Ведь солнце не убежит, отец, — заметил Джогендро. — Зачем же так спешить? Хем, налей-ка Окхой чашку чаю. И мне тоже. Конечно, сначала гостю.

Окхой засмеялся.

— Вы видели когда-нибудь такое самопожертвование? Прямо второй сэр Филипп Сидней!

Хемнолини, не обращая ни малейшего внимания на его слова, приготовила две чашки чаю: одну она передала Джогендро, а другую резко подвинула в сторону Окхоя и взглянула на отца.

— Скоро станет жарко, нам будет трудно работать, — сказал он. — Пойдем сейчас же, Хем!

— Сегодня пезачем сушить вещи! — воскликнул Джогендро. — Ведь Окхой у нас...

Тут Оннода-бабу пришел в ярость:

— Вам бы только принуждать! Только бы заставлять людей поступать, как вам угодно, пусть даже это стоит им жестоких страданий. Я долго терпел, но теперь довольно! Хем, дорогая, с завтрашнего дня мы с тобой будем пить чай наверху, у меня в комнате!

После этого Оннода-бабу собрался было вместе с Хемнолини покинуть комнату, но девушка спокойно сказала:

— Посиди пемпого, отец, ты ведь еще не вдоволь напился чаю. Окхой-бабу, могу ли я спросить, что это за таинственный предмет, завернутый в бумагу?

— Не только спросить, вы можете даже проникнуть в эту тайну, — ответил Окхой и протянул сверток Хемнолини.

Она развернула его и увидела томик стихов Теннисона в сафьяновом переплете. Девушка вздрогнула и побледнела. Такой же том в точно таком переплете она получила в подарок уже раньше. Он и сейчас бережно хранился в ее спальне, в одном из ящичков письменного стола.

Джогендро слегка улыбнулся.

— Тайна еще не вполне раскрыта, — заметил он и открыл первую чистую страницу. На ней было написано: «Сримиоти Хемнолини в знак уважения от Окхоя».

Книга выскользнула из рук девушки и упала на пол. Даже не взглянув на нее, Хемнолини обратилась к Онноде-бабу:

— Пойдем, отец.

Они вместе вышли из комнаты. Глаза Джогендро метали молнии:

— Конечно, я не желаю больше жить в этом доме! Уеду куда глаза глядят и буду учительствовать.

— Напрасно ты сердишься, друг. Я с самого начала подозревал, что ты ошибся. Тропуть тем, что ты меня обнадуживаешь все время, но говорю тебе откровенно —

Хемнолини никогда не будет ко мне благосклонна. Так что давай оставим эту надежду. Главное, что ты должен сейчас сделать, — это заставить ее забыть Ромеша.

— Хорошо тебе говорить, «ты должен», но как, хотел бы я знать!

— Будто, кроме меня, нет на свете достойных молодых людей! Я знаю, что, если бы ты был на месте твоей сестры, моим родственникам не пришлось бы сокрушенно считать дни, когда же я наконец выберусь из холостяков! Как бы то ни было, пужно найти хорошего жениха, такого, при виде которого ей не захотелось бы бежать просушивать сседу на солнце.

— Так ведь жениха на заказ не готовят!

— Почему ты так быстро отчаиваешься? Я только говорю, что жениха можно найти, но не спеша, иначе все погубишь. Главное, не следует отпугивать молодых людей разговорами о свадьбе. Сначала дай им как следует узнать друг друга, а со временем можешь и день свадьбы назначать.

— Твой метод превосходен, но кто этот жених?

— Ты незнаком с ним, но видел. Это доктор Нолипакхо.

— Нолипакхо!

— Чему ты удивляешься? Не обращай внимания на сплетни, которые ходят о нем в «Брахма-Самадж». Неужели ты выпустишь из рук такого жениха?

— Если бы я мог отвергать женихов, тогда я заботиться было бы не о чем! Но разве Нолипакхо согласится жениться?

— Разумеется, я не могу тебе поручиться, что он даст согласие сегодня же, но со временем почему бы и нет? Послушай, Джогея, завтра Нолипакхо будет читать лекцию, пойди с Хемнолини послушать его. Он очень красноречив, а для того чтобы покориť сердце женщины, это уже немало! Неразумные! Они не понимают, что гораздо лучше иметь мужа слушающего, чем мужа ораторствующего.

— Но я хочу знать все о Нолипакхо, — заявил Джогедро.

— Джогея, пусть тебя не смущает, если в его истории ты заметишь небольшой изъян. Еле заметное пятнышко делает ранее недоступную тебе вещь доступной. Поэтому я считаю, что это даже к лучшему.

История Нолипакхо, которую Окхой вкратце рассказал Джогедро, была следующей.

Отец Нолинакхо Раджоболлобхо был мелким землевладельцем в округе Фаридпур. Тридцати лет он примкнул к «Брахма-Самадж». Но его жена ни за что не хотела принять эту религию и тщательно сохраняла полную независимость от мужа в исполнении религиозных обрядов. Излишне говорить, что Раджоболлобхо не был в восторге от этого. Его сын Нолинакхо, уже взрослый юноша, благодаря своему религиозному пылу и красноречию занял видное место в «Брахма-Самадж».

Разъезжая по делам службы по всей Бенгалии, доктор Нолинакхо прославился безупречным поведением, знанием своего дела и благотворительностью.

Неожиданно произошло нечто невероятное. На старости лет Раджоболлобхо точно сошел с ума: решил жениться на вдове. Никто не мог отговорить его. «Моя жена понастоящему не может считаться моей женой, так как не разделяет моих религиозных убеждений, и было бы нелепо отказываться от той, с которой у нас одна религия, общие убеждения, одинаковые взгляды на жизнь и которая мне по сердцу», — говорил Раджоболлобхо и, не обращая внимания на всеобщее неодобрение, женился на вдове по индуистскому обычаю. Когда вслед за этим мать Нолинакхо собралась покинуть дом и уехать в Бенарес, Нолинакхо решил бросить врачебную практику в Раигпуре, заявив, что он поедет вместе с ней.

— Сын мой, — плача, ответила ему мать, — у нас разные религии. Зачем тебе понапрасну страдать?

— Между нами не будет никаких несогласий, ма, — отвечал Нолинакхо. Он твердо решил сделать все для счастья брошенной отцом, оскорбленной матери и уехал с ней в Бенарес.

Однажды мать спросила Нолинакхо, почему он не жется.

— Зачем? Мне и так хорошо, — смущенно ответил юноша.

Она поняла тогда, что сын пошел ради нее на многие жертвы, но взять жену вде «Брахма-Самадж» — к этому он не был готов.

— Я совсем не хочу, чтобы из-за меня ты сделался аскетом, мой мальчик, — печально сказала она Нолинакхо. — Выбери жену себе по вкусу, я не буду возражать.

Несколько дней Нолинакхо раздумывал над этим, а затем обратился к матери:

— Я приведу жену, какую ты хочешь, мама. Она будет прислуживать тебе и не будет ни в чем перечить. Знай, я никогда не введу в дом ту, которая принесет тебе горе и будет тебе негодна.

Нолинакхо отправился за невестой в Бенгалию.

На этом месте история обрывается. Некоторые говорят, что он приехал в одну деревню и тайно женился там на какой-то сироте, но она умерла сразу после свадьбы; другие выражают сомнение по поводу этой версии. Окхой придерживался мнения, что Нолинакхо сбежал в последнюю минуту перед свадьбой.

Как бы то ни было, Окхой полагал, что, если бы сейчас Нолинакхо захотел жениться на той, которая ему нравится, мать не только не запретила бы ему этого, но была бы даже рада.

Где еще найдет Нолинакхо такую хорошую невесту, как Хемполини? К тому же Хем приветлива, и если проявит достаточную почтительность к его матери, тогда и га, в свою очередь, останется довольна невесткой. Нолинакхо будет доволен двух дней знакомства с Хем, чтобы сообразить все это. Поэтому Окхой считал, что их непременно нужно познакомить.

ГЛАВА Сороковая

Как только Окхой ушел, Джогендро поднялся паверх. Оннода-бабу и Хемполини беседовали в гостиной. При виде Джогендро Оннода-бабу слегка смутился. Сегодня за чаем он утратил свое обычное добродушие, вспылил; и теперь это не давало ему покоя. Поэтому он сейчас особенно ласково обратился к сыну:

— Входи, входи, Джоген, присаживайся!

— Вы совершенно перестали выходить из дому, отец, — заметил Джогендро. — Сидеть целыми днями вдвоем — что в этом хорошего?

— Да ведь мы всегда были домоседами. Стоит Хем куда-нибудь пойти, как у нее начинается головная боль.

— Зачем меня обвинять, отец? — откликнулась Хем. — Пойдем куда-нибудь, если хочешь.

Хемполини, наперекор себе, усиленно стремилась показать, что горе не сломило ее и она живо интересуется всем окружающим.

— Завтра лекция, отец. Почему бы тебе с Хемполини не пойти? — проговорил Джогендро.

Опнода-бабу знал, что Хемполини не любит и боится сутолоки шумных собраний, поэтому не ответил и вопросительно посмотрел на дочь. Но на этот раз Хем с неожиданным воодушевлением воскликнула:

— Лекция? А кто будет читать?

— Доктор Нолинакхо, — ответил Джогендро.

— Нолинакхо? — переспросил Опнода-бабу.

— Он замечательный оратор, — продолжал Джогендро. — К тому же, зная историю его жизни, можно только поражаться. Какая самоотверженность! Какая твердость характера! Такие люди редко встречаются!

Между тем двумя часами раньше Джогендро не было известно о Нолинакхо ничего, кроме смутных слухов.

— Вот и хорошо! Пойдем послушаем его, отец, — живо проговорила Хемполини.

Опнода-бабу не поверил в энтузиазм дочери, но тем не менее был доволен.

«Если Хем, пусть даже вопреки своему желанию, станет бывать в обществе, — думал он, — может быть, она скорее успокоится. Общение с людьми — лучшее лекарство от всех печалей».

— Хорошо, Джоген, — обратился он к сыну, — завтра мы пойдём на эту лекцию. Но расскажи нам, что ты знаешь о Нолинакхо. О нём говорят разное.

Джогендро начал с того, что гневно обрушился на всех, кто много болтает:

— Те, для кого религия просто мода, убеждены, что всевышний произвел их на свет со специальным разрешением несправедливо обвинять и порочить ближних. В мире не сыщешь более глупых сплетников, чем те, кто промышляет религией, — говорил он, все более воспламеняясь.

— Правильно, Джоген, правильно, — повторял все время Опнода-бабу, чтобы умерить горячность сына. — У тех, кто осуждает недостатки и ошибки ближнего, ум становится ограбленным, характер подозрительным, а сердце черствеет.

— Ты имеешь в виду меня, отец? — спросил Джогендро. — Но я не святоша, я могу и выругать и похвалить, а когда надо — и кулаками решить дело.

— Что ты, Джоген, — взволнованно воскликнул Опнода-бабу, — ты с ума сошел! Откуда ты взял, что я говорю о тебе? Я ведь тебя хорошо знаю!

Тогда Джогендро подробно рассказал о Нолинакхо, превознося его до небес.

— Ради счастья матери он многим пожертвовал и поселился в Бенаресе, поэтому и нашлись люди, готовые позлословить на его счет. Но я именно за это и уважаю Нолинакхо. А ты что скажешь, Хем?

— Вполне с тобой согласна.

— Я был уверен, что Хем одобрит его поступки. Я прекрасно знаю, что она сама была бы рада пойти на жертву ради счастья отца! — Оппода-бабу с нежной и ласковой улыбкой взглянул на дочь. Хемполипи смущенно покраснела и потупилась.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Вечер еще не наступил; когда Оппода-бабу и Хемполипи вернулись с лекции домой.

— Да, сегодня я получил большое удовольствие, — проговорил Оппода-бабу, усевшись пить чай. Больше он не проронил ни слова и глубоко задумался.

Он даже не заметил, что сразу после чая Хемполипи покинула комнату.

Нолинакхо казался удивительно юным и красивым. Лицо его еще сохранило свежий румянец подростка, и в то же время от всего облика юноши веяло глубокой мудростью.

Темой его лекции были утраты. Он говорил о том, что, если человек не понес утраты, можно считать, что он ничем и не владел. Истинное приобретение — не то, что дается нам без труда; только то и становится сокровищем нашего сердца, что получаем мы ценой лишений. Мирское богатство может на глазах у нас превратиться в прах, и человек, который терпит его, несчастен; но в самой утрате для него заключается возможность получить нечто большее.

Если мы, лишаясь чего-нибудь, можем склонить голову и, сложив руки, смиренно сказать: этот дар — дар самоотречения, дар печали и слез моих, — тогда малое станет великим, преходящее вечным, а то, что было для нас обычным, будет предметом поклонения и навеки сохранится в святой святых храма нашего сердца.

Его речь потрясла Хемполипи. Девушка неподвижно сидела на крыше под звездным небом. Сегодня ей казалось, что душа ее полна, а небо и весь окружающий мир обрели смысл.

Возвращаясь с лекции, Джогендро заметил:

— Ну и хорошего же ты отыскал жениха, Окхой! Он ведь аскет! Я и половины не понял из того, что он говорил.

— Нужно прописывать лекарство в соответствии с болезнью. Хемнолипи поглощена мыслями о Ромеше. Нам, простым смертным, не пробиться сквозь эту стену. Но может, это удастся аскету? Ты заметил выражение лица Хем, когда он говорил?

— Еще бы! Конечно! Ясно, речь ей понравилась. Но ведь это еще не говорит о том, что ее легко будет обручить с оратором.

— Ты думаешь, ей понравилась бы эта лекция, прочитай ее кто-нибудь из нас? Ты разве не знаешь, Джоген, что жепщин особенно влечет к аскетам. Еще Калидаса написал поэму о том, как из-за одного аскета Ума сама стала отшельницей! Я тебе говорю, какого бы жениха ты ни представлял Хемнолипи, она всегда будет сравнивать его с Ромешем, а такое сравнение мало кто выдержит. Нолипакхо же не такой, как все, ей и в голову не придет сравнивать его с кем-то. Стоит тебе привести к Хемнолипи какого-нибудь юношу, она сразу разгадает твои намерения и воспротивится этому всем сердцем. Но если ты под каким-либо благовидным предлогом сможешь привести сюда Нолипакхо, никаких подозрений у Хемнолипи не возникнет. А там от простого уважения нетрудно будет довести дело и до обмена гириляндами.

— Хитрости мне никогда не удаются, гораздо легче высказываться открыто. Но что ни говори, не нравится мне этот жених!

— Послушай, Джоген! Не губи дела своим упрямством. Никогда не бывает, чтобы все обстоятельства складывались благоприятно. Как бы то ни было, я не знаю, чем еще можно изгнать из сердца Хемнолипи память о Ромеше. И думать не смей добиться этого силой. А вот если последуешь моему совету, может, что-нибудь и получится.

— Дело в том, что Нолипакхо мне непонятен, а я побаиваюсь иметь дело с такого рода людьми. Как бы нам не попасть из огня да в полымя!

— Друг, ведь вы сами с отцом были во всем виноваты, а теперь, обжегшись на молоке, дуete на воду. В отношении Ромеша вы с самого начала были слепы; по вашим словам, второго такого не найти в целом свете: ему и обман чужд, и по знаанию шастр он чуть ли не второй Шанкарачарья, а уж в литературе — сама Сарасвати в обличии

мужчины девятнадцатого века! Мне Ромеш с первого взгляда не понравился, знаю я этих образованных молодых людей. Но я не смел и слова сказать, вы считали, что такой недостойный, серенький человечек, как я, способен лишь завидовать великим людям. Потом вы все же поняли, что великих людей лучше чтить на расстоянии, а родную сестру выдавать замуж за такого — далеко не безопасно. Есть пословица: «Клин клином вышибают». И нечего тут ворчать, когда это единственное средство!

— Послушай, Окхой, я все равно не поверю, что ты первый разгадал Ромеша, хоть повторй мне это тысячу раз. Просто ты был зол на него и поэтому смотрел косо на все, что бы он ни делал, — и я вовсе не склонен приписывать это твоей необыкновенной прозорливости. Так вот что, где нужна хитрость, надейся на себя — от меня там проку не будет. И вообще мне Нолиакхо совсем не нравится.

Когда Джогендро и Окхой входили в гостиную Онноды-бабу, они видели, как Хемнолини выскользнула оттуда через другую дверь. Окхой понял, что она заметила их из окна, когда они шли по улице. Усмехнувшись, он подошел к Онноде-бабу.

— Нолиакхо говорит от чистого сердца, поэтому слова его проникают в душу каждого, — заметил он, паливая себе чай.

— Да, способный он человек, — ответил Оннода-бабу.

— Он не просто способный, — воскликнул Окхой, — такого благочестивого человека редко встретишь.

Джогендро хоть и был участником заговора, но тут не стерпел.

— Не говори ты мне о благочестии, — воскликнул он, — избави боже нас от святош!

Лишь вчера он расточал бесчисленные похвалы благородству Нолиакхо и обругал клеветниками его противников!

— Как тебе не стыдно, Джогеп, говорить такие вещи! — сказал Оннода-бабу. — Я склонен верить, что те, кто кажутся нам на первый взгляд хорошими людьми, таковы и на самом деле, — пусть даже иногда я и ошибаюсь, но заподозрить добродетельного человека в чем-либо дурном лишь ради того, чтобы поддержать авторитет своего скудного разума, — на это я не способен! Нолиакхо-бабу не повторял чужих слов, их подсказал ему его собственный духовный опыт, и мне они показались откровением. Откуда бы лицемеру знать, что такое правда? Истина — как зо-

лото, ее нельзя получить искусственным путем! Мне бы хотелось лично выразить Нолипакхо-бабу свою благодарность!

— Я опасаюсь только за его здоровье,— заметил Окхой.

— Как, разве он болен?

— Нет, не в этом дело: дни и ночи он проводит за шатрами и молитвами, совершенно не заботясь о себе.

— Это очень плохо,— проговорил Оплода-бабу.— Мы не имеем права разрушать свое тело: не нами оно создано. Если бы мне довелось с ним познакомиться, без сомнения, я бы в самый короткий срок восстановил его силы. Ведь для сохранения здоровья нужно придерживаться всего нескольких простейших правил: во-первых...

Джогендро потерял терпение.

— Отец,— воскликнул он,— к чему все эти разговоры! Когда сегодня я увидел Нолипакхо-бабу, то решил, что благочестивая жизнь как раз полезна для здоровья! Я даже хочу проверить на себе. Посмотрю, что получится!

— Нет, Джоген, Окхой совершенно прав! Сколько знаменитых людей у нас гибнет в ранней молодости. Пренебрегая своим здоровьем, они наносят ущерб роду. Нельзя допустить, чтобы так случилось и на этот раз. Нолипакхо не такой, каким ты его считаешь, Джоген. Он честный человек! Ему нужно беречь себя.

— Я приведу его к вам,— пообещал Окхой.— И хорошо, если вы все это ему объясните. Помню, во время экзаменов вы мне давали настойку какого-то корня, она отлично укрепляет силы. Для тех, кто живет интеллектуальным трудом, лучшего лекарства и не придумаешь! Если вы дадите Нолипакхо-бабу...

Джогендро вскочил как ужаленный.

— Ну, Окхой, это уж чересчур! Ты с ума свести можешь! — воскликнул он.— Я уйду.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Раньше, когда Оплода-бабу чувствовал себя хорошо, он постоянно испытывал на себе всякие лекарства — и европейские и индийские, но теперь он утратил всякий интерес к пилюлям. Здоровье его пошатнулось, однако он не только не говорил о нем, но даже, наоборот, старался скрыть свою слабость.

Сегодня Оннода-бабу неожиданно задремал в кресле. Услышав на лестнице шаги, Хемволини отложила вышивание и направилась к двери, чтобы попросить брата не шуметь. Тут она увидела, что Джоген не один: вместе с ним пришел Нолипакхо-бабу. Она хотела было убежать, но Джогендро окликнул ее:

— Хем, пришел Нолипакхо-бабу, я хочу тебя с ним познакомиться.

Хемволини осталась. Нолипакхо подошел к ней и, не поднимая глаз, поздоровался.

— Хем! — позвал Оннода-бабу, который к этому времени уже проснулся. Девушка подошла к отцу и шепотом сообщила, что пришел Нолипакхо-бабу.

Едва Джогендро с гостем вошли в комнату, как Оннода-бабу торопливо поднялся им навстречу.

— Для меня большое счастье видеть вас у себя в доме, — сказал он. — Хем, дорогая, куда ты уходишь, посиди с нами. Нолипакхо-бабу, это моя дочь, Хем. На днях мы с пей слушали вашу лекцию и получили большое удовольствие. Как вы говорили: «То, что действительно принадлежит нам, мы никогда не можем утратить. Лишиться можно только того, что на самом деле тебе не принадлежало», — какой глубокий смысл в этих словах, правда, Хем? «Лишь утратив какую-нибудь вещь, мы познаем, принадлежала она нам всецело или нет». У меня к вам есть одна просьба, Нолипакхо-бабу. Вы оказали бы нам большую услугу, если бы иногда заходили побеседовать. Мы с дочерью почти нигде не бываем. Поэтому, когда бы вы ни пришли, всегда застанете нас дома.

— Не принимайте меня за чересчур серьезного человека из-за того, что я наговорил тогда всяких умных вещей, — взглянув на смущенное лицо Хемволини, ответил Нолипакхо. — Студенты очень просили меня выступить, а я не умею отказывать, но теперь я уверен, что вторично меня не попросят! Студенты прямо говорят, что почти ничего не поняли из того, что я говорил. Вы тоже там были, Джоген-бабу, не думайте, что моего сердца не тронули нетерпеливые взгляды, которые вы бросали на часы.

— Если я чего и не понял, — ответил Джоген, — то в этом повинен мой скудный ум, так что пусть это вас не тревожит.

— Понять все можно лишь в известном возрасте, Джоген, — заметил Оннода-бабу.

— По-моему, вообще нет необходимости понимать все,— проговорил Нолипакхо.

— Однако, Нолип-бабу, мне хотелось бы вам сказать кое-что,— обратился Оннода-бабу к юпоше:— Тот, кого всевышний посылает на землю для выполнения определенной миссии, не должен пренебрегать своим здоровьем: Следовало бы всегда напоминать тем, которые призваны одарять, что, лишившись капитала, они теряют эту возможность.

— Когда вы узнаете меня лучше, то убедитесь, что я вообще ничем на свете не пренебрегаю,— ответил Нолипакхо.— В мир я пришел, как самый последний нищий, не владея ничем. С большим трудом благодаря доброте многих людей мало-помалу окрепло мое тело и развился разум. Вздумай я пренебречь чем-нибудь, такая самонадеянность не делала бы мне чести. Человек не вправе разрушать то, чего не может создать сам.

— Совершенно верно. В своем выступлении вы говорили о чем-то в этом духе.

— Ну, я пошел: у меня дело,— сказал Джоген.

— Простите меня, Джоген-бабу, пожалуйста,— воскликнул Нолипакхо,— уверяю вас, что надоедать людям не в моем характере! Я тоже уйду. Давайте немного погуляем вместе.

— Нет, нет, не обращайтесь на меня внимания. Это я вечно всем надоедаю, потому что не могу и минуты помолчать.

— Не беспокойтесь о Джогене,— заметил Оннода-бабу,— его трудно удержать на одном месте.

Когда Джогендро ушел, Оннода-бабу спросил Нолипакхо, где он живет. Нолипакхо рассмеялся.

— Не могу сказать, чтобы у меня было какое-нибудь постоянное местожительство. У меня много знакомых, каждый приглашает к себе, вот я и кочую от одного к другому. Мне это нравится, но иногда все же возникает потребность побыть одному. Поэтому Джоген-бабу снял для меня квартиру как раз в соседнем с вашим доме. Этот квартал, кажется, действительно очень тихий.

Оннода-бабу изъясил свою особую радость при таком сообщении, но, будь он наблюдательнее, он заметил бы, как на мгновение побледнело лицо Хемполини, когда она услышала об этом.

Ведь раньше там жил Ромеш.

Слуга доложил, что чай подан, и все спустились вниз.

— Хем, дорогая, — обратился Оинода-бабу к дочери, — палей Нолину-бабу чаю.

— Нет, Оинода-бабу, — проговорил Нолинакхо, — я не буду пить чай.

— Ну-жто вы, господин Нолин, одну чашечку, а не хотите, так отведайте хоть сладостей.

— Прошу меня извинить, но не могу.

— Вы сами врач, и не мне вам объяснять, что выпить немного горячей воды под предлогом чаепития через три-четыре часа после полуденной трапезы очень полезно для желудка. Конечно, если вы не привыкли, то можно вам приготовить совсем слабый чай.

Нолинакхо в нерешительности посмотрел на Хемнолини. По выражению ее лица он понял, что она возмущена, и, в упор глядя на девушку, сказал:

— Это совсем не то, что вы предполагаете. Не думайте, что я брезгую садиться за ваш стол. Раньше я постоянно пил чай, да и сейчас еще люблю его аромат: мне приятно смотреть, как вы его пьете. Но вы, вероятно, не знаете, что моя мать очень ревнисто относится к соблюдению обрядов, а у нее, кроме меня, никого нет. Я буду чувствовать себя виноватым, если приду к ней после чая. Однако я вполне разделяю то удовольствие, которое испытываете вы во время чаепития, и, следовательно, пользуюсь вашим гостеприимством.

Вначале разговоры Нолинакхо раздражали Хемнолини. Она думала, что Нолинакхо не хочет раскрыть перед ними своего истинного «я», а лишь пытается укрыться за потоком слов. Хемнолини не знала, что при первом знакомстве Нолинакхо бывало очень трудно преодолеть свою застенчивость, поэтому очень часто он казался слишком самоуверенным, что не было присуще его характеру. Даже когда он становился откровенным, в его интонациях было что-то неестественное, и он сам понимал это. Вот почему, когда Джогендро не выдержал и собрался уходить, Нолинакхо почувствовал себя очень пеловко и попытался убежать.

Но стоило Нолинакхо заговорить о матери, как Хемнолини стала смотреть на него с уважением. Ее тронуло то, что при одном лишь упоминании о ней лицо юноши озарялось светом глубокой и чистой любви. Ей хотелось поговорить с Нолинакхо о его матери, но она стеснялась.

— Вот как! — поспешно откликнулся Оинода-бабу на объяснение Нолинакхо. — Знай я это, я никогда не стал бы предлагать вам чаю. Извините меня, пожалуйста.

— Зачем же из-за того, что я не пью чай, лишать меня той любезности, с которой вы предложили мне его, — слегка улыбнувшись, ответил Нолинакхо.

Когда Нолинакхо ушел, Хемнолини с отцом поднялись в гостиную. Девушка пачала читать ему, но вскоре отец уснул. С некоторых пор такие приступы слабости стали для него обычными.

ГЛАВА СРОК ТРЕТЬЯ

За короткое время знакомство Нолинакхо с семьей Онноды-бабу выросло в настоящую дружбу. Сначала Хемнолини думала, что Нолинакхо интересуют только отвлеченные темы, она и не предполагала, что с ним, как с обыкновенным человеком, можно побеседовать просто о жизни. И все же среди шуток и веселых разговоров Нолинакхо всегда сохранял какой-то отсутствующий вид.

Однажды, когда Нолинакхо беседовал с Оннодой-бабу и с Хемнолини, в компату вошел Джоген и возбужденно заговорил:

— Ты знаешь, отец, члены «Брахма-Самадж» стали теперь называть нас учениками Нолинакхо-бабу. Из-за этого я сегодня поссорился с Порешем.

— Но я не вижу в этом ничего для нас обидного, — слегка улыбнувшись, заметил Оннода-бабу. — Будь я в обществе, где нет ни одного ученика, а все учителя, я испытал бы стыд. Желаящие поучать поднимали бы такой шум, что невозможно было бы чему-нибудь научиться.

— Я совершенно согласен с вами, Оннода-бабу, — поддерживал его Нолинакхо. — Давайте создадим общество учеников и будем искать источники знания.

— Довольно, тут нет ничего смешного, — нетерпеливо сказал Джогендро. — Никто не может стать вашим другом или родственником, Нолин-бабу, без того, чтобы его не обозвали вашим учеником. А от такого прозвища шуткой не отделаешься. Перестали бы вы лучше заниматься подобными вещами.

— Объясните, что вы имеете в виду? — спросил Нолинакхо.

— Я слышал, что вы дышите через ноздри согласно системе йогов, созерцаете солнце в час восхода, не садитесь за пищу, пока не выполните различных обрядов, и благодаря всему этому вы, как говорится, «выпали из ножеп».

— Стыдясь за резкость брата, Хемнолини низко опустила голову. Нолипакхо улыбнулся:

— Конечно, выпасть из пожеп считается в обществе преступлением. Но разве меч или человек полностью находится в ножнах? Та часть, которая вынуждена оставаться в ножнах, у всех мечей одинакова, только рукоятка разукрашена в соответствии с желанием и искусством мастера. Везде не станете же вы отгрпцать, что вне пожеп человеческого общества должно остаться место для проявления индивидуальных особенностей каждого. Но меня удивляет, как могут люди видеть и обсуждать те безобидные вещи, которые я совершаю дома без свидетелей.

— Да разве вам не известно, Нолли-бабу, что припявшие на свои плечи бремя ответственности за мировой прогресс считают одной из своих первейших обязанностей выяснять, что делается в чужих домах; они обладают даже способностью сами пополнять недостающие сведения. Без этого прекратилось бы совершенствование мира. Кроме того, Нолли-бабу, если вы делаете что-либо такое, что не овойственно остальным, то, как ни скрывай это, все равно заметят, в то время как на обычные запятня никто и внимания не обратит. Вот вам пример: о ваших занятиях Хем уже рассказала отцу, хотя она и не брала на себя заботу о вашем воспитании.

Хемнолини вспыхнула и уже собиралась что-то сказать, когда Нолипакхо остановил ее:

— Вам нечего стыдиться. Если вы, выходя на крышу подышать воздухом, видите, как я совершаю утрепние молитвы, то вы в этом ничуть не виноваты. Ничего стыдиться того, что у вас есть глаза, мы все повинны в том же.

— К тому же,— заметил Оннода-бабу,— Хем не высказывала ни малейшего недовольства по поводу совершаемых вами обрядов, а, наоборот, с уважением расспрашивала меня о них.

— Я этого совершенно не понимаю! — воскликнул Джогеидро. — Я не испытываю никакого неудобства от простой жизни с ее обычными нормами поведения и не считаю, что выполнение каких-то тайных ритуалов дает особое преимущество,— скорее наоборот, оно заставляет человека терять душевное равновесие и делает его ограниченным. Но, пожалуйста, не сердитесь на меня за эти слова, ведь я обыкновенный человек и на земле занимаю одно из самых скромных мест. Достичь тех, кто восседает наверху, я могу не иначе, как запуская в них кам-

ни. Таких, как я, бесчисленное множество, и раз вы вознелись на небывалую высоту, то непременно станете миссией для бесчисленного множества камней.

— Но ведь камни бывают разные: один тебя лишь слегка заденет, другой метку оставит. Если сказать о человеке, что он сходит с ума или ребячится, это никого не обидит; но когда человека обвиняют в том, что он впадает в благочестие, становится наставником, пытается собирать вокруг себя учеников, тут одним смехом не отделаешься.

— Я снова прошу вас, не вздумайте сердиться на меня. Занимайтесь, чем хотите, у себя на крыше, да и кто я такой, чтобы запретить вам это? Я хочу лишь сказать, что, если ваше поведение не выходит за пределы общепринятого, оно не вызывает никаких толков. Для меня спокойнее поступать именно так. Стоит лишь перешагнуть определенную границу — собирается толпа: осыпает ли она тебя бранью, поклоняется ли тебе — все равно. Быть в центре внимания этой толпы весьма неприятно, по-моему.

— Пойдите, куда же вы? — воскликнул Ноллиакхо. — Вы силой стянули меня с крыши на нижний этаж с его прозой. Почему же сами теперь бежите отсюда?

— На сегодня с меня довольно. Хватит! Пойду погуляю! — воскликнул Джоен.

После его ухода Хемнолипи все свое внимание почему-то сосредоточила на бахроме скатерти и не поднимала головы. Приглядевшись повнимательнее, можно было бы заметить, что на ресницах ее дрожат слезы.

Ежедневно беседуя с Ноллиакхо, девушка почувствовала бедность своего духовного мира и загорелась желанием следовать по пути, избранному Ноллиакхо. В то время как она страдала и не могла найти опоры ни в окружающих, ни в своей душе, Ноллиакхо раскрыл перед ней новый мир. И вот с недавнего времени ею овладели идеи подвижничества, строгого выполнения всех обрядов. — Ей казалось, что в этом можно найти надежную опору. Кроме того, горе не может существовать лишь как состояние, оно жаждет проявить себя в каком-нибудь аскетическом подвиге. До сих пор, опасаясь осуждения окружающих, Хемнолипи не могла этого сделать, она выплескивала свои страдания в глубине души. Когда же, следуя системе Ноллиакхо, Хемнолипи отказалась от мясной пищи и стала на путь строгого воздержания, она испытала большое облегчение. Она убрала на своей спальне все ковры и див.

новки, а постель запавесила пологом. Все остальные вещи были вынесены из комнаты. Каждый день она сама мыла пол и приносила в комнату немного цветов. После купанья, надев белое сари, Хемнолини усаживалась на пол; через распахнутые окна и двери в комнату свободно лился солнечный свет, и под воздействием неба, воздуха и света девушка чувствовала себя обповленной. Оннода-бабу не мог полностью присоединиться к Хемнолини, но был счастлив, замечая по выражению лица дочери, какую радость доставляет ей исполнение всех этих обрядов. Теперь, когда приходил Нолинакхо, они втроем садились на пол в компании Хемполипп и вели беседу.

Джогендро сразу же взбунтовался:

— Что это происходит? Вы превратили дом в какое-то святилище. Такому грешнику, как я, тут некуда и ногу поставить.

Раньше Хемполини оскорбила бы подобная шутка Джогендро, Оннода-бабу и сейчас порой вспыхивал гневом от его слов, но Хемнолини, следуя примеру Нолинакхо, отвечала брату лишь спокойной и ласковой улыбкой. Девушка обрела надежную, пезыблемую опору и считала слабостью стыдиться ее. Хемполини знала, что люди смеются над ней, находя ее поведение пелепым, но преклонение перед Нолинакхо и вера в него защищали ее от всего мира, и люди больше не смущали ее.

Однажды, когда после утреннего омовения она, окончив молитву, сидела неподвижно у окна своей тихой комнаты, к ней вошли Оннода-бабу и Нолинакхо. Сердце Хемполини в тот момент было преисполнено умиротворения. Опустившись на колени сначала перед Нолинакхо, а затем перед отцом, она совершила пронам и взяла прах от их ног. Нолинакхо пришел в замешательство.

— Не волнуйтесь, Нолин-бабу,— проговорил Оннода-бабу.— Хем только выполняла свой долг.

Нолинакхо никогда еще не приходил к ним так рано, и Хемнолини с любопытством взглянула на него.

— Я получил вести из Бепареса, мать серьезно больна,— проговорил Нолинакхо,— и сегодня с вечерним поездом я решил отправиться домой. У меня еще много дел, поэтому я сейчас зашел проститься с вами.

— Что же, делать нечего. Дай бог, чтобы ваша мать быстро поправилась,— сказал Оннода-бабу.— Мы в вечном долгу перед вами за ту поддержку, которую вы нам оказывали в последнее время.

— От вас я получил гораздо больше. Вы проявили ко мне такую заботу, какую только можно проявить к соседу. Но это не все: глубина веры раскрыла передо мной в новом свете многие из важных вопросов, над которыми я долго размышлял. Я наблюдаю вашу жизнь, и это придало моим размышлениям и ритуалам большую целеустремленность. Я понял, как быстро и легко можно достичь успеха благодаря помощи и сочувствию ближних.

— Самое удивительное то, что мы все время чувствовали, будто нам чего-то очень недостает, но не могли понять, чего именно, до того самого момента, пока не встретили вас. Тогда мы поняли, что именно вас нам не хватало. Ведь мы настоящие домоседы, очень редко бываем на людях и не питаем особого пристрастия к собраниям. Я-то еще иногда выхожу, а Хем очень трудно вытащить куда-нибудь. Но тогда случилось что-то необычайное: как только мы услышали от Джогеа, что вы будете читать лекцию, сразу же, без всяких колебаний, отправились на собрание; это небывалый случай,— уверяю вас, Нолпа-бабу! Отсюда вы можете сделать вывод, что вы нам были необходимы,— иначе этого бы не случилось. Сама судьба сделала нас вашими должниками.

— Я хотел, чтобы и вы знали,— сказал в ответ Нолпакхо,— что никому, кроме вас, я не рассказывал о моей личной жизни. Высшее учение об истине заключается в способности открывать правду. И это необходимо каждому человеку. Лишь благодаря вам я смог излить свою душу. Поэтому никогда не забывайте о том, что я нуждаюсь в вас.

Хемполини не проронила ни слова. Она сидела молча, устремив взор на солнечный луч, игравший на полу. На прощание девушка сказала:

— Сообщите нам о здоровье вашей матери.

Едва Нолпакхо поднялся, как Хемполини снова склонилась перед ним в глубоком поклоне.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Последнее время Окхой не ходил в дом Охноды-бабу. Но в тот день, когда Нолпакхо уехал в Бенарес, он снова появился с Джогеандром за чайным столом. Про себя он решил, что по тому, насколько будет раздражена Хемполини при виде его, Окхой, он сможет легко определить, по-

мнит ли она еще Ромеша. Сегодня Окхой нашел Хемнолини совершенно спокойной. Увидев его, она ничуть не изменилась в лице.

— Почему вы так давно не были у нас? — приветливо спросила девушка.

— Разве мы достойны того, чтобы видеть вас ежедневно? — проговорил Окхой.

— Если бы недостойные лишены были права ходить в гости, то многим из нас пришлось бы жить в полном одиночестве, — заметила Хемнолини.

— Окхой думал, что он один удостоился чести называться скромным, — проговорил Джогендро, — а Хем превзошла его и показала, что скромность присуща всем людям вообще. Я же вот что хочу сказать. С такими, как мы, обыкновенными людьми можно видаться ежедневно, по с людьми необыкновенными лучше встречаться изредка, в больших дозах их трудно переварить. Поэтому-то они и скитаются по лесам, горам и пещерам, а если бы своим постоянным местом пребывания они избрали человеческое общество, то таким простакам, как мы с Окхоем, пришлось бы бежать в леса и горы.

Хемнолини поняла, в кого метил Джогендро, но ничего не ответила. Она приготовила три чашки чаю и поставила их перед отцом, Окхоем и Джогендро.

— А ты разве не будешь пить чай? — спросил Джогендро. Хемнолини почувствовала, что сейчас ей придется выслушать грубость, но все же со спокойной решимостью ответила:

— Нет, я теперь не пью чай.

— Да тут, я вижу, начал процветать аскетизм! Вероятно, в чайных листьях недостаточно духовной силы, ведь этим обладает лишь миробалап. Что за напасть, Хем, прекрати все это. Если одной чашкой чаю ты нарушишь свое воздержание, ничего не произойдет! В этом мире самые суровые ограничения нарушаются, и незачем из-за такой ерунды идти против всех.

С этими словами Джогендро встал, сам налил еще одну чашку и поставил ее перед Хемнолини. Не прикоснувшись к ней, девушка сказала:

— Почему ты ничего не ешь, отец?

У Опиоды-бабу дрожали руки и голос, когда он ответил:

— Правду сказать, дорогая, за этим столом мне сегодня кусок в горло не идет. Долго я старался сносить вы-

ходки Джогена. Потому что знаю, что здоровье у меня плохое и, стоит мне только начать, я наговорю бог знает что, а потом буду жалеть об этом.

— Не сердись, пожалуйста, отец, — сказала Хемполини, подойдя к его креслу. — Дада хочет угостить меня чаем, ну и пусть, меня это ничуть не огорчает. А тебе, отец, падо что-нибудь съесть. Я знаю, ты всегда плохо себя чувствуешь, если пьешь чай на пустой желудок. — И Хемполини пододвинула отцу блюдо. Он пода-бабу неохотно принялся за еду.

Вернувшись на свое место, Хемполини собралась уже выпить налитый Джогендро чай, как вдруг Окхой поспешно вскочил:

— Простите, пожалуйста, можно мне взять эту чашку? Я уже выпил свою.

Джогендро подошел к Хемполини и, взяв у нее чашку, обратился к Онноде-бабу:

— Я нехорошо поступил, прости меня, отец.

Оннода-бабу ничего не ответил, только из глаз его закапали слезы.

Джогендро и Окхой тихо вышли из комнаты. Оннода-бабу, допив чай, встал и, опираясь на руку Хемполини, неверными шагами поднялся наверх.

Ночью Онноде-бабу стало плохо. Врач, которого вызвали, сказал, что у старика не в порядке печень, болезнь еще не запущена и год или хотя бы полгода, проведенные на западе, и хороший климат полностью восстановят его здоровье.

Когда боли утихли и врач ушел, Оннода-бабу сказал:

— Хем, дорогая, поедem ненадолго в Бенарес.

Такая же мысль возникла и у Хемполини. Стоило только уехать Нолипакхо, как девушка почувствовала, что рвение, с которым она раньше выполняла все ритуалы, значительно ослабло. Одно присутствие Нолинакхо, казалось, придавало ей твердость в совершении ежедневных обрядов. Само лицо Нолипакхо светилось непреклонной верой и невозмутимым спокойствием, и это всегда воодушевляло Хемполини. В отсутствие же Нолипакхо энтузиазм девушки сменился какой-то вялостью. Поэтому она старалась с еще большей настойчивостью следовать его указаниям и выполняла их особенно тщательно. Но от этого вместе с усталостью ее охватывало такое отчаяние, что она не могла сдерживать слез. За чайным столом Хемполини старалась быть гостеприимной, но на сердце ее лежала какая-то тя-

жесть. С удвоенной силой овладели ею мучительные воспоминания о прошлом, и снова ее бесприютная и одинокая душа готова была метаться и мучительно стонать. Поэтому, когда Оннода-бабу предложил поехать в Бенарес, Хем-полли поспешила ответить:

— Это было бы очень хорошо, отец.

На следующий день, заметив какие-то приготовления, Джогендро спросил, в чем дело.

— Мы уезжаем на запад, — ответил Оннода-бабу.

— Куда именно?

— Сначала попутешествуем, а там поселимся, где понравится.

Сказать Джогендро прямо, что они собираются в Бенарес, он не решился.

— Жаль, что не могу поехать с вами, — заметил Джогендро. — Я подал прошение на место главного учителя и жду ответа.

ГЛАВА Сорок пятая

Ранним утром Ромеш возвратился из Аллахабада в Газипур. Путников на дороге попадалось мало. Придорожные деревья замерли, будто окочепев от зимнего холода в своем легком лиственном наряде. Над пригородами, как неподвижно сидящий лебедь, застыла белоснежная пелена непроницаемого тумана. Все время, пока Ромеш ехал по этой безлюдной дороге, плотно запахнувшись в теплое пальто, сердце его учащенно билось.

Остановив экипаж около бупгало, он соскочил на землю. Он думал, что Комола слышала шум подъехавшего экипажа и, наверно, уже вышла на веранду. В Аллахабаде Ромеш купил дорогое ожерелье, которое хотел сам надеть на шею Комоле, и сейчас достал футляр из кармана пальто.

Но, подойдя к дому, он увидел, что Бишон безмятежно спит на террасе, а двери дома заперты. Ромеш нахмурился и невольно остановился.

— Бишон! — позвал он довольно громко в надежде, что разбудит кое-кого и внутри дома. Ромеша задело, что ему приходилось ждать пробуждения так долго, ведь сам он почти всю ночь не мог уснуть.

Однако Бишон не проснулся.

Ромеш окликнул Бишона второй, затем третий раз, но, видя, что это бесполезно, растолкал его.

— Госпожа дома? — спросил Ромеш слугу, который, ничего не понимая, тупо смотрел на него.

Наконец Бишоп очнулся.

— Да, да, госпожа в доме, — сказал он, засыпая.

Ромеш толкнул дверь, вошел, обыскал все комнаты — никого!

— Комола! — громко позвал он. Никакого ответа. Он осмотрел весь сад, дошел до дерева пим, побывал в кухне, в комнатах слуг и в копюшце, но Комолы нигде не нашел.

Взошло солнце, загалдели вороны, показались жейтцины с кувшинами на голове; они группами шли за водой к каменному бассейну около бунгало. С противоположной стороны дороги доносилось разноголосое пение женщин, растиравших зерно во дворах своих хижин.

Ромеш вернулся в бунгало и увидел, что Бишоп по-прежнему спит глубоким сном. Тогда он принялся трясти его изо всех сил. Тут только он почувствовал, что от слуги пахнет пальмовым вшом.

От непрерывных яростных толчков Бишоп наконец кое-как пришел в себя и с трудом поднялся.

— Где госпожа? — повторил свой вопрос Ромеш.

— Госпожа в доме, — пробормотал Бишоп.

— Про какой дом ты говоришь?

— Про этот, она вчера сюда пришла.

— А потом куда-нибудь уходила?

Разинув рот, Бишоп ошеломленно смотрел на Ромеша.

В это время явился Умеш с покрасневшими глазами — в новом дхоти и в развевающемся чадоре. Ромеш обратился к нему:

— Где мать, Умеш?

— Она здесь со вчерашнего вечера, — последовал ответ.

— А ты где был?

— Вчера вечером мать отослала меня в дом Шидху-бабу, на праздник.

В это время извозчик напомнил Ромешу, что он еще не расплатился.

Тогда на этом же экипаже Ромеш тотчас отправился в дом дяди. Войдя, он заметил, что в доме страшный переполох. Ромеш подумал, не заболела ли Комола. Но затем узнал, что вчера вечером Уми неожиданно стала громко плакать, личико ее посинело, ручки и ножки похолодели, и это всех страшно перепугало. Дом был поднят на ноги, всю ночь никто не ложился спать.

Ромеш подумал, что из-за болезни Уми вчера вернулась сюда и Комола. Он обратился к Бипину:

— Комола, паверпо, очень тревожится о девочке?

Бипин точно не знал, приехала вчера Комола или нет. И на вопрос Ромеша неопределенно ответил:

— Да, она очень любит Уми и, конечно, расстроена. Но доктор утверждает, что опасаться печего.

Как бы то ни было, из-за всех этих препятствий радостное волнение и мечты покинули Ромеша. Ему казалось, что сам рок мешает их встрече.

В это время из бунгало пришел Умеш. Он имел доступ на женскую половину дома, так как сумел завоевать симпатии Шойлоджи.

Увидев мальчика и боясь, как бы он не разбудил Уми, Шойлоджа вышла с ним за дверь.

— Где мать, госпожа? — спросил он ее.

— Как где? Ты же вчера вместе с ней отправился в бунгало! — удивленно ответила Шойла. — Поздно вечером я собиралась послать к ней пашу Лочмонни, но из-за болезни малышки не смогла отпустить ее.

Улыбка сбежала с лица Умеша.

— Я не пашел ее в доме, — проговорил он.

— Что ты говоришь! — воскликнула с тревогой Шойла. — А где же ты был этой ночью?

— Мать не позволила мне остаться и сразу отослала меня к Шидху-бабу смотреть представление.

— Я вижу, ты очень послушен! А где был Бишон?

— Бишон ничего не может рассказать, он выпил вчера лишнего.

— Беги скорее за хозяином.

Едва Бипин вошел, как Шойлоджа кинулась к нему:

— Ты знаешь, какое несчастье случилось?

Бипин побледнел.

— Нет, а что такое? — изволнованно спросил он.

— Комола вчера вечером ушла к себе в бунгало, а сегодня ее не нашли там.

— А разве она не вернулась сюда вчера вечером?

— Конечно, нет! Я хотела за ней послать, когда Уми заболела, да некого было! Ромеш-бабу приехал?

— Да, не пайдя ее в бунгало, он решил, что она, паверное, здесь, и поэтому сейчас пришел к нам.

— Немедленно отправляйся на розыски вместе с ним! Уми спит, ей сейчас уже совсем хорошо.

В экипаже Ромеша молодые люди возвратились в бун-

гало и взялись за Бишопа. После долгих расспросов им удалось наконец выяснить следующее: вчера вечером Комола ушла одна к Ганге. Бишоп вызвался проводить ее, но она отказалась, дала ему рупию и велела идти домой. Он сел сторожить у садовой калитки, — тут перед ним оказался продавец пальмового вина с кувшином, наполненным свежим пепящимся напитком. Что происходило на свете после этого, Бишопу было уже не совсем ясно. Он мог указать лишь тропинку, по которой Комола ушла к Ганге.

Ромеш, Бипин и Умеш пошли по этой тропинке, бежавшей среди полей, еще покрытых утренней росой. Умеш, как хищный зверь, у которого похитили детеныша, бросал по сторонам тревожные и пристальные взгляды. Выйдя на берег Ганги, все трое сразу остановились. Здесь никого не было. Сверкала в лучах восходящего солнца серая галька. Никого!

— Мать, где ты, мать? — отчаянно крикнул Умеш, но лишь эхо откликнулось ему с далекого противоположного берега.

Продолжая поиски, Умеш вдруг заметил вдали на отмели что-то белое. Подбежав, он увидел у самой воды запернутую в платок связку ключей. С криком: «Что это у тебя?» — к нему бросился Ромеш и узнал ключи Комолы. Там, где они лежали, был небольшой илстый панос. На свежем иле остались глубокие следы маленьких ног. Они обрывались у самой реки. Зоркий глаз Умеша заметил какой-то предмет, сверкавший в неглубокой воде. Он тотчас достал его, и все увидели маленькую золотую брошь с эмалью — это был подарок Ромеша.

Все следы вели в Гангу. Умеш, не в силах сдержаться, с криком: «Мать, о мать!» — бросился в воду. В этом месте было мелко. Он как безумный барахтался, царапая дно руками, пока не замутил всю воду.

Ромеш стоял в оцепенении.

— Что ты делаешь, Умеш! Вылезай! — приказал Бипин.

Но Умеш, слова погружаясь с головой в воду, кричал:

— Я не уйду, не уйду отсюда! Мать, ты по могла по-кинуть меня!

Бипин перепугался. Но Умеш плавал, как рыба, и утопиться ему было очень трудно. Долго он барахтался в воде, наконец, обессиленный, упал на берегу и с громким плачем принялся кататься по песку.

— Пойдемте, Ромеш-бабу,— произнес Бибип, тронув за плечо неподвижно стоявшего Ромеша.— Здесь оставаться бесполезно. Надо сообщить в полицию.

В доме Шойлоджи в этот день не спали и не ложились спать. Плач раздавался по всему дому. Рыбаки обшарили сетью реку далеко вокруг. Полиция начала розыски. Со станции были получены достоверные сведения, что ни одна женщина-бенгалка, по описанию похожая на Комолу, вчера на поезд не садилась.

К вечеру приехал Чокроборти. Когда ему подробно рассказали о том, как вела себя Комола последние несколько дней, он решил, что сомнений быть не может: Комола утопилась.

— Поэтому и Уми вчера ночью ни с того ни с сего заплакала и вела себя так странно,— заметила Лочмония.— Надо было отогнать от ребенка злых духов.

В груди Ромеша все будто окаменело, у него даже не было слез.

«Комола пришла ко мне из Гапги и снова исчезла в ней, как чистый цветок, принесенный во время праздника Пуджи в дар богине»,— думал он.

Когда село солнце, Ромеш снова пришел на берег реки. Остановившись там, где лежала связка ключей, он долго глядел на следы ног на песке, а затем, сняв башмаки и подвернув дхоти, вошел в воду, вынул из футляра ожерелье и бросил его далеко на середину реки.

Никто в доме дяди и не заметил, когда Ромеш покинул Газипур.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Перед Ромешем разверзлась пустота. Ему казалось, что у него теперь не осталось ничего: ни дела, ни места, где бы он мог жить постоянно.

Нельзя сказать, чтобы он совершенно перестал думать о Хемполини, но он гнал мысли о ней. «Страшный удар, обрушившийся так внезапно, навсегда сделал меня недостойным этого мира,— думал он.— Пораженному молнией дереву нет места среди цветущих растений!»

Ромеш отправился путешествовать, нигде надолго не задерживаясь. Он плыл по реке, любуясь великолепием бенаресских гхатов; поднимался на Кутуб Минар в Дели, ходил смотреть при лунном свете на Тадж-Махал в Агре, посетил Золотой храм в Амритсаре, оттуда направился и

Раджпутану посмотреть храм, сооруженный на вершине горы Абу. Таким образом, ни душа его, ни тело не знали покоя.

Накопец, утомленный странствиями, ююша ощутил в душе острую тоску по дому. Ему не давали покоя воспоминания о прежней его спокойной жизни и сладостные мечты об устройстве своего собственного домашнего очага. И вот его скитания, в которых он старался забыть свое горе, закончились: с глубоким вздохом облегчения купил он билет до Калькутты и сел в поезд.

В Калькутте Ромеш не сразу решился заглянуть в знакомый переулок в Колутоле; неизвестно, что его ожидало там! А вдруг произошли какие-нибудь серьезные перемены. Однажды Ромеш уже дошел до угла переулочка, но повернул назад. На следующий день вечером, собравшись наконец с духом, Ромеш приблизился к знакомому дому, но все окна нашел закрытыми — ничто не указывало на присутствие в доме хозяев. Надеясь, что Шукхон, во всяком случае, стережет дом, Ромеш окликнул слугу и постучал в дверь — никто не ответил.

Сосед Чондромохон сидел у своего дома, покуривая трубку. Увидев Ромеша, он воскликнул:

— Кого я вижу? Неужели Ромеш? Ну, как поживаете? В доме у Опподы-бабу сейчас никого нет.

— Не знаете ли вы, куда они уехали?

— Точно не могу сказать, знаю только, что отправились на запад.

— Кто же именно поехал?

— Оппода-бабу с дочерью.

— Вы хорошо знаете, что с ними больше никого не было?

— Разумеется! Я видел их, как раз когда они уезжали. Тогда Ромеш не удержался, чтобы сказать:

— Мне говорил один знакомый, что с ними поехал господин по имени Нолин-бабу.

— Вы получили неверные сведения. Нолин-бабу, правда, жил некоторое время на вашей квартире, но за два или три дня до отъезда Опподы-бабу отправился в Бенарес.

Тогда Ромеш стал выспрашивать Чондромохона о Нолине-бабу. Полное его имя Нолинакхо Чоттопаддхай. Рассказывали, что он раньше практиковал в Рангпуре, а теперь живет с матерью в Бенаресе. После недолгого молчания Ромеш спросил, не знает ли Чондромохон, где теперь Джогеш.

Чондромахон сообщил, что Джогендро получил место старшего учителя в Маймексинге, в школе, основанной одним землевладельцем, и уехал в Бишайпур.

— Давно вас что-то не было видно, Ромеш-бабу, — в свою очередь, приступил к расспросам Чондромахон, — где вы пропадали все это время?

Ромешу больше незачем было скрываться, и он ответил, что практиковал в Газипуре.

— И теперь снова туда собираетесь?

— Нет. Я жил там недолго. А теперь еще не решил, куда поеду.

Вскоре после ухода Ромеша к дому подошел Окхой. Уезжая, Джогендро просил его проверять, сторожат ли дом. Окхой же, как известно, никогда не пренебрегал порученными ему обязанностями, поэтому время от времени заглядывал сюда, чтобы убедиться, на месте ли один из двух сторожей, оставленных Ояной-бабу.

— Только что здесь был Ромеш-бабу, — сообщил Окхой Чондромахон.

— Что вы говорите! Зачем же он приходил?

— Не знаю, он все расспрашивал меня об Опподе-бабу. У него такой измученный вид, что сразу и не скажешь, кто это. Я бы так и не узнал его, если бы он не окликнул слугу.

— А где он сейчас живет, вы спрашивали?

— Все это время он жил в Газипуре, а теперь уехал оттуда и еще не решил, где поселиться.

Окхой ограничился неопределенным восклицанием и занялся своими делами.

«Какую ужасную шутку может сыграть судьба! — подумал Ромеш, возвращаясь к себе домой. — Встреча моя с Комолой и Хемволипи с Ноллиакхо — все это похоже на роман, притом весьма скверно написанный. Придумать столь запутанный сюжет под силу лишь такому бесстрашному романисту, как судьба. В жизни случаются самые удивительные вещи, которые робкий писатель не посмеет представить даже в виде фантастического романа».

Ромеш надеялся, что теперь он навсегда освободился из сетей неразрешимых загадок, опутавших его жизнь, и судьба в последней главе этого сложного романа не отнесется к нему жестоко.

Джогендро занимал в Бишайпуре небольшой одноэтажный домик неподалеку от резиденции местного заминдара. Однажды воскресным утром он читал газету, когда

какой-то человек вручил ему письмо. Увидев надпись на конверте, Джогендро остолбенел от изумления. Он раскрыл письмо — действительно, это писал Ромеш. Он ждет его в бакалейной лавке в Бишайпуре и хочет поговорить с ним о важном деле.

Джогендро тотчас вскочил с кресла. Правда, он был вынужден однажды выругать Ромеша, но все же это друг его детства и они так давно не виделись! Как может он прогнать Ромеша? Кроме того, к радости видеть друга примешивалась и немалая доля любопытства. А главное, Хемполини уехала и присутствие Ромеша не вызывало больше опасений.

Вместе с посыльным Джогендро отправился разыскивать Ромеша. Он нашел его спящим на пустом бидоне из-под керосина. Лавочник предложил было ему покурить трубку, которую он держал специально для брахманов, но, услышав, что господин в очках не курит, отнес его к ряду городских диковинок. После этого с обеих сторон никаких попыток продолжать знакомство не было.

Джогендро стремительно ворвался в лавку и, схватив Ромеша за руки, заставил подняться.

— Ты невыносим! — заговорил он. — Ну что с тобой поделаешь! Все такой же нерешительный. Надо было сразу прийти ко мне, так нет, застрял на полпути к дому в бакалейной лавке, среди ароматов патоки и жареного риса!

Ошеломленный Ромеш смущенно улыбался. По дороге Джогендро болтал без умолку.

— Пути господни неисповедимы! — говорил он. — Неужели всевышний создал меня деятельным горожанином только затем, чтобы теперь похоронить до конца дней моих в этой глухой деревушке?

— Почему, это неплохое место, — проговорил Ромеш, оглядываясь по сторонам.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Здесь так мало людей...

— Вот поэтому-то я испытываю неодолимое желание сделать его более пустынным, избавив еще от одного человека, то есть от себя самого.

— Ну, во всяком случае, если говорить о душевном покое...

— Не говори мне, пожалуйста, об этом! Некоторое время я тут прямо задыхался от «душевного покоя» и стараюсь, насколько могу, не упускать случая нарушить его. Вот теперь начались потасовки с секретарем заминдара.

Да и господина заминдара я так хорошо познакомил со своим характером, что, думаю, теперь он поостережется задевать меня. Он хотел, чтобы я восхвалял его в английских газетах, но я довольно ясно объяснил ему, что имею свое собственное мнение. И не моя заслуга, что меня все еще терпят здесь. Я пришелся по праву здешнему судье — из страха перед ним заминдар и не увольняет меня. В тот день, как я прочту в газете о том, что судья перевелся в другое место, будет ясно, что солнце моего учительства на бишайпурском горизонте закатилось. А пока у меня единственный собеседник — собака Папч. Все остальные относятся ко мне не очень благосклонно.

Как только они пришли на квартиру Джогендро, Ромеш опустился в кресло.

— Нет, нет, погоди, — проговорил Джогендро. — Я знаю, что у тебя есть скверная привычка совершать омовения по утрам. Пойди выкупайся. А тем временем я вскипачу чайник. Под предлогом гостеприимства я, таким образом, попью чай вторично.

Так, за едой, разговорами и отдыхом, прошел весь день. И в течение всего дня Джогендро не давал Ромешу упомянуть о том важном деле, ради которого он приехал сюда. В сумерки, после ужина, они придвинули свои кресла поближе к столу, освещенному керосиновой лампой. Где-то рядом выли шакалы, почь за окном наполнилась стрекотом цикад. Наконец Ромеш заговорил:

— Знаешь, Джоген, зачем я приехал? Я хочу рассказать тебе кое о чем. Однажды ты задал мне вопрос, но тогда еще рано было отвечать на него, теперь же к этому больше нет препятствий.

Сказав это, Ромеш несколько минут сидел молча. Затем постепенно изложил всю историю с начала до конца. Временами его голос дрожал и прерывался, иногда Ромеш совсем умолкал. Джогендро слушал, не произнося ни слова. Когда Ромеш закончил, Джогендро тяжело вздохнул.

— Если бы ты тогда рассказал мне все, я не поверил бы, — наконец сказал он.

— И сейчас у меня есть только те доказательства, которые были тогда. Поэтому, прошу тебя, посем со мной в ту деревню, где я женился, а потом к дяде Комолы.

— Не сделаю ни шагу. Я и так верю каждому твоему слову. Издавна я привык тебе верить во всем и прошу прощения за тот единственный случай моей жизни, когда отступил от этого правила.

С этими словами Джоен встал и подошел к Ромешу. Ромеш тоже поднялся, и друзья детства обнялись.

Взяв себя в руки, Ромеш проговорил:

— Судьба опутала меня такими крепкими сетями обмана, что мне пришлось смириться — я не видел иного выхода. Теперь я вырвался из этих сетей; мне ни от кого не надо скрываться, и я наконец вздохнул свободно. До сих пор мне непонятно, что заставило Комолу покончить с собой, и никогда не смогу я этого узнать, — одно только несомненно, что если бы смерть не разрубила узел, в который сплелись наши жизни, то в конце концов оба мы оказались бы в ужасном положении. Я содрогаюсь, когда думаю об этом. Комола, словно мучительная загадка, появилась из пасти смерти и так же внезапно исчезла в ней.

— Я бы на твоём месте не был так твердо убежден в том, что Комола действительно погибла, — заметил Джоен. — Но как бы то ни было, во всей этой истории ты совершенно невиновен. А теперь я хочу рассказать тебе о нашем новом друге.

И тут Джоен обрушился на Ноллпакхо.

— Я не совсем понимаю таких людей, — начал он, — а чего не понимаю, того и не люблю. Однако знаю, что многие придерживаются другого мнения: их притягивает как раз то, чего они не понимают. Поэтому я так боюсь за Хем! Когда я заметил, что она перестала пить чай, есть мясо и рыбу, а на насмешки вместо слез отвечает ласковой улыбкой, то понял, что дело плохо! Но все же я уверен, что с твоей помощью мы живо спасем ее от этого пагубного влияния. Поэтому будь готов — вдвоем мы вступим в бой с аскетом.

Ромеш рассмеялся:

— Хорошо. Хотя за мной и нет славы доблестного воина, я готов.

— Отлично, только подожди до моих рождественских каникул.

— Но ждать еще долго. Почему бы мне пока не попытаться одному?

— Нет, нет, этому не бывать. Я помешал вашей свадьбе, я своими же руками все и исправлю. Не допущу, чтобы ты поехал рапьше и лишил меня этой приятной обязанности. Ведь до каникул осталось всего десять дней!

— Но за это время я бы уже...

— Нет, и слышать не хочу об этом. Эти десять дней ты пробудешь у меня. Со всеми, с кем мог, я уже здесь пе-

рессорился, и теперь, чтобы стать более покладистым, мне необходим друг. Как видишь, при создавшемся положении мне приходилось слушать лишь вой шакалов, и я дошел до такого печального состояния, что даже твой голос кажется мне слаще звуков пины.

ГЛАВА Сорок седьмая

Сведения о Ромеше, полученные от Чондромохона, заставили Окхоя призадуматься.

«В чем же дело? — думал он. — Оказывается, Ромеш имел практику в Газипуре и до сих пор тщательно скрывал это. Что же заставило его уехать оттуда и как решился он так смело появиться в переулке Колутолы? В один прекрасный день Ромешу станет известно, что семья Опподы-бабу паходится в Бенаресе, и он, несомненно, отправится туда».

Пока этого не случилось, Окхой решил поехать в Газипур навести справки о Ромеше, а затем посетить Опподу-бабу в Бенаресе.

И вот в один из дней месяца огрохайон, пополудни, Окхой с саквояжем в руках появился в Газипуре. Прежде всего он отправился на рынок и там стал расспрашивать всех, где живет адвокат-бенгалец по имени Ромеш-бабу. Выяснилось, что никто не знает такого. Тогда Окхой направился в суд, но суд в тот день оказался закрытым. Заметив, что какой-то человек, по типу бенгалец, садится в экипаж, Окхой поспешил к нему.

— Господин, где здесь проживает Ромешчодро Чоудхури, новый адвокат-бенгалец, он недавно приехал в Газипур? — спросил молодой человек.

От незнакомца Окхой узнал, что до недавнего времени Ромеш жил в доме дяди Чокроборти. Там ли он сейчас или уехал куда-нибудь — сказать трудно. Жена его исчезла. Предполагают, что она утонула.

Окхой поспешил в дом дяди. Он был очень доволен.

«И на этот раз я разгадал хитрость Ромеша, — думал Окхой. — Жена его умерла. И теперь он, не чувствуя никаких угрызений совести, попытается доказать Хемполини, что жена он никогда не был. И можно не сомневаться, что Хемполини в теперешнем состоянии духа поверит любым словам Ромеша». Окхою было очень приятно сознавать, что всякий, кто старается выдать себя за ревню-

стного поборника нравственности и добродетели, па деле оказывается очень опасным человеком. Эта мысль преисполнила его уважением к себе.

В доме дяди Окхой стал расспрашивать о Ромеше и Комоле. Дядя не смог сдержать слез.

— Как близкий друг Ромеша, — заговорил оп, — вы, конечно, хорошо знали мою Комолу. Уверяю вас, что через несколько дней после нашего знакомства для меня не существовало разницы между ней и моей дочерью. Мог ли я знать, что она, наша Лакшми, покинет меня, припесет столько горя тому, кто горячо полюбил ее за такой короткий срок!

— Я не могу понять, как это случилось, — сказал Окхой, всем своим видом выражая печаль и сочувствие. — Видно, Ромеш плохо обращался с ней.

— Не сердитесь на меня, — ответил дядя, — но я до сих пор не могу понять вашего Ромеша. Внешне он производит очень приятное впечатление, но невозможно угадать, что у него на уме. Трудно поверить, чтобы он не любил такую жену, как Комола! Ведь Комола — это сама Лакшми! Она любила мою дочь, как родную сестру, по ни разу не пожаловалась ей на мужа. Иногда дочь догадывалась, как тяжело у нее на душе, но до последнего дня не могла добиться от Комолы и слова признания. Сколько невыносимых страданий должна была перенести эта безропотная молодая женщина, чтобы отважиться на такой поступок. У меня сердце разрывается, когда я думаю обо всем. К несчастью, тогда я уехал в Аллахабад. Будь я здесь, Комола не решилась бы покинуть меня.

На следующий день утром Окхой вместе с дядей побывал в доме Ромеша и на берегу Ганги. Когда они вернулись, Окхой обратился к старику:

— Выслушайте меня, господин. Я не могу поверить, что Комола утопилась.

— Что же вы подозреваете? — спросил дядя.

— Мне кажется, она просто убежала из дому. Следует серьезно заняться ее поисками.

— Вы правы! — вскричал дядя, внезапно загоревшись этой идеей. — Это весьма возможно!

— Недалеко отсюда в Бенаресе живут наши хорошие друзья. Может быть, Комола нашла там приют.

— Ромеш-бабу никогда не рассказывал о них, — воскликнул дядя, вповь обретя надежду. — Знай я об этом, разве я не принялся бы за поиски?

— Тогда сейчас же едем в Бенарес, — предложил Окхой. — Вы должны хорошо знать запад, и вам легко будет разыскать Комолу.

Дядя с восторгом принял предложение Окхой. А тот, прекрасно понимая, что Хемполипи не поверит ему одному, в качестве авторитетного свидетеля повез с собой в Бенарес Чокроборти.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Оннода-бабу с дочерью поселились в окрестностях Бенареса, в одном из уединенных мест.

Сразу же по приезде они узнали, что мать Нолипакхо — Кхемонкори заболела воспалением легких. Несмотря на кашель и лихорадочное состояние, она даже в холод не прекращала своих обычных утренних омовений в Ганге, и теперь ей стало совсем худо.

Благодаря неустанным заботам Хем в течение нескольких дней кризис миновал. Но Кхемонкори была еще чрезвычайно слаба. Ревностно оберегая свою кастовую чистоту, она не могла позволить себе принимать пищу из рук Хемнолипи. До болезни Кхемонкори делала все сама, теперь же Нолипакхо приходилось собственноручно готовить матери пищу, кормить ее и подавать лекарство.

— Лучше бы мне умереть! — всегда печально говорила она при этом. — Зачем всевышний сохраняет мне жизнь, когда я доставляю вам столько хлопот!

Кхемонкори, хоть и вела аскетический образ жизни, очень любила уют. Узнав об этом от Нолипакхо, Хемнолипи тщательно следила за порядком и чистотой в доме. И всегда, собираясь навестить Кхемонкори, она старательно наряжалась. Каждый день Оннода-бабу рвал цветы в саду, и Хемнолипи, сделав красивый букет, ставила его у постели больной.

Нолипакхо не раз пытался уговорить мать пользоваться услугами служанок, но та ни за что не соглашалась. Конечно, тяжелая работа по дому выполнялась прислугой, но Кхемонкори не могла допустить, чтобы папайные люди прислуживали ей лично.

С тех пор как умерла няня — мать Хори, воспитавшая ее, Кхемонкори даже во время тяжелой болезни не позволяла служанке обмахивать ее опахалом и растирать ей тело.

Она очень любила хорошеньких детей и красивые лица. Возвращаясь с утреннего омовения в Ганге, на Дашаш-

вამედх-гхате, Кхемонкори по дороге украшала цветами каждое изображение Шивы, окропляя его речной водой. Время от времени она приводила с собой в дом приглянувшегося ей по дороге красивого мальчугана — уроженца Центральной Индии, или миловидную девочку-брахманку. Она покорила сердца многих соседских детей, одаривая их игрушками, мелкими монетами и сладостями, и получала огромное удовольствие, когда дети приходили к ней поиграть и устраивали в доме веселую суматоху. У Кхемонкори была еще одна слабость: при виде любой красивой безделушки она не могла удержаться, чтобы не купить ее. Но приобретала их она не для себя. Ничто не доставляло ей такой большой радости, как сделать подарок тому, кто, она знала, сумеет оценить его.

Ее дальние родственники и знакомые часто удивлялись, получив по почте неизвестно от кого красивую вещь. В своем большом сундуке черного дерева Кхемонкори хранила много разных бесполезных, но красивых и изящных безделушек и шелковых одежд. В душе Кхемонкори давно уже решила, что, когда в доме у Нолиаххо появится жена, все это будет принадлежать ей. Будущую невестку Кхемонкори представляла себе очень красивой и совсем юной девушкой, которая своим появлением озарит счастьем их дом. А старая свекровь будет заботиться о ее нарядах и украшениях. В таких сладостных мечтах Кхемонкори коротала свой досуг.

Целый день Кхемонкори проводила в молитвах, совершала омовения и другие религиозные обряды. Ела она раз в день: немного молока, плодов и сладостей. Но то, что выпить строго выполнял все обряды, Кхемонкори не одобряла.

— Зачем мужчине мучить себя напрасно? — нередко говорила она.

Мужчины казались ей большими детьми. Она спокойно прощала им невоздержанность в еде и легкомыслие в поведении.

— Воздержанность мужчинам совершенно ни к чему! — спиходительно утверждала она.

Конечно, все должны соблюдать предписания религии, но Кхемонкори твердо верила, что строгие правила поведения не для мужчин. Ей доставило бы радость, проявив Нолиаххо хоть в малой степени свойственные другим мужчинам легкомыслие и эгоизм, лишь бы он не беспокоил старую мать в ее молельне и избегал бы тревожить ее, когда она занята совершением религиозных обрядов.

Оправившись от болезни, Кхемонкорн поняла, что не только Хемполини стала верной последовательницей Ноллиакхо, но и престарелый Оппода-бабу внимает словам ее сына, как словам мудрого наставника, с глубоким почтением и любовью. Это очень забавляло старую жепципу.

Однажды, позвав к себе Хемполини, она, смеясь, сказала ей:

— Дочь моя, мне кажется, что ты и твой отец напрасно поощряете Ноллиакхо. Зачем вы слушаете его безумные речи? Девушке в твоём возрасте следует думать о нарядах, больше смеяться, весело проводить время, а не задумываться о служении всевышнему. Ты можешь спросить, почему я так не живу. На это есть свои причины. Мои родители отличались крайней религиозностью. С детства я, мои братья и сестры воспитывались в строгом благочестии. И если бы теперь мы отказались от всего, к чему привыкли, не знаю, в чём бы ещё мы нашли утешение. Ты же — дело другое. Я хорошо знаю, как воспитывали тебя. Какой смысл насиловать себя, дочь моя? Я считаю, что каждый должен жить согласно своим склонностям и воспитанию. Нет, нет... это все ерунда, брось!.. Неужели вы опять едите только вегетарианское? К чему такое самонистязание? Да и давно ли Ноллиакхо стал таким большим гуру! Что он во всем этом понимает? До недавнего времени он занимался тем, что его интересовало, и слышать не мог о шастрах. Все это он начал делать, чтобы доставить мне удовольствие. Но боюсь, как бы в конце концов он и вправду не стал пасторским саньясп. «Не изменяй тому, чему веришь с детства, — постоянно твержу я ему. — В этом нет ничего дурного, и мне не будет обидно». А Нолли только смеется в ответ. Такой уж у него характер: выслушает все молча и, даже если бранишь его, не ответит.

Этот разговор происходил вечером, когда почтенная женщина причёсывала Хемполини. Кхемонкорн не нравилось, что девушка стягивает волосы в скромный узел на затылке.

— Ты, наверно, думаешь, что я старомодна и ничего не понимаю в современной моде, — говорила она. — Но я знаю столько разных причёсок, дитя, сколько и тебе неизвестно. Когда-то я была знакома с одной очень милой англичанкой: она приходила учить меня шитью. От нее-то я и научилась разным причёскам. Но каждый раз после ее ухода мне приходилось совершать омовения и переодеваться. Что делать, родная, так повелевает вера. Хорошо

это или плохо, я не знаю, но поступать иначе не могу. Не обижайся на меня за это. В моем сердце нет презрения. Это только привычка. Я очень страдала оттого, что семья моего мужа не придерживалась правоверного индуизма, но никогда не жаловалась. Я только говорила им: «Я — невежественная женщина, — но никогда не отрекись от своей веры».

Здесь Кхемонкори краем своего сари украдкой вытерла навернувшиеся на глаза слезы.

Кхемонкори нравилось распускать длинные волосы Хемполини и каждый раз по-новому причесывать ее. Иногда она вынимала из своего заветного сундука столь любимые ею яркие одежды и наряжала Хемполини. Ей доставляло огромное удовольствие одевать девушку по своему вкусу. Почти каждый день Хемполини приносила с собой вышиванье, и Кхемонкори учила ее вышивать разными способами. Так вдвоем они проводили все вечера.

Кхемонкори очень любила читать, и Хемполини приносила ей свои книги и журналы. Кхемонкори изумляла свою собеседницу оригинальными замечаниями о прочитанных книгах и статьях.

До сих пор Хем считала, что такой широкий кругозор может быть лишь у человека, изучившего английский язык. Вскоре благодаря трезвым рассуждениям и благочестивому образу жизни мать Нолипакхо стала казаться девушке замечательной женщиной.

Но все обернулось не так, как предполагала Хем, а совершенно неожиданным для нее образом.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Вскоре Кхемонкори снова заболела, но на этот раз ненадолго.

Утром Нолипакхо вошел к матери в комнату, низко склонился перед ней и, прикоснувшись к ее ногам, сказал:

— Некоторое время, ма, тебе придется соблюдать постельный режим: организм у тебя ослаб, и ты не можешь подвергать себя всевозможным лишениям, как это бывало прежде.

— Я буду соблюдать режим, а ты превратишься в отшельника! — возмущенно воскликнула старая женщина. — Ноли, так долго продолжаться не может. Я требую, чтобы ты женился.

Нолиаххо молчал.

— Подумай, мой мальчик,— продолжала Кхемонкори,— я долго не проживу. Но я умру спокойно, если увижу тебя женатым. Когда-то я мечтала, чтобы ты ввел в мой дом прелестную девочку. Я бы сама занялась ее воспитанием и образованием, ее нарядами и была бы очень счастлива. Но во время болезни всевышний ниспослал мне просветление. Долго я не проживу, и тебе пришлось бы несладко одному с женой-девочкой на руках. Лучше выбери себе невесту своего возраста. Много ночей я не спала и все думала, думала. Женить тебя — мой последний долг, и живу я лишь для того, чтобы его выполнить, иначе я не обрету покоя.

— Но где я пайду такую девушку? — спросил Нолиаххо.

— Ну, об этом тебе не нужно беспокоиться,— заверила Кхемонкори.— Я сама все устрою и сообщу тебе.

До сих пор Кхемонкори ни разу не вышла к Оппода-бабу. Но сегодня, когда Оппода-бабу во время своей обычной вечерней прогулки зашел в дом Нолиаххо, она приказала позвать его к себе.

— Ваша дочь—превосходная девушка,—начала она.— И я очень люблю ее. Вы хорошо знаете моего сына. Никто ни в чем не может упрекнуть его, он известный врач. Лучшего мужа для вашей дочери не найти.

— Что и говорить! — взволнованно воскликнул Оппода-бабу.— Я и не смел мечтать о таком женихе для моей Хем. Да, я буду счастлив безмерно, если их свадьба состоится! Но ваш сын...

— Нолиаххо не будет противиться,—прервала его Кхемонкори.— Он не похож на пышную молодежь и во всем слушается меня. Да и вряд ли придется настаивать. Возможно ли не любить такую девушку, как ваша дочь? Надо поскорее сыграть свадьбу. Не думаю, что мне осталось много жить.

В этот вечер Оппода-бабу вернулся домой радостным и тотчас позвал Хемнолини.

— Дочь моя,—начал он,— я достиг того возраста, когда здоровье с каждым днем слабеет. Но я не смогу найти покоя, пока ты не будешь устроена. Хем, тебе не пужно стыдиться меня. У тебя нет матери, и вся забота о твоём счастье лежит на мне.

Встревоженная Хемнолини взглянула в лицо отца.

— Дочь моя, я не могу скрыть своей радости по пово-

ду предстоящего тебе замужества. Боюсь лишь одного — как бы что-нибудь не помешало твоей свадьбе. Сегодня мать Ноллиакхо предложила мне выдать тебя замуж за ее сына.

Хемнолини вспыхнула.

— Что ты говоришь, отец! — смущенно возразила она. — Нет, нет! Это невозможно!

Хемнолини никогда и в голову не приходило, что она может выйти замуж за Ноллиакхо. И слова отца вызвали в ней смятение и стыд.

— Почему? — искренне удивился Онпода-бабу.

— Ноллиакхо-бабу! — ответила Хемнолини. — Невозможно!

Ответ Хемнолини звучал не очень убедительно, но в нем слышался решительный протест.

Не в силах скрыть свои чувства, Хемнолини вышла на веранду.

Онпода-бабу очень расстроился. Он не ожидал встретить такого противодействия со стороны дочери. Напротив, он надеялся, что это предложение ее обрадует.

Огорченный старик печально смотрел на лампу, размышляя о загадочности женской натуры. Сейчас он особенно остро почувствовал, что у Хемнолини нет матери.

Долгое время Хем оставалась в темноте веранды. Потом взглянула на расстроенное лицо отца, и ей стало стыдно. Девушка быстро вошла в комнату, встала позади кресла Онподы-бабу и, нежно глядя его по голове, проговорила:

— Пойдем, отец. Ужин давно готов и, наверное, уже остыл.

Онпода-бабу машинально поднялся и прошел в столовую, но есть он не мог. Он так надеялся, что все горести теперь останутся позади. Но удар, нанесенный отказом дочери, окончательно сломил его.

«Видно, Хем до сих пор не может забыть Ромеша», — подумал старик и печально вздохнул.

Обычно после ужина Онпода-бабу шел спать, но сегодня он уселся в кресло на веранде и, глядя на тихую улицу, проходящую перед домом и садом, глубоко задумался.

— Отец, стало прохладно, иди спать, — ласково напомнила Хемнолини.

— Ложись, дорогая. А я еще посижу немного, — ответил Онпода-бабу.

Хемнолини продолжала молча стоять рядом с ним. Потом, после небольшой паузы, снова заговорила:

— Отец, ты простудился. Пройди хотя бы в гостиную.

Однода-бабу встал и, не говоря ни слова, ушел в спальню.

Во имя долга Хемнолини не позволяла себе терзаться и старалась изгнать из своего сердца все воспоминания о Ромеше. Правда, для этого ей пришлось выдержать упорную, длительную борьбу с собой. Но небольшого толчка извне оказалось достаточно, чтобы старая рапа вновь заняла. До сих пор Хемнолини не могла себе ясно представить, какой будет в дальнейшем ее жизнь. И вот в поисках твердой опоры она в конце концов припала Нолипакхо своим духовным наставником, была готова стать ревностной последовательницей его учения. Когда же ей предложили вступить в брак с ним и она захотела вырвать старую любовь из сокровенного тайника своего сердца, она поняла, как крепки оковы этой любви. Стогло кому-либо попытаться разорвать их, как сердце Хемнолини начинало беспокойно трепетать и она еще судорожнее цеплялась за них.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Однажды Кхемонкори позвала сына к себе.

— Я нашла тебе невесту и обо всем договорилась, — сообщила она.

— Так уж и договорилась? — улыбнулся молодой человек.

— А почему бы и нет? — возмутилась Кхемонкори. — Много ли мне осталось жить! Выслушай меня. Я очень привязалась к Хемнолини. Сейчас редко встретишь такую девушку. Правда, что касается цвета ее кожи, то...

— Пощади, ма! — прервал ее Нолипакхо. — Я и не думаю о цвете кожи. Но как я женюсь на ней? Возможно ли это?

— Чепуха! Я не вижу никаких препятствий.

Нолипакхо было трудно убедить мать. Он хотел объяснить ей, что Хемнолини в течение долгого времени смотрела на него только как на своего духовного наставника, и так неожиданно предложить ей выйти замуж за него казалось ему унижительным. Но он промолчал. А Кхемонкори продолжала:

— На этот раз я не буду слушать твоих возражений. Я не потерплю, чтобы ты в твои годы из-за меня отказался

от радостей жизни и стал аскетом. Как только наступит благоприятный день, я все устрою, и помни, я сдержу свое слово.

Спустя некоторое время Ноливакхо сказал:

— Ма, мне нужно признаться тебе кое в чем. Но прошу тебя, не волнуйся раньше времени. Прошло почти десять месяцев с тех пор, как это произошло. Но я знаю тебя, ма. Даже тогда, когда опасность давно миновала, тебя не покидает чувство страха. Поэтому я так долго не решался рассказать тебе обо всем. Совершай какие угодно обряды, чтобы устранить неблагоприятное сочетание светил для меня, но только не терзай напрасно своего сердца.

Кхемонкори была глубоко взволнованна.

— Я не знаю, что ты расскажешь, мой мальчик. Но после такого предисловия не могу не беспокоиться. Сколько прожила на свете, а до сих пор не научилась владеть собой. Как мне хотелось держаться подальше от мирских забот, но несчастье не нужно искать, оно само свалится на голову. Хорошее ли ты мне собираешься сказать, плохое ли — все равно говорю. Я слушаю тебя.

— Был конец магха, — начал свой рассказ Ноливакхо, — я распродал все свое имущество в Раигпуре, сдал дом с садом внаем и возвращался в Калькутту. Когда я доехал до Сапры, мне пришла в голову фантазия остальную часть пути проплыть по Ганге. Я напаял большую лодку и отправился в путь.

Через два дня мы пристали к песчаному берегу, и я стал купаться. Вдруг смотрю, идет по берегу наш Бхупен с ружьем в руках. Увидев меня, он подпрыгнул от радости и закричал: «На ловца и зверь бежит!» Оказалось, он работает в тех местах помощником судьи, а сейчас, захватив с собой палатку, путешествует по своему округу. Мы давно не виделись с ним, и он ни за что не хотел отпускать меня, поэтому дальше мы отправились вместе.

Однажды мы заночевали в деревне Дхобапукур. Это было большое селение. Вечером мы пошли погулять. На краю поля стоял крытый тростником дом, окруженный забором. Мы зашли туда. Хозяин вынес во двор два плетеных стула и предложил нам сесть. В это время на веранде шли занятия. Учитель сидел на стуле, положив ноги на один из столиков веранды, дети расположились на полу с грифельными досками в руках и громко повторяли урок.

Звали хозяина Тариши Чатудже. Он подробно расспросил Бхупена обо мне.

Когда мы возвращались, Бхупен заметил:

— Везет же людям. Наверняка тебе будет сватать невесту.

— Откуда ты взял? — удивился я.

— Этот Тариини Чатудже — ростовщик, второго такого подлеца на свете не сыщешь. Как только появляется новый судья, Тариини тотчас начинает хвастать своей добротой и благородством. Вот почему он разрешил устроить школу в своем доме. За это учителю, которого Тариини кормит, приходится просиживать до десяти часов вечера и подсчитывать для него проценты.

А ведь жалование учитель получает от государства и из школьного фонда. Одна из сестер Чатудже потеряла мужа. Не найдя нигде приюта, несчастная пришла к брату. Она была беременна. Во время родов она умерла, так как не получила необходимой медицинской помощи. Осталась дочь. Другая сестра Чатудже, тоже вдова, выполняла всю работу по хозяйству, благодаря чему тот мог сократить расходы на прислугу. Она-то и заменила девочке мать.

Девочка была еще очень мала, когда умерла ее тетка. Но Тариини и его жена заставляли племянницу выполнять самую тяжелую работу, да еще каждый день бранили и попрекали ее. Теперь надо выдать ее замуж. Но кто женится на сироте? К тому же здесь никто не знает ее родителей. Девочка появилась на свет после смерти отца, и сельские сплетницы до сих пор судачат об этом. Все знают, что Тариини Чатудже очень богат, и нарочно порочат девочку, чтобы выжать из ее дяди приданое побольше. Четыре года подряд ее выдают за десятилетнюю. Следовательно, сейчас ей по крайней мере четырнадцать лет. Зовут ее Комола, она настоящая Лакшми. Я не встречал более красивой девушки. Стоит в деревне появиться какому-нибудь молодому брахману издалека, как Тариини пытается женить его на Комоле. Но если юноша согласится, сельские жители непременно отговорят его. Теперь твоя очередь.

Знаешь, ма, мне было тогда все равно, и я, не раздумывая, сказал, что женюсь на этой девушке. К тому же я давно решил жениться на молодой девушке, исповедующей правоверный индуизм, чтобы сделать тебе приятное. Я понимал, что, если введу в наш дом взрослую девушку из «Брахма-Самаджа», это не принесет никому из нас счастья. Бхупен был несказанно удивлен.

— Что ты говоришь! — воскликнул он.

Но я ответил:

— Не уговаривай. Это решено.

— Ты серьезно?

— Совершенно! — ответил я.

В тот же вечер Тарини Чатудже навестил пас. Перебирая в руках свой брахманский шнур, он сказал:

— Вы должны помочь мне. Посмотрите на девушку. Не понравится, тогда дело другое. Только не слушайте моих завистников.

— Мне не нужно смотреть на нее, — ответил я. — Назначьте день свадьбы.

— Послезавтра благоприятный день. Вот и устроим свадьбу, — сказал Тарини.

За его поспешностью таилось желание как можно меньше потратиться на свадьбу. Итак, свадьба состоялась.

— Свадьба состоялась! — в смятиении повторила Кхемонкори. — Что ты говоришь, Нолип!

— Да, состоялась. С женой мы сели в лодку и после полудня отправились в путь. К вечеру неожиданно налетел горячий смерч, чего никогда не бывает в месяце фальгун. Вмиг нашу лодку перевернуло, как перышко.

— О боже! — простонала Кхемонкори, похолодев от ужаса.

— Спустя некоторое время, — продолжал свой рассказ Нолипакхо, — я пришел в себя и увидел, что барахтаюсь в воде. Вблизи не было ни лодки, ни моих спутников. Выбравшись на берег, я заявил в полицию. Искали долго, но безуспешно.

— Что было, то прошло, — с трудом вымолвила побледневшая Кхемонкори. — Больше никогда не напоминай мне об этом. Как подумаю, сердце мое разрывается на части.

— Я никогда ничего не рассказывал бы тебе, — ответил Нолипакхо, — если бы ты не настаивала на свадьбе.

— Неужели после этого несчастья ты никогда не женишься?

— Нет, не из-за этого. Но вдруг девушка спаслась?

— В уме ли ты? Если бы она спаслась, то дала бы знать о себе.

— Но ей ничего обо мне не известно. Для нее нет более незнакомого человека, чем я. Мне кажется, что и лица моего она не рассмотрела как следует. Приехав в Бенарес, я послал свой адрес Тарини Чатудже. Он сообщил мне, что у него нет никаких сведений о Комоле.

— Ну и что же?

— Тогда я решил, — продолжал Нолиаkho, — что лишь по прошествии года смогу считать ее погибшей.

— Ты всегда все преувеличиваешь! — воскликнула Кхемонкорн. — Зачем ждать целый год?

— Год скоро кончится, ма, — ответил Нолиаkho. — Сейчас огрохайон, поуш считается неблагоприятным месяцем для заключения браков, а затем еще два месяца — мах и фальгун... и все.

— Ну хорошо, — согласилась Кхемонкорн. — Но ты будешь все это время считаться помолвленным. Я уже обо всем договорилась с отцом Хемнолини.

— Человек может только предполагать. Будем же уповать на того, кто один может решить судьбу человека, — сказал Нолиаkho.

— Пусть будет так, мой мальчик. Меня до сих пор охватывает дрожь, когда я вспоминаю твой рассказ.

— Этого я и опасался, ма. Ты теперь не скоро успокоишься. Стоит тебе разволноваться, и ты долго не можешь прийти в себя. Поэтому я и не хотел ничего говорить.

— И хорошо делал, сын мой, — сказала Кхемонкорн. — Не знаю, что теперь со мной стало. Услышу о каком-нибудь несчастье — и потом никак не могу отделаться от чувства страха. Я боюсь открыть письмо, опасаясь, что в нем — плохая весть. И нас всех просила не рассказывать мне ничего. Очевидно, мне пора покинуть этот мир. Иначе зачем бы судьба нанесла мне еще один удар?

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Когда Комола дошла до берега Ганги, холодное зимнее солнце спустилось до самого края тусклого небосвода. В надвигающихся сумерках Комола почтительно приветствовала уходящее светило. Она брызнула на голову водой из Ганги и, войдя в реку, зачерпнула пригоршней воду, затем вновь вылила ее и бросила в священную Гангу цветы.

Выйдя из воды, она склонилась в поклоне, мысленно прощаясь со всеми, кого она почитала. Поднимаясь с земли, она вспомнила еще об одном человеке, которого обязана была почитать. В ту единственную ночь она не посмела ни поднять головы, ни посмотреть ему в лицо. Когда они были вместе, она сидела, потупившись от смущения, боясь взглянуть даже на его ноги. В брачной комнате он перекинулся несколькими словами с другими девушками,

но, окутанная стыдом, словно покрывалом, Комола не слышала этих немногих слов. И сейчас, стоя здесь, на берегу реки, она изо всех сил пыталась воскресить в памяти звук его голоса, но не могла.

Свадебный обряд, продолжавшийся почти всю ночь, так утомил ее, что Комола не помнила, где и когда она уснула. Проснувшись рано утром, она увидела, что соседка, хихикая, трясет ее за плечи, пытаясь разбудить. Рядом с Комолой на ложе никого не было.

И теперь, в последние мгновения жизни, у нее не осталось ничего, что могло бы напомнить ей о ее господине. Темнота окутала его облик. Она не помнила ни его лица, ни голоса — она ничего не помнила.

Во время свадебного обряда конец красного сари Комолы (она не знала, что ее дядя постарался, чтобы это был самый дешевый наряд) связали узлом с чадором жениха.

Но даже это сари она не могла сохранить.

Письмо, которое Ромеш написал Хемполини, Комола завязала в уголок своего сари. Сев на песок, она достала его и в надвигающихся сумерках стала читать ту часть письма, где говорилось о ее муже. Сказано о нем было очень мало: звали его — Нолинакхо Чоттопаддхай, работал он врачом в Рангпуре, и еще Ромеш писал, что не нашел его там. Вот и все!

Комола еще раз внимательно просмотрела все письмо, но больше никаких сведений о Нолинакхо не нашла. Нолинакхо! Это имя наполнило ее душу нектаром не испытанной доселе радости, наполнило до краев ее сердце. Воплотившись в какой-то неясный образ, оно овладело всем ее существом.

Безудержные слезы полились из глаз девушки, смягчили ее сердце и унесли с собой ее безутешное горе. Какой-то внутренний голос нашептывал Комоле:

— Нет больше пустоты! Нет больше мрака! Я знаю, что теперь и я принадлежу жизни!

И девушка самозабвенно воскликнула:

— Как верная жена я должна в этой жизни взять прах от ног его! Всевышний никогда не будет препятствовать мне в этом! Пока я жива, он для меня не потерян! Всевышний спас меня, чтобы я могла служить супругу!

Комола вынула из платка связку ключей от дома Ромеша и выбросила ее. Вдруг она вспомнила, что к ее сари приколоты брошь, подаренная Ромешем. Она поспешно отстегнула ее и бросила в воду.

Затем повернула на запад и пустилась в путь. Она смутно представляла себе, куда идти, что делать.

Она знала лишь одно — что должна идти, не останавливаясь ни на минуту.

Холодный свет вечерних сумерек вскоре угас. Песчаный берег слабо белел в темноте, казалось, будто кто-то стер часть яркой картины, нарисованной природой. Безлунная ночь с темным небосводом, усыпанным мигающими звездами, тихо дышала над пустынным берегом реки.

Комола не различала перед собою ничего, кроме темноты, безлюдной и бесконечной. Но она твердо знала, что должна идти вперед, и шла, не в силах думать о том, что ждет ее впереди.

Она решила идти берегом реки. Тогда ей ни у кого не придется спрашивать дорогу, а в случае опасности волны священной Ганги укроют ее.

Воздух был прозрачен, и Комола, хоть сама и была скрыта темнотой, отлично все видела. Наступила глубокая ночь. На полях, засеянных ячменем, протяжно выли шакалы.

Комола прошла уже довольно много, когда песчаный берег сменился твердой почвой. На берегу виднелось селенье. С бьющимся сердцем Комола приблизилась к нему и увидела, что вся деревня погружена в глубокий сон. Пока девушка шла по деревне, ноги у нее подкашивались от страха. Наконец она оказалась на краю обрыва, дальше дороги не было.

Выбившись из сил, Комола упала у подножья баньяна и уснула крепким сном.

Свет ущербной луны пемпого рассеял темноту. Близился рассвет. Открыв глаза, Комола увидела перед собой незнакомую пожилую женщину.

— Ты кто такая? — спросила она. — Как можно спать под деревом в такую холодную ночь?

Комола в испуге вскочила. Невдалеке от берега она увидела две лодки.

Женщина встала пораньше, чтобы выкупаться, пока не проснулись ее спутники.

— Ты похожа на бенгалку, — заметила она.

— Да, я бенгалка, — тихо ответила Комола.

— Как ты сюда попала?

— Я иду в Бенарес. Ночью мне захотелось спать, вот я и уснула здесь.

— Подумать только! Пешком идти в Бенарес! — воскликнула жепщица. — Ну хорошо, садись в нашу лодку, а я сейчас выкупаюсь и вернусь.

После купания состоялось знакомство. Жепщица подробно рассказала Комоле, что она и ее муж — родственники Шидхештора-бабу из Газипура, в семье которого недавно сыграли очень пышную свадьбу. Имя ее — Нобинкали, а мужа — Мукундолал Дотто. Вот уже несколько лет они живут в Бенаресе. Они не могли воспользоваться приглашением родственников погостить подольше в Газипуре, так как им пришлось бы питаться и жить в их доме, а муж Нобинкали привередлив в еде. Поэтому-то они и поспешили уехать домой.

В ответ на сожаление, высказанное хозяйкой дома по поводу их отъезда, Нобинкали сказала: «Знаешь, дорогая, у моего мужа плохое здоровье. С детства он привык к тому, чтобы в доме была корова, было свое молоко, свое свежее и топленое масло, на котором жарили бы лучи. Корова не будешь кормить кое-как...» — и так далее...

Рассказав подробно о себе и о муже, Нобинкали принялась расспрашивать Комолу.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Комола.

— Ты, я вижу, носишь металлические браслеты на руках. Значит, у тебя есть муж?

— Он исчез на следующий день после свадьбы, — тихо промолвила Комола.

— Подумать только! Ты же совсем молоденькая! Должно быть, не больше пятнадцати? — И Нобинкали внимательно оглядела Комолу с головы до ног.

— Я точно не знаю, сколько мне лет. Но, должно быть, скоро исполнится пятнадцать.

— Ты, конечно, брахманка?

— Да.

— Где живут твои родные?

— Я никогда не была в доме свекра. Родина же моего отца — Бишукхали.

Это Комола знала твердо.

— Твои родители... — начала Нобинкали.

— У меня нет ни отца, ни матери, — прервала ее Комола.

— О, великий Хари! Что же ты собираешься делать?

— В Бенаресе я постараюсь поступить в услужение в какой-нибудь порядочный брахманский дом, где бы я смогла жить и кормиться. Я умею стряпать.

Нобинкали в душе безмерно обрадовалась случаю заполучить даровую кухарку-брахманку, но вслух она сказала:

— Нам не нужна кухарка. У нас достаточно слуг-брахманов, и мы не можем нанять еще одну служанку. К тому же кто поручится, что ты угодишь своей стряпней хозяину. Слуге-брахману приходится платить четырнадцать рупий в месяц, кроме того, кормить и одевать. Но ты, девушка из брахманского рода, попала в беду. Так и быть — живи у нас. Нам приходится кормить так много людей и столько денег пускать на ветер, что лишний человек не обременит нас. Тебе не придется много работать. В доме сейчас только мой муж и я. Дочерей я выдала замуж. Все они попали в состоятельные семьи. У нас один сын. Сейчас он работает судьей в Шераджгондже. Месяца два назад сам губернатор вызвал его туда. Я тогда сказала мужу: «Наш Ното не пуждается. Зачем ему уезжать? Конечно, не всякому дано стать судьей. Но все же так далеко бедному мальчику ехать ни к чему!» — «Не в этом же дело, — ответил муж. — Ты женщина и ничего не понимаешь. Я отдал его на службу не ради жалования. Мы не так уж бедны! Но кто знает, что бы с ним было, не имей он определенного заплата. Ведь он так молод!»

Дул попутный ветер, и Комола со своими новыми знакомыми быстро добралась до Бенареса.

Нобинкали и ее мужу принадлежал расположенный за городом двухэтажный дом с небольшим садом. Но повара-брахмана с жалованием в четырнадцать рупий в месяц не оказалось. Правда, в доме жил повар-брахман из Ориисы. Но через несколько дней после появления Комолы Нобинкали, всплыв, выгнала его, ничего не заплатив. А так как найти другого повара за четырнадцать рупий в месяц было трудно, всю работу по кухне взвалили на Комолу.

Нобинкали часто любила поучать Комолу.

— Послушай, дитя мое, — говорила она, — Бенарес опасное место для такой молоденькой девушки, как ты. Никогда не выходи одна из дому. Я буду брать тебя с собой, когда пойду купаться на Гангу или поклониться изображению Шивы.

Боясь, как бы Комола неожиданно не ускользнула из

ее рук, Нобинкали очень зорко следила за девушкой. Она не разрешала Комоле даже поговорить с ее сверстницами, бенгальскими девушками.

Целый день Комола трудилась на кухне. А по вечерам Нобинкали скучно и долго рассказывала ей о том, что лишь из боязни быть обворованной она не привезла в Бенарес драгоценных украшений, золотой и серебряной домашней утвари, дорогой мебели, обитой парчой и бархатом.

— Мой муж долго не мог привыкнуть к медной посуде и вначале все время ворчал: «Ну и пусть украдут, купим новую». Но я не люблю понапрасну терпеть убытки. Уж лучше как-нибудь так обойдемся. Ты не думай, у нас есть большой дом и целая армия слуг. Но не могли же мы везти сюда с собой десяток слуг. Мой муж настаивал на том, чтобы мы наняли еще один дом рядом. Но я воспротивилась. Я сказала, что не вынесу этого и хочу немного отдохнуть. А если дом будет полон людей, конца не будет заботам и волнениям.

И так до бесконечности.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Жизнь Комолы в доме Нобинкали напоминала существование рыбы в мелком тишистом пруду. Она могла спастись бегством. Но куда идти? Комола хорошо помпила, каким странным и бесприютным показался ей мир в ту ночь. И у нее не хватало смелости уйти.

Нельзя сказать, чтобы Нобинкали по-своему не привязалась к девушке, но в ее привязанности не было любви. Поэтому Комола не испытывала к своей хозяйке никакой благодарности, хотя та помогла ей в трудную минуту. Все шло хорошо. Комола работала, но общество Нобинкали было ей невыносимо.

Однажды утром Нобинкали позвала Комолу и сказала ей:

— Вот что, милая моя, хозяин плохо себя чувствует. Вместо риса испеки ему сегодня лепешки. Только не трать так много масла. Брахман из Ориссы был куда экономнее! Конечно, он все готовил на масле, но вкус масла почти не чувствовался в его кушаньях.

Комола никогда не отвечала на подобные упреки, буд-то и не слышала их, молча продолжала работу. Так и сегодня она ничего не сказала и принялась резать овощи,

хотя в душе остро переживала незаслуженное оскорбление. Девушке опостылел весь мир, вся жизнь.

Вдруг Комола услышала слова, заставившие ее вздрогнуть.

— Тулси,— говорила хозяйка слуге,— беги скорее в город и позови доктора Нолиinakxo. Скажи ему, что хозяйку очень плохо.

Доктор Нолиinakxo! Перед глазами Комолы солнечные лучи задрожали, словно оборванные золотые струны вины.

Бросив овощи, Комола подошла к дверям кухни и прислушалась. Вошел Тулси.

— Куда ты идешь, Тулси? — обратилась к нему Комола.

— За доктором Нолиinakxo.

— Кто он такой?

— О, это самый лучший здешний доктор!

— Где он живет?

— В городе, отсюда не более полкроша.

Тем пемпогим, что Комоле удавалось сберечь от господского стола, она всегда делилась со слугами в доме, за это девушке часто доставалось от хозяйки, но она продолжала делать по-своему. Согласно строгому порядку, заведенному Нобинкали, прислуга жила впроголодь. Слугам разрешалось есть только после того, как поедят господа. Часто случалось, что кто-нибудь из слуг приходил к Комоле пожаловаться на нестерпимый голод, и девушка никого не отпускала, не накормив. Поэтому она очень быстро завоевала любовь всей прислуги.

— С кем ты там болтаешь, Тулси? — слышался окрик сверху.— Думаешь, я ничего не вижу! Ты что, не можешь найти дорогу в город, не заглянув на кухню. Не удивительно, что столько добра пропадает! Не забывай, моя милая, я подобрала тебя на дороге и из жалости приютила. Вот она, твоя благодарность!

Нобинкали вечно всех подозревала в стремлении обокрасть ее.

Не имея на то никаких доказательств, она была уверена, что, если даже в полной темноте бросать комья грязи, часть их непременно попадет в цель, таким образом прислуга будет знать, что хозяйка всегда настороже и ее не обманешь. На этот раз брань Нобинкали не задела Комолу. Она работала машинально — мысли ее витали неизвестно где. Она долго ждала возвращения Тулси, стоя в дверях кухни. Наконец он вернулся, по один.

— А доктор не пришел, Тулси? — спросила Комола.
— Нет, не пришел.
— Почему?
— У него больна мать.
— Больна мать, — повторила Комола. — Что же, в доме никого больше нет?
— Нет, доктор не жепат.
— Откуда ты знаешь, что он не жепат?
— Слуги говорили.
— Может быть, она умерла?
— Может быть. Но его слуга Бродж говорит, что, когда господин Нолипакхо работал врачом в Рангпуре, у него и там жены не было.

— Тулси! — послышался крик хозяйки.

Комола быстро скрылась в кухне, а Тулси побежал наверх. Нолипакхо!.. Врачебная практика в Рангпуре!.. Комола больше не сомневалась.

Когда Тулси снова спустился вниз, Комола обратилась к нему:

— Послушай, Тулси, у меня есть родственник, и его зовут так же, как господина доктора. Скажи, он действительно брахман?

— Да, он брахман. Фамилия его — Чатудже.

Боясь гнева хозяйки, Тулси не посмел продолжать разговор с девушкой и быстро скрылся. Комола отправилась к Нобипкали.

— Я все сделала и хочу пойти выкупаться на Дашашвамедх-гхат, — заявила она.

— Страшная ты какая! — сказала Нобипкали. — Хозяин болен, неизвестно, что ему может понадобиться. Как же нам обойтись без тебя?

— Я узнала, что один мой родственник находится в Бенаресе. Мне пужно повидаться с ним, — настаивала Комола.

— Это к добру не приведет! — возмущенно воскликнула Нобипкали. — Я не девочка и хорошо все понимаю. Кто тебе сообщил о родственнике? Наверно, Тулси. Я выгоно этого мальчишку! Запомни, моя милая, пока ты у меня в доме, ты не будешь ходить одна купаться или искать по городу родственников.

И хозяйка велела привратнику немедленно выгнать Тулси и не позволять ему показываться ей на глаза. Остальным слугам было строжайше запрещено поддерживать какие-либо отношения с Комолой.

Пока Комола ничего не знала о Ноллиакхо, она все безропотно сносила, но теперь ей трудно было оставаться спокойной. В этом городе живет ее муж, и находится в чужом для нее доме хотя бы одно мгновение казалось нестерпимым! Комола не могла уже работать с прежним усердием, и хозяйка все чаще и чаще оставалась недовольна ею.

— Предупреждаю, — говорила Нобинкали, — мне не нравится твое поведение. Злой дух вселился в тебя, что ли? Сама ты можешь не есть, но я не позволю нас морить голодом. Сегодня невозможно взять в рот то, что ты приготовила.

— Не могу я у вас больше работать! — отвечала Комола. — Душа не лежит! Отпустите меня!

Как буря, налетела на нее Нобинкали.

— Вот уж действительно никто в наш век не платит добром за добро! А еще сжалась над пей — приютила! Рассчитала прекрасного повара-брахмана, который столько времени служил вам! Даже не поинтересовалась, настоящая ли ты брахманка! А сегодня она, видите ли, приходит и говорит: «Отпустите меня». Попытаешься бежать — заявлю в полицию! У меня сын — судья! Сколько людей он уже отправил на виселицу. Не пробуй хитрить со мной! Слышала про Году? Он нагрубил хозяйку и получил по заслугам. По сей день сидит в тюрьме! Нас не проведешь!

Хозяйка не лгала. Действительно, они с мужем обвинили Году в краже часов и посадили в тюрьму.

Комола не видела выхода. Могла ли случиться большая беда, чем теперь, когда счастье всей ее жизни было так близко, а руки ее оказались связанными! Ничто не шло теперь на ум Комоле — ни работа, ни хозяйство. Поздно вечером, закончив хлопоты и кутаясь в теплую шаль, девушка выбегала в сад. Стоя у ограды, она задумчиво смотрела на дорогу, ведущую в город. Ее юное сердце, исполненное страстного желания служить и неутомимой жажды излить свою любовь, устремлялось вперед по этой безлюдной ночной дороге к незнакомому, но заветному дому. Словно окаменев, Комола подолгу стояла в саду, затем склонялась в низком поклоне и возвращалась в свою комнату.

Но недолго пользовалась девушка и этой небольшой свободой, этими крохами счастья. Однажды поздно вечером, когда Комола закончила свою работу, Нобинкали послала за ней. Слуга доложил, что нигде не нашел кухарку.

— Неужели сбежала? — воскликнула обеспокоенная Нобипкали, взяла лампу и отправилась па поиски Комолы. Не найдя ее в доме, она пошла к мужу. Хозяин, полужакрыв глаза, курил хукку.

— Послушай, кажется, брахманка сбежала! — сообщила она. Но даже это известие не способно было вывести Мукунд-бабу из равновесия.

— Я предупреждал тебя, что человек она ненадежный, — лениво протянул он. — Что-нибудь пропало?

— Пока только шаль, которую я дала ей поносить в холод, — ответила хозяйка. — Что еще пропало — не знаю.

— Нужно сообщить в полицию, — невозмутимо предложил хозяин.

Послали слугу в полицию. Тем временем Комола вернулась в дом и увидела, что все вещи в ее комнате перерыты.

— Это что за шутки? — закричала Нобипкали, как только увидела Комолу. — Ты где была?

— Гуляла в саду, — ответила девушка.

Нобипкали разразилась бранью. Она говорила все, что приходило ей на ум. На крик сбежались слуги и столпились в дверях кухни.

Никакие оскорбления Нобипкали не могли заставить Комолу расплакаться. Она стояла молча, не двигаясь.

Когда поток брани стал иссякать, Комола сказала:

— Вы недовольны! Так отпустите же меня!

— Конечно, отпущу! — снова закричала Нобипкали. — Не воображай, что я стапу кормить и одевать такую неблагодарную тварь! Но прежде ты у меня узнаешь, с кем имешь дело!

После такого скандала Комола не осмеливалась больше выходить в сад. Она закрывалась у себя в комнате и мысленно утешала себя: «Должен же всевышний когда-нибудь смиростивиться над той, которая столько страдала!»

Однажды Мукунд-бабу с двумя слугами поехал прогуляться. После его ухода парадную дверь дома закрыли на засов. Стало уже смеркаться, когда послышался чей-то голос за дверью.

— Мукунд-бабу дома?

— Но ведь это — доктор Нолинакхо, — переполошилась Нобипкали. — Будхия! Будхия! — звала она слугу. Но Будхия и след простыл, и хозяйка приказала Комоле: — Бег скорей отвори дверь! Скажи доктору, что хозяин поехал

подышать свежим воздухом и скоро вернется. Пусть доктор подождет немного.

Комола взяла фонарь и спустилась вниз. Ноги у нее дрожали, сердце сильно билось, руки похолодели. Она боялась, что от волнения не сможет как следует разглядеть доктора.

Комола отодвинула засов и, закрыв лицо краем сари, отступила за дверь.

— Хозяин дома? — повторил свой вопрос Нолиаххо.

— Нет. Пройдите, пожалуйста, — едва слышно вымолвила Комола.

Нолиаххо прошел в гостиную. Тем временем нашелся Будхия, который и передал Нолиаххо слова хозяйки.

— Хозяин поехал прогуляться и скоро вернется. Подождите немного.

У Комолы перехватило дыхание. Она пробралась на темную веранду, надеясь оттуда получше рассмотреть Нолиаххо. От волнения у девушки подкашивались ноги, и она опустилась на пол, чтобы хоть немного унять сильно бьющееся сердце. От душевного смятения и вечерней прохлады Комола дрожала всем телом.

На Нолиаххо, который сидел задумавшись, падал свет лампы. Комола неподвижным взглядом смотрела на него. Слезы струились по ее лицу. Она торопливо вытирала их, не отрывая горящего взора от Нолиаххо. В сердце Комолы навечно запечатлелось его задумчивое, озаренное колеблющимся светом лицо с высоким лбом, она уже не чувствовала своего тела, ей казалось, будто она парит в воздухе. Сейчас для нее не существовало ничего, кроме этого лица. Весь мир воплотился в нем.

Некоторое время Комола находилась в этом странном состоянии. То ли она задумалась, то ли была без сознания. Когда же она наконец очнулась, то увидела, что Нолиаххо поднялся с кресла и разговаривает с Мукундо-бабу.

Опасаясь, что мужчины выйдут на веранду и застадут ее там, Комола спустилась на кухню. Кухня выходила во двор, через который Нолиаххо должен был пройти, чтобы попасть на улицу. Замирая от волнения, Комола сидела и ждала его.

«Как я, жалкая женщина, могу быть женой такого человека! В этом задумчивом, светлом и прекрасном лице есть что-то неземное! О боже, я не напрасно страдаю!» И Комола несколько раз распростерлась ниц, движимая чувством благодарности ко всевышнему.

На лестнице послышался шум. Кто-то спускался вниз. Комола быстро встала у неосвещенной двери. Первым прошел Будхия с лампой в руке, следом за ним — Нолипакхо.

«О господин, твоя верная служавка выпущдена быть рабой в чужом доме. Ты прошел мимо и не узнал ее», — мысленно обратилась к нему Комола.

Когда Мукупдо-бабу ушел на женскую половину ужимать, Комола тихонько прокралась в гостиную. Она пала ниц перед креслом, где только что сидел Нолипакхо, и почтительно прикоснулась губами к полу. Сердце Комолы сжималось от горя: у нее не было иной возможности выразить свою любовь и преданность супругу.

На следующий день Комола узнала, что доктор посоветовал хозяину переменить климат и уехать куда-нибудь подальше на запад. В доме пачались приготовления к отъезду.

— Я не могу уехать из Бенареса, — сказала Комола, придя к Нобипкали.

— Мы можем, а ты не можешь! Что это ты вдруг стала такой благочестивой!

— Говорите, что хотите, но я остаюсь.

— Хорошо! Посмотрим, как ты останешься.

— Прощу вас, не увозите меня, — взмолилась Комола.

— Ты ужасное существо! Время уезжать, а ты ломаешься. Нам сразу не пайти человека на твое место. Кто же будет выполнять твою работу?

Все мольбы и уговоры оказались напрасными. Закрывшись у себя в комнате, Комола разрыдалась, призывая на помощь всевышнего.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

После разговора с дочерью у Опподы-бабу снова начались боли. Ночь прошла в жестоких страданиях, но к утру ему стало лучше.

Сидя у себя в саду, Оппода-бабу грелся в нежных лучах змиего солнца. Хемполпин тут же готовила чай.

Вид у Опподы-бабу был измученный. Лицо его побледнело, вокруг глаз легли черные тени. Он заметно постарел за одну ночь. Когда Хемполипин взглянула на отца, в сердце ее словно вопзли кинжал. Она очень мучилась из-за того, что огорчила отца отказом выйти замуж за Нолипакхо. Ей казалось, что причиной его физических страданий является душевная боль.

«Что сделать, чтобы он успокоился?» — мучительно размышляла девушка, но не могла ни на что решиться.

Неожиданный приход Окхой с незнакомцем прервал ее размышления. Девушка хотела уйти, но Окхой удержал ее.

— Не уходите. Это господин Чокроборти из Газипура. Его хорошо знают здесь и зовут просто дядей. У него к вам серьезное дело.

Окхой с дядей расположились на мощеной площадке.

— Мне сказали, — начал дядя, — что Ромеш-бабу ваш близкий друг. Я приехал узнать, нет ли у вас каких-нибудь сведений о его жене.

От удивления Онпода-бабу не мог вымолвить ни слова.

— О жене Ромеша-бабу! — наконец воскликнул он. Хемноппи опустила глаза.

— Боюсь, вы принимаете меня за пазойливого старика, — продолжал дядя. — Но наберитесь терпения и выслушайте меня до конца. Вы убедитесь, что я явился к вам не за тем, чтобы сплетничать о других. Я познакомился с Ромешем-бабу и его женой на пароходе во время Пуджи, когда они ехали на запад. Кто-то, а уж вы лучше всех знаете, что, увидев Комолу хоть раз, не можешь не привязаться к ней, как к родной. Я старик, видел много горя, и сердце мое очерствело. Но до сих пор я не могу забыть ее, мою Лакшми. — Глаза старика наполнились слезами. — Так вот, Ромеш-бабу не знал, куда ехать. Но Комола за два дня нашего знакомства так привязалась ко мне, старику, что уговорила Ромеша-бабу поселиться в Газипуре. Моя средняя дочь Шойла заботилась о ней так, как не заботятся о родной сестре. У меня нет сил рассказывать, что случилось дальше... Я и сейчас не пойму, почему она так внезапно покинула нас и заставила всех страдать. С тех пор глаза Шойлы не просыхают от слез. — И старик разрыдался.

Рассказ дяди очень взволновал Онподу-бабу.

— Что с ней случилось? Куда она ушла? — спросил он.

— Окхой-бабу, вы все знаете, объясните им... Боюсь, если я стану рассказывать, сердце мое разорвется от горя!

Окхой подробно рассказал обо всем, что произошло, ни слова не прибавил от себя, по поступки Ромеша представил так, что его никаким образом нельзя было назвать благородным человеком.

— Мы ничего не слыхали об этом! С тех пор как Ромеш покинул Калькутту, он не прислал нам ни одного письма, — с трудом вымолвил Онпода-бабу.

— Мы даже не знали, что он жепился па Комоле, — снова вступил в разговор Окхой. — Вы уверены, господин Чокроборти, что Комола — жепа Ромеша? Может, она ему сестра или еще кто-нибудь?

— Что вы говорите, Оннода-бабу? — изумился дядя. — Как это не жена? Таковую предапную и хорошую жепу, как Комола, редко встретишь!

— Удивительно! Чем лучше жена, тем хуже с ней обращаются! — со вздохом заметил Окхой. — Я не ошибусь, если скажу, что па долю наиболее достойных людей выпадают самые тяжкие испытания.

— Это поистине огромное несчастье! — сказал Оннода-бабу, поглаживая рукой свои поредевшие волосы. — Но теперь уже ничего не сделаешь. Незачем и горевать напрасно.

— У меня есть некоторые сомнения, — снова заговорил Окхой. — А что, если Комола не утопилась, а просто убежала из дому? Я привез господина Чокроборти в Бенарес, чтобы начать поиски. Но, видно, и вы ничего не можете сообщить о Комоле. И все же мы останемся па несколько дней и попробуем поискать ее.

— А где сейчас Ромеш? — спросил Оннода-бабу.

— Он уехал, даже не простившись с нами, — ответил дядя.

— Сам я его не видел, но слышал, что он уехал в Калькутту, — сообщил Окхой. — Кажется, он собирается практиковать в Алипуре. Человек не может долго переживать, особенно если он молод. Идемте, господин Чокроборти. Попробуем поискать Комолу в городе.

— Ты еще зайдешь к нам, Окхой? — спросил Оннода-бабу.

— Не обещаю. Вы не представляете себе, как болит душа у меня. Пока я в Бенаресе, я должен искать Комолу. Благородная девушка в отчаянье убежала из дому! Подумайте только, каким опасностям она сейчас подвергается! Конечно, Ромешу-бабу это безразлично, но я не могу оставаться спокойным.

Окхой с дядей покинули дом.

Оннода-бабу пылливо всматривался в лицо дочери. Хемнолини огромным усилием воли взяла себя в руки. Она знала, что отец тревожится за нее.

— Ты должен показаться врачу, отец, — сказала она. — Всякий пустяк губительно сказывается на твоём здоровье. Тебе нужно подлечиться.

Ониода-бабу почувствовал облегчение. Несмотря на все то, что Хемполини только что услышала, она беспокоилась о здоровье отца. Камень свалился с его души. В другой раз он, пожалуй, попытался бы избежать разговора о своей болезни, но сегодня не стал этого делать и сказал:

— Показаться врачу? Прекрасная мысль! Не послать ли сейчас за Нолиакхо, как ты считаешь?

Упоминание о Нолиакхо смутило Хемполини. Теперь в присутствии отца ей будет трудно держаться с молодым человеком непринужденно, как прежде. Но она сказала:

— Хорошо, я пошлю за ним.

Видя, что душевное спокойствие Хем ничем не нарушено, Ониода-бабу набрался смелости.

— Хем, этот случай с Ромешем...

— Отец, становится жарко... Идем... идем в дом.— И, не дав отцу возразить, девушка взяла его под руку и увела в комнату. Там она усадила его в кресло, укутала, дала ему газету. Затем вынула из футляра очки, надела отцу на нос и сказала: — Читай, папа. Я скоро вернусь.

Ониода-бабу, как послушный мальчик, попытался выполнить приказание Хемполини, но тревога за дочь мешала ему сосредоточиться. В конце концов он отложил газету и пошел искать Хемполини. Подойдя к ее комнате, Ониода-бабу обнаружил, что дверь закрыта на ключ, хотя время было еще раннее.

Тогда он вышел на веранду и стал ходить из угла в угол. Немного погодя он снова отправился к Хемполини, но и на этот раз дверь ее комнаты оказалась закрытой. Утомленный Ониода-бабу вернулся на веранду, тяжело опустился в кресло и стал нервно теребить волосы.

Вскоре явился Нолиакхо. Осмотрев Ониоду-бабу, он назначил курс лечения, а затем обратился к Хемполини:

— Скажите, что-нибудь волнует вашего отца?

Хем ответила утвердительно.

— Ему необходим, насколько это возможно, полный душевный покой,— сказал Нолиакхо.— То же переживаю и я со своей матерью. Ее волнует любая мелочь, а это пагубно сказывается на здоровье. Вчера из-за пустяка она не могла уснуть всю ночь. Я стараюсь ее не волновать, но мир так устроен, что не всегда это возможно.

— Вы плохо выглядите сегодня,— заметила Хемполини.

— Нет, я чувствую себя прекрасно,— возразил Ноли-

накхо. — Я не привык болеть. Но вчера я поздно лег, поэтому, быть может, я выгляжу усталым.

— Было бы лучше, если бы рядом с вашей матерью всегда находилась жепщина, которая ухаживала бы за пей. Вы один, у вас много работы, и, конечно, вы не в состоянии ухаживать за пей, как нужно.

Хемполини испринуужденно произнесла эту фразу, не вкладывая в нее никакого иного смысла. Но тут же у нее мелькнула мысль, что Нолинакхо может понять ее слова как намек, и девушка покраспела от смущения.

Нолинакхо, заметив внезапное замешательство Хемполини, невольно вспомнил свой разговор с матерью.

— Было бы хорошо, если бы при пей всегда была служапка, — поспешила пояснить девушка.

— Я много раз предлагал ей это, пытался уговорить, но мать ни за что не соглашается. Она очень ревностно относится к кастовой чистоте и в этом отношении не доверяет прислуге. Такой уж у нее характер: никогда не воспользуется услугами, если их оказывают ей не добровольно.

На это Хемполини не могла ничего ответить. Немного погодя она заговорила снова:

— Я стараюсь следовать вашим наставлениям. Но, сталкиваясь с препятствиями, отступаю. Боюсь, что я безпадежна и никогда не смогу обрести душевного покоя и твердости. Скажите, неужели удары, которые наносит жизнь, всегда будут выводить меня из равновесия?

Печаль и горе, звучавшие в словах Хемполини, заставили Нолинакхо задуматься.

— Не отчаивайтесь, — сказал он. — Помните, что препятствия, возникающие на жизненном пути, являются испытанием душевной твердости и стойкости человека.

— Не могли бы вы зайти к нам завтра утром, — попросила Хемполини. — Ваша поддержка придает мне силы.

На лице Нолинакхо, в его голосе было столько перушного покоя! В нем Хемполини искала свое спасение. После ухода Нолинакхо девушка несколько успокоилась.

Стоя на веранде, прилегающей к ее спальне, она смотрела на мир, залитый лучами зимнего солнца. В блеске солнечного дня перед ней расстилалась исполненная труда и отдохновения, полная сил и умиротворения вселенная, где необузданность желаний сочетается с воздержанностью. Всем своим измученным сердцем Хемполини чувствовала величие природы. Свет солнца, бесконечно яркая

лазурь неба, казалось, посылали душе Хемполини глубокое и вечное благословение мира.

Хемполини думала о матери Нолинакхо. Девушка догадывалась, почему взволнованная Кхемокорн не спала прошлую ночь. Первое потрясение и страх, вызванные предложением выйти замуж за Нолинакхо, прошли. И в душе Хемполини росла горячая привязанность к нему, но в этой привязанности не было ни страданий, ни беспокойных порывов истинной любви. Молодому человеку, который весь ушел в себя, конечно, не нужна любовь женщины, но ему, как и всем, необходима человеческая забота. Кто будет заботиться о нем — ведь мать его стара и слаба. А жизнь Нолинакхо в этом мире достойна уважения! Чтобы служить такому человеку, надо благоговеть перед ним.

То, что она услышала сегодня о Ромеше, явилось тяжелым испытанием для любящего сердца девушки. И ей пришлось собрать все свои душевные силы, чтобы выдержать этот жестокий удар. Теперь ей казалось унижительным страдать из-за Ромеша. Она не хотела ни осуждать, ни обвинять его. Земля продолжает неизменно вращаться, в то время как миллионы людей совершают дурные и благие поступки, и Хемполини вовсе не собиралась осуждать кого бы то ни было. Она не хотела думать о Ромеше. Иногда она вспоминала погибшую Комолу, и ей становилось страшно. Она мысленно спрашивала себя, какая связь между ней и несчастной самоубийцей. Стыд, гнев, жалость сжимали сердце Хемполини. Молитвенно сложив руки, она обращалась к богу:

— О всевышний, почему я так страдаю? Чем я виновата? Сними с меня эти оковы, милосердный, разорви их! Мне ничего не нужно, только бы жить спокойно в мире твоём!

Оннода-бабу не терпелось узнать, как отнеслась Хемполини к тому, что рассказал Окхой, но у него не хватало смелости спросить об этом. Хемполини сидела на веранде с вышиванием. Несколько раз Оннода-бабу проходил мимо, но, глядя на задумчивое лицо дочери, не решался заговорить.

Только вечером, когда Хемполини поила его молоком с лекарством, которое прописал врач, он наконец набрался духу.

— Убери, пожалуйста, свет, — попросил он дочь. И когда комната погрузилась в темноту, Оннода-бабу начал разговор: — А этот старик, кажется, хороший человек...

Хемнолипи ничего не ответила.

Другого вступления Оннода-бабу придумать не мог и прямо перешел к делу.

— Я удивлен поведением Ромеша. Много было толков о нем... Но я до сих пор им не верил. Однако теперь...

— Отец, оставим этот разговор,— печально прервала его Хемнолипи.

— Дорогая, мне тоже не хочется говорить об этом! Но, увы, посуди сама, волею создателя все наши радости и несчастья связаны с этим человеком, и мы не можем безразлично относиться к его поступкам.

— Нет, нет,— взволнованно возразила девушка,— зачем папе счастье ставить в зависимость от того или иного человека! Отец, я совершенно спокойна. Мне совестно, что ты напрасно беспокоишься обо мне.

— Хем,— продолжал Оннода-бабу,— я стар, но мне не пайти покоя, пока ты не устроишь свою жизнь. Я не хочу, чтобы ты стала отшельницей.

Девушка молчала.

— Пойми, дорогая,— уговаривал Оннода-бабу,— конечно, ты испытала тяжелое разочарование, но все же не следует отвергать те блага, которые предлагает тебе жизнь. Сейчас ты замкнулась в своем горе и не можешь знать, что сделает тебя счастливой и полезной в жизни. Я же все время думаю о твоём благополучии. И знаю, что принесет тебе счастье и успокоение. Не пренебрегай моими словами.

Из глаз Хемнолипи полились слезы.

— Не говори так, отец. Я не отвергаю твоего предложения и поступлю так, как ты укажешь. Только дай мне время очистить свою душу от сомнений и подготовиться.

Оннода-бабу в темноте прикоснулся к мокрому от слез лицу дочери и погладил ее по голове. Большие он не сказал ни слова.

На следующее утро, когда Оннода-бабу и Хемнолипи пили в саду под деревом чай, вновь появился Окхой. Оннода-бабу вопросительно взглянул на него.

— Пока никаких следов,— сказал Окхой, беря чашку чая и усаживаясь.— Некоторые вещи Комолы и Ромеша до сих пор находятся у господина Чокроборти,— медленно продолжал он.— Он не знает, куда послать их. Несомненно, Ромеш-бабу, когда узнает, где вы, не замедлит приехать. Тогда вы...

— Окхой,— неожиданно для всех гневно перебил его Оннода-бабу,— ты совсем лишен здравого смысла. Зачем

Ромешу приходить к нам? И почему я должен заботиться о его вещах?

— Боюсь, что вы ошибаетесь или несправедливы к нему. Ромеш-бабу сейчас уже раскаялся в своем поступке, — начал оправдываться Окхой. — Разве не долг старых друзей поддержать его? Можно ли покинуть его в такую минуту?

— Окхой, — отвечал Оннода-бабу, — ты только портишь нам настроение, все время возвращаясь к разговору о нем. Сделай милость, никогда больше не вспоминай о Ромеше.

— Отец, не волнуйся, — нежно промолвила Хемнолини. — Тебе вредно. Окхой-бабу может говорить все, что хочет. В этом нет ничего плохого.

— Нет, нет, простите меня, — извинялся Окхой. — Я не хотел беспокоить вас.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Мукундо-бабу с семьей решил уехать из Бенареса в Мирут. Все вещи уже были упакованы, и отъезд назначили на утро следующего дня. Но Комола все еще надеялась, что какое-нибудь событие помешает отъезду или, может быть, доктор Нолинакхо еще раз навестит своего пациента. Но не случилось ни того, ни другого.

Нобинкали боялась, что в суматохе Комоле удастся сбежать, и она не отпускала ее ни на шаг от себя. Всю работу по упаковке вещей взвалили на девушку. Доведенная до отчаяния, Комола мечтала заболеть, чтобы Нобинкали не могла увезти ее с собой. И может быть, для оказания помощи к ней пригласят небезызвестного доктора. И если ей суждено будет умереть, она сможет отойти в мир иной, почтительно взяв прах от ног своего супруга. Комола грезилась об этом, закрыв глаза.

Последнюю ночь Комола спала в комнате Нобинкали, а на следующий день на вокзал поехала в ее экипаже. Мукундо-бабу ехал во втором классе, Нобинкали с Комолой устроились в купе для женщин.

Наконец поезд тронулся. Свисток паровоза разрывал сердце Комолы — так обезумевший слон в неистовстве клыками рвет лианы. Девушка жадно смотрела на проносящийся за окнами вагона город.

— Где коробочка с бетелем? — слышался голос Нобинкали.

Комола подала ей коробочку.

— Так и знала! — гневно воскликнула хозяйка. — Ты забыла положить известь. Как прикажешь мне поступить с тобой? Если я сама не позабочусь, то все делается не так. Дьявол в тебя вселился, что ли? Ты нарочно злишь меня. Сегодня нет соли в овощах, завтра паеш отдаст землей. Думаешь, мы не понимаем твоих проделок? Вот погоди, приедем в Мирут, я тебе покажу!

Когда поезд проезжал по мосту, Комола высунулась из окна, чтобы в последний раз взглянуть на Бенарес, раскинувшийся по берегу Ганги. Она не знала, в какой части города дом Ноллинкхо. Но мелькавшие перед ее глазами в быстром беге поезда набережные, здания, островерхние храмы — все казалось наполнено его присутствием, все было бесконечно мило ее сердцу.

— Чего ты высовываешься из окна, — слышался окрик. — Ты ведь не птица! Без крыльев не улетишь.

Когда Бенарес скрылся вдаль, Комола села на свое место и, задумавшись, стала смотреть в небо.

Наконец поезд прибыл в Моголшорай. Комола шла как во сне. Она не замечала ни шума вокзала, ни суеты. Слово в забыты, она пересела с одного поезда на другой.

Близилось время отхода поезда, как вдруг Комола услышала хорошо знакомый голос и вздрогнула.

— Ма, — окликнули ее.

Комола обернулась, выглянула на платформу и увидела Умеша. Радость осветила ее лицо.

— Это ты, Умеш!

Мальчик открыл дверь купе, и в то же мгновение Комола очутилась на платформе, а Умеш, почтительно склонившись к ее ногам, приветствовал ее. Его лицо раскилось в улыбке.

В ту же секунду кондуктор захлопнул дверь купе.

— Комола, что ты делаешь! — кричала Нобликали, беспуясь в купе. — Поезд отходит! Садись скорее!

Но Комола ничего не слышала. Раздался свисток, паровоз запыхтел, и поезд тронулся.

— Откуда ты, Умеш? — спросила Комола мальчика.

— Из Газипура.

— Все здоровы? Как дядя? — засыпала девушка его вопросами.

— Он хорошо себя чувствует.

— А как поживает мой диди?

— Она из-за тебя все глаза выплакала, ма.

Комола не могла сдержать слез.

— Как Уми? Вспоминает ли она еще свою тетю?

— Пока ей не наденут браслеты, которые ты подарила, ни за что не станет пить молока,— отвечал Умеш.— А как паденет их, начинает размахивать ручонками и кричать: «Тетя уехала». А мать, глядя на нее, все плачет.

— Почему ты здесь? — продолжала спрашивать Комола.

— Мне падоело жить в Газипуре, вот я и уехал.

— Куда же ты теперь направляешься?

— Поеду вместе с тобой, ма.

— Но у меня нет ни пайсы!

— Зато у меня есть.

— Откуда? — удивилась Комола.

— Помнишь, ты дала мне пять рупий, я не истратил их,— ответил Умеш, доставая из узелка деньги.

— Тогда пошли. Мы едем в Бенарес. Этих денег хватит на два билета?

— Конечно,— ответил Умеш и вскоре принес билеты.

Поезд с минуты на минуту должен был отойти. Умеш посадил Комолу в купе для женщины, сказав, что поедет в соседнем.

— А теперь куда мы пойдем? — спросила Комола, когда они вышли в Бенаресе из поезда.

— Об этом не беспокойся, ма,— сказал Умеш.— Я знаю хорошее место.

— Хорошее место? Откуда же ты знаешь? — изумилась Комола.

— Я здесь все знаю. Вот увидишь, куда я тебя припведу.— С этими словами Умеш помог Комоле сесть в экипаж, который он нанял, а сам уселся на козлы. Когда экипаж остановился, Умеш, слезая с козел, крикнул:

— Вот мы и приехали.

Выйдя из экипажа, Комола пошла за мальчиком.

— Дедушка! — крикнул Умеш, когда они вошли в дом. Из соседней комнаты раздался голос:

— Неужели это Умеш? Откуда ты?

И в следующее мгновение сам дядя Чокроборти с хуккой в руках появился в дверях комнаты. Лицо Умеша расплылось в довольной улыбке, а изумленная Комола упала на землю перед дядей, совершая пронам. Чокроборти не мог вымолвить ни слова, он не знал, что говорить, куда поставить хукку. Наконец он, взяв Комолу за подбородок, поднял ее смущенное личико и сказал:

— Ты вернулась к нам, девочка. Идем, идем наверх. Шойла, Шойла! Посмотри, кто приехал! — закричал он.

Шойлоджа быстро спустилась по лестнице на веранду. Комола взяла прах от ног диди, приветствуя ее. Шойла порывисто заключила девушку в свои объятия и поцеловала в лоб. Слезы текли по щекам молодой женщины.

— Дорогая моя, мы так горевали о тебе!

— Не надо об этом, — прервал дочь Чокроборти. — Лучше позаботься о том, чтобы она вымылась и поела.

В это время с криком «тетя, тетя», протягивая ручки к Комоле, вбежала Уми. Комола подхватила ее на руки и, жадно целуя, прижала к груди. Шойлоджа не могла без слез смотреть на Комолу, непричесанную, в грязной одежде. Она потащила ее с собой и, когда Комола выкупалась, заставила ее надеть свое лучшее сари.

— Ты, видно, плохо спала ночь, — сказала она, когда Комола переоделась. — У тебя совсем ввалились глаза. Сейчас же ложись отдохнуть. А я пойду приготовлю чего-нибудь поесть.

— Нет, диди, — запротестовала Комола, — я тоже пойду с тобой на кухню.

Шойлоджа не стала спорить, и подруги вместе занялись стряпней.

Когда Чокроборти, по совету Окхоя, собрался в Бенарес, Шойлоджа сказала ему:

— Отец, я тоже поеду с тобой.

— Но ведь Бипину сейчас не дадут отпуска, — ответил дядя.

— Ну и что же, я поеду одна. Мама позаботится о нем. До этого Шойла никогда не расставалась с мужем.

Дядя согласился, и они вместе отправились в Бенарес.

В Бенаресе на вокзале они увидели, что вместе с ними с поезда сошел и Умеш. «А ты зачем приехал?» — с удивлением в один голос воскликнули дядя и дочь. Оказалось, что Умеш приехал с той же целью, что и они. Умеш помогал по хозяйству жене Чокроборти, и, зная, что неожиданное его исчезновение разгневет хозяйку, дядя и Шойлоджа с большим трудом уговорили его вернуться.

Читателю уже известно, что случилось после. Умеш не мог оставаться в Газипуре. В один прекрасный день он взял деньги, которые дала ему хозяйка, отправляя на рынок, переехал на другой берег Ганги и появился на вокзале, где и встретил Комолу. В тот день жена Чокроборти напрасно ждала мальчика.

Через день Окхой снова посетил дом Чокроборти. Дядя решил не рассказывать ему о том, что Комола нашлась. Он уже догадывался, что Окхой не друг Ромешу.

Никто не расспрашивал Комолу, почему она ушла из дома и где жила все это время. Все было так, словно Комола несколько дней назад приехала с Чокроборти в Бенарес. Нянька Уми, Лочхомония, собиралась упрекнуть Комолу, но дядя тотчас же отозвал ее в сторону и строго-настрого приказал не делать этого.

Ночью Шойлоджа положила Комолу спать с собой. Она нежно обняла девушку, безмолвно призывая ее поведать о своем тайном горе.

— Диди, что вы тогда подумали? — спросила Комола. — Наверно, сердились на меня?

— Неужели ты думаешь, мы не понимали, что ты никогда не решилась бы на этот страшный шаг, будь у тебя другой выход, — ответила Шойла, — мы лишь горевали о том, что бог заставляет тебя столько страдать. Почему он наказывает тех, кто не совершил никакого преступления?

— Ты готова выслушать все, что я расскажу тебе?

— Конечно, сестра, — ответила Шойла. Голос ее был полон любви и сочувствия к Комоле.

— Я и сама не пойму, почему раньше не открылась тебе, — начала Комола. — В то время я не могла ни о чем думать. Случившееся словно громом поразило меня, от стыда я даже не смела смотреть всем вам в глаза. У меня нет ни матери, ни сестры. Ты, диди, заменила их мне. Поэтому я расскажу тебе то, чего еще никому не говорила.

Комоле трудно было рассказывать лежа, и она села на постели. Шойла уселась напротив. И вот в темноте Комола рассказала подруге все, что произошло с ней после свадьбы.

Услышав, что девушка до свадьбы и в брачную ночь ни разу не взглянула на мужа, Шойла воскликнула:

— Вот уж не думала, что ты такая глупенькая! Я была моложе тебя, когда выходила замуж, но ни капли не смущалась и ни разу не упустила возможности получше разглядеть своего жениха.

— То было не смущение, диди. Все считали, что я засидалась в певичках, и вдруг свадьба. Подруги дразнили меня. Я ни разу не посмотрела в его сторону, боялась, как бы не подумали, что я очень радуюсь замужеству. Более

того, казалось унизительным и недостойным чувствовать интерес к нему даже в глубине души. И сейчас я горько расплачиваюсь за это.— Комола помолчала, затем снова заговорила: — Тебе же известно, что после свадьбы мы потерпели крушение на Ганге, ты знаешь, как мы спаслись. Когда я рассказала тебе об этом, я еще не знала, что человек, который спас меня и в дом которого я попала, не был моим мужем.

Шойла вскочила, бросилась к Комоле и прижала ее к себе.

— Бедная ты моя! Теперь я все понимаю. Надо же случиться такому несчастью!

— Да, диди, всевышний спас меня лишь для того, чтобы подвергнуть новой опасности.

— А Ромеш-бабу тоже ни о чем не догадывался?

— Однажды после свадьбы он назвал меня Шуйлой. Я спросила его, почему все в доме так называют меня, ведь мое имя Комола. Теперь я догадываюсь, что тогда он, по всей вероятности, и поправил свою ошибку. Как только я вспоминаю дни, проведенные с ним, мной овладевает стыд.

Комола замолчала. Но мало-помалу Шойлоджа узнала от нее всю ее историю.

— Твоя судьба ужасна, сестра! Но я думаю, какое счастье, что ты попала к Ромешу-бабу,— сказала Шойла.— Что бы ты ни говорила, мне жаль его. А сейчас постарайся заснуть, Комола. Уже поздно. От слез и бессонницы ты прямо почерпела. Завтра решим, что делать.

На следующий день Шойлоджа взяла у Комолы письмо Ромеша. Она вызвала отца в свою комнату и вручила письмо ему. Дядя надел очки, внимательно прочел его, затем сложил, снял очки и обратился к дочери:

— Так... Что же делать?

— Отец, Уми уже несколько дней как кашляет. Не позвать ли нам доктора Ноллиакхо? О нем и его матери столько говорят в Бенаресе, а мы ни разу не видели его.

Доктор пришел. Шойле не терпелось поскорей взглянуть на него.

— Идем, скорее идем, Комола,— торопила она.

В доме Нобинкали Комола, желая увидеть Ноллиакхо, забыла обо всем. Здесь же от смущения она не могла заставить себя двинуться с места.

— Послушай, несчастная, я не стану тебя уговаривать,— говорила Шойла.— У меня нет времени. Болезнь

Уми лишь предлог, и доктор не задержится. Я не успею посмотреть на него, если буду возиться с тобой.

И Шойлоджа потащила Комолу к дверям компаты, где находился Нолинакхо.

Нолинакхо выслушал Уми, прописал лекарство и ушел.

— Знаешь, Комола, хотя всевышний и заставил тебя много страдать, ты все же счастливая, — сказала Шойла после ухода доктора. — Наберись терпения. Скоро все устроится. А пока регулярно будем приглашать доктора к Уми, так что ты сможешь видеть его.

Через несколько дней Чокроборти, выбрав время, когда Нолинакхо не было дома, пришел к нему.

На слова слуги, что доктора нет, он сказал:

— Но ведь госпожа дома. Пойди доложи, что ее желает видеть один старый брахман.

Сверху, от Кхемонкори, последовало приглашение.

— Мать, ваше имя известно в Бепаресе, — сказал дядя, — и я явился с тем, чтобы поучиться у вас благочестию. Другой цели у меня нет. Моя внучка заболела, и я пришел пригласить вашего сына к ней. Но оказалось, что его нет дома. Тогда я решил, что не уйду, пока не увижу вас.

— Нолин скоро вернется. Подождите немного, — предложила Кхемонкори. — Уже поздно, я прикажу покормить вас.

— Я знал, что вы не отпустите меня без угощения, — ответил дядя. — Люди всегда узнают во мне любителя вкусно поесть. Все, кто меня знает, прощают мне эту слабость.

Кхемонкори с удовольствием угощала дядю.

— Приходите завтра ко мне на обед, — пригласила она. — Сегодня я не могла хорошо угостить вас, так как не была готова к вашему приходу.

— Когда вы будете готовы, не забудьте старого брахмана, — шутил дядя. — Кстати, я живу недалеко от вас. Если хотите, я возьму с собой вашего слугу и покажу ему свой дом.

После нескольких посещений Чокроборти стал своим человеком в доме Кхемонкори.

Однажды, когда дядя сидел у Кхемонкори, она позвала к себе сына и сказала ему:

— Нолин, ты не должен ничего брать за лечение с господина Чокроборти.

— Он, видно, привык предупреждать желание матери

и ничего не берет с нас, — рассмеялся дядя. — Ваш сын — благородный человек: узнает бедняка с первого взгляда.

В течение нескольких дней дядя о чем-то совещался с дочерью и наконец однажды утром сказал Комоле:

— Сегодня мы с тобой пойдем совершать омовение на Дашашвamedх-гхат.

— А ты, диди, пойдешь? — спросила Комола Шойлу.

— Нет, дорогая, Уми еще нездоровится.

После омовения дядя повел Комолу домой другой дорогой.

Немного пройдя, они увидели пожилую одетую в шелковое сари женщину, она медленно шла, возвращаясь после омовения с кувшином, до краев наполненным водой из Гапги.

— Дорогая, поклонись этой женщине, — сказал дядя, повернувшись к Комоле. — Это мать нашего доктора.

Комола от неожиданности вздрогнула. Она с глубоким почтением взяла прах от ног Кхемонкори.

— Кто ты? Какая красавица! Прямо сама богиня Лакшми, — восхищалась Кхемонкори, приподняв покрывало и разглядывая смущенное личико Комолы. — Как тебя зовут, дитя мое?

Комола хотела ответить, но дядя перебил ее:

— Ее зовут Хоридаши. Она — дочь моего троюродного брата, сирота и живет у меня.

— Зайдемте ко мне, господин Чокроборти? — предложила Кхемонкори.

Когда они пришли, Кхемонкори позвала сына, но его не оказалось дома. Тем временем дядя уселся в кресло, а Комола опустилась рядом на пол.

— Моя племянница очень несчастна, — заговорил дядя. — На следующий день после свадьбы ее муж решил стать сапьяси и покинул ее. После этого они не встречались. Единственное желание Хоридаши — посвятить себя служению всевышнему и поселиться в Бенаресе. Но я живу не здесь, у меня служба, я должен работать, чтобы прокормить семью. И у меня нет возможности жить с ней здесь. Я рассчитываю на вас. Я был бы спокоен, если бы вы согласились оставить ее в своем доме. Она была бы вам дочерью. Если же вам станет неудобно, вы всегда сможете отослать ее обратно ко мне, в Газипур. Но я уверен, что не пройдет и двух дней, как вы поймете, какое она сокровище, и не захотите расстаться с ней ни на миг.

— Что же, я согласна, — сказала Кхемонкори. — Судо-

вольствием оставляю у себя такую девушку. Много раз я приводила с улицы чужих девочек, кормила и одевала их с радостью, но удержать их мне не удавалось. Теперь у меня будет Хоридаши. Вы можете быть вполне спокойны за нее. Вам, конечно, доводилось слышать от многих о моем Нолинакхо. Он — прекрасный сын, кроме него, в доме у меня никто не живет.

— Все знают Нолинакхо-бабу, — заверил ее дядя. — И я рад, что он с вами. Я слышал, что он живет почти отшельником с тех пор, как после свадьбы утопула его жепя.

— Что было, то прошло, — отвечала Кхемонкори. — Лучше не говорите мне о том случае. Дрожь охватывает меня при одном воспоминании об этом несчастье.

— Итак, я оставляю Хоридаши у вас, а теперь разрешите откланяться. Иногда я буду навещать ее. У Хоридаши есть старшая сестра, она зайдет познакомиться с вами.

Когда дядя ушел, Кхемонкори подозвала Комолу:

— Подойди ко мне, дорогая. Дай я взгляну на тебя. Да ты совсем еще дитя! Бросить такую красавицу! Есть же каменные сердца на свете! Желаю тебе, чтобы он вернулся. Всевышний не мог наделить тебя красотой, чтобы она пропадала зря. — Старая женщина взяла Комолу за подбородок и поцеловала ее. — Здесь у тебя не будет сверстниц. Не заскучаешь ли ты со мной? — спросила она.

— Нет! — самозабвенно воскликнула Комола, поднимая свои большие и кроткие глаза на Кхемонкори.

— Надо подумать, чем бы тебя занять на весь день, — продолжала старая женщина.

— Я буду работать для вас.

— О несчастная! Будешь работать на меня! У меня на свете один-единственный сын, да и тот живет как сапыси. Хоть бы раз он сказал мне, попросил бы меня: «Мама, мне нужно то-то и то-то, я хотел бы съесть это, мне это нравится!» Как бы я была счастлива и ни в чем не отказала бы ему. Но он ни разу не сделал так. Он не оставляет себе ни гроша из денег, которые зарабатывает. И скрывает от всех, что помогает беднякам. Дорогая, ты будешь со мной круглые сутки, и я хочу предупредить заранее, что буду часто хвалить сына. Так что не сердись, к этому придется привыкнуть.

Сердце Комолы радостно забилося, но она опустила глаза, чтобы скрыть свое волнение.

— Какое же занятие мне для тебя придумать,— вслух размышляла Кхемонкори,— шить умеешь?

— Не очень хорошо, ма.

— Ну ладно. Выучу тебя, а читать умеешь?

— Умею.

— Чудесно. Без очков я уже ничего не вижу. Будешь мне читать вслух.

— Я еще умею готовить,— робко сообщила Комола.

— Каждый, увидев твое лицо Анпапурны, подумал бы, что ты хорошо стряпаешь. До недавнего времени я сама готовила еду для себя и Нолина. Но с тех пор как я заболела, Нолину приходится самому себе готовить, чтобы не есть пищу, приготовленную чужими руками. А теперь благодаря тебе это кончится. Не возражаю, если ты будешь стряпать и для меня, когда я заболею, только что-нибудь попроще. Пойдем, дорогая, я покажу тебе кухню и кладовку.

Кхемонкори показала Комоле свое небольшое хозяйство. Когда они пришли на кухню, Комола воспользовалась случаем и получила позволение приготовить обед. Кхемонкори улыбнулась.

— Царство хозяйки — ее кухня и кладовая,— сказала она.— В жизни мне пришлось от многого отказаться. Только это и осталось у меня. Но так и быть, готовь сегодня. Постепенно я передам все хозяйство в твои руки и смогу всецело посвятить себя служению всевышнему. Но не так легко отойти от всех домашних дел, некоторое время душа будет пребывать в беспокойстве. Хозяйка в доме все равно что царица на троне.

Кхемонкори объяснила Комоле, что и как приготовить, и удалась в молельню. Таким образом, жизнь Комолы в доме Кхемонкори началась с испытания ее кулинарного искусства.

Со свойственной ей аккуратностью принялась девушка за работу: обвязала вокруг талии конец сари, волосы заколола пучком на затылке.

Возвращаясь домой, Нолинакхо прежде всего шел проведать мать. Беспокойство о ее здоровье никогда не покидало его. Так и сегодня, услышав шум на кухне и почувствовав запах еды, Нолинакхо, уверенный в том, что на кухне возится его мать, поспешил туда.

На звук его шагов Комола быстро обернулась, и глаза ее встретились с глазами Нолинакхо. От неожиданности ложка выпала из рук девушки. Напрасно она пыталась

накинуть край сари па голову, совсем забыв, что он обвязан вокруг талии. Когда ей наконец удалось сделать это, Нолипакхо, озадаченный, покинул кухню. Девушка подняла обгоревшую ложку, руки у нее дрожали.

Когда Кхемонкори, закончив молитвы, заглянула на кухню, обед был уже готов. Комола вымыла и убрала все помещение, и оно сверкало чистотой: нигде не валялось ни обгоревших щепок, ни очисток от овощей.

— Да ты, дорогая моя, истинная брахманка, — воскликнула довольная Кхемонкори.

Когда Нолипакхо сел обедать, его мать расположилась напротив него, а взволнованная Комола притаилась за дверью, стараясь не пропустить ни слова. Она боялась шелохнуться и замирала от страха, что обед не удался.

— Нолип, как тебе правится обед сегодня? — спросила Кхемонкори.

Нолипакхо никогда не отличался разборчивостью в еде, и мать прежде не задавала ему подобных вопросов. Но сейчас он уловил в ее голосе особое любопытство.

Кхемонкори не знала еще, что Нолипакхо уже успел раскрыть ее секрет. С тех пор как здоровье матери ухудшилось, он много раз уговаривал ее взять кухарку, но Кхемонкори не соглашалась. Поэтому Нолипакхо обрадовался, увидев наконец па кухне незнакомую девушку. Разумеется, он не разобрался во всех тонкостях приготовленных кушаний, но с большим воодушевлением ответил:

— Изумительный обед, ма!

Его восторженный отзыв был услышан за дверью. Не в силах больше оставаться там, Комола прижала руки к груди, высоко вздымавшейся от волнения, и убежала в соседнюю комнату.

После обеда Нолипакхо, как обычно, отправился в свою комнату, чтобы наедине предаться размышлениям.

Вечером Кхемонкори позвала Комолу к себе и занялась ее прической. Покрасив пробор па голову девушки кинноварью, она стала оглядывать Комолу со всех сторон, то так, то этак поворачивая ее голову. Комола сидела, смущенно потупив взор.

«Ах, если бы у меня была такая невестка!» — вздыхала про себя Кхемонкори.

Ночью у нее начался приступ лихорадки, и Нолипакхо очень встревожился.

— Ма, тебе нужно на некоторое время уехать из Бенареса. Здесь ты не поправишься, — сказал он.

— Нет, мой мальчик, — возразила Кхемонкори. — Я не покину Бенарес во имя того, чтобы продлить свою жизнь на несколько дней. А ты, дорогая, все еще стоишь за дверью? — обратилась она к Комоле. — Иди, иди спать. Нельзя же бодрствовать всю ночь. Я долго буду болеть, успеешь еще поухаживать за мной. Разве можно не спать ночами? Ступай и ты, Нолин, к себе.

После ухода Нолипакхо Комола присела на постель к Кхемонкори и принялась растирать ей ноги.

— Вероятно, в одном из рожденных ты была моей матерью, — рассуждала больная. — Иначе почему бы вдруг всевышний наградил меня тобою? Знаешь, я до сих пор не пользовалась ничьими услугами. Но твое прикосновение действует на меня успокоительно. Странно, мне кажется, будто я давно знаю тебя и потому не могу считать чужой. А теперь отправляйся спать и ни о чем не беспокойся. Нолин будет в соседней комнате. Когда я больна, он никому не позволяет ухаживать за мной — все делает сам. Я столько раз спорила с ним, но разве ему что-нибудь докажешь! Нолип обладает замечательной способностью: он может просидеть всю ночь без сна и это на нем несколько не отразится. Вероятно, потому, что ничто не может вывести его из душевного равновесия. Я же совсем другая. Ты, девочка, в душе, наверное, смеешься надо мной: опять она завела разговор о своем Нолине и теперь не скоро кончит. Но так всегда бывает, когда у матери единственный сын. А такой сын, как у меня, не у каждой матери! Сказать по правде, я порой думаю, что Нолин относится ко мне, как отец. Чем мне отплатить за всю его доброту! Опять я говорю о Нолине! Хватит на сегодня, так нельзя... Ты ступай... А то я не усну. Старик все одинаковы: если с ними кто-нибудь рядом, не могут удержаться, чтобы не поболтать.

На следующий день Комола взяла на себя все заботы по хозяйству.

Отгородив часть веранды, выходящей на восток, Нолипакхо отделал ее мрамором, и у него получилось что-то вроде молельни, там в полдень он предавался размышлениям. Войдя утром после купания к себе, Нолипакхо по узнал комнаты, чисто выметенной и прибранной: бронзовая курительница для благовошпий блестела, словно золотая; пыль на полках была вытерта, а книги и рукописи аккуратно сложены. Вид заботливо убранной комнаты, которая сверкала чистотой в лучах утреннего солнца, напол-

пил душу Нолипакхо, только что вернувшегося с утреннего омовения, теплом и радостью.

Рано утром Комола сходила на Гаугу и принесла Кхемонкори кувшин, наполненный священной водой.

— Ты одна ходила на Гаугу! — удивленно воскликнула Кхемонкори, увидев Комолу. — А я проснулась и думаю, с кем бы мне послать тебя совершить омовение, ведь я больна. Ты такая молоденькая, иди одной...

— Мать, один из слуг моего дяди не может долго жить без меня и вчера вечером приехал сюда. С ним я и ходила, — объяснила Комола.

— Видно, твоя тетя о тебе беспокоится, раз послала слугу. Ну что ж, пусть он останется. Он будет помогать тебе по хозяйству. Где же он? Позови его сюда.

Комола привела Умеша, и он низко поклонился Кхемонкори.

— Как тебя зовут? — спросила Кхемонкори.

— Умеш, — ответил мальчик, и без всякой видимой причины его лицо расплылось в улыбке.

Кхемонкори тоже рассмеялась.

— Кто тебе подарил такое красивое дхоти?

— Мать подарила, — указал Умеш на Комолу.

— А я думала, Умеш получил его в подарок от своей тещи, — пошутила Кхемонкори, взглянув на девушку.

Умеш списал любовь Кхемонкори и остался у нее в доме.

С помощью мальчика Комола быстро управилась со всей дневной работой, а затем отправилась в спальню Нолипакхо. Она сама подмела и убрала ее, постель вынесла на солнце. В углу комнаты валялось грязное дхоти Нолипакхо. Комола выстирала его, высушила и повесила на вешалку. Каждую вещь по нескольку раз протерла тряпкой, хотя они и без того были чистыми. У изголовья кровати Нолипакхо стоял платяной шкаф. Открыв его, Комола увидела, что он совсем пуст, только на нижней полке лежала пара деревянных сандалий. Девушка взяла их и прижалась к ним лицом. Потом, держа их у груди, словно ребенка, она краем сари вытерла с них пыль.

Под вечер, когда Комола сидела у Кхемонкори, растирая ее больные ноги, в комнату с букетом цветов в руках вошла Хемполини и низко поклонилась Кхемонкори.

— Иди сюда, Хем. Сядь, — сказала Кхемонкори, встав с постели. — Как здоровье Оиноды-бабу?

— Он болен и потому не зашел к вам,— ответила Хемполини.— Но сегодня ему лучше.

— Взгляни на нее, дорогая,— сказала Кхемопкори, указывая на Комолу.— Моя мать умерла, когда я была маленькой, но теперь она снова вернулась ко мне — я встретила ее вчера на дороге. Имя моей матери было Хорибхагани, но теперь ее зовут Хорпдаши. Скажи, Хем, видела ли ты когда-нибудь такую красавицу.

Комола потупилась от смущения и лишь спустя некоторое время осмелилась заговорить с Хемполини.

— Как вы себя чувствуете? — обратилась Хемполини к старой женщине.

— Я, знаешь, в таком возрасте, когда лучше не спрашивать о здоровье. Жива еще — и хорошо. Нельзя долго обманывать время. И я рада, что ты пришла. Давно я собираюсь поговорить с тобой, и все не представлялось удобного случая. Вчера почью мне стало плохо, и я решила, что больше откладывать нельзя. Когда я была молоденькой, то сгорала от стыда, если кто-нибудь заговаривал со мной о замужестве, но современные девушки на нас не похожи. Вы ученые и замуж выходите позднее, с вами можно обо всем говорить. Вот я и хочу сказать тебе все пачистоту. Нечего меня стесняться. Скажи, милая, говорил тебе отец о моем предложении?

— Да, говорил,— опустила глаза Хемполини.

— Значит, ты не согласна,— продолжала Кхемопкори.— Ведь прими ты предложение, Опнода-бабу тотчас же пришел бы ко мне. Ты, видно, не решаешься выйти замуж за Нолина, потому что считаешь его аскетом, который только и знает, что совершать обряды. Хоть он и мой сын, я постараюсь быть беспристрастной. Со стороны может показаться, что он не способен любить. Но все вы глубоко ошибаетесь. Я хорошо знаю Нолина, и мне можно верить. Он способен полюбить так сильно, что сам боится этого и подавляет свои чувства. Уверю тебя, что тот, кто сможет разбить скорлупу его аскетизма, найдет путь к его сердцу и увидит, что оно полно нежности и любви. Хем, дорогая, ты ведь не девочка, а взрослая образованная девушка. Ты сама следуешь учению моего Нолина. Я умру спокойно, если увижу тебя его женой. Боюсь, после моей смерти он уже не женится. Представь себе, что с ним будет тогда. Он погибнет! Я знаю, ты уважаешь Нолина. Зачем же отвергать его?

— Я не стану возражать, если вы считаете меня достойпой вашего сына,— сказала Хемполини и опустила глаза.

Кхемонкори привлекла к себе девушку и поцеловала в голову. Больше они не возвращались к этому разговору.

— Хоридаши, эти цветы...— начала Кхемонкори, по, оглянувшись, заметила, что девушка исчезла. Во время разговора она неслышно выскользнула из комнаты.

Разговор с матерью Нолинакхо смутил Хемполини, она чувствовала себя стесненно в ее присутствии и решила не задерживаться.

— Мать, я должна уйти сегодня пораньше. Отец плохо себя чувствует,— сказала она, прощаясь.

— Ступай, ступай, дорогая,— сказала Кхемонкори, благословив девушку.

Когда Хемполини ушла, Кхемонкори послала за сыном.

— Нолин, я не могу ждать больше,— сказала она.

— Что случилось? — спросил Нолинакхо.

— Сегодня я говорила с Хем. Она согласна. И я не буду больше слушать твоих отговорок. Ты ведь знаешь, какое у меня здоровье. А я не успокоюсь, пока вы не будете помолвлены. По почам я не сплю, все думаю о тебе.

— Хорошо, ма. Не волнуйся больше и спи спокойно. Все будет так, как ты желаешь.

Когда Нолиннакхо ушел, Кхемонкори позвала Хоридаши. Девушка вышла к пей из соседней комнаты. Наступили сумерки, и царивший в комнате полумрак скрывал лицо Хоридаши.

— Поставь цветы в воду и укрась ими комнату,— приказала Кхемонкори. С этими словами она передала букет Комоле, оставив себе одну розу.

Одну вазу с цветами Комола поставила в молельне Нолинакхо, другую на столике в его спальне. Затем она открыла платяной шкаф, положила оставшиеся цветы на деревянные сандалии Нолиннакхо и в почтительном поклоне коснулась головой пола, из глаз ее полились слезы. Ничего в целом мире не было у нее, кроме этих сандалий, но скоро ее лишат права поклониться даже им!

Кто-то вошел в комнату. Комола вскочила, быстро захлопнула дверь шкафа и оглянулась. Перед ней стоял Нолиннакхо. Бежать было поздно. Сгорая от стыда, девушка желала слиться с темпотою наступающего вечера.

Застав в своей спальне Комолу, Ноллипаххо тотчас же вышел, а она торопливо выбежала в другую комнату. Тогда Ноллипаххо снова вернулся в спальню. Что сделала эта девушка в его шкафу? Почему, увидев его, она поспешно захлопнула дверцу? Мучимый любопытством, Ноллипаххо открыл шкаф и увидел свои сапдалин, украшенные свежими цветами. Молодой человек молча закрыл дверцу и подошел к окну. Пока он смотрел на небо, вечерние сумерки быстро поглотили последние лучи зимнего солнца.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Дав согласие выйти замуж за Ноллипаххо, Хемполини старалась убедить себя, что это для нее большое счастье.

«Старые узы порваны, — тысячу раз мысленно говорила себе Хемполини. — Омрачавшие небо моей жизни грозовые тучи рассеялись. Теперь я свободна! Я порвала с прошлым!» — пастойчиво внушала она себе и наконец почувствовала радость отречения от мирских желаний. Когда погребальный костер с телом близкого перестает дымиться, человек на время освобождается от бремени житейских забот, вся жизнь ему кажется игрой и на какое-то время у него становится легко на душе; так было и с Хемполини. Она наслаждалась покоем, который наступил, когда она окончательно отрешилась от прошлого.

«Будь жива моя мать, я порадовала бы ее своим освобождением. Но как мне открыться отцу?» — размышляла девушка, возвратившись в тот вечер домой.

Оннода-бабу, сославшись на нездоровье, рано лег. Хемполини прошла к себе, достала дневник и до глубокой ночи писала.

«Запутавшись в тенетах смерти, я порываю с миром, — писала она. — Я не верила, что всевышний когда-нибудь освободит меня от старых оков и вдохнет в мою душу новую жизнь. Но сегодня, тысячу раз с благоговением припадая к его стопам, я полна решимости вступить на новый путь служения долгу. Я недостойна счастья, которое дарует мне судьба. О, дай мне силы, всевышний, сохранить его до конца моих дней! Я верю, что человек, с чьей судьбой должна соединиться моя ничтожная судьба, сделает мою жизнь полной и счастливой. Молю об одном: чтобы сама я смогла отплатить ему тем же».

Закрыв дпвник, Хемполини вышла в окутанный темпотою сад. Стояла тихая звездная прохладная ночь. Девушка долго ходила по усыпанным гравием дорожкам. Бескрайнее небо нашептывало слова успокоения ее омытой слезами душе.

На следующий день, когда Опиода-бабу с дочерью собирались отправиться к Нолипакхо, к их дому подкатил экипаж. С козел прыгнул один из слуг Нолипакхо и доложил, что прибыла его госпожа. Опиода-бабу поспешил навстречу гостье. Он появился в дверях своего дома, когда Кхемонкори уже вышла из экипажа.

— Сегодня мне выпало большое счастье! — приветствовал Опиода-бабу гостью.

— Я пришла благословить вашу дочь, — сказала Кхемонкори, входя в дом.

Опиода-бабу привел ее в гостиную и, заботливо усадив на диван, сказал:

— Посидите, пожалуйста, сейчас я позову Хем.

Хемполини одевалась, готовясь ехать в гости, но, услышав о приезде Кхемонкори, она торопливо выбежала в гостиную и поздоровалась с почтительной женщиной.

— Пусть будет жизнь твоя долгой и счастливой! Протяни мне свои руки, дорогая, — сказала Кхемонкори и надела на них два массивных золотых браслета, изображающих чудовище макару. Браслеты, звеня, свободно повисли на топких руках девушки. Хемполини распростерлась ниц, благодаря будущую свекровь за подарок. Кхемонкори взяла в обе ладони ее лицо и поцеловала девушку в лоб. От этой ласки и благословения на душе Хемполини сделалось покойно и радостно.

— Дорогой мой, — обратилась Кхемонкори к Опиода-бабу, — приглашаю вас с дочерью завтра к себе.

На следующее утро Опиода-бабу с Хемполини, как обычно, сидели в саду за чаем. Измученный болезнью, Опиода-бабу за одну ночь порозовел и помолодел от счастья. Время от времени он поглядывал на умиротворенное лицо дочери, и ему начинало казаться, что сегодня своей кротостью и нежностью оно сильно напоминает лицо его покойной жены, недавние слезы лишь смягчили блеск радости Хемполини, сделали ее более глубокой.

Все мысли Опиода-бабу были заняты предстоящим визитом. Он боялся опоздать, и Хемполини то и дело приходилось уверять его, что времени у них много. И в самом деле, было всего лишь восемь часов утра.

— Нет, нет... Собираться нам придется долго, — возражал Оннода-бабу. — Лучше прийти раньше, чем позже.

В это время к воротам подъехал груженный чемоданами и прочими вещами экипаж. С криком «дада приехал» Хемнолипи бросилась навстречу. Из экипажа вылез улыбающийся Джогендро.

— Здравствуй, Хем. Как поживаешь?

— Кого ты привез с собой? — спросила Хемнолипи.

— Это рождественский подарок папе, — рассмеялся Джогендро.

На ступеньках экипажа появился Ромеш. При виде его Хемнолипи обратилась в бегство.

— Не убегай, Хем! Выслушай меня... — крикнул вслед ей Джогендро.

Но она ничего не слышала и мчалась так быстро, будто за ней гналось привидение и она спасала свою жизнь.

Несколько секунд Ромеш стоял ошеломленный, не зная, что делать: то ли догнать девушку, то ли снова сесть в экипаж.

— Пойдем, Ромеш. Отец здесь, в саду, — сказал Джогендро и, взяв его за руку, подвел к Онноде-бабу.

Тот еще издали узнал Ромеша. Появление молодого человека вконец расстроило его.

«Опять новое препятствие», — подумал он, проводя рукой по волосам.

Ромеш поклонился. Оннода-бабу жестом пригласил его сесть и обратился к сыну:

— Ты приехал вовремя, Джоген. Я как раз сегодня собирался послать тебе телеграмму.

— Зачем? — спросил Джогендро.

— Скоро свадьба Хем с Нолинакхо. Вчера его мать приходила благословить Хем.

— Что ты говоришь, отец! Неужели все решено? Разве вы не могли посоветоваться со мной?

— Трудно предугадать, что ты скажешь, Джогендро! — воскликнул Оннода-бабу. — Я еще не был знаком с Нолинакхо, а ты из всех сил сватал его Хемнолипи.

— Верно! Но стоит ли об этом вспоминать! Еще ведь не поздно помешать этой свадьбе! Прежде всего я должен многое тебе объяснить. Сначала выслушай меня, а потом поступай, как сочтешь нужным.

— Хорошо, как-нибудь потом поговорим. Сейчас у меня нет времени. Мне нужно ехать,

— Куда?

— Мать Холивакхо пригласила нас. Ты можешь пообедать, Джоендро, и...

— Нет, нет. Обо мне не беспокойся! — перебил его молодой человек. — Мы с Ромешем поедим где-нибудь в ресторане. Надеюсь, к вечеру вы вернетесь? Мы тогда придем к вам.

Оннода-бабу не мог заставить себя хоть из приличия заговорить с Ромешем. Он не мог даже взглянуть на него. Ромеш тоже не проронил ни слова. Когда настало время прощаться, он молча поклонился Онноде-бабу.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

— Я пригласила к нам на обед Хем и ее отца, дорогая, — еще накануне Кхемонкори сообщила Комоле. — Давай подумаем, чем угостить их. Гостю пужно показать, что его дочь голодать у нас не будет. Что ты на это скажешь, милая? Я знаю, ты прекрасная кухарка и меня не подведешь. Не помню, чтобы раньше сын мой обращал внимание на то, как приготовлена пища. А вчера он не пахотил слов для похвалы твоему обеду. Почему у тебя такой утомленный вид? Тебе нездоровится?

— Нет, я здорова, ма, — отвечала Комола, пытаюсь изобразить на своем печальном личике подобие улыбки.

Кхемонкори с сомнением покачала головой.

— Мне кажется, будто ты чем-то опечалена. Все может случиться, и тебе не надо смущаться. Не смотри на меня, как на чужую, ведь я отношусь к тебе, как к родной дочери. Почему ты не расскажешь мне, что тебя огорчает? Может быть, ты хочешь повестить своих родственников?

— Нет, ма! — взволновалась Комола. — Единственное мое желание — служить вам.

Но Кхемонкори словно не слышала ее слов.

— Не погостить ли тебе несколько дней у своего дяди? — продолжала она. — А потом, если захочешь, снова вернешься ко мне.

— Ма! — взмолилась встревоженная Комола. — Когда я с вами, мне не надо никого на свете! Если я в чем-нибудь провинилась, накажите меня, но не отсылайте от себя даже на один день.

Кхемонкори ласково потрепала девушку по щеке.

— Вот потому-то я и говорю, что ты была моей матерью в прежнем рождении. Иначе мы не могли бы с пер-

вого взгляда так привязаться друг к другу. А теперь ступай, девочка, пораньше ложись спать. За целый день ты не знаешь и минуты покоя.

Придя к себе в спальню, Комола закрыла дверь, погасила лампу и в темноте опустила на пол. Так она сидела долго и многое передумала.

«По випе судьбы я потеряла все права на мужа,— думала Комола,— но я должна заботиться о нем, если даже мне придется отказаться от своего счастья. И если когда-нибудь представится возможность услужить ему, мой долг отдать этому все свои силы. Да поможет всевышний мне выполнить его с улыбкой и не думать о большем. Надо радоваться тем крохам счастья, которые выпадают на мою долю, иначе я потеряю все».

Комола тщательно продумала все, и в душе ее созрело определенное решение.

«С завтрашнего дня в моем сердце не будет места скорби, с лица уйдет печаль. Я не стану оплакивать свои несбывшиеся мечты и буду служить ему до конца жизни. Больше я ничего не хочу, не хочу, не хочу!»

Комола легла спать, но никак не могла уснуть и долго ворочалась с боку на бок. Ночью она несколько раз просыпалась и снова начинала шептать: «Больше я ничего не хочу, не хочу...»

Проснувшись на рассвете, девушка снова собрала всю свою решимость и, сжимая руки, повторила:

— До самой смерти я буду тебе служить! И больше я ничего не хочу, не хочу!..

Комола быстро ополоснула руки и лицо, сменила сари и прошла в молельню Нолинакхо. Краем сари она стерла пыль с вещей, расстелила циновки, а затем побежала к Ганге выкупаться. Кхемонкори, вставшая наконец неотступным просьбам Нолинакхо, прекратила свои омовения перед восходом солнца. И теперь ранним холодным утром Комолу провожал Умеш.

После купания Комола пришла к Кхемонкори и приветливо поздоровалась с ней. Старая жепшина еще только собиралась идти к Ганге.

— Зачем ты бегала на реку так рано? — сказала она Комоле. — Могла бы подождать и пойти вместе со мной.

— Сегодня много работы, ма, — оправдывалась Комола. — Мне нужно приготовить овощи и послать Умеша кое-что докупить на рынке.

— Ты прекрасно все обдумала, девушка! — сказала Кхемонкори. — К приходу гостей мы будем готовы.

В это время появились Нолинякхи. У Нолинякхи волосы на влажные волосы крив сари, удерживая.

— Ма, ты, кажется, собралась уехать? — спросила Нолинякхи. Лучшее повременить несколько дней.

— Забудь, что ты врач, Нолинякхи. Не надо быть бессмертными, отказываясь от смерти. Я хочу, чтобы ты пришла Кхемонкори. — Ты, я вижу, очень устала. Возвратись пораньше...

— Зачем, ма?

— Я забыла предупредить, что сегодня вечером придет благословить тебя.

— Благословить? — изумилась Нолинякхи. — Зачем такая торжественность? Я вижу его каждый день.

— Я подарила вчера Хемполини две благословения. Она благословила ее, — объяснила Кхемонкори. — Почему бы и Онноде-бабу не поступить так же? В общем не беспокойся. Гости будут к обеду.

На этом они расстались. Кхемонкори вышла из комнаты, а Нолинякхи, опустив голову, полным решительным шагом пошла в город.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Увидев Ромеша, Хемполини убежала в себя в комнату, прикрыла за собой дверь и опустилась на постель. Ей прошло первое смятение, ею овладел стыд.

«Отчего я не смогла без смущения встретиться с Ромешем? Почему так неожиданно во мне заговорили чувства, в которое я уже не верю? — спрашивала себя Хемполини. — Значит, я не могу доверять самой себе? Или я не могу позволить себе такую несдержанность?»

Хемполини встала и вышла из комнаты.

«На этот раз я не сбегу. Я одержу победу над собой!» — уговаривала себя девушка, направившись к себе, чтобы встретиться с Ромешем.

Потом, что-то вспомнив, она перешла в свою комнату, взяла из шкатулки и надела подаренные материю Нолинякхи браслеты. Вооружившись таким образом, она вышла в бой, Хемполини вышла в сад, куда вышел Ромеш.

— Ты куда, Хем? — спросил ее, увидев Хемполини.

— А где Ромеш-бабу и дядя?

— Они ушли.

Узнав, что уже нет надобности испытывать собственную волю, девушка с облегчением вздохнула.

— Сейчас... — заговорил Оппода-бабу.

— Да, да, отец, я мигом буду готова, — перебила его дочь. — С купанием не задержусь, посылай пока за экипажем.

Такой энтузиазм Хемполини по поводу предстоящего визита был неожиданным и каким-то естественным. Прозвучавшее в ее голосе искусственное воодушевление не обмануло Опподу-бабу, и им вновь овладело беспокойство.

Хемполини поспешно выкупалась, оделась и вышла к отцу.

— Экипаж не подали, отец? — спросила она.

— Нет еще.

В ожидании экипажа Хемполини вышла в сад прогуляться. А Оппода-бабу уселся на веранде, то и дело нервно проводя рукой по волосам.

Около половины одиннадцатого они подъехали к дому Нолинакхо. Сам доктор еще не вернулся, и Кхемонкори пришлось одной развлекать гостей. Она расспрашивала Опподу-бабу о его здоровье и семейных делах, изредка бросая взгляды на Хемполини. Почему лицо девушки не сияет от счастья, как румяная заря перед восходом солнца? Ее задумчивый взгляд затуманен печалью. Кхемонкори это было неприятно и больно ранило ее душу.

«Любая девушка была бы счастлива выйти замуж за Нолинакхо. А эта возомнила себя чересчур образованной и, видимо, считает, что слишком хороша для него. Чем еще можно объяснить ее задумчивость и рассеянность? — размышляла Кхемонкори. — А всему виной я сама. На старости лет стала нетерпеливой, не могла повременить! Решила жепить Нолина на девушке со сложившимся характером, а не попыталась узнать ее получше. Правда, у меня нет времени для размышлений. Надо поскорее устроить все свои мирские дела и приготовиться к уходу из этого мира».

Все эти мысли ни на минуту не покидали Кхемонкори и мешали ей вести беседу с Опподой-бабу.

— Мне кажется, не следует спешить со свадьбой, — сказала она гостю. — Наши дети достаточно взрослые, чтобы решать подобные вопросы. Не нужно торопить их. Я не знаю, как относится к этому Хем, но что до Нолина, могу сказать, он с этой мыслью еще не вполне освоился.

Последние слова предназначались главным образом для Хемполини. Ведь девушка не выразила особой радо-

сти по поводу предстоящей свадьбы, и Кхемонкори не хотела, чтобы Хем и ее отец думали, что сын ее безмерно счастлив.

Перед тем как отправиться в гости, Хемполипи собрала все свои душевные силы, чтобы казаться радостной и веселой, но это ей не удалось. Минутное оживление сменилось глубокой печалью. Придя в дом Кхемонкори, девушка почувствовала, что ею овладевают сомнения, а жизненный путь, на который ей предстоит вступать, казался трудным, тернистым и бесконечным.

Пока старшие обменивались любезностями, в душе Хемполипи родилось неверие в свои силы, и она сильно страдала от этого. Когда Кхемонкори предложила отложить свадьбу, в душе девушки началась борьба двух противоречивых чувств. С одной стороны, ей казалось, что чем быстрее будет заключен брак, тем скорей она освободится от всех своих мучительных колебаний и сомнений. Однако при известии, что свадьба откладывается на неопределенный срок, Хем почувствовала невольное облегчение.

Кхемонкори не сводила глаз с девушки, стараясь определить, какое впечатление произведут на Хемполипи ее слова. И, заметив на лице ее выражение успокоенности, почувствовала против Хемполипи раздражение.

«Слишком дешево я оценила своего Ноллипа!» — подумала старая жепщица и обрадовалась, что сын запаздывает.

— Видишь, какой Ноллип? — сказала Кхемонкори, взглянув на Хемполипи. — Ведь прекрасно знал, что вы сегодня приедете, и задерживается. Мог освободиться пораньше. А стоит мне заболеть, он бросает все и остается дома, несмотря на то что терпит убыток.

Заявив, что ей нужно взглянуть, готов ли обед, Кхемонкори покинула гостей. Она решила оставить Хемполипи на попечение Комолы, чтобы переговорить с Онподой-бабу наедине.

Обед был готов и стоял на слабом огне. В уголке тихо сидела Комола, погруженная в глубокую задумчивость. При неожиданном появлении Кхемонкори она вздрогнула и в полной растерянности вскочила на ноги.

— Да ты совершенно поглощена своей стряпней, Хоридаши, — воскликнула Кхемонкори.

— Все готово, ма, — ответила Комола.

— Почему же в таком случае ты сидишь здесь в одиночестве? Онпода-бабу — старик, тебе его стыдиться нечего. С ним пришла Хем. Позови-ка ее к себе в комнату

и займи разговором. Зачем заставлять ее скучать со мной, старухой!

Раздражение против Хемполини удвоило нежность Кхемонкори к Комоле.

— О чем же мне с ней разговаривать? — испуганно спросила Комола. — Она ведь образованная, а я ничего не знаю.

— Подумаешь! — воскликнула Кхемонкори. — Ты не хуже других, девочка. Пусть Хем гордится своей ученостью, но не много найдется таких привлекательных девушек, как ты. Любая, пачитавшись книг, может стать ученой, но не станет от этого красивее тебя. Пойдем, Хоридаши. Но погоди, ты плохо одета, я одену тебя как нужно.

Оскорбленная Кхемонкори горела желанием унижить гордую Хемполини во всем. Ей хотелось, чтобы красота ее поблекла перед очарованием этой простой девушки. Не слушая возражений Комолы, старая женщина с большим вкусом и умением облачила ее в бирюзовое шелковое сари и по моде причесала. Затем принялась вертеть девушку во все стороны, любуясь своей работой, и в восхищении поцеловала ее в щеку.

— Ты такая красавица, что достойна стать женой раджи.

— Мать, они сидят там совсем одни, — напомнила ей Комола. — Мы и без того заставили их ждать.

— А, пусть сидят! Пока я тебя не одену, мы не движемся с места.

Наконец девушка была готова.

— Ну а теперь идем, милая! И не смущайся! — говорила Кхемонкори. — Перед тобой поблекнет любая окончившая колледж красавица. Можешь высоко держать голову!

Кхемонкори ввела упирающуюся Комолу в гостиную, где сидели Оинода-бабу с дочерью. Оказалось, что Нолипакхо уже вернулся и беседует с ними. Комола попыталась убежать, но Кхемонкори удержала ее.

— Не смущайся, дорогая. Здесь все свои.

Старая женщина гордилась красотой и нарядом Комолы. Она решила изумить всех ее видом. Хемполини пренебрегла ее сыном, оскорбила ее материнскую гордость, и Кхемонкори была рада унижить девушку в глазах Нолипакхо.

Красота Комолы в самом деле поразила всех. Когда Хемполини впервые увидела Комолу, та была одета скромно, смущена и старалась казаться незаметной, к тому же

Хемнолипи не успела как следует рассмотреть ее. Но сегодня внешность девушки поразила Хемнолипи. Она встала и посадила оробевшую Комолу рядом с собой.

Кхемонкори торжествовала. Все присутствующие в душе должны были согласиться с тем, что Комола прекрасна.

— Можешь пойти к себе в комнату и поговорить с Хем,— предложила она Комоле.— Я сама все сделаю.

Комола с волнением думала о том, как отнесется к ней Хемнолипи. Ведь скоро она войдет в этот дом женой Ноллинанхо, станет хозяйкой. И для Комолы ее расположение было далеко не безразлично. Комола упорно не разрешала себе думать о том, что по праву хозяйкой в этом доме должна быть она сама. Даже тень ревности не пускала она к себе в душу. Для себя Комола ничего не требовала. Но когда она шла с Хемнолипи, ноги ее дрожали.

— Мать все рассказала мне о тебе,— ласково обратилась к ней Хемнолипи.— Мне очень жаль тебя. Теперь ты должна считать меня своей сестрой. Есть у тебя сестра?

— Родной нет, только двоюродная,— ответила Комола, ободренная лаской и дружелюбием, звучавшими в голосе Хемнолипи.

— И у меня нет,— сказала Хемнолипи.— Моя мать умерла, когда я была совсем еще маленькой. Сколько раз, в радости, в горе ли, мечтала я, чтобы рядом со мной находилась хотя бы сестра, раз не суждено мне иметь мать. С детства я всегда все таила в себе и в конце концов так к этому привыкла, что не умею быть откровенной. А люди считают меня заносчивой. Но ты, дорогая, так обо мне не думай. Просто мое сердце привыкло молчать.

Смущение Комолы окончательно прошло после признания Хемнолипи.

— Вы будете меня любить, диди? — спросила она.— Ведь вы даже не подозреваете, какая я глупая!

— Когда ты меня узнаешь поближе,— улыбнулась Хемнолипи,— то убедишься, что я тоже ужасно глупа. Я вызубрила несколько книг и больше ничего не знаю. Прошу тебя, не оставь меня, если я перееду к вам в дом. Мне страшно даже думать, что все заботы по хозяйству лягут на меня.

— Предоставьте все хлопоты мне,— доверчиво, как ребенок, воскликнула Комола.— Я привыкла к домашней работе, и она не пугает меня. Мы будем вести хозяйство вместе, как две сестры. Вы станете заботиться о его счастье, а я буду служить вам обоим.

— Вот и прекрасно, дорогая, — сказала Хем. — Своего мужа ты, кажется, так и не видела. Не помнишь даже, какой он?

— Я не предполагала, диди, что мне необходимо его запомнить, — сказала Комола, избегая прямого ответа. — Но, поселившись в доме дяди, я очень подружилась с моей двоюродной сестрой Шойлой и увидела, как она преданно ухаживает за своим мужем. Тут я и осознала свой долг. Трудно это объяснить... Я почти не помню своего мужа, однако научилась любить его всей душой. И всевышний стал милостив ко мне — сейчас в душе моей живет ясный образ моего мужа. Пусть я не жена ему, но теперь он всегда со мной.

Слова Комолы, полные самоотверженной любви к супругу, глубоко тронули Хемполини.

— Я прекрасно понимаю тебя, — заметила она. — Именно то, что чувствуешь ты, и есть истинное обладание. Все, что приобретается в корыстных целях, — недолговечно.

Трудно сказать, дошел ли до Комолы смысл слов Хемполини. Некоторое время она молча смотрела на девушку, потом проговорила:

— Вы правы, диди. Я не разрешаю себе грустить и потому счастлива. Мне выпало немного счастья на долю, но это немногое принадлежит только мне одной.

Хемполини взяла руки Комолы в свои:

— Мой паставник говорит: «Лишь тот познал истинное счастье, кто понял, что утрата и приобретение тождественны». Признаюсь тебе, сестра, я была бы по-настоящему счастлива, если б сумела достичь такого самоотречения, как ты.

Такое признание несколько удивило Комолу.

— Почему вы так говорите, диди? — спросила она. — Вы достойны многого, и у вас никогда не будет ни в чем недостатка.

— О, как бы я радовалась, получив только то немногое, на что я имела право! — воскликнула Хемполини. — Но получить больше — огромное горе и неизмеримая ответственность! Слова мои, конечно, кажутся тебе странными. Да я и сама себе удивляюсь! Но, вероятно, сам всевышний внушил мне подобные мысли. Сегодня весь день мне было очень тяжело, но после разговора с тобой стало как будто легче. Я чувствую, что обрела силы, потому и разоткровенничалась. Такого со мной никогда еще не случалось. Как это удалось тебе, сестра?

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Вернувшись домой, Хемнолини пашла па столе в гостинной пухлое письмо па свое имя и по почерку догадалась, что оно от Ромеша. Взяв его с бьющимся сердцем, девушка прошла к себе в комнату, заперлась па ключ и принялась читать.

В письме Ромеш подробно излагал всю историю своих отношений с Комолой.

«Обстоятельства разорвали крепкие узы, которыми всевышний соединил наши жизни. Теперь ты отдала свое сердце другому. Я тебя не виню, но не осуждай и ты меня. Ни одного дня Комола не была моей женой. Но долг не велит мне скрывать от тебя, что меня все больше и больше влекло к ней! Да и сейчас я не знаю, прошло ли это увлечение. Если бы ты меня не покинула, я нашел бы успокоение в твоей любви. Именно с этой надеждой, с истерзанной душой пришел я к тебе сегодня, но, увидев, что ты меня избегаешь, понял, как велико твое презрение. А когда узнал, что ты дала согласие на брак с другим, в моей душе вновь поднялись все прежние сомнения! Я убедился, что не могу забыть Комолу! Но как бы то ни было, страдать не должен никто, кроме меня. Мне никогда не забыть двух прекрасных девушек, которые так много значили для меня. Всю жизнь не перестану я вспоминать о них с любовью и благодарностью. Сегодня утром мимолетная встреча с тобой глубоко взволновала меня. Я вернулся домой, чувствуя себя несчастнейшим в мире человеком. Но сейчас я понял, что это не так. С покоем и радостью в сердце расстаюсь я с тобой и прошу от всей души простить меня. Благодаря вам обоим и по милости всевышнего в этот час расставания я не чувствую горечи. Будь счастлива! Будь благословенна! Не презирай меня — я не заслуживаю презрения».

Прочитав письмо, Хемнолини отправилась к отцу. Оннода-бабу сидел в кресле с книгой в руках.

— Ты здорова, Хем? — спросил он, встревоженный видом дочери.

— Здорова, — коротко ответила девушка. — Я получила письмо от Ромеша-бабу. Прочти, а потом отдашь мне.

С этими словами Хем вышла. Оннода-бабу надел очки и несколько раз перечитал письмо. Отослав его со слугой к дочери, он глубоко задумался.

«Пожалуй, это даже хорошо,— решил Оннода-бабу.— Как жених Нолипакхо куда лучше Ромеша. Я рад, что Ромеш оставил Хемнолинн в покое». Размышления Онноды-бабу прервал приход самого Нолипакхо. С тех пор как они расстались, не прошло и нескольких часов, и потому его появление озадачило Онноду-бабу.

«Должно быть, Нолипакхо очень увлечен Хем»,— усмехнулся про себя старик.

Пока он придумывал предлог, чтобы устроить молодым людям встречу, а самому удалиться, Нолипакхо сказал:

— Как вы знаете, Оннода-бабу, предполагается мой брак с вашей дочерью. Но прежде я хотел бы поговорить с вами.

— Очень хорошо! — ответил Оннода-бабу.— Я слушаю вас.

— Я был уже женат.

— Знаю, но...

— Неужели вы знали об этом? Значит, вы считаете, что жена моя умерла. Однако быть вполне уверенным нельзя. Я лично убежден, что она жива.

— Молю всевышнего, чтобы это было так! — воскликнул Оннода-бабу.— Хем! Хем! — позвал он дочь.

— Что случилось, отец? — спросила Хем, входя в комнату.

— В письме, которое написал тебе Ромеш, есть часть...

— Пусть Нолипакхо прочтет все письмо от начала до конца,— сказала Хемнолинн и, отдав письмо доктору, покинула комнату.

Закончив чтение, Нолипакхо не мог вымолвить ни слова.

— Такие печальные совпадения редко случаются,— первым нарушил молчание Оннода-бабу.— Разумеется, это письмо заставило вас снова страдать. Но было бы нечестно с нашей стороны скрыть его от вас.

Нолипакхо хранил молчание. Немного погодя он поднялся и простился. Покидая дом Онноды-бабу, он заметил на северной веранде Хемполиинн. Вид ее поразил Нолипакхо. Девушка стояла неподвижная и спокойная, в то время как на душе у нее было так тяжело! О чем она думала сейчас? Нолипакхо хотел спросить, не пуждается ли она в его помощи, но он не решился. Да и вряд ли могла она ответить на этот вопрос.

«В силах ли я дать ей утешение? — думал глубоко огорченный молодой человек.— Порой между людьми воз-

пикают непреодолимые преграды. До чего же одинока человеческая душа!»

Направляясь к своему экипажу, Ноллиакхо нарочно сделал крюк, чтобы пройти мимо веранды, где стояла Хемнолипи. Он надеялся, что девушка окликнет его. Но когда он подошел к веранде, Хемнолипи уже не было.

«Нелегко понять, что творится в сердце другого. Отношения между людьми крайне сложны», — подумал Ноллиакхо и, печально вздохнув, сел в экипаж.

Почти сейчас же после его ухода появился Джогендро.

— Ты один, Джоген? — спросил Оппода-бабу.

— Интересно, кого еще ты ждешь? — в свою очередь задал вопрос Джогендро.

— Как кого? А Ромеш?

— Для уважающего себя человека хватит и одного такого приема, какой ты ему оказал. После этого ему остается, по-моему, лишь броситься в Гангу у Бенареса и освободить душу от бренного тела. Больше я его не видел. Лишь нашел у себя на столе клочок бумаги со словами: «Бегу! Твой Ромеш». Я никогда не понимал поэзии подобного рода. Потому, боюсь, мне тоже придется бежать отсюда. В моей работе старшего учителя все ясно, определено, лишено и тени тумана.

— Но надо же что-нибудь решить относительно Хем, — попытался вставить свое слово Оппода-бабу.

— Опять! — раздраженно перебил его Джогендро. — Вы отвергаете все, что бы я ни предлагал. Мне эта игра надоела. Прошу вас не вовлекать меня больше в нее. Совершенно не выполшу того, чего не понимаю, а Хем обладает удивительной способностью вдруг становиться непостижимой, что совершенно сбивает меня с толку. Завтра утренним поездом я уезжаю. По дороге заеду по делам в Бакипур.

Оппода-бабу молча провел рукой по волосам. Слова перед ним встал неразрешимый вопрос.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ

Перед отъездом из Бенареса Шойлоджа с отцом посетили Ноллиакхо. Шойлоджа и Комола уединились в боковой комнате, там они долго и оживленно о чем-то шептались. Чокроборти беседовал с Хемонкори.

— Мой отпуск кончился,— сказал он.— Завтра я уезжаю в Газипур. Если Хоридаши вам падоест, вы...

— Что вы говорите, господин Чокроборти,— прервала его Кхемонкори.— Неужели вы в самом деле так думаете? Или это лишь предлог отнять у меня вашу девочку?

— Я не из тех, кто отбирает назад подарки,— ответил дядя.— Но если вам кажется неудобным...

— Что-то вы хитрите,— сказала Кхемонкори.— Вы сами прекрасно знаете, что нет ничего приятнее, как иметь возле себя такую очаровательную девушку, как Хоридаши, по...

— Хорошо, хорошо,— не дал ей закончить Чокроборти,— не будем больше говорить об этом. Меня уличили! Я пустился на маленькую уловку, чтобы лишний раз услышать, как вы хвалите Хоридаши. Меня беспокоит другое — не считает ли доктор Нолинакхо, что она свалилась к вам с неба на голову. Моя девочка очень гордая. И если Нолинакхо-бабу хоть чуть-чуть даст ей почувствовать, что ее присутствие его раздражает, ей будет тяжело.

— О, Хари! — воскликнула Кхемонкори.— Чтобы Нолинакхо был раздражен! Да он на это вовсе не способен.

— И очень хорошо. Но поймите меня! Я люблю Хоридаши больше жизни,— продолжал дядя.— И когда дело касается моей девочки, малым не довольствуюсь. Мне далеко не достаточно того, что она ему не мешает, ведь он не замечает ее. Я не перестану волноваться до тех пор, пока не уверюсь, что Нолинакхо-бабу видит в Хоридаши близкого человека. Она не стена, а человек. И если он не будет ни любить, ни ненавидеть ее...

— Господин Чокроборти,— перебила его Кхемонкори,— вы не думайте, что мой Ноли не способен относиться к Хоридаши, как к родственнице. Со стороны этого не видно, но весьма вероятно, что он уже думал над тем, как сделать жизнь Хоридаши в нашем доме более приятной и счастливой.

— Тогда я спокоен,— сказал дядя,— но, прежде чем уйти, мне хотелось бы поговорить с самим Нолинакхо-бабу. В мире редко встречаются мужчины, способные взять на себя заботу о счастье женщины. А Нолинакхо небо наделило всеми необходимыми для этого качествами. Я постараюсь ему внушить, чтобы он не сторонился Хоридаши из ложных опасений, а заботился о ней, как о родном человеке.

Доверие, оказанное Чокроборти ее сыну, пришлось Кхемонкори по сердцу.

— Из страха вызвать ваше недовольство я держала Хоридаши подальше от Ноллиакхо. Но я знаю своего сына, можете в нем не сомневаться.

— Буду с вами откровенен, — сказал Чокроборти. — Прошел слух, что Ноллиакхо-бабу скоро женится. Говорят, невеста не так уж молода и училась больше, чем у нас принято. Вот я и думаю, как бы Хоридаши...

— Неужели я сама этого не понимаю! — перебила его Кхемонкори. — Но можете не беспокоиться, свадьбы не будет.

— Неужели помолвка расстроилась?

— Там и расстраивать-то было нечего. Ведь Нолли никогда не хотел этого брака — я настаивала. Но теперь сама отказалась от этой мысли. Человека насильно счастливым не сделаешь. Мне неизвестно желания всевышнего, но, судя по всему, я так и умру, не дождавшись свадьбы сына.

— Не говорите так! — воскликнул Чокроборти. — А мы на что? Я и сам не откажусь от угощения и подарков, причитающихся спуту!

— Вашими устами да мед пить, господин Чокроборти, — вздохнула Кхемонкори. — Мне тяжело, что по моей вине Нолли до сих пор не обзавелся семьей. Вот я и поспешила с этой помолвкой, ничего как следует не обдумав. И, видите, неудачно. Теперь займитесь этим вы, только торопитесь — долго я не проживу.

— И слушать вас не хочу, — возразил дядя. — Вы еще долго будете жить и собственными глазами увидите свою невестку. Я-то знаю, какая вам пужна: не очень юная, но чтобы уважала вас и во всем была покорна. Другая вам не понравится. Перестаньте же беспокоиться, с божьей помощью все устроится. Теперь, если не возражаете, я пойду к Хоридаши и дам ей несколько наставлений, как себя вести. А к вам пришлю Шойлоджу. С тех пор закона познакомилась с вами, она только о вас и говорит.

— Нет, вы лучше побеседуйте все вместе, у меня есть кое-какие дела.

— Мне повезло! — засмеялся Чокроборти. — Не сомневаюсь, что немного погодя мы сможем ознакомиться с этими «делами». Признайтесь, вы идете готовить угощение для того счастливого брахмана, который найдет невесту вашему сыну.

Войдя в комнату, где беседовали подруги, Чокроборти заметил, что глаза Комолы блестят от слез. Он молча сел рядом с дочерью и вопросительно взглянул ей в лицо.

— Папа, я сказала Комоле, что пришло время все открыть Нолипакхо-бабу, — объяснила Шойла. — А твоя глупышка Хоридаши ссорится со мной из-за этого.

— Нет, диди, нет, — возразила Комола. — Умоляю тебя, не говори больше об этом. Это невозможно!

— Дурочка! — воскликнула Шойла в пегодовании. — Ты будешь молчать, а Нолипакхо тем временем жежится на Хемполлини! С самого первого дня твоей свадьбы ты только и знала один страдания, едва не рассталась с жизнью! Зачем же подвергать себя новым мукам?

— Не рассказывай обо мне никому, диди, — просила Комола. — Я все могу выпести, только не позор. Я вполне довольна тем, что имею. И вовсе не несчастна. Но если ты все ему откроешь, как я остаюсь в этом доме? Как буду жить?

Шойла не нашлась, что возразить. Но, зная, что Нолипакхо женится на Хемполлини, молчать считала недопустимым.

— Еще неизвестно, состоится ли эта свадьба, — сообщил дядя.

— Что ты говоришь, отец? — изумилась Шойлоджа. — Ведь мать Нолипакхо-бабу уже дала свое благословение Хемполлини.

— Благодаря милости всевышнего оно потеряло свою силу, — объяснил дядя. — Оставь все свои страхи, дорогая Комола. Правда на твоей стороне.

Комола не могла понять, что сказал дядя, и смотрела на него широко открытыми глазами.

— Помолвка расстроилась! — объяснил Чокроборти. — Нолипакхо-бабу не согласился на этот брак, а на его мать наконец снизошло просветление.

— Мы спасены, отец! — радостно вскричала Шойлоджа. — Вчера я не могла уснуть всю ночь, узнав о помолвке. Но долго еще Комола будет жить в своей семье, как чужая? Когда же наконец все выяснится?

— Не нужно спешить, Шойла, — сказал Чокроборти. — Все уладится в свое время.

— Мне и так хорошо, — вступила в разговор Комола, — лучше и быть не может. Я очень счастлива. Желая помочь, вы только сделаете мне хуже, дядя. Умоляю вас, никому ничего не говорите. Оставьте меня здесь, в укромном уголке, и забудьте о моем существовании. Я счастлива.

Слезы павернулись на глаза девушки.

— Ну, дорогая, зачем же плакать! — встревожился Чокроборти. — Я прекрасно понял, что ты хотела сказать. Мы твоего покоя не нарушим. Всевышний со временем все поставит на свое место, и с нашей стороны было бы безумием что-нибудь испортить. Не бойся! Я стар и знаю, как нужно поступать.

В эту минуту вошел Умеш со своей неизменной улыбкой на лице.

— Что тебе? — спросил дядя.

— Там пришел Ромеш-бабу и спрашивает доктора.

Комола побледнела. Чокроборти поспешно встал со своего места.

— Не пугайся, дорогая, — сказал он, — я все улажу.

Он спустился вниз и взял Ромеша под руку.

— Выйдем на улицу, — сказал Чокроборти. — Там мы сможем поговорить.

— Как вы здесь очутились? — удивился Ромеш.

— Благодаря вам, — ответил дядя. — Я очень рад вас видеть. Пойдемте скорей, я должен кое-что сказать. — И он увлек Ромеша за собой.

— Зачем вы пришли сюда, Ромеш-бабу? — спросил Чокроборти, когда они вышли из дома.

— Я хотел поговорить с доктором. Считаю своим долгом рассказать ему все о Комоле. Иногда мне кажется, что она жива.

— Предположим, что Комола в самом деле спаслась и встретится с Нолипакхо. Будет ему приятно услышать ее историю от вас? — сказал дядя. — У него старая мать, и, если она узнает все подробности, вряд ли Комоле от этого станет лучше.

— Не знаю, как посмотрит на это общество. Но Нолипакхо должен знать, что Комола ни в чем перед ним не виновата. Если же она действительно погибла, Нолипакхо обязан чтить ее память.

— Не понимаю нынешнюю молодежь! — воскликнул дядя. — Если Комола умерла, какой смысл приставать к мужу? Тем более что и мужем ее он был всего одну ночь! А вот дом, где я живу. Зайдите ко мне завтра утром, и я все вам объясню. Только обещайте до встречи со мной не видеться с Нолипакхо-бабу.

— Хорошо! — согласился Ромеш.

Простившись с ним, дядя вернулся в дом Нолипакхо.

— Дорогая моя, завтра утром ты должна прийти ко

мне,— сказал он Комоле.— Я хочу, чтобы ты сама все объяснила Ромешу-бабу.

Комола опустила голову.

— Я убежден, иначе нельзя,— продолжал Чокроборти.— Понятие о долге у современной молодежи совсем иное, чем у людей старшего поколения. Отбрось свои опасения, дорогая. Сейчас никто, кроме тебя самой, не может отстоять твои права. Здесь ты сильнее нас.

Голова девушки опустилась еще ниже.

— Многое уже выяснилось,— продолжал дядя.— И ты смело должна смести оставшиеся ничтожные препятствия.

Послышались чьи-то шаги. Подняв глаза, Комола увидела в дверях Нолипакхо. Взоры их встретились. Прежде Нолипакхо всегда спешил отвести глаза в сторону и уйти, но сегодня он не сделал этого. Он смотрел на Комолу всего лишь мгновение, но так, словно хотел что-то прочесть на ее лице. В его взгляде не было прежней перешителости и смущения. Заметив Шойлоджа, Нолипакхо хотел удалиться, но Чокроборти удержал его.

— Не уходите, Нолипакхо-бабу,— сказал он.— Мы считаем вас близким человеком. Это моя дочь Шойла. Вы лечили ее девочку.

Шойлоджа поклонилась Нолипакхо.

— Как здоровье вашей малютки? — спросил молодой человек, в свою очередь клаясь ей.

— Она прекрасно себя чувствует,— ответила Шойлоджа.

— Вы никогда не дадите насладиться вполне вашим обществом,— начал Чокроборти.— Но раз уж вы сегодня зашли, посидите немножко с нами.

Пока дядя усаживал доктора, Комола исчезла из компании. Мимолетный взгляд, подаренный ей Нолипакхо, наполнил ее душу радостным изумлением. Она удалилась к себе, чтобы наедине разобраться в своих чувствах.

— Господин Чокроборти, я должна вас побеспокоить,— сказала вошедшая в комнату Кхемонкори.

— С того момента, как вы нас покинули, я все время посматриваю на дверь в ожидании этого «беспокойства», — рассмеялся Чокроборти.

После угощения, когда все вернулись в гостиную, дядя сказал:

— Посидите минутку, я сейчас вернусь.

И вскоре он появился, ведя за руку Комолу. За ними следовала Шойлоджа.

— Нолинакхо-бабу, — обратился старик к доктору, — вы не должны отпоситься к нашей Хоридаши, как к чужой. Я оставляю несчастную девушку в вашем доме, отнесите же к ней, как к родной. Ей ничего не надо, кроме права служить вам. Вы скоро убедитесь, что она никогда не причинит вам зла.

Комола покраснела и смущенно потупилась.

— Можете быть спокойны, господин Чокроборти, — сказала Кхемонкори. — Хоридаши стала нам дочерью. До сих пор нам еще ни разу не приходилось задумываться над тем, какую поручить ей работу. Когда-то на кухне и в кладовой безраздельно властвовала я, теперь я ничто. Прислуга больше не считает меня хозяйкой. Прямо теряюсь в догадках, каким образом лишилась я своей былой власти. Ключи от дома всегда находились у меня, но Хоридаши и их сумела выманить. Скажите, чего еще хотите вы для своей маленькой разбойницы? Но если вы собираетесь отнять ее у меня — это будет величайшим грабежом на свете.

— Можете быть уверены, что она даже не пошевелинется, предложив я ей уехать отсюда. Вы так околдовали ее, что она забыла о существовании всех других людей на земле. В течение долгого времени она была очень несчастна и у вас наконец нашла успокоение. Да сохранит ей всевышний его, и пусть всегда ваше милосердие пребудет с ней. Вот мое прощальное благословение.

Глаза Чокроборти наполнились слезами. Нолинакхо молча выслушал дядю. Когда гости ушли, он медленно направился в свою комнату.

Заходящее солнце залило спальню Нолинакхо алым, как румянец невесты, светом. Красный, словно кровь, он будто проникал в каждую частичку его тела и воспламенил его душу.

Еще утром один из друзей Нолинакхо прислал ему корзину роз. Кхемонкори поручила Комоле украсить ими комнаты. Один из букетов девушка поставила в спальне Нолинакхо, и теперь ее наполнил аромат цветов. Тишина, багровые лучи заходящего солнца, благоухание роз — все это взволновало Нолинакхо. Долгое время жил он в мире воздержания и суровой пауки. И вот сейчас ему казалось, что где-то рядом неожиданно зазвучал барабан, а пебо огласилось перезвоном браслетов на ногах невидимых тац-

повшиц. Нолипакхо отвернулся от окна. Взгляд его упал на поставленный у изголовья кровати букет роз. Ему показалось, что цветы, словно чьи-то глаза, взирают на него и шепчут свою безмолвную мольбу к вратам его сердца.

Нолипакхо вынул одну из роз. Это был еще не распустившийся бледно-золотистый благоухающий бутон. Он прикоснулся к цветку, и в ответ ему почувствовалось пожатие чьих-то печальных пальцев. Дрожь пробежала по всему его телу. Молодой человек прижал нежный, ароматный цветок к губам, к глазам...

Последние лучи заходящего солнца постепенно угасали на темнеющем небе. Собираясь покинуть комнату, Нолипакхо подошел к постели и, приподняв покрывало, положил розовый бутон на подушку. Уже уходя, он вдруг увидел по другую сторону кровати съежившуюся на полу фигурку, в смущении прикрывшую лицо краем сарпи. То была Комола! Она не знала, куда деваться от стыда. Поставив цветы в нишу и приготовив постель для Нолипакхо, девушка уже собиралась уйти, но, услышав шаги доктора, торопливо спряталась за кровать. Теперь ей уже нельзя было ни убежать, ни спрятаться. Стыд словно привоздил ее к месту. Не желая смущать ее, Нолипакхо быстро вышел из комнаты, но, дойдя до двери, внезапно остановился. Затем медленно подошел к Комоле и сказал:

— Встань. И не стыдись меня.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

На следующее утро Комола пришла в дом дяди Чокроборти. Оставшись наедине с Шойлой, она крепко обняла подругу.

— Почему, сестра, ты сегодня такая счастливая? — спросила Шойла.

— Сама не знаю, диди, — ответила Комола. — Но мне кажется, что мои беды кончились.

— Расскажи все! — воскликнула Шойлоджа. — Мы ведь с тобой пробыли до самого вечера. Что же такое могло произойти после?

— Да ровно ничего. Только у меня такое чувство, будто теперь он принадлежит мне. Всевышний сжалился надо мной.

— Пусть будет так. Но все же не скрывай от меня ничего.

— Мне нечего скрывать, диди,— завершила ее Комола.— Просто не знаю, что тебе еще сказать. Прошла ночь, и, когда я утром проснулась, мне показалось, что жизнь приобрела для меня новый смысл. Я так счастлива! И работать было так легко, что невозможно выразить. Ничего больше мне не надо. Боюсь только, как бы не отняли у меня мое счастье. Не верится, что отныне каждый день моей жизни будет таким же светлым.

— Я тоже думаю, дорогая, что судьба не будет больше тебя обманывать,— сказала Шойла.— Ты заслужила свое счастье.

— Нет, нет! Не говори так, диди. Все заслуженное мной я получила и ни в чем не вию всевышнего. Больше мне ничего не надо!

В эту минуту в комнату вошел дядя.

— Дорогая, ты должна выйти к Ромешу-бабу,— обратился он к Комоле.— Он уже здесь.

До этого между Ромешем и Чокроборти произошел следующий разговор.

— Я знаю ваши отношения с Комолой,— сказал дядя Ромешу.— И советую теперь, когда все выяснилось, забыть прошлое, связанное с ней. Предоставьте все воле всевышнего, а сами ничего не предпринимайте.

— Прежде чем забыть Комолу, я должен рассказать о ней Нолиннакхо,— возразил Ромеш.— Не знаю, пужно ли вновь поднимать эту историю, во всяком случае, необходимо сказать то немногое, что я знаю, и получить свободу.

— Хорошо, подождите меня здесь, я сейчас вернусь,— сказал дядя.

Ромеш сел у окна и стал рассеянно следить за движущимся по улице людским потоком. Услышав позади себя шаги, он обернулся и увидел девушку, в поклоне склонившуюся до земли. Когда она встала, Ромеш не сдержался и с криком «Комола!» вскочил.

Комола стояла не шелохнувшись.

— Благодаря милосердию всевышнего все невзгоды Комолы остались позади. Счастье пришло на смелую горю,— сказал вошедший вслед за девушкой дядя.— Когда ей грозила опасность, вы помогли ей, хотя вам пришлось много испытать. Долго ее жизнь была связана с вашей. И Комола не могла расстаться с вами, не попрощавшись. Она пришла просить нашего благословения.

Ромеш молчал.

— Будь счастлива, Комола,— наконец с трудом вы-

молвил он. — И прости мне мою невольную или умышленную вину перед тобой.

Девушка ничего не ответила, она стояла, прислонившись к стене.

— Скажи, может быть, тебе нужна моя помощь, — помолчав, спросил Ромеш. — Должен ли я кому-нибудь рассказать о тебе?

— Прошу вас, не делайте этого, — умоляюще сложила руки Комола.

— Я долгое время не говорил о тебе никому. Молчал, даже когда это грозило мне неприятностями. И лишь несколько дней назад, уверенный, что это не повредит тебе, я поведал о твоей судьбе одной семье. Но мне кажется, что это обстоятельство скорее принесет тебе пользу, чем вред. Дядя, вероятно, слышал об Онподо-бабу и его дочери...

— Конечно, я знаком с Хемнолли! — прервал его дядя. — Так они все знают?

— Да, — подтвердил молодой человек. — Если необходимо еще что-нибудь сообщить им, я готов. А мне самому ничего не надо. Я потерял много времени, и многое от меня ушло. Теперь необходимо исполнить свой долг и обрести свободу. Свобода — главное для меня.

Дядя ласково пожал ему руку.

— Нет, Ромеш-бабу, — успокоил он его. — Вы уже выполнили свой долг. Вы много страдали и теперь свободны. Будьте счастливы, да сопутствует вам успех — вот вам мое благословение.

— Я ухожу, — сказал Ромеш, глядя на Комолу.

Девушка молча поклонилась ему до земли.

Словно во сне, вышел Ромеш из дома Чокроборти.

«Хорошо, что я встретил Комолу, — подумал он. — Эта история не кончилась бы добром, не узнай я, что она жива. До сих пор не могу понять, что заставило ее покинуть в ту ночь наш дом в Газипуре. Одно ясно — сейчас я лучший, я предоставлен самому себе и один вступаю в жизнь. С прошлым все кончено».

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Вернувшись домой, Комола узнала, что у Кхемонкори сидят Оннода-бабу и Хемноллини.

— А вот и Хоридаши! — увидев ее, воскликнула Кхемонкори. — Проведи свою подругу к себе, дитя мое. А я вапою чаем Онноду-бабу.

Как только девушки вошли в комнату Комолы, Хемполини объяла ее.

— Комола!

Девушка не выразила особого удивления, только спросила:

— Как вы узнали мое настоящее имя?

— Мне рассказал о тебе один человек. Трудно объяснить почему, но я сразу решила, что ты и есть та самая Комола.

— Сестра, я не хочу, чтобы кто-нибудь знал мое настоящее имя, — сказала Комола. — Оно стало для меня проклятием.

— Но только с его помощью ты сможешь восстановить свои права!

— Нет, — покачала головой Комола. — У меня нет никаких прав, и я не хочу ничего делать насильно.

— Ты что же, так и не откроешься мужу? Почему не верить ему свою судьбу? Не следует ничего скрывать от него.

Комола изменилась в лице. Она беспомощно смотрела на Хемполини, словно искала и не находила ответа. Затем медленно опустила на циновку и тихо сказала:

— Всевышнему известно, что я не совершила никакого преступления. Почему же он заставляет меня терзаться от стыда? За что я так наказана? Ведь я ничем не согрешила? Но как мне поведать все мужу?

— Не наказавше получишь ты, а обретеши покой, сказав ему все, — уговаривала Хемполини. — Пока ты таишь от него правду, ты пребываешь в сетях обмана. Смело разорви их, и всевышний исподлет тебе милость.

— При одной мысли потерять все у меня пропадает решимость, — призналась Комола. — Но я понимаю, что вы хотите сказать. Он узнает все.

И Комола крепко стиснула руки.

— Может, ты хочешь, чтобы это сделал за тебя кто-нибудь другой? — ласково спросила Хемполини.

Девушка энергично покачала головой.

— Нет, нет! Нельзя, чтобы он услышал это от кого-нибудь постороннего. Я сама должна сказать ему о себе. И я найду в себе силы сделать это!

— Так будет лучше, — согласилась Хемполини. — Не знаю, встретимся ли мы с тобой еще. Я пришла сообщить тебе, что мы уезжаем.

— Куда?

— В Калькутту. Не стану больше тебя задерживать. У тебя много дел по утрам. Смотри не забывай свою сестру.

— Напишите мне,— попросила Комола, схватив Хемнолини за руку.

— Конечно, напишу.

— Вы будете советовать мне, как поступить. Я знаю, ваши письма придадут мне силы.

— Об этом можешь не беспокоиться,— улыбнулась Хемнолини.— У тебя будет советчик получше меня.

Сегодня Комола почувствовала жалость к Хемнолини. Спокойное лицо девушки было печально; глядя на нее, хотелось плакать. Но в то же время в Хемнолини было что-то неприступное, что мешало Комоле принужденно разговаривать и расспрашивать ее. Она поведала Хемнолини свою тайну, но та вела себя очень сдержанно и ушла, исполненная безграничной печали и самоотречения, как будто вечные сумерки окутали ее душу.

Весь день Комола слышала ее голос, видела перед собой спокойные, ласковые глаза девушки. Комола ничего не знала о жизни Хемнолини, кроме того, что ее помолвка с Нолипакхо расстроилась.

Утром Хемнолини принесла корзину цветов из своего сада. И Комола после купанья стала плести гирлянду. Пришла Кхемонкори, села с ней рядом.

— Ах, моя девочка!— тяжело вздыхала она.— Сегодня, когда Хем простилась со мной и ушла, не могу даже выразить, что творилось у меня на душе. Она все же милая девушка. Теперь я уже думаю, какое было бы счастье, стань она моей невесткой. Дело-то почти сладилось. Видно, моему сыну не суждено обзавестись семьей. Только он один знает, что заставило его изменить свое решение.

Кхемонкори не хотела сознаваться, что в конце концов она сама воспротивилась этому браку.

Услышав шаги за дверью, Кхемонкори крикнула:

— Это ты, Нолип?

Комола поспешно подобрала гирлянду и цветы в подол сари и накинула его конец на голову.

В комнату вошел Нолипакхо.

— Хем с отцом сегодня уезжают, ты видел их? — спросила Кхемонкори.

— Да, я только сейчас усадил их в экипаж.

— Как хочешь, дорогой, такие девушки, как Хем, редко встречаются,— сказала Кхемонкори таким тоном, словно Нолипакхо всегда ей возражал.

Молодой человек лишь улыбнулся.

— Ты еще улыбаешься! Я добила для тебя согласия Хем, даже дала ей свое благословение. Но ты воспротивился и все разрушил. Неужели ты не раскаиваешься?

Нолипакхо бросил встревоженный взгляд на Комолу. Любящие глаза девушки были устремлены на него. Встретившись с ним взглядом, она смущенно потупилась.

— Неужели, ма, твой сын такой завидный жених, что любая помолвка, какую бы ты ни задумала, должна состояться. Ведь трудно полюбить такого неинтересного и угрюмого человека, как я.

При этих словах Комола подняла голову и увидела, что смеющийся взгляд Нолипакхо обращен к ней. Девушка вновь подумала, что единственное для нее спасение сейчас — бегство.

— Ступай, ступай, нечего болтать, только сердись меня! — упрекнула Кхемонкори сына.

Оставшись одна, Комола сплела большую гирлянду, положила ее в корзину, побрызгала водой и отнесла в комнату Нолипакхо.

Когда она вспомнила о том, что эти цветы — прощальный подарок Хемнолипи, глаза ее наполнились слезами.

Вернувшись к себе в комнату, девушка принялась раздумывать, что бы мог значить этот смеющийся взгляд Нолипакхо. Что он о ней думает? Комоле казалось, что он разгадал ее самые сокровенные мысли. Раньше, когда ей почти не приходилось видеть его, было лучше. А теперь она то и дело сталкивалась с ним. Это наказание за то, что она скрывает от него правду.

«Наверное, он сейчас думает: «Откуда мать взяла эту Хоридаши? Более нескромной особы я не видел», — мучилась Комола. — Ужасно, если он хоть секунду будет думать обо мне так».

В эту ночь, ложась в постель, Комола твердо решила на следующий день во что бы то ни стало признаться ему во всем. А там будь что будет.

Встав на рассвете, Комола пошла купаться. Она ежедневно приносила с Гапги небольшой кувшин воды и, прежде чем приняться хлопотать по хозяйству, мыла и приводила в порядок молельню Нолипакхо. Сегодня, как всегда, она вошла в его кабинет, но застала там самого хозяина, чего раньше в такой ранний час никогда не случалось. Огорченная, что помешали ее уборке, она тихо вышла. Но, пройдя несколько шагов, вдруг остановилась и о

чем-то задумалась. Затем медленно повернула назад и села на пол у дверей молельни. Она не знала, что удерживает ее здесь. Девушка не заметила, сколько времени она провела у дверей. Окружающий мир перестал для нее существовать. Неожиданно она увидела вышедшего из комнаты Нолинакхо, он остановился. В то же мгновение Комола поднялась и, упав на колени, припала к его ногам. Ее длинные, влажные после купанья волосы рассыпались по его стопам. Поднявшись затем с колен, девушка замерла, словно онемев. Она не заметила, что конец сарпи упал с ее головы, не чувствовала, что Нолинакхо пристально смотрит на нее. Комолу словно озарил свет вдохновения. И голос девушки не дрогнул, когда она произнесла:

— Я — Комола.

Звук собственного голоса вывел ее из этого странного состояния, и вся ее целеустремленность мигом исчезла. Комола задрожала всем телом и опустила голову. У нее не хватило сил сдвинуться с места, хотя оставаться было еще мучительнее. Вся ее воля, все силы ушли на то, чтобы сказать: «Я — Комола». Она не знала теперь, куда спрятаться от стыда, и лишь надеялась на милосердие Нолинакхо.

Нолинакхо медленно взял ее руки в свои.

— Я знаю, ты моя Комола. Идем со мной.

Он привел ее в свою молельню и обвил плечо девушки гирляндой.

— Возблагодарим всевышнего, — воскликнул Нолинакхо.

И в тот момент, когда они оба опустились на колени и прикоснулись челом к беломраморному полу, в окно ворвались утренние лучи солнца, озарив их склоненные головы.

Поднявшись с колен, Комола снова взяла прах от ног мужа и почувствовала, что стыд уже больше не терзает ее. То не была восторженная радость — великий вечный покой освобождения в ее сознании сливался с радостным и ясным светом щедрого утреннего солнца. Безбрежная любовь переполняла ее сердце. Ее почитание было так велико, что, казалось, наполнило весь мир ароматом священных благоуханий.

Комок подступил к горлу девушки, и слезы неудержимо полились по ее щекам. Комола плакала и не могла остановиться. Но сегодня то были слезы радости. Они уносили с собой тучи горя, омрачавшие ее жизнь, жизнь сироты.

Нолипакхо не сказал больше ни слова. Только с нежностью откинул упавшие на ее лоб пряди влажных волос и вышел из комнаты.

Жажда Комолы выразить свою любовь не была удовлетворена. Ей не терпелось дать выход переполнявшему ее сердце горячему чувству. Пройдя в спальню мужа, она обвила своей цветочной гирляндой его сандалии, прижалась к ним головой и снова бережно поставила на место.

В тот день Комола хлопотала по хозяйству так, будто служила самому всевышнему. Каждое дело, которое она выполняла, несло на крыльях радости к небу.

— Что с тобой, Хоридаши? — удивлялась Кхемонкорри. — Ты так старательно чистишь, скребешь и моешь дом, словно за один день хочешь превратить его в новый.

Вечером Комола не взялась, как обычно, за вышиванье, а закрылась у себя в комнате. Вошедший к ней с корзиной лилий в руках Нолипакхо застал ее сидящей на полу.

— Поставь эти цветы в воду, Комола, — сказал он. — Не дай им увянуть. Сегодня вечером мы пойдем просить благословение у моей матери.

Комола опустила глаза.

— Ты ведь не знаешь всего, что со мной было.

— Ничего не рассказывай мне, я все знаю.

Комола закрыла лицо руками.

— Но мать... — пачала она и умолкла, не в силах продолжать.

Нолипакхо отнял ее руки от лица.

— Ма за свою жизнь простила людям многие проступки. Она простит и ту, которая ничем не согрешила.

ПРИМЕЧАНИЯ

РОМАНЫ «ПЕСЧИНКА» И «КРУШЕНИЕ»

Публикуемые в настоящем томе два социально-психологических романа — «Песчинка» («Чокербали») и «Крушение» были написаны Р. Тагором в конце XIX — начале XX века.

В истории Индии этот период характеризуется дальнейшим развитием капиталистических отношений и усилением колониальной эксплуатации, ростом крестьянского движения, первыми организованными выступлениями рабочего класса, созданием всендийских политических организаций, и прежде всего, партии Индийский национальный конгресс, сплочением демократических сил, поддерживающих стремление народных масс к национальному и социальному освобождению.

Экономические, социальные и политические изменения в стране, естественно, оказывали определенное воздействие на развитие многонациональной индийской литературы, в том числе литературы бенгали. К началу XX века бенгальская литература сумела преодолеть условный классицизм с его традиционными образами и мифологическим сюжетом.

Среди новых художественных жанров в Бенгалии второй половины XIX века особую популярность приобрел исторический роман. Создателями романа явились Бхудеб Мукхопаддхай (1825—1894) и Ромешчоудро Дотто (1848—1909), но художественное совершенство, яркий национальный колорит этот жанр получил только в творчестве Бопкимчоудро Чоттопаддхая (1838—1894) — по выражению индийских критиков, «бенгальского Вальтера Скотта».

В основу своих романов «Дочь полководца» (1865), «Чоудрошекхор» (1875), «Обитель радости» (1882), «Радж Сингх» (1893) Бопкимчоудро положил реальные события близкого и далекого героического прошлого индийского народа, его справедливую борьбу против

иноземных завоевателей. Написанные в романтическом духе, произведения Бонкимчодро развивали патриотические чувства индийцев, утверждали их веру в свои силы, в конечное торжество освободительных идей.

Наряду с романтизмом, господствовавшим как в прозе (например, исторические романы), так и в поэзии (стихи и поэмы Бихарилала Чоккроборти, Оккхойкумара Борала, Модхушудона Дотто, Хемчодро Бондопаддхайя), в бенгальской литературе конца XIX века постепенно складывается направление реалистическое, представленное сатирой Оккхойкумара Дотто (1820—1886) и Калипрошоно Шипхо (1840—1870), драмами Модхушудона Дотто (1824—1873) и Динободху Миттро (1830—1873) и социально-бытовыми романами Тарокнатха Говгопаддхая (1843—1891) и Бонкимчодро Чоттопаддхая.

Исторические и социально-бытовые романы Бонкимчодро и его современников подготовили благодатную почву для дальнейшего расцвета романа в Бенгалии.

В числе последователей Бонкимчодро выступил и Рабиндранат Тагор. Его первые прозаические произведения на историческую тему — «Берег Бибхи» (1882) и «Раджа-мудрец» (1887) создавались под несомненным воздействием творчества этого большого и многогранного художника.

И к «Берегу Бибхи», и к «Радже-мудрецу» сам Тагор относился весьма критически, считая их далеко не совершенными, и пружен был пятнадцатилетний перерыв после их выхода в свет, чтобы писатель вернулся к жанру романа.

В середине 90-х годов Тагор вступил в зрелую пору своего творчества, когда имя его как драматурга, поэта, музыканта и публициста получило широкую известность во всех слоях индийского общества. В это же время Тагор предстает перед читателем и как автор замечательных рассказов, в которых правдиво и ярко отразилась жизнь простого народа.

Позже, в 1900 году, вышла в свет повесть «Разрушенное гнездо», повесть о сложных и очень противоречивых отношениях в индийской семье. Она явилась переходной ступенью от жанра короткого рассказа к роману, причем роману социально-психологическому. В этой повести, как и в последующих романах, в том числе и в романе «Песчишка», выразителями передовых идей выступают жещины. Из тесных стен онтохпура они рвутся к свету, к знаниям, мечтают о большой любви и подлинной свободе.

В первоначальном черновом варианте, относящемся к началу 1900 года, роман «Песчишка» назывался «Бинодипи» по имени его главной героини. Затем, после неоднократной авторской переработки, произведение получило название «Чокербали» («Сорни-

ка в глазу») и в 1901—1902 годах было впервые опубликовано по частям в журнале «Бонгодоршон».

Известно, что вопрос об эмансипации индийской женщины, освобождении ее от домашнего рабства неоднократно поднимали в печати выдающиеся общественные деятели Индии — Раммохон Рай, Ишворчондро Биддашагор и другие. Во времена Тагора эта проблема не утратила своей остроты.

Трагический образ обездоленной и всеми презираемой женщины-вдовы в 70-х годах XIX века нашел художественное воплощение в романах Бонкимчондро «Ядовитое дерево» и «Завещающие Кришноканто». Этот образ не мог не найти своего отражения и в творчестве Рабиндраната Тагора.

Перед нами героиня «Песчанки» — Бинодини, красивая, умная и очень способная женщина. Несмотря на бедность, родители дали ей хорошее образование, однако обеспечить дочери приданое не могли. Опасаясь, что Бинодини не выйдет замуж, родители готовы выдать ее за кого угодно. Вскоре после свадьбы Бинодини оставалась вдовой. Она обречена на одиночество и полупустынное существование в глухой деревушке. Однако обстоятельства складываются так, что она попадает в Калькутту и здесь, преодолевая многочисленные препятствия, с удивительной настойчивостью и энергией добивается выполнения своего заветного желания — любви скромного и благородного юноши Бихари, который готов соединить с ней свою жизнь. Казалось, еще шаг — и победа на стороне Бинодини! Но молодой вдове слишком дорога чистая любовь Бихари, и она не хочет приносить ее в жертву кастовым и религиозным предрассудкам.

«...наш брак невозможен, — говорит Бинодини. — Законы религии никогда не признают его... Если ты женишься на мне, тебя изгонят из касты, ты окажешься отверженным».

Столь категорический и неожиданный отказ Бинодини от второго замужества некоторые бенгальские критики (например, Пробхаткумар Мукхонаддхай) склонны объяснять стремлением самого Тагора по возможности ослабить ту отрицательную реакцию, которую мог вызвать в обществе того времени роман с вполне счастливой для героини-вдовы развязкой.

На наш взгляд, подобное объяснение страдает весьма существенным недостатком, поскольку целиком и полностью строится на догадке. Мотивировку действий и поступков героини, в том числе ее отказ вступить в брак с любимым и любящим человеком, мы усматриваем не во внешних, привходящих обстоятельствах, а в художественном закономерном развитии этого сложного и противоречивого образа, в той напряженной внутренней психологической борьбе между чувством и долгом, которая ни на миг не прекращается в душе героини.

Теплыми красками нарисован в романе и другой женский образ — образ Аппи. Так же как Бинодини, Аппа стремится к самостоятельности и относительной свободе.

Роман «Песчинка» относится к весьма примечательным и качественно новым явлениям в бенгальской литературе. В отличие от целого ряда произведений индийских авторов того времени, где действиями и поступками героев управляют фантастические, сверхъестественные и божественные силы, в «Песчинке» на первый план выдвигаются психологические моменты. Проникновенное и глубокое раскрытие внутреннего мира героев, их многообразных душевных качеств составляют несомненную заслугу Тагора-романиста. Радиклоххи и Аннапурпе, Аппе и Бинодини, Мохендро и Бххарпи знакомы любовь и ревность, страдание и радость. Перед читателем проходят живые люди, и каждый из них по-своему выражает протест против индуистской ортодоксальной морали, сковывающей развитие человеческой личности.

В художественном отношении «Песчинка» отличается композиционной стройностью, строгостью отбора художественных деталей и образностью языка, в котором не последнюю роль играют использованные писателем афористические жанры народного творчества.

Через два с половиной года после выхода в свет «Песчинки» в том же журнале «Бонгодоршо» появляется роман Р. Тагора «Крушение» (1903—1905).

Само название романа раскрывает главную мысль автора — немишуемое разрушение патриархальных устоев, ломка и крушение старинных нравов, обычаев, верований и понятий под мощным напором новых общественных отношений.

В «Крушении» Тагор значительно раздвигает тематические рамки своего повествования и касается не только проблемы семьи и брака, как это было в «Песчинке», но и многих других проблем. Здесь особое внимание писатель уделяет жизни и быту индийской интеллигенции, вопросам религии и морали.

Чтобы понять сложность ситуации, в которой очутились герои романа Ромеш и Комола, надо иметь в виду, что по моральным кодексам индуизма женщина, получившая приют в доме постороннего мужчины, не может возвратиться к мужу и обречена на одинокую жизнь.

Несмотря на это, Комола отправляется на розыски своего мужа. Ради встречи с ним она готова на любые страдания и лишения.

В оппозиции к старому патриархальному укладу находятся и другие герои романа. Ромеш, которого отец принудил жениться на Шушиле, не может бороться в себе искренних и глубоких чувств

к Хемполини. Хемполини, в свою очередь, является противницей брака «по сговору», а Нолинакхо, несмотря на то что Комолу на некоторое время приютил Ромеш, готов принять ее в свой дом.

В психологии и поступках главных героев «Крушения» отражается то новое, что появилось и начало укрепляться в духовной жизни Индии на рубеже XIX—XX веков.

Известное влияние на роман оказали идеи религиозно-реформаторского и просветительского общества «Брахма-Самадж», в деятельности которого непосредственное участие принимали сам Тагор, его дед и отец.

В «Крушении» писатель показал, какую популярность приобрело общество «Брахма-Самадж» среди бенгальской интеллигенции. Недаром проповеди брахмасамаджиста доктора Нолинакхо находят горячий отклик в сердце Хемполини и ее отца Овиоды-бабу. Идеи «Брахма-Самаджа» оказывают также определенное воздействие на Ромеша, дядюшку Чокроборти и даже на правверную индуистку — мать Нолинакхо, которая при всем своем благочестии не может не считаться со взглядами сына.

Однако не везде и далеко не во всем Тагор усматривал благотворное влияние «Брахма-Самаджа». Вследствие возникших внутри общества разногласий его религиозные и этические доктрины постепенно утратили свое прогрессивное значение. По мнению писателя, идеалы «Брахма-Самаджа» не всегда могли служить целям воспитания воли и характера человека и нередко толкали его на самые противоречивые поступки.

Ярче всего это проявилось в жизни одного из героев романа «Крушение» — Нолинакхо. Проповедник идей «Брахма-Самаджа», Нолинакхо тем не менее всецело подчиняется воле матери, сторонницы ортодоксального индуизма, и всячески поддерживает ее традиционный уклад жизни.

Среди героев романа наибольшей симпатией Тагора пользуются представители простого народа. Комолу писатель наделяет благородством, скромностью, чувством собственного достоинства, постоянством характера и удивительным упорством в достижении намеченной цели. В отличие от Хемполини она — цельная, сильная и энергичная натура.

С большой душевной теплотой и выразительностью нарисованы в романе второстепенные персонажи: заботливый и отзывчивый дядюшка Чокроборти, прообразом которого послужил один из друзей Тагора, сметливый и добрый Умеш.

Так же как «Песчипку», роман «Крушение» бенгальские критики совершенно справедливо считают важной вехой в истории индийской литературы, в развитии и укреплении в ней реалистического метода.

ПЕСЧИНКА

Стр. 8. *Благоприятный взгляд* — часть индийского свадебного обряда, когда невеста открывает лицо.

«Мэм» — здесь: в значении воспитательница-англичанка.

Стр. 9. *Медж-боу* — жена среднего брата.

Стр. 22. *Ботхан* (или боутхан, боудиди или боуди) — почтительно-ласковое обращение к жене старшего брата или друга.

Стр. 26. «*Прекрасней рая*» — выражение из пословицы, популярной в Бенгалии: «Родная деревня — прекрасней рая».

Тари — сок пальмового дерева.

Бонким — Бонкимчодро Чоттопаддхай (1838—1894), *Дино-бондгу Миттро* (1830—1873) — классики бенгальской литературы.

Стр. 32. *Она встала и прикрыла лицо краем сари...* — Согласно обычаю, существующим в индийских семьях, женщины должны закрыть лицо или покинуть комнату, если входит посторонний мужчина.

Стр. 37. «*Ядовитое дерево*» — роман Бонкимчодро Чоттопаддхая, в котором рассказывается, как одна из героинь, вдова, ценой жизни разрушает семью.

Кундо — имя молодой вдовы из романа «Ядовитое дерево».

Стр. 40. *...сегодня чакора предпочитает облако луне?* — По преданию, птица чакора влюблена в луну и кормится только лунным светом (здесь Бинодини сравнивает Ашу с чакорой, Мохендро с луной, а себя — с облаком).

Стр. 46. *Раджпуты* — народ, населяющий область Раджпутавы в Центральной Индии, а также название военнопоземледельческой касты, к которой принадлежит значительная часть феодальной знати.

Стр. 61. *Это будет для меня поистине «приятное чтение».* — Намек на буквальное значение слова «Чарупатх», что значит «приятное чтение».

Стр. 98. *Тхакурно* — здесь: почтительное обращение.

Стр. 100. *Вишнуиты* — почитатели Вишну, бога-хранителя.

Стр. 111. «*Припадаю к твоим лотосоподобным стопам*» — одно из широко распространенных в Бенгалии обращений в письме.

Стр. 114. «*Обитель радости*» — исторический роман Бонкимчодро Чоттопаддхая.

Стр. 117. «*Копалокундола*» — роман Бонкимчодро Чоттопаддхая.

Стр. 130. *...в ушах победно звучали раковины...* — Некоторые виды крупных морских раковин используются в Индии в качестве музыкальных инструментов.

Стр. 142. *Бхishма* — один из героев древнеиндийского эпоса «Махабхарата».

Стр. 147. ...на запад — то есть к западу от Калькутты.

Стр. 152. *Пураны* (от с а н с к р. пурана, букв. древний) — памятники древнеиндийской литературы, посвященные божествам Вишну и Шиве. Написаны на санскрите. Пураны создавались в течение длительного периода. Уже в VII веке они пользовались широкой популярностью в Индии. Пураны — наиболее живая и демократическая форма религиозно-эпической литературы. В отличие от вед, чтение пуран разрешалось женщинам и представителям «низших» каст. Всего известно восемнадцать пуран. Наиболее популярна Бхагавата-пурана.

Стр. 153. *Ангуш* — железный крюк, которым поговяют слонов.

Стр. 161. *Бали* — пригород Калькутты.

Стр. 168. *Мать Хару*. — В Бенгалии слуганок часто называют по имени их детей, обычно — старшего сына. Хару — сын слуганки, о которой идет речь.

Стр. 171. *Гаруда* — в индийской мифологии царь птиц, на нем ездит бог Вишну.

Стр. 175. *Да, милый, огонь скоро понадобится, но не для этого!* — Имеется в виду индийский погребальный обряд — сожжение умершего на костре.

Стр. 180. *Бессмертная пастушка*. — Имеется в виду Радха — возлюбленная бога Кришны.

Стр. 188. *Давай же отныне называть тебя Бинод-Бихари* — игра слов: Бинод-Бихари в переводе означает «тот, кто наслаждается Бинод».

Стр. 189. *Я стану отшельницей, чтобы заслужить тебя в следующем рождении* — согласно религиозно-философским представлениям индусов, человек не умирает, а только перевоплощается, рождаясь в форме иного живого существа или человека. Судьба и положение в жизни каждого человека находятся в прямой зависимости оттого, какой образ жизни вел он в своем прошлом существовании.

Стр. 192. *Пальмовый лист*. — В Индии пальмовые листья употребляют в качестве тарелок.

КРУШЕНИЕ

Стр. 203. *«Брахма-Самадж»* — религиозная организация, основанная в 1828 г. видным просветителем и публицистом Индии Раммохоном Раем. Сторонники «Брахма-Самаджа» призывали к отказу от многих традиций и предрассудков ортодоксального индуизма.

Стр. 227. *Индуизм* — одно из наиболее распространенных в Индии религиозных верований. Ортодоксальный индуизм предусматривает строгое соблюдение обрядности и кастового деления.

Стр. 231. *Майдан* — площадь в центре Калькутты.

Стр. 239. ...их сердца обменяются гирляндами верности...— По индийскому свадебному обычаю, жених и невеста падевают на шею друг другу цветочные гирлянды — символ любви и верности.

Стр. 250. *Бонти*— специальный пож для реакп овощей и фруктов.

Стр. 269. *Кхичури* — тушеные овощи с рисом.

Шил-нора — два плоских камня для растирания пряностей.

Стр. 270. ...он и раньше совершал такого рода грех.— По законам индупзма, человек из высшей касты не имеет права пользоваться посудой членов низших каст и людей, исповедующих иную религию.

Стр. 272. *Не то ты говоришь!*..— Согласно индийской семейной традиции, жена не должна пазывать мужа по имени, чтобы не павлечь па него несчастья.

Мадхусудан — эпитет бога Вишну.

Стр. 286. *Пиринг* и *бето*— сорта салата; *чоччори* — соус па баклажапов, тыквы, листьев цветной капусты и другой зелени.

Стр. 296. *Уччхе*— овощи, употребляемые для приготовления острой приправы, в которую добавляют также специи, пазываемые суктуни.

Стр. 338. *Филипп Сидней* (1554—1586)— английский поэт, погиб, сражаясь за независимость Нидерландов.

Стр. 344. *Ума*— героиня эпической поэмы Калисады: «Кумарасамбхава» («Рождение бога войпы»).

Стр. 345. *Шанкарачарья* (788—820 гг.)— знаменитый комментатор ведической литературы.

Стр. 355. *Миробалан*— плод крупного дерева из семейства молочайных, растущего в Индии. Миробаланы очепь богаты таннидами (дубильными веществами).

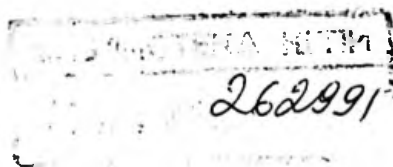
Стр. 383. *Хари* — одно из имен бога Вишну.

Стр. 398. *Паеш*— сладкое блюдо, приготовленное из риса, сахара и молока.

В. Новикова

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСЧНИКА. Роман	
Перевод Е. Бросалиной и И. Товстух	7
КРУШЕНИЕ. Роман	
Перевод Е. Бросалиной и И. Товстух	203
Примечания	440

Рабиндранат Тагор

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 3

Редакторы Л. Пospelова, М. Фишбейн
Художественный редактор Ю. Кононов
Технический редактор Л. Платонова
Корректоры Н. Замятина, В. Широкова

ИБ № 2538

Сдано в набор 17.04.81. Подписано в печать 4.03.82. Бумага тип. № 1. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 23,52. Усл.кр.-отт. 23,04. Уч.-изд. л. 25,33. Тираж 75 000 экз. Заказ № 2965. Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28